

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижский“»

Кижский вестник

Выпуск 19

Петрозаводск
2021

УДК 069.02:93/99+069.02:72+069.02:39(470.22)
ББК 63.5 + 85.113(2Рос.Кар)
К38

Научные редакторы:

кандидат филологических наук *М. Г. Бабалык*
кандидат исторических наук *И. В. Мельников*

Рецензенты:

доктор филологических наук *А. В. Пигин*
кандидат исторических наук *К. Э. Герман*

Кижский вестник. Выпуск 19 : [сборник статей] / Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь». – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021. – 339 с.

УДК 069.02:93/99+069.02:72+069.02:39(470.22)
ББК 63.5 + 85.113(2Рос.Кар)

ISBN 978-5-9274-0910-5 © ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижь“», 2021
© ФИЦ «Карельский научный центр РАН», 2021

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ НА ОСТРОВЕ КИЖИ

Н. М. Мельникова, О. Н. Сергеева
(Музей-заповедник «Кижь», Петрозаводск)

ДОКУМЕНТЫ О СОХРАНЕНИИ И РЕСТАВРАЦИИ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ КИЖСКОГО ПОГОСТА В НАУЧНОМ АРХИВЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Аннотация: В статье представлен обзор документов, хранящихся в научном архиве музея-заповедника «Кижь», в которых нашла отражение деятельность музея по сохранению и реставрации церкви Преображения Господня на острове Кижь.

В научном архиве музея-заповедника «Кижь» хранится большой объем документов, в которых отражена деятельность музея, научных и реставрационных организаций, государственных органов по сохранению, защите и реставрации церкви Преображения Господня Кижского погоста (1714 г.). Среди документов архива – проекты реставрации и отчеты о ремонтно-реставрационных работах, материалы научных исследований, акты обследований состояния конструкций и древесины памятника, административные документы (приказы, постановления, распоряжения государственных органов и т. п.), а также материалы общественных обсуждений способов сохранения храма. Полный перечень хранящихся документов приводится в указателе материалов научного архива, который опубликован на сайте музея-заповедника «Кижь»¹. Отдельным изданием был выпущен указатель научных материалов².

---

¹ <http://kizhi.karelia.ru/library/ukazatel-dokumentov-nauchnogo-arhiva-muzeya-zapovednika-kizhi>

² Научные материалы на бумажных носителях в архиве музея-заповедника «Кижь» / Сост. О. Н. Сергеева. Петрозаводск, 2017. 48 с.

Данная статья представляет собой обзор основных документов по теме реставрации Преображенской церкви, которые хранятся в научном архиве музея-заповедника «Кижы»³. Для удобства восприятия материалы сгруппированы в несколько разделов:

- Материалы 1920–1950-х гг.
- Материалы 1960–1970-х гг.
- Материалы 1980-х гг.
- Документы конца 1980-х гг., отразившие профессиональное и общественное обсуждение методов сохранения Преображенской церкви.
- Личный фонд инженера-конструктора Л. А. Новожилова.
- Документы по сохранению и реставрации иконостасной рамы и икон, а также вопросам воссоздания интерьера Преображенской церкви.
- Материалы 1990-х гг.
- Материалы 2000–2010-х гг.
- Документы по технической защите Кижского архитектурного ансамбля.
- Материалы исследовательского и просветительского характера, подготовленные сотрудниками музея-заповедника «Кижы».
- Документы, отражающие роль ЮНЕСКО в деле сохранения памятников Кижского погоста.
- Фото и видеоматериалы.

Материалы 1920–1950-х гг.

Самым ранним документом архива, в котором идет речь о сохранении Преображенской церкви, является копия выписки из протокола заседания СНК АКССР № 48 от 1 октября 1926 г.⁴ Среди вопросов, рассмотренных на заседании СНК, – ходатайство Народного комиссариата просвещения об отпуске 200 рублей на реставрационные работы на Преображенской и Покровской церквях. Свое ходатайство Наркомпрос мотивировал актом обследования церквей, произведенного 16 августа 1926 г. директором Центральных государственных реставрационных мастерских И. Э. Грабарем. Обследование выявило «срочную необходимость производства некоторых неотложных ремонтных работ для сохранения этих единственных в своем роде памятников старины»⁵. СНК АКССР постановил отпустить в распо-

³ По состоянию на начало 2019 г.

⁴ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1427. Оригинал документа хранится в Национальном архиве Республики Карелия.

⁵ Там же.

ражение Наркомпроса для производства необходимых ремонтных работ из резервного фонда Совнаркома запрашиваемую сумму.

В 1940 г. первые детальные обмеры Преображенской церкви были выполнены аспирантом Московского архитектурного института Л. М. Лисенко, будущим доктором архитектуры, профессором, автором одного из проектов реставрации Преображенской церкви. В архиве музея хранятся копии обмерных чертежей и планов Преображенской церкви, сделанные им в 1940, 1947, 1966, 1973 гг.⁶

После окончания Великой Отечественной войны было проведено обследование памятников Кижского погоста. По результатам были составлены акты обследования Преображенской, Покровской церквей и колокольни, выполненные представителями Главного управления по охране и реставрации памятников архитектуры комитета по делам архитектуры при СНК СССР архитекторами И. К. Рыбченко, А. Н. Буйновым, Л. М. Лисенко 7 сентября 1945 г. Обследование выявило неудовлетворительное общее состояние памятников и их внешних архитектурно-конструктивных элементов. Акты содержат предложения по ремонту, охране и использованию памятников⁷.

Реставрация памятников Кижского погоста 1949–1959 гг. под руководством архитектора А. В. Ополовникова решала две главные задачи: укрепить памятники и восстановить их первоначальный художественный облик. В архиве музея хранится документ 1949 г. – Объяснительная записка А. В. Ополовникова к проекту реставрации Преображенской, Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте Карело-Финской ССР⁸. Документ содержит описание памятников погоста, характеристику их состояния, описание метода реставрации, проекты реставрации обеих церквей и колокольни, дефектные ведомости, сметы на реставрацию и капитальный ремонт.

2 июля 1955 г. представителем Инспекции по охране памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при Совете Министров КФССР М. М. Мечевым и проживающим на Кижском погосте сторожем Н. Г. Маньшиным был составлен акт о результатах обследования Преображенской, Покровской церквей и колокольни⁹. Обследование выявило общее «крайне неудовлетворительное состояние Преображенской церкви, нуждающейся в срочном ремонте и реставрации»¹⁰.

⁶ Там же. Д. 1333–1341.

⁷ Там же. Д. 1428.

⁸ Там же. Д. 1429.

⁹ Там же. Д. 1428.

¹⁰ Там же. Л. 27–28.

Акт обследования содержит необходимые первоочередные мероприятия по ремонту и охране церкви.

В декабре 1957 г. А. В. Ополовниковым был составлен Отчет о реставрации памятников деревянного зодчества – Преображенской и Покровской церквей, а также колокольни на Кижском погосте¹¹. Отчет содержит описание технического состояния всех восстанавливаемых элементов Преображенской церкви накануне реставрации и их искажений позднейшими переделками, аргументацию и документальное обоснование всех восстановительных мероприятий, проводимых в процессе реставрации памятника, описание всех допущенных ошибок и недоделок¹². К сожалению, в отчете отсутствуют заявленные в тексте приложения – альбом фотоиллюстраций с видами памятников и их элементов до реставрации, репродукции обмерных и проектных чертежей, отдельные моменты реставрационного процесса, памятники и их детали после реставрации. Первый раздел отчета посвящен реставрации Преображенской церкви и содержит сведения о реставрации сруба, кровли, крыльца, интерьера, оконных и дверных проемов церкви. Указывается, что на всех памятниках установлены громоотводы¹³. По молниезащите погоста в архиве также имеются копии документов 1949 г. (проектировщик Тихомиров)¹⁴.

Материалы 1960–1970-х гг.

В архиве музея хранятся заключения по проекту инженерного укрепления конструкций Преображенской церкви, разработанному в 1962 г. по заказу Министерства культуры КАССР Всесоюзным производственным научно-реставрационным комбинатом (автор проекта Чельцов)¹⁵. Заключение подготовлено доктором технических наук, профессором Г. Г. Карлсеном в 1964 и 1965 г. Среди документов архива – проект организации работ по первоочередным противоаварийным мероприятиям на Преображенской церкви, подготовленный Центральными научно-реставрационными мастерскими МК СССР¹⁶.

¹¹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2732.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 5, 7, 8.

¹⁴ Там же. Д. 198.

¹⁵ Там же. Д. 583, 587. О проекте 1962 г. см.: НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2073. Л. 86–87 (Набокова О. А. Из истории реставрации Преображенской церкви (Сообщение на научно-практической конференции 26.01.2079 г.) // Доклады конференции по теме «Состояние и меры по дальнейшему совершенствованию научно-исследовательской работы и реставрации памятников музея-заповедника „Кижжи“ в ходе реализации Генерального плана».

¹⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 582.

С 11 по 14 сентября 1968 г. комиссией, созданной Министерством культуры РСФСР, было произведено освидетельствование Преображенской и Покровской церквей. В составленном комиссией акте отражено состояние Преображенской церкви: «Памятник находится в настоящее время в крайне тяжелом состоянии. Древесина значительной части венцов нижнего наружного сруба в ряде мест до 2/3 его высоты поражена гнилью и в очень большой степени ослаблена жизнедеятельностью жучков»¹⁷.

В 1968 г. Областной комитет КПСС и Совет Министров КАССР обратились в Совет Министров СССР с просьбой поручить различным учреждениям разработку проектов инженерного укрепления, химической консервации и пожарной защиты Преображенской церкви¹⁸. Во исполнение распоряжения Совета Министров РСФСР № 936-Р от 30.04.1969 г. и Постановления бюро Областного комитета КПСС и Совета Министров КАССР № 367 «О мерах по сохранению памятников народного деревянного зодчества в Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике „Кижы“ и его дальнейшем развитии» от 31.07.1969 г. начинается разработка проекта инженерного укрепления и восстановления несущих конструкций Преображенской церкви¹⁹.

В 1970 г. Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ) при участии Сенежской лаборатории химической консервации древесины ЦНИИМОД²⁰ и ряда других организаций разработал технический проект инженерного укрепления несущих конструкций Преображенской церкви (научный руководитель С. А. Душечкин)²¹. Проект предлагал осуществить переборку венцов в срубе церкви с помощью силовых лесов. Разработка проекта стала основной частью комплекса мероприятий по укреплению, защите и сохранению Преображенской церкви²².

Помимо самого проекта, в архиве музея хранятся следующие документы, связанные с его разработкой: 1. Техническое задание на разработку индивидуального проекта инженерного укрепления несущих конструкций Преображенской церкви²³. 2. Результаты обследований конструкций и элементов церкви, проведенные в 1969–1970 гг. специалистами

¹⁷ Там же. Д. 1353. Л. 1–15.

¹⁸ Там же. Д. 2073. Л. 90 (Набокова О. А. Из истории реставрации Преображенской церкви ...).

¹⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 175. Л. 9–13.

²⁰ Центральный научно-исследовательский институт механической обработки древесины.

²¹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 580, 1077.

²² Там же. Д. 1077.

²³ Там же. Д. 161.

ЛИСИ²⁴. 3. Обмерные и конструкторские чертежи, выполненные сотрудниками ЛИСИ в 1970–1972 гг.²⁵ 4. Откорректированные копии обмерных и архитектурных чертежей, выполненных архитекторами А. М. Лисенко и Б. В. Гнедовским в 1940 и 1947 г.²⁶, а также архитектором А. В. Ополовниковым в 1949–1956 гг.²⁷ 5. Результаты инструментальных наблюдений за деформациями сруба церкви, выполненные ЛИСИ в 1971 г.²⁸ 6. Рабочий проект восстановления и инженерного укрепления несущих конструкций Преображенской церкви, который включает рабочие чертежи²⁹ и пояснительную записку к разделу по организации строительства³⁰. 7. Проектные предложения ЛИСИ³¹, согласованные и утвержденные на совещании у министра культуры КАССР 19.02.1970 г.³² Также следует упомянуть два варианта технического проекта, представленного ЛИСИ в октябре 1970 г., при разработке которых были учтены замечания Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР³³.

17–19 июля 1972 г. в г. Петрозаводске и на о. Кижы состоялось совещание, на котором обсуждался Проект конструктивного укрепления Преображенской церкви, ее противопожарной и химической защиты³⁴. С сообщением «Проект инженерного укрепления Преображенской церкви» выступал С. А. Душечкин (ЛИСИ). Доклад о системе автоматического пожаротушения, разработанной для шести памятников музея «Кижы»³⁵, был сделан Г. А. Виноградовой, главным инженером Ленинградского специального конструкторского бюро противопожарной автоматики. О работах по химической консервации древесины, проводимых в Кижях Сенежской лабораторией, докладчиком выступал С. Н. Горшин. На совещании были одобрены проектные предложения ЛИСИ по длительному сохранению памятников музея «Кижы» и инже-

²⁴ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 163, 166, 884.

²⁵ Там же. Д. 154, 156, 157, 172, 181.

²⁶ Там же. Д. 1336, 1337, 1338, 1341.

²⁷ Там же. Д. 185, 1342, 1343.

²⁸ Там же. Д. 886.

²⁹ Там же. Д. 177, 1479.

³⁰ Там же. Д. 165.

³¹ Там же. Д. 884.

³² Там же. Д. 1077.

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ Там же. Д. 38 (протокол совещания). Заметим, что это был второй вопрос повестки. Первым вопросом обсуждался Проект Генерального плана развития музея-заповедника «Кижы».

³⁵ Преображенской и Покровской церквей, колокольни, домов Ошевнева и Елизарова, церкви Воскресения Лазаря.

нерно-конструктивному укреплению Преображенской церкви, предложения Сенежской лаборатории Минлесхоза СССР по химической консервации древесины и Ленинградского института противопожарной автоматики по противопожарной безопасности памятников. Среди решений совещания был пункт «Просить трест „Севзапстальконструкций“ принять заказ на изготовление и монтаж металлоконструкций по проекту восстановления и укрепления Преображенской церкви в Кижях»³⁶.

В архиве музея хранятся заключения по проекту ЛИСИ и замечания к проекту архитектора А. В. Ополовникова, эксперта-инженера Н. Полякова, заведующего Сенежской лабораторией консервирования древесины С. Н. Горшина, начальника Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры МК РСФСР И. Маковецкого³⁷.

В 1976 г. научно-реставрационным объединением «Росреставрация» (Москва) были разработаны проектные предложения по разгрузке сруба Преображенской церкви с помощью внутренних металлических или деревянных лесов (главный инженер проекта Н. И. Смирнов)³⁸. Основной особенностью предполагаемого проекта явилась возможность инженерной консервации, то есть частичной разгрузки сруба и сохранения при этом силуэта памятника.

В 1978 г. Московским архитектурным институтом (МАРХИ) был разработан проект инженерного укрепления Преображенской церкви (авторы проекта профессора МАРХИ Л. М. Лисенко и С. А. Иванов)³⁹. Проект предусматривал восстановление конструктивной жесткости здания и проведение консервации древесины, при обязательном условии полного сохранения здания в своем первоначальном виде. Согласно предложениям внутри памятника устанавливался металлический каркас, который принимал на себя основную нагрузку, остановив деформацию сруба церкви. Специалистами МАРХИ также было разработано устройство пристенных «ванн» для химической пропитки стен⁴⁰.

Одновременно с разработкой проекта инженерного укрепления Преображенской церкви Сенежская лаборатория консервации древесины осуществляла разработку научных рекомендаций и вела поиск методов консервации древесины. Для проведения этих работ на о. Кижы был построен полигон, завезены необходимое оборудование и химические препараты. На основании обследования памятника заведующим

³⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 38. Л. 26, 28.

³⁷ Там же. Д. 1077. Л. 65–76, 77–84, 85–90, 98–100.

³⁸ Там же. Д. 169. 187, 900.

³⁹ Там же. Д. 57. 1076, 1347.

⁴⁰ Там же. Д. 1346, 1347.

лабораторией С. Н. Горшиным в 1970 г. было подготовлено заключение о состоянии древесины и конструкций Преображенской церкви⁴¹.

В 1977 г. Карельской СНРПМ был подготовлен проект химической защиты Преображенской церкви⁴². В 1978–1979 гг. ВНИИ древесины (руководитель темы С. Н. Горшин) провел работу и подготовил отчет по теме «Исследование состояния Преображенской церкви в музее „Кижы“ и разработка мероприятий по ее капитальной химической защите без разборки»⁴³. Обследование церкви показало значительное ухудшение состояния ее конструкций. Лабораторией были предложены варианты устранения недостатков, комплекс средств, необходимый для химической защиты конструкций памятника от биоразрушений и возгорания, а также для сохранения эстетики памятника.

В 1986 г. институт «Спецпроектреставрация» (Москва) подготовил проект организации первоочередных работ, связанных с химической обработкой деревянных элементов Преображенской церкви⁴⁴. В 1987 г. проводилась антисептическая обработка локальных участков стен Преображенской церкви, о чем свидетельствуют акты проведения химической обработки⁴⁵.

В январе 1980 г. сотрудниками отраслевой научно-исследовательской лаборатории «Испытания сооружений» ЛИСИ был подготовлен отчет о выполнении работ по восстановлению системы геодезических наблюдений за осадками строительных конструкций Преображенской церкви⁴⁶. Отчет содержит фотофиксацию технического состояния Преображенской церкви.

Среди материалов архива имеется приказ Министерства культуры РСФСР и Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от 22.04.1980 г. «О создании комиссии по экспертизе проектов укрепления Преображенской церкви на о. Кижы», в соответствии с которым комиссия подготовила соответствующие заключения⁴⁷. Из трех представленных проектов рекомендовалось отклонить проект МАРХИ, частично использовать материалы, изложенные в проекте ЛИСИ, одобрить принципиальную идею проекта «Росреставрации» и поручить этому объединению дальнейшую работу над проектом⁴⁸.

⁴¹ НА МЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 56.

⁴² Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 716, 726.

⁴³ Там же. Д. 728, 859.

⁴⁴ Там же. Д. 147.

⁴⁵ Там же. Д. 1370.

⁴⁶ Там же. Д. 284.

⁴⁷ Там же. Д. 1069. Т. 2. Л. 171.

⁴⁸ Там же. Д. 1077. Л. 163.

В архиве также хранятся справки о мерах по сохранению и реставрации церкви, подготовленные в 1970-х гг. сотрудниками музея «Кижи» и специалистами сторонних организаций (составители В. А. Ниemi, Ю. Н. Клюев, Б. В. Гнедовский, В. И. Феднев, О. А. Набокова)⁴⁹.

Материалы 1980-х гг.

В научном архиве музея хранится большой объем документации, подготовленной проектным институтом по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» (Москва). Разработанный институтом в 1979–1981 гг. проект реставрации Преображенской церкви (главный инженер проекта Н. И. Смирнов) включает разделы по противоаварийным мероприятиям на памятнике, в том числе первоочередные противоаварийные мероприятия, проектные предложения по консервации и укреплению церкви, проекты разгрузочных металлоконструкций, технологическую часть по консервации памятника, проект организации работ по монтажу металлоконструкций⁵⁰. В архиве хранятся копии приказов МК РСФСР о создании авторского коллектива для организации и проектирования реставрационных работ на Преображенской церкви от 26.08.1980 г.⁵¹, об организации противоаварийных работ на памятнике от 19.09.1980 г.⁵²

В 1980–1981 гг. институт «Спецпроектреставрация» на основании исследований, выполненных в 1976–1981 гг. специалистами объединения «Росреставрация», и инструментальных наблюдений за деформациями Преображенской церкви, выполненных в 1969–1980 гг. специалистами ЛИСИ, подготовил комплексное инженерное заключение о техническом состоянии конструкций Преображенской церкви⁵³ и график работ по ее инженерному укреплению и реставрации в 1980–1986 гг.⁵⁴

Результаты обследования состояния деревянных конструкций Преображенской церкви в 1981 г. представлены институтом «Спецпроектреставрация» в соответствующем заключении⁵⁵, а геодезические наблюдения за деформациями фасадов Преображенской церкви, проведенные в 1983 и 1985 г., – в соответствующих отчетах⁵⁶.

В архиве музея хранится проектная документация по инженерному укреплению и реставрации Преображенской церкви, подготовленная

⁴⁹ Там же. Д. 1356.

⁵⁰ Там же. Д. 7, 14, 51, 70, 74–76, 148, 160, 162, 717, 721, 731, 1350.

⁵¹ Там же. Д. 1355. Л. 5–6. Д. 1069. Л. 195–196.

⁵² Там же. Д. 1069. Л. 204–205.

⁵³ Там же. Д. 581.

⁵⁴ Там же. Д. 718. Л. 5.

⁵⁵ Там же. Д. 1364.

⁵⁶ Там же. Д. 579, 862.

институтом «Спецпроектреставрация» в 1980–1987 гг. (главный архитектор проекта Б. П. Зайцев, главный инженер проекта Н. И. Смирнов). В том числе: 1. Проект архитектурной реставрации церкви. 2. Проект переборки церкви с предварительной рубкой. 3. Варианты переборки сруба. 4. Рабочие чертежи проекта реставрации, в том числе чертежи для восстановления лемехового покрытия церкви, фрагментов и деталей экстерьера, по организации строительно-монтажных работ. 5. Документы по выбору, заготовке, оценке качества древесины для реставрации церкви, а также отражающие состояние древесины памятника. 6. Документация по проектированию реставрационно-производственных площадок в районе деревни Васильево и у погоста⁵⁷.

В 1989 г. Творческое производственное объединение «Ландшафтная архитектура» (Петрозаводск) подготовило заключение по проверке материалов и документов по проблеме реставрации Преображенской церкви, разработанных институтом «Спецпроектреставрация»⁵⁸.

В 1980-е гг. В. А. Крохин, архитектор Карельского СНРУ, в связи с намеченными крупными реставрационными работами на церкви, провел исследование, посвященное пропорциональному анализу Преображенской церкви. Им была рассмотрена вентиляция помещений и конструкций в церкви⁵⁹.

В 1989 г. Ленинградская лесотехническая академия им. С. М. Кирова провела обследование состояния древесины Преображенской церкви с применением радиоизотопного метода гамма-гамма плотнометрии с использованием гамма-плотномера древесины РГПД-3, результаты обследования отражены в отчете⁶⁰.

В 1989 г. Кировский межвузовский хозрасчетный центр «Наука» провел исследование и подготовил промежуточный отчет «Инженерные расчеты основных конструктивных элементов и частей Преображенской церкви на о. Кижы. Расчет системы четвериковых балок 1-го уровня»⁶¹.

Большой блок документов архива датируется 1990 г. В частности, в этом году специалистами ГПИ «Ленпроектстальконструкция» под руководством И. К. Рашы было проведено обследование кровельных покрытий церкви⁶² и подготовлено техническое решение по подъему

⁵⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5, 15, 23, 35, 36, 43, 44, 46, 49, 52, 53, 58, 59, 60-62, 63, 65, 78, 79, 81, 82, 85-87, 91, 96, 98, 100, 102, 105, 108-111, 113, 115, 116, 119, 124, 131-133, 147, 286, 700, 705, 707, 719, 723, 800, 814, 861, 883, 887, 1069, 1342, 1365, 1825-1829, 1831-1834, 1356, 1786.

⁵⁸ Там же. Д. 1074.

⁵⁹ Там же. Д. 838.

⁶⁰ Там же. Д. 836.

⁶¹ Там же. Д. 778.

⁶² Там же. Д. 698, 808.

несущих конструкций для обеспечения ремонта здания церкви⁶³. Группой конструкторов ОКБ «Реактор» ПО «Завод „Большевик“» (Ленинград) было разработано техническое предложение «Компенсаторы пружинные для разгрузки сруба Преображенской церкви на о. Кижи»⁶⁴. Особое конструкторское бюро станкостроения Ленинградского станкостроительного объединения имени Я. М. Свердлова подготовило «Техническое предложение на гидравлическую систему разгрузки сруба Преображенской церкви»⁶⁵. Кооператив «Геодезист» (Днепропетровск) выполнил объемно-обмерные работы с целью определения размеров и взаимного расположения основных конструктивных и архитектурных элементов церкви и их возможных деформаций⁶⁶.

Среди других документов архива следует назвать журналы производства работ на Преображенской церкви и журналы архитектурно-авторского надзора за 1980–1988 гг.⁶⁷, справки о мерах по сохранению и реставрации церкви, состоянию древесины сруба и конструкций памятника, подготовленные сотрудниками музея «Кижи» (составители С. В. Куликов, Г. Ю. Бурканов, А. Т. Яскеляйнен, Д. Д. Луговой)⁶⁸.

Документы конца 1980-х гг., отразившие профессиональное и общественное обсуждение методов сохранения Преображенской церкви

В архиве сохранился протокол заседания ученого совета музея от 16 января 1986 г., на котором обсуждался проект реставрации и инженерного укрепления Преображенской церкви, выполненный в 1985 г. проектным институтом «Спецпроектреставрация»⁶⁹. Ученый совет отклонил проектные предложения по замене Преображенской церкви макетом в натуральную величину (с переносом памятника на другое место и расчленением его на 4 объема) как несоответствующие реставрационному заданию, методологически необоснованные и противоречащие принципам научной реставрации⁷⁰. Было принято решение обратиться в Центральный Совет ВООПИК с просьбой организовать всесоюзное обсуждение вопроса по сохранению Преображенской церкви с привлечением общественности и научных сил и взять под особый контроль работы по сохранению

⁶³ Там же. Д. 745.

⁶⁴ Там же. Д. 818.

⁶⁵ Там же. Д. 858.

⁶⁶ Там же. Д. 652.

⁶⁷ Там же. Д. 894–896, 1059, 2307.

⁶⁸ Там же. Д. 1356, 1377.

⁶⁹ Там же. Д. 2110.

⁷⁰ Там же. Л. 24.

памятника⁷¹. Ученый совет отметил необходимость сохранения Преображенской церкви на месте ее возведения и сохранение ее подлинного сруба на максимально возможный срок. Совет определил первоочередные задачи по сохранению церкви, которые включали: проведение дополнительного исследования древесины каждого конструктивного элемента памятника и, в целом, сруба; разработку комплексной программы по огнебиозащите и укреплению древесины памятников деревянного зодчества под эгидой Государственного Комитета СССР по науке и технике; доработку проектно-сметной документации по дальнейшему инженерному укреплению Преображенской церкви; разработку научно-обоснованных рекомендаций по эксплуатации памятника на внутреннем металлическом каркасе; работы по аварийному ремонту кровель⁷².

В документах 1988–1989 гг. нашло отражение мнение по вопросу сохранения Преображенской церкви исследователей деревянного зодчества Л. М. Лисенко, В. П. Орфинского, М. И. Мильчика, И. Н. Шургина, Е. В. Вахрамеева; специалиста по русской средневековой литературе и культуре Д. С. Лихачева, искусствоведа А. И. Комеча; сотрудников музея «Кижь» М. В. Лопаткина, Г. Ю. Бурканова, И. М. Гурвич, сотрудников Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства, представителей органов государственной власти, научной и творческой общественности⁷³. 10.10.1989 г. состоялось заседание президиума НМС МК СССР, на котором обсуждались вопросы о состоянии реставрации Преображенской церкви⁷⁴.

В 1990 г. с целью содействия работам по сохранению Преображенской церкви решением общего собрания сотрудников музея «Кижь» было объявлено об организации Общественного фонда Преображенской церкви, в задачи которого должно было войти накопление денежных средств независимо от официальных каналов для финансирования научно-исследовательских и реставрационных работ на Преображенской церкви⁷⁵.

Личный фонд инженера-конструктора Л. А. Новожилова

В архиве музея хранится личный фонд инженера-конструктора Л. А. Новожилова, который насчитывает 63 ед. хр.⁷⁶ В 1988–1992 гг. по договору с музеем-заповедником «Кижь» Л. А. Новожилов выполнил

⁷¹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2110. Л. 24.

⁷² Там же. Л. 24–25.

⁷³ Там же. Д. 1009, 1068, 1355.

⁷⁴ Там же. Д. 1430. Л. 119–130.

⁷⁵ Там же. Д. 1191.

⁷⁶ Там же. Ф. 4.

комплексное инструментально-натурное и экспериментальное расчетно-лабораторное исследование надежности несущих конструкций Преображенской церкви⁷⁷. Результаты исследования представлены в работе «Материаловедческие и расчетно-конструкторские исследования работоспособности конструкций Преображенской церкви, диагностика надежности памятника как сооружения и проектные решения по его укреплению»⁷⁸. Работа содержит оценку состояния несущих конструкций сооружения, их работоспособности и пределов надежности. Она оформлена в виде альбома, снабжена чертежами, таблицами и фотографиями⁷⁹. В рукописных и опубликованных материалах Л. А. Новожилова дана диагностика состояния конструкций Преображенской церкви, основные, на взгляд исследователя, ошибки предыдущих реставраций, анализ научно-практической работы других специалистов⁸⁰. В фонде хранится научно-практическое издание Л. А. Новожилова «Реставрация Преображенского собора в Кижках»⁸¹ и рукопись книги⁸². Документы содержат исследование причин наклона и ошибочных решений при реставрации памятника, опыт практической инженерно-экспертной проверки натурального состояния сооружения⁸³. Книга и рукопись иллюстрированы фотографиями, натурными чертежами, картограммами.

Также в личном фонде Л. А. Новожилова хранятся материалы других специалистов, собранные им для своих исследований. Среди этих документов особо следует выделить: 1. Пояснительную записку к инженерно-геологическим работам и чертежи «Определение деформаций Преображенской церкви», выполненные по заказу Управления по делам строительства и архитектуры при Совете Министров КАССР в 1963 г.⁸⁴ 2. Заключение о состоянии и неотложных мерах по сохранению от дальнейшего разрушения Преображенской и Покровской церквей, подготовленное специалистами Петрозаводского государственного университета и Института леса Карельского филиала АН СССР в 1968 г.⁸⁵ 3. Заключение о техническом состоянии Преображенской церкви, подготовленное специалистами Московского архитектурного института по итогам

---

⁷⁷ Там же. Оп. 1. Д. 20, л. 2

⁷⁸ Там же. Д. 1

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Д. 2, 30, 32, 37, 40, 42, 43, 44

⁸¹ Новожилов Л. А. Реставрация Преображенского собора в Кижках. М., 2009 (НА МЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.)

⁸² НА МЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42.

⁸³ Там же. Д. 3, 42.

⁸⁴ Там же. Д. 52.

⁸⁵ Там же. Д. 54.

обследования церкви в 1986 г.⁸⁶ 4. Подготовленные сотрудниками Ленинградской лесотехнической академии в 1985–1986 гг. отчет «Оценка состояния древесины Преображенской церкви методом гамма-гамма плотнометрии»⁸⁷ и техническая справка «Комплексная оценка древесины памятников деревянного зодчества на о. Кижы и разработка рекомендаций для проведения реставрационных работ по состоянию на 30.06.1988 г.»⁸⁸. 5. Отчет по теме «Прочность древесины после длительного периода использования в строительных конструкциях», выполненный в рамках сотрудничества музея «Кижы» и Калининского политехнического института в 1988 г.⁸⁹

В фонде хранится переписка Л. А. Новожилова по проблемам реставрации Преображенской церкви с Министерством культуры Российской Федерации, с институтом «Спецпроектреставрация», музеем «Кижы»; его обращения на имя Председателя Правительства РФ В. В. Путина, Генерального директора ЮНЕСКО И. Боковой, Президента ИКОМОС Г. Араоса, Ответственного секретаря Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО Г. Э. Орджоникидзе, Председателя Российского комитета Всемирного наследия И. И. Маковецкого, Президента Российской академии архитектуры и строительных наук А. П. Кудрявцева; протоколы заседаний Технического совета МК РФ (от 19.09.2008 г.) и Академического совета по охране, реконструкции и реставрации архитектурного и градостроительного наследия (от 21.01.2010 г.), в работе которых принимал участие Л. А. Новожилов⁹⁰. Следует обратить внимание на то, что в упомянутом заседании Академического совета принимали участие директор музея «Кижы» Е. В. Аверьянова, заместитель директора Н. Л. Попов, главный архитектор проекта комплексной реставрации Преображенской церкви В. С. Рахманов, главный инженер проекта И. К. Раша, академик В. П. Орфинский, Президент Российской академии архитектуры и строительных наук А. П. Кудрявцев, Председатель Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Г. Н. Маланичева и другие представители органов государственной власти, научных и реставрационных учреждений, общественных организаций.

В фонде хранится фотоальбом «Ансамбль Кижского погоста. Преображенская церковь» (автор-составитель архитектор Л. М. Лисенко, 1978 г.). Обмеры, исследование, реконструкции и фотографии в альбоме выполнены Л. М. Лисенко (обмеры в 1940, 1945, 1947 гг., фотографии

⁸⁶ НА МЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15.

⁸⁷ Там же. Д. 58.

⁸⁸ Там же. Д. 61.

⁸⁹ Там же. Д. 18.

⁹⁰ Там же. Д. 19, 20, 29, 39, 41, 53, 62, 63.

погоста в 1960-е гг.). Фотоальбом был подготовлен для методического фонда кафедры «Основы архитектурного проектирования» МАРХИ и подарен Л. А. Новожилову академиком А. В. Степановым.

Документы по сохранению и реставрации иконостасной рамы и икон, а также вопросам воссоздания интерьера Преображенской церкви

В архиве музея хранятся документы 1980–1981 гг., касающиеся демонтажа иконостаса Преображенской церкви: результаты обследования иконостаса и отчет о демонтаже⁹¹, копии приказов Министерства культуры РСФСР от 28.08.1980 г. и Министерства культуры КАССР от 05.09.1980 г. «О разборке иконостаса Преображенской церкви»⁹², рабочие чертежи по маркировке иконостаса⁹³ и его стереообмеры⁹⁴.

В августе 1983 г. Министерство культуры КАССР обратилось с письмом в Министерство культуры РСФСР с просьбой о привлечении специалистов межобластной СНРПМ к дополнительным работам по реставрации фрагментов тяблового иконостаса и «неба» Преображенской церкви, о выделении дополнительных средств, а также включении этих работ в план межобластной СНРПМ⁹⁵.

В архиве хранятся две работы В. А. Гушиной 1983 и 1984 г., посвященные вопросу воссоздания первоначального интерьера Преображенской церкви⁹⁶. В феврале 1982 г. на совещании по обсуждению проекта реставрации Преображенской церкви в МК КАССР музеем было предложено изучить возможность воссоздания интерьера Преображенской церкви в формах, близких его первоначальному облику. В результате реставрации 1949–1959 гг. экстерьеру памятника был возвращен первоначальный вид: сняты появившиеся в XIX в. тесовая обшивка и железное покрытие глав. Интерьер же церкви, за исключением снятия внутренней тесовой обшивки, был оставлен без изменений, то есть более поздний. Такое реставрационное решение привело к явному несоответствию первоначального экстерьера церкви и ее более позднего интерьера между собой. Одновременное сосуществование барочного иконостаса и тяблового каркаса «неба», частично сохранившегося от первоначального убранства церкви, усиливало это несоответствие. Рассмотрение возможности вос-

⁹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1358.

⁹² Там же. Д. 1069. Л. 199. Д. 1431. Л. 14–15.

⁹³ Там же. Д. 44, 1359.

⁹⁴ Там же. Д. 1823.

⁹⁵ Там же. Д. 1788. Лл. 9–13.

⁹⁶ Там же. Д. 3521.

создания первоначального интерьера Преображенской церкви, хотя бы в чисто теоретическом плане, и стало целью данных работ, являющихся по сути двумя редакциями одного текста.

Вопросы методики реставрации иконостаса Преображенской церкви, сохранения золоченого покрытия иконостасной рамы нашли отражение в архивных документах 1993–1994 гг.: приказах, планах, актах, справках, результатах химических анализов⁹⁷. В архиве также хранится отчет финского реставратора Пентти Пиетарила, составленный по результатам визита в музей и знакомства с иконостасом Преображенской церкви в августе 1993 г.⁹⁸

В архиве хранятся два тематико-экспозиционных плана (ТЭПа) восстановления интерьера Преображенской церкви, которое должно быть выполнено в рамках комплексной реставрации памятника. ТЭПы подготовлены хранителем коллекции древнерусской живописи музея Г. И. Фроловой в 2012 и 2014 г. Документ 2012 г.⁹⁹ является проектом ТЭПа реконструкции церковного интерьера, документ 2014 г.¹⁰⁰ подготовлен по итогам обсуждения первоначального варианта на научно-методическом совете музея и с учетом высказанных замечаний, рекомендаций, предложений. В качестве приложений оба документа содержат обзор архивных источников по теме «История внутреннего убранства Преображенской церкви». В ТЭПе 2014 г. в приложения вынесены также списки сохранившихся икон и деталей иконостаса церкви, предметов церковного интерьера.

Среди других документов по этой теме отметим копию протокола заседания реставрационного совета музея от 24.08.1998 г., на котором обсуждались реставрационное задание по консервации росписи тябел Преображенской церкви¹⁰¹, и воспоминания искусствоведа и реставратора древнерусской живописи В. Г. Брюсовой о командировке на о. Кижы в июне 1945 г. с целью разбора и аварийной реставрации икон Преображенской церкви (2006 г.)¹⁰².

Материалы 1990-х гг.

В 1991 г. специалисты кооператива «Геодезист» произвели определение геодезическими методами положения венцов восьмериков и прирубов Преображенской церкви и подготовили соответствующий от-

⁹⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1789, 2302.

⁹⁸ Там же. Д. 1274.

⁹⁹ Там же. Д. 4162.

¹⁰⁰ Там же. Д. 4404.

¹⁰¹ Там же. Д. 3777.

¹⁰² Там же. Д. 4102.

чет¹⁰³. Тогда же, в 1991 г., Д. Е. Патенко подготовил отчет «Определение размеров и деформаций основных конструктивно-архитектурных элементов Преображенской церкви фотограмметрическим методом»¹⁰⁴. Кооператив «Реконструкция» при ГПИ «Ленпроектстальконструкция» произвел обследование конструкций церкви в зонах установки упругих опор и подготовил проект их установки¹⁰⁵. НТЦ «Геополис» при ЛИСИ провел научно-исследовательскую работу по теме «Разработка полимерных конструкционных материалов для обеспечения эксплуатационной пригодности сруба Преображенской церкви»¹⁰⁶.

В 1992 г. Научно-производственный инженерный центр строительных конструкций (Киров) провел исследование по разработке расчетной модели церкви вычислительным методом¹⁰⁷. В том же году кафедра геодезии Днепропетровского горного института им. Артема подготовила отчет по фотограмметрическим наблюдениям церкви, выполненным в 1989–1991 гг.¹⁰⁸, а предприятие «Гипротест» (Санкт-Петербург) исследовало механические показатели материала конструкций церкви и подготовило отчет «Прочностные и упругие характеристики древесины конструкций Преображенской церкви на о. Кижи»¹⁰⁹.

Среди материалов архива имеется текст статьи «Обеспечение надежности конструкций Преображенской церкви на острове Кижи» (авторы И. Р. Довгард, Б. И. Любаров, И. К. Раша), где рассматривается инженерное решение по обеспечению надежности конструкций церкви¹¹⁰.

В 1993 г. профессор Ю. В. Пискунов подготовил сообщение «Построение расчетной модели здания Преображенской церкви по результатам обследований»¹¹¹. Институт «Спецпроектреставрация» определил конкретные величины деформации Преображенской и Покровской церквей с применением комплексного фотограмметрического метода, им были подготовлены стереофотограмметрические обмеры фасадов церквей¹¹², планово-высотная цифровая модель контроля за деформациями¹¹³. Научно-производственный инженерный центр строительных конструкций (Киров) подготовил реферат

¹⁰³ Там же. Д. 651.

¹⁰⁴ Там же. Д. 682.

¹⁰⁵ Там же. Д. 695.

¹⁰⁶ Там же. Д. 776.

¹⁰⁷ Там же. Д. 1791.

¹⁰⁸ Там же. Д. 652, 682, 683.

¹⁰⁹ Там же. Д. 653.

¹¹⁰ Там же. Д. 699.

¹¹¹ Там же. Д. 1384.

¹¹² Там же. Д. 1792, 1793, 1851.

¹¹³ Там же. Д. 1260.

на тему «Исследование и реставрация Преображенской церкви на острове Кижь»¹¹⁴. Целью работы была разработка методики оценки прочности, устойчивости и эксплуатационной надежности церкви.

В 1995–1998 гг. институтом «Спецпроектреставрация» выполнен комплекс стереофотограмметрических и геодезических работ по определению возможных деформаций внешних фасадов Преображенской и Покровской церквей, проведен мониторинг наблюдений¹¹⁵.

В 1996 г. под руководством Ю. В. Пискунова Научно-производственным инженерным центром строительных конструкций (Киров) и ЗАО «Лад» (Петрозаводск) был разработан эскизный проект инженерного усиления Преображенской церкви (по заказу музея «Кижь» на основании рекомендаций ИКОМОС и утвержденного Министерством культуры РФ задания на проектирование)¹¹⁶.

В 1998 г. ЗАО «Лад» подготовило историческую справку к проекту сохранения Преображенской церкви¹¹⁷. С целью уточнения назначения разобранных в 1982–1983 гг. и складированных конструкций церкви, их состояния и возможности восстановления и использования в памятнике была проведена инвентаризация склада спецлеса для реставрации Преображенской церкви, работа отразилась в отчете о проведенной инвентаризации¹¹⁸.

В сентябре 1998 г. ЗАО «Коммуналпроект» (Петрозаводск) были выполнены инженерно-геологические изыскания для определения состава грунтов основания Преображенской церкви¹¹⁹. Институт «Спецпроектреставрация» выполнил геодезические работы по мониторингу деформаций церкви¹²⁰. Научно-производственный инженерный центр строительных конструкций (Киров) подготовил технический проект систем усиления Преображенской церкви¹²¹.

С 1998 г. сотрудники Института леса КарНЦ РАН проводят исследования состояния древесины Преображенской церкви, результаты которых отражены в хранящихся в архиве отчетах¹²², мониторингах био-разрушений древесины¹²³. Ими же создан Атлас дефектов древесины

¹¹⁴ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1259.

¹¹⁵ Там же. Д. 1264, 1843, 1844, 1853.

¹¹⁶ Там же. Д. 1392–1394, 1797–1799, 1803, 1955, 1956.

¹¹⁷ Там же. Д. 1802.

¹¹⁸ Там же. Д. 1805.

¹¹⁹ Там же. Д. 1801.

¹²⁰ Там же. Д. 1963.

¹²¹ Там же. Д. 1806.

¹²² Там же. Д. 1262, 1265.

¹²³ Там же. Д. 1800, 1807, 1808, 1965, 2295, 2472, 2473, 2474, 2683, 2684, 2785–2788, 4512, 4513.

Преображенской и Покровской церквей¹²⁴. Проведены микологическое исследование состояния древесины, датирование элементов церкви. В архиве сохранились первичные материалы (ленты термографов и гигрографов, диаграммы)¹²⁵. В деле «Документы по биохимическим и другим видам исследований состояния древесины памятников архитектуры»¹²⁶ отложились планы, протоколы, договоры, переписка, акты, сметы по вопросам защиты древесины.

В 1999 г. институтом «Спецпроектреставрация» (Санкт-Петербург) была разработана Концепция комплексной консервации Преображенской церкви (научный руководитель Т. И. Вахрамеева, руководители разделов проекта В. С. Рахманов, Ю. В. Пискунов, В. А. Козлов, Н. Л. Попов)¹²⁷. Документ содержит основные принципы реставрации, анализ ранее подготовленной документации по консервации и реставрации церкви, краткое описание ранее проводимых работ на памятнике и технического состояния церкви, основные выводы, задачи и рекомендации по консервации памятника, сущность предлагаемого метода консервации. В архиве музея хранится большой объем документов, связанных с разработкой данного проекта, его корректировкой, отчетами о выполнении работ по реализации этого проекта.

Среди документов 1999 г. также следует упомянуть отчет об исследовании подклетов трапезной Преображенской церкви¹²⁸.

В 2000 г. НИИ «Спецпроектреставрация» подготовлен Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви (главный архитектор проекта В. С. Рахманов)¹²⁹. В состав проекта входят архитектурно-реставрационный раздел, технологии реставрационных работ, система инженерного усиления памятника, системы охранно-пожарной сигнализации и пожаротушения на период реставрации церкви. Проектная документация также включает архитектурно-конструктивные исследования памятника, мониторинг его деформаций, материалы по обследованию фундамента, подклета, внутренних конструкций церкви, анализ состояния древесины, фотофиксацию состояния церкви на 2000 г., систематизацию сведений по истории строительства, ремонтов, исследований и реставрации памятника. Проект содержит два приложения: сводный отчет «Мониторинг биоразрушений древесины

¹²⁴ Там же. Д. 1856, 1857.

¹²⁵ Там же. Д. 1266, 1387, 1390, 1391.

¹²⁶ Там же. Д. 1862.

¹²⁷ Там же. Д. 1957, 1958.

¹²⁸ Там же. Д. 2102.

¹²⁹ Там же. Д. 1966–1975, 3270.

Преображенской церкви Кижского погоста» (подготовлен Институтом леса КарНЦ РАН)¹³⁰ и таблицы визуального обследования бревен Преображенской церкви по характеру разрушений (подготовлены ЗАО «Лад»)¹³¹.

Материалы 2000–2010-х гг.

Реставрация и сохранение Преображенской церкви стали составной частью Техничко-экономического обоснования (ТЭО) развития музея-заповедника «Кижь», разработанного в 1998–2001 гг. ИЦ «Штрих» (Петрозаводск)¹³². ТЭО определило неотложные и первоочередные мероприятия на 5 лет – до 2005 г. и на расчетный срок – до 2010 г. на основе комплексной оценки всех составляющих факторов развития музея с выявлением приоритетов. В состав ТЭО вошел целый ряд документов, непосредственно связанных с решением проблем реставрации и сохранения Преображенской церкви. В числе таких документов: Программа мероприятий по сохранению памятников архитектуры на период с 1999 по 2004 г., в том числе профилактические работы (поддерживающий ремонт) и реставрация Преображенской церкви, включая реставрацию иконостаса церкви; Проектное решение Комплексной системы автоматического пожаротушения, охранно-пожарной сигнализации и телевизионного наблюдения памятников Кижского погоста; Мероприятия по противопожарной безопасности; Организация строительства производственной базы центра реставрации в составе блока цехов с учебно-бытовыми помещениями, склада ГСМ, закрытой стоянки на 6 автомашин, склада пиломатериалов, склада конструкций Преображенской церкви, грузового причала базы.

В 2001 г. ГП НИИ «Спецпроектреставрация» (Санкт-Петербург) был разработан 1-й этап рабочего проекта комплексной реставрации Преображенской церкви – технический проект системы усиления конструкций памятника (главный архитектор проекта В. С. Рахманов, научный руководитель Ю. В. Пискунов)¹³³.

В архиве музея хранится документация по проекту подъема конструкций Преображенской церкви, подготовленная ООО «Предприятие „Стройреконструкция“» ГП НИИ «Спецпроектреставрация»

¹³⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1966.

¹³¹ Там же. Д. 1967. В архиве музея также хранится документ «Эскизный проект реставрации. Чертежи по разделам на пояса» (2000 г.), автор и изготовитель которого не указаны (НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3976а).

¹³² НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3085–3094. Утверждено Правительством Республики Карелия в 2002 г. (Распоряжение Председателя Правительства РК от 01.03.2002 г.).

¹³³ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4421.

(главный инженер И. К. Раша) (2002 г.)¹³⁴ и НИИ «Спецпроектреставрация» (главный архитектор проекта В. С. Рахманов) (2003 г.)¹³⁵.

В архиве хранится большой объем отчетов о научных исследованиях, выполненных в связи с разработкой и реализацией проекта комплексной реставрации Преображенской церкви: 1. Отчеты о геодезических работах по мониторингу деформаций памятников погоста (2000–2007 гг., 2009–2016 гг.)¹³⁶. 2. Отчет об исследовании микроклимата Преображенской церкви (2003 г.)¹³⁷. 3. Отчет об исследовании состояния древесины (2003 г.)¹³⁸. 4. Отчет о разработке методики дефектоскопии бревен (2005 г.)¹³⁹. 5. Отчет об обследовании грунтов вблизи фундаментов церкви (2005 г.)¹⁴⁰. 6. Отчет о работе по лазерному сканированию церкви, целью которой стало детальное фиксирование существующего пространственного положения элементов и конструкций церкви и построение ее цифровой трехмерной модели (2006 г.)¹⁴¹. 7. Отчет о выполнении первого этапа работ комплексного трехмерного обследования Преображенской церкви (2010 г.)¹⁴².

Ряд материалов подготовлен ООО «Проектно-консалтинговая фирма „Стройреконструкция“» (Санкт-Петербург). Так, в 2011 г. с целью разработки вариантов усиления конструкций сруба Преображенской церкви, для сравнения их достоинств и недостатков, для выбора варианта, по которому в процессе реставрации будут выполнены необходимые усиления, была выполнена работа «Анализ современного состояния несущих исторических срубовых конструкций церкви и оценка их надежности»¹⁴³. В 2013 г. на основе многолетних исследований прочностных и деформационных свойств отдельных элементов и конструкций сруба церкви был подготовлен научный отчет «Инженерно-конструктивные исследования по элементам и деталям в силовом вспомогательном каркасе и каркасе лифтинга внутри церкви для частичной переустановки его элементов. Технологические указания»¹⁴⁴.

---

¹³⁴ Там же. Д. 3973.

¹³⁵ Там же. Д. 4423.

¹³⁶ Там же. Д. 1964, 2289, 2290, 2291, 2475, 3104, 3105, 3156, 3157, 3281, 3412, 3795, 3990, 4228, 4428, 4430, 4511, 4514.

¹³⁷ Там же. Д. 2293.

¹³⁸ Там же. Д. 2294.

¹³⁹ Там же. Д. 2766.

¹⁴⁰ Там же. Д. 3100.

¹⁴¹ Там же. Д. 3101.

¹⁴² Там же. Д. 3413.

¹⁴³ Там же. Д. 3980.

¹⁴⁴ Там же. Д. 3991.

Среди документов архива справка о комплексной защите памятников погоста в 1995–2002 гг., подготовленная сотрудником музея Т. В. Незвицкой¹⁴⁵.

В архиве музея хранятся отчеты по отбору, контролю качества и состояния древесины, заготовленной для реставрации Преображенской церкви. Отчеты подготовлены ООО «МБ-ЭКС „Лесные экспертизы“» (Петрозаводск) в 2003–2005 гг.¹⁴⁶

4 октября 2004 г. проводились работы по пробному подъему верхнего пояса Преображенской церкви. Ход его выполнения, достигнутый конечный результат, описание процесса отражены в документах¹⁴⁷.

В 2004 г. ЗАО «Лад» разработало рабочий проект временного склада хранения и естественной сушки спецлеса для реставрации Преображенской церкви на о. Кижы¹⁴⁸.

В октябре 2005 г. специалистами ООО «Предприятие „Стройреконструкция“» выполнен осмотр металлоконструкций для подъема II яруса сруба церкви и проведена корректировка отдельных проектных решений¹⁴⁹.

В 2006 г. институт «Спецпроектреставрация» разработал рабочую проектно-сметную документацию к комплексному проекту реставрации по приобъектной площадке для реставрации Преображенской церкви, рабочие чертежи корректировки устройства эстакады вокруг церкви и навеса временного хранения элементов церкви на приобъектной площадке¹⁵⁰. Институтом была разработана принципиально новая схема маркировки элементов церкви, подготовлена рабочая проектно-сметная документация по их реставрации. В архиве хранится Концепция маркировки элементов церкви при ведении работ с поэлементной разборкой и сборкой¹⁵¹.

Также в архиве музея имеется проектно-сметная документация по строительству реставрационного комплекса на о. Кижы (дополнительной реставрационно-производственной площадки за деревней Васильево на о. Кижы)¹⁵² и других инфраструктурных объектов, призванных обеспечить проведение комплексной реставрации церкви. Например, временного склада хранения и естественной сушки леса для реставрации Преобра-

¹⁴⁵ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3972.

¹⁴⁶ Там же. Д. 2292, 3272–3274, 2769.

¹⁴⁷ Там же. Д. 2510.

¹⁴⁸ Там же. Д. 2765, 3275.

¹⁴⁹ Там же. Д. 2767.

¹⁵⁰ Там же. Д. 4426.

¹⁵¹ Там же. Д. 4427.

¹⁵² Там же. Д. 2690, 3409, 3410, 4422.

женской церкви¹⁵³, по наружному освещению территории погоста¹⁵⁴, присоединению к электрическим сетям резервного источника электроснабжения погоста¹⁵⁵, строительству временного склада хранения отреставрированных бревен трапезной Преображенской церкви¹⁵⁶.

В 2007–2015 гг. в архив музея поступили 46 томов документов, связанных с реализацией современного проекта комплексной реставрации Преображенской церкви. Это проектно-сметная документация, отчеты о научных исследованиях и выполнении реставрационных работ.

В архиве хранятся материалы о выполненных в 2008–2010 гг. институтом «Спецпроектреставрация» (Москва) (руководитель авторского коллектива И. В. Любимов) работах по определению координат и высот точек по фасадам Преображенской церкви¹⁵⁷, подготовленные ООО «Предприятие „Стройреконструкция“» (Санкт-Петербург) (главный инженер проекта И. К. Раша), чертежи конструкции для подъема сруба Преображенской церкви «волновым методом»¹⁵⁸.

В 2010 г. НИИ «Спецпроектреставрация» (Санкт-Петербург) (главный архитектор проекта В. С. Рахманов) подготовил документ «Сборка элементов сруба Преображенской церкви с воссозданием утраченных венцов на стапеле в реставрационном комплексе на о. Кижы»¹⁵⁹. С целью упрощения работ по подъему конструкций и обслуживанию зон подъема институтом был разработан проект дополнительного наращивания наружных металлических стоек вывешивания сруба у диагональных стен и организации площадок и лестниц для обслуживания системы лифтинга¹⁶⁰.

В феврале 2010 г. с целью определения возможных повреждений конструкций и узлов сруба и лифтинга, вызванных жесткими климатическими воздействиями зимы 2009/2010 г., специалистами музея «Кижы», проектной организации «ПКФ „Стройреконструкция“» и монтажной фирмы «Алекон» было проведено обследование строительных исторических конструкций и конструкций лифтинга Преображенской церкви. По результатам обследования составлено экспертное заключение, где были зафиксированы изменения, произошедшие после подъема трех ярусов сруба церкви в октябре 2009 г.¹⁶¹

¹⁵³ Там же. Д. 2765, 3275.

¹⁵⁴ Там же. Д. 3445.

¹⁵⁵ Там же. Д. 3449.

¹⁵⁶ Там же. Д. 3276.

¹⁵⁷ Там же. Д. 3105, 3281, 3412.

¹⁵⁸ Там же. Д. 3103.

¹⁵⁹ Там же. Д. 3783.

¹⁶⁰ Там же. Д. 3782.

¹⁶¹ Там же. Д. 3414.

В апреле 2010 г. миссия ИКОМОС проводила инспекцию процесса реставрационных работ на церкви, по результатам которой был составлен отчет¹⁶².

В 2012 г. в соответствии с договором между ОАО «Спецпроектреставрация» и ООО «Проектно-консалтинговая фирма „Стройреконструкция“» разработан проект системы мониторинга несущих конструкций Преображенской церкви¹⁶³ и выполнена работа по количественной и качественной оценке деформативности фрагментов стен сруба церкви, собранных из исторических бревен, прошедших процесс реставрации¹⁶⁴.

В январе 2012 г. на о. Кижы прошло совещание по вопросам продолжения реставрации Преображенской церкви, было принято решение о корректировке положения металлических опор лифтинга с учетом исправленного абриса нижней части сруба Преображенской церкви¹⁶⁵.

В архиве хранится проектная документация по разборке и технологии реставрационных мероприятий на трапезной церкви¹⁶⁶; рабочие и обмерные чертежи на демонтаж, реставрацию, контрольную сборку технологических поясов сруба памятника, конструктивных узлов и архитектурных деталей «неба» церкви¹⁶⁷; проекты реконструкции фундаментов церкви¹⁶⁸; рабочая проектно-сметная документация по фундаментам под стойки вывешивания прирубов для их разборки¹⁶⁹; рабочая проектная документация по комплексной реставрации Преображенской церкви за 2013 г.¹⁷⁰

Обобщением ранее выполненных и дополнительно появившихся проектных материалов по разделу инженерного укрепления и усиления исторических конструкций Преображенской церкви стал подготовленный в 2014 г. документ «Комплексное инженерно-конструктивное укрепление исторических конструкций с современными системами усиления»¹⁷¹.

В архиве музея хранятся отчеты по авторскому надзору за выполнением работ и техническому сопровождению проекта Комплексной реставрации Преображенской церкви в 2009–2014 гг.¹⁷²

¹⁶² НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3542.

¹⁶³ Там же. Д. 3981.

¹⁶⁴ Там же. Д. 3984.

¹⁶⁵ Там же. Д. 3794.

¹⁶⁶ Там же. Д. 3537, 3976, 3541, 3276, 3779, 3790, 4223.

¹⁶⁷ Там же. Д. 3540, 3973, 3983, 3987, 3988, 4221–4223, 4229, 4431, 4439, 4440.

¹⁶⁸ Там же. Д. 3780, 3781, 3793.

¹⁶⁹ Там же. Д. 3539.

¹⁷⁰ Там же. Д. 3995, 4218–4220, 4432–4438.

¹⁷¹ Там же. Д. 4224.

¹⁷² Там же. Д. 3558, 3784–3789, 3791, 3792, 3985, 3986, 3986 а, 3986 б, 3989, 3992–3994, 4217, 4225–4227.

В 2016 г. в архив музея поступил большой объем проектно-сметной документации по комплексному проекту реставрации Преображенской церкви. Это 177 томов проектной, сметной и рабочей документации, где, помимо реставрационных работ, предусматриваются дополнительные архитектурно-археологические и научно-реставрационные исследования церкви, организация земельного участка, меры противопожарной безопасности, усиление исторических конструкций памятника, демонтаж лифтинга и силового металлокаркаса, монтаж элементов интерьера¹⁷³. В число поступивших документов входят обобщенный состав полного комплекса документации, необходимой для реставрации церкви (состав проекта обобщен по состоянию на ноябрь 2015 г.)¹⁷⁴, замечания на представленную проектно-сметную документацию по завершению реставрационных работ на Преображенской церкви¹⁷⁵ и ответы на замечания¹⁷⁶.

Работа по подготовке к реставрации Преображенской церкви и ее результаты в период 2003–2008 гг. нашли отражение в ежегодно составлявшихся музеем отчетах о состоянии дел по выполнению программы комплексной реставрации памятника¹⁷⁷. Все отчеты иллюстрированы графическими и фотоматериалами, отражающими ход и результаты проделанной работы. В архиве также имеется отчет о реставрации Преображенской церкви в 2003–2008 гг.¹⁷⁸, где, помимо фотофиксации наиболее значительных мероприятий комплексной реставрации памятника, есть фотогалерея участников реставрационных работ в указанный период.

Ход реставрационных работ на церкви в 2009–2013 гг. отражен в ежегодных отчетах о работе по сохранению памятников погоста¹⁷⁹. В это время был выполнен монтаж технологического оборудования лифтинга, разобрана трапезная, реконструирован фундамент, завершены демонтаж элементов VII технологического пояса и демонтированы VI, V, частично, IV пояса. Также осуществлялась реставрация бревен VII, VI, V поясов в реставрационном комплексе, отреставрированные VII и VI пояса были возвращены на погост и установлены на реконструированном фундаменте, была продолжена реставрация резной золоченой рамы иконостаса церкви. В отдельном отчете 2009 г. нашел отражение ход ведения работ по разборке трапезной Преображенской церкви с фотофик-

¹⁷³ Там же. Д. 4515–4691.

¹⁷⁴ Там же. Д. 4515.

¹⁷⁵ Там же. Д. 4545, 4548.

¹⁷⁶ Там же. Д. 4516, 4589.

¹⁷⁷ Там же. Д. 2509, 2692, 2768, 3102, 3155, 4216.

¹⁷⁸ Там же. Д. 3535.

¹⁷⁹ Там же. Д. 4784, 4785, 3790д, 3982, 4272.

сацией процесса¹⁸⁰. Отчеты также содержат сведения о работе миссии экспертов Центра Всемирного наследия на о. Кижь в апреле 2007 г.¹⁸¹, апреле 2010 г.¹⁸², феврале и ноябре–декабре 2011 г.¹⁸³, апреле 2013 г.¹⁸⁴

Документы по технической защите Кижского архитектурного ансамбля

Одним из важнейших аспектов обеспечения сохранности памятников деревянного зодчества является создание надежной противопожарной системы. В архиве музея хранится документация по технической защите Кижского архитектурного ансамбля с 1967 г., когда в музее была организована пожарная часть¹⁸⁵. В документах 1967–1995 гг. нашли отражение мероприятия по противопожарной защите памятников музея: строительство на о. Кижь пожарного депо, установка грозозащитных устройств на памятниках музея, прокладка наружного трубопровода на территории погоста, монтаж автоматической пожарной сигнализации¹⁸⁶. Среди хранящихся материалов – рекомендации по проектированию установок автоматической пожарной защиты памятников деревянной архитектуры, подготовленные Всесоюзным научно-исследовательским институтом противопожарной обороны МВД СССР в 1971 г.¹⁸⁷

В 1980 г. ГПИ «Спецавтоматика» (Ленинград) был разработан техно-рабочий проект установки охранно-пожарной сигнализации на памятниках музея «Кижь»¹⁸⁸, а в 1981 г. подготовлено ТЭО проекта автоматической пожарной защиты памятников музея¹⁸⁹. Проект предлагал схему пожаротушения наружных поверхностей сооружений погоста с помощью дистанционно управляемых лафетных стволов (ДУЛС), установленных по периметру погоста. Главным инженером данного проекта являлся Н. Л. Попов. В архиве музея хранится документация 1983–1984 гг. по пожарной защите наружных поверхностей Преображенской церкви и других памятников музея с помощью ДУЛС¹⁹⁰,

¹⁸⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3277.

¹⁸¹ Там же. Д. 3155.

¹⁸² Там же. Д. 4785.

¹⁸³ Там же. Д. 3790а.

¹⁸⁴ Там же. Д. 4272.

¹⁸⁵ Там же. Д. 1451.

¹⁸⁶ Там же. Д. 562, 1451.

¹⁸⁷ Там же. Оп. 4. Д. 1454.

¹⁸⁸ Там же. Оп. 3. Д. 785, 786, 1103, 1457–1466.

¹⁸⁹ Там же. Д. 1192.

¹⁹⁰ Там же. Д. 788–790, 1467, 1864.

документация 1986–1988 гг. по разработке средств автоматического пожаротушения на базе ДУЛС¹⁹¹, датчика обнаружения загораний, способного фиксировать пламя при помощи телевизионной камеры и передавать информацию на пульт управления¹⁹². В 1988 г. Петрозаводским проектно-конструкторско-технологическим институтом подготовлено техническое описание и инструкция по эксплуатации комплекса пожаротушения сооружений деревянного зодчества музея «Кижы» на базе пожарных манипуляторов¹⁹³.

В 1990 г. кооператив «Стройиндустрия» при тресте «Мосжилремстрой» (Москва) подготовил обоснование способа пожаротушения памятников ансамбля¹⁹⁴. Всероссийский научно-исследовательский институт противопожарной обороны МВД СССР в 1992 г. провел исследование и разработал рекомендации по укреплению пожарной безопасности зданий и сооружений музея¹⁹⁵. В 1995 г. ИЦ «ЭФЭР» (Петрозаводск) разработал проект комплексной защиты Кижского ансамбля: системы внутреннего и наружного пожаротушения, водоснабжения, систему телевизионного наблюдения, охранную сигнализацию и радиотелефонную связь¹⁹⁶. В 1999 г. ИЦ «ЭФЭР» были подготовлены разделы проекта по электроснабжению: электроснабжение понтона-причала, установок пожаротушения и переносного электрооборудования погоста, техническая оснастка и подключение существующих средств пожаротушения к сетям электропитания и управления¹⁹⁷.

В 1998 г. была утверждена Программа комплексной защиты архитектурного ансамбля Кижского погоста на 1998–2002 гг.¹⁹⁸ Основными разработчиками программы выступили МВД РК, МК РК, музей-заповедник «Кижы», фирма ТОО «Ноутис» (Петрозаводск), ИЦ «ЭФЭР». Основанием для ее разработки послужило Постановление Правительства РК «О мерах по обеспечению безопасности культурных ценностей в Республике Карелия» № 124 от 27.02.1998 г. Программа была призвана обеспечить систему комплексной безопасности памятников ансамбля с использованием современных средств и технологий. В архиве музея хранится протокол совещания при министре культуры РК по проблемам формирования многоканальной системы финансирования

¹⁹¹ Там же. Д. 782, 796, 798.

¹⁹² Там же. Д. 787.

¹⁹³ Там же. Д. 1469.

¹⁹⁴ Там же. Д. 783.

¹⁹⁵ Там же. Д. 870.

¹⁹⁶ Там же. Д. 1253, 1255, 1256, 1257, 1258.

¹⁹⁷ Там же. Д. 1959, 1960.

¹⁹⁸ Там же. Д. 2394.

работ по обеспечению технической защиты памятников Государственного музея-заповедника «Кижь» от 19.01.1998 г.¹⁹⁹

В 1999 г. ООО «Сталт ЛТД» (Санкт-Петербург) при участии целого ряда субподрядных организаций²⁰⁰ разработало проект ТЭО комплексной защиты ансамбля Кижского погоста²⁰¹. Документ содержит основные принципы комплексной защиты музея-заповедника «Кижь», характеристику существующей системы безопасности, структурно-функциональную схему системы комплексной защиты музея и Кижского погоста, требования к структурным блокам²⁰².

В 2004 г. проектной организацией ООО «Кариатида» (Петрозаводск) был разработан проект охранного наружного освещения Кижского погоста²⁰³.

В 2004–2005 гг. ООО «Карельские инженерные системы» (Петрозаводск) подготовило рабочую документацию на оборудование системами охранной и пожарной сигнализации памятников музея, разработало проект комплексной защиты памятников погоста (системы автоматического пожаротушения)²⁰⁴.

Материалы исследовательского и просветительского характера, подготовленные сотрудниками музея-заповедника «Кижь»

История сохранения и реставрации Преображенской церкви, начиная с конца XIX в. (первое обследование Преображенской церкви, выполненное архитектором Л. В. Далем) и до конца 1980-х гг., нашла отражение в материалах исследовательского и просветительского характера, подготовленных сотрудниками музея «Кижь», а также экспозиционно-выставочной документации музея. Среди этих материалов необходимо особо выделить ТЭП фотовыставки «Сохраним навечно» (автор

¹⁹⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2394.

²⁰⁰ В разработке системы молниезащиты приняло участие ОАО «НИИ по передаче электроэнергии постоянным током высокого напряжения» (Санкт-Петербург); системы внешнего мониторинга – АОЗТ «Финн-трейд» (Санкт-Петербург); модуля водоснабжения – ОАО ЦКБ «Монолит» (Городец, Нижегородская обл.); систем наружного пожаротушения и раннего обнаружения возгораний по наружным поверхностям, пожарного водопровода – ЗАО «Инженерный центр пожарной робототехники „ЭФЭР“» (Петрозаводск). В разработке рекомендаций по огнезащитной и антисептической обработке деревянных конструкций участвовало ООО «Научный инновационный центр строительства и пожарной безопасности» (Санкт-Петербург). В разработке проекта ТЭО приняло участие также ООО «ГПКИ „Спецавтоматика“» (Санкт-Петербург).

²⁰¹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4767, 4768, 4059.

²⁰² Там же. Д. 4767.

²⁰³ Там же. Д. 3225.

²⁰⁴ Там же. Д. 4725, 4726.

Б. А. Гушин, 1973 г.)²⁰⁵; работу «Сведения по истории изучения и реставрации Кижского архитектурного ансамбля» (составитель О. А. Набокова, 1978 г.)²⁰⁶; ТЭП передвижной фотовыставки «Из истории реставрации Кижского архитектурного ансамбля» (автор В. А. Гушина, 1980 г.)²⁰⁷; справочный материал к выставке «История реставрации Кижского архитектурного ансамбля» (составитель О. А. Набокова, 1980 г.)²⁰⁸; работу «Из истории реставрации памятников музея. Кижский архитектурный ансамбль. Материалы лекции по передвижной выставке» (составитель Е. И. Бернинен, 1980 г.)²⁰⁹; ТЭП фотовыставки «Преображенская церковь. История реставрации» (автор В. А. Гушина, 1982 г.), а также дополнения и изменения к ТЭПу этой выставки 1987 г.²¹⁰; Летопись реставрационных работ по Преображенской церкви в 1980–1984 гг. (составитель В. А. Гушина, 1984 г.)²¹¹; ТЭП выставки «Охрана кижских памятников», посвященной 70-летию Великой Октябрьской Социалистической революции и 70-летию становления государственной системы охраны памятников (автор М. А. Витухновская, 1986), а также текст, подготовленный в 1987 г. для телевизионной передачи, посвященный этой выставке²¹²; ТЭП выставки «Охрана Преображенской церкви. История и современность», предназначенной для экспонирования на о. Кижы (автор М. А. Витухновская, 1988 г.)²¹³; справка «Архитектурный ансамбль Спасско-Кижского погоста», содержащая раздел «История ремонтов и реставраций. Изменения первоначального облика» (1989 г.)²¹⁴.

В архиве хранится обзор коллекции фотоматериалов по теме «Кижский архитектурный ансамбль» (автор Т. Г. Тарасова)²¹⁵. Обзор подготовлен в 1998 г. и включает фотофиксацию памятников ансамбля со 2-й половины XIX в. по 1980-е гг. XX в. В обзор включены хранящиеся в фондах музея негативы на фотопленке и стекле, фотоотпечатки и цветные слайды, а также видеофильмы, фотоальбомы, репродукции с открыток, фотографий, чертежей обмеров и проектов

²⁰⁵ Там же. Д. 4127.

²⁰⁶ Там же. Д. 1012.

²⁰⁷ Там же. Д. 4135.

²⁰⁸ Там же. Д. 1200.

²⁰⁹ Там же. Д. 1551.

²¹⁰ Там же. Д. 4137, 2834.

²¹¹ Там же. Д. 1360.

²¹² Там же. Д. 945, 2377.

²¹³ Там же. Д. 4149.

²¹⁴ Там же. Д. 733.

²¹⁵ Там же. Д. 2065.

реставрации. В части, касающейся Преображенской церкви, выделены разделы, посвященные сохранению памятника, в том числе реставрации церкви в 1949–1959 и 1960–1980 гг., ремонтно-реставрационным работам и исследованиям 1985–1988 гг.

В архиве хранятся материалы конференций, проводившихся в музее в 1979, 1983, 1994 гг., на которых обсуждались вопросы состояния и совершенствования работы по защите и реставрации памятников деревянного зодчества, пропаганды и внедрения в практику научно-технических достижений в области химической защиты древесины, проблемы сохранения Преображенской церкви²¹⁶. Особого внимания заслуживает текст сообщения О. А. Набоковой «Из истории реставрации Преображенской церкви», сделанного 26.01.1979 г. на конференции по теме «Состояние и меры по дальнейшему совершенствованию научно-исследовательской работы и реставрации памятников музея-заповедника „Кижис“ в ходе реализации Генерального плана»²¹⁷. Доклад является кратким обзором сведений по сохранению и реставрации Преображенской церкви с 1920 по 1978 г.

Документы, отражающие роль ЮНЕСКО в деле сохранения памятников Кижского погоста

Прежде всего, это документы конца 1980-х – начала 1990-х гг., связанные с включением Кижского ансамбля в список объектов Всемирного наследия. Например, в архиве сохранился интересный документ – текст обращения С. В. Куликова, заведующего химической лабораторией музея «Кижис», в Комиссию СССР по делам ЮНЕСКО с просьбой оказать содействие в сохранении Преображенской церкви²¹⁸. В результате этого обращения состоялось расширенное заседание Реставрационной комиссии Центрального Совета ВООПИК, где рассматривался вопрос «о состоянии и основных направлениях работ по сохранению памятника союзного значения – б. ц. Преображения в музее-заповеднике „Кижис“...»²¹⁹. В архиве хранятся материалы симпозиума по проблемам народной архитектуры и консервации древесины, организованного при участии ИКОМОС и Рабочей группы социалистических стран по реставрации памятников истории, культуры и музейных ценностей (1988 г.)²²⁰; документы, подготовленные в процессе работы по

²¹⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1246, 2073, 2392.

²¹⁷ Там же. Д. 2073. Л. 80–92.

²¹⁸ Там же. Д. 1323. Л. 47–48.

²¹⁹ Там же. Л. 51–58.

²²⁰ Там же. Д. 2384, 2385.

внесению памятников Кижского погоста в список Всемирного наследия²²¹; документы, поступавшие в музей после включения ансамбля в число памятников Всемирного наследия²²²; переписка с представителями ЮНЕСКО, ИКОМОС по вопросам изучения, сохранения и реставрации Преображенской церкви²²³. По итогам технического обследования ансамбля в сентябре 1993 г. ИКОМОС подготовил доклад и рекомендации по дальнейшей работе²²⁴. Одним из пунктов этого доклада стала разработка концепции комплексной реставрации церкви, подготовленная инженером Немецкого центра ремесла и охраны памятников архитектуры Манфредом Гернером²²⁵. Им же была подготовлена записка «Концептуальные предложения по общему сканированию Преображенской церкви»²²⁶.

В архиве музея хранятся материалы совместной работы музея и ИКОМОС по изучению, реставрации и использованию памятников народной архитектуры за 1987–1989 гг.²²⁷

Фото и видеоматериалы

В научном архиве хранятся материалы фотофиксации состояния Преображенской церкви и реставрационных работ в 1980–2000 гг.: отчет и фотофиксация технического состояния Преображенской церкви, подготовленные в январе 1980 г. сотрудниками ЛИСИ²²⁸; фотоотчет реставрации Преображенской церкви, подготовленный в августе 1981 г.²²⁹; фотодокументы по Кижскому архитектурному ансамблю, выполненные П. Б. Бойцовым после реставрационных работ конца 1980-х – начала 1990-х гг.²³⁰; фотодокументы «Хранение спецлеса для реставрации Преображенской церкви» (июнь 1987 г. и сентябрь 1991 г.)²³¹; материалы фотофиксаций состояния Преображенской церкви, выполненные в 1988 г. Б. Бойцовым²³², в декабре 1994 г. сотрудником ЗАО «ЛАД» П. Ившиным²³³, в 1998–1999 гг. институтом

²²¹ Там же. Д. 1324, 1325, 1327.

²²² Там же. Д. 1267, 2389.

²²³ Там же. Д. 1276, 1329–1332, 1389, 2387, 2388, 3975.

²²⁴ Там же. Д. 1274, 1275.

²²⁵ Там же. Д. 1269.

²²⁶ Там же. Д. 1273.

²²⁷ Там же. Д. 3629.

²²⁸ Там же. Д. 284.

²²⁹ Там же. Д. 744.

²³⁰ Там же. Д. 4099.

²³¹ Там же. Д. 128–138.

²³² Там же. Д. 1378.

²³³ Там же. Д. 1794.

«Спецпроектреставрация»²³⁴; фотодокументы «Состояние сруба и отдельных конструкций Преображенской церкви летом и осенью 2007 г.»²³⁵; фотодокументы «Разобранный пол Преображенской церкви в Реставрационном комплексе. Осень 2008 г.»²³⁶.

Также в архиве музея хранится ряд видеодокументов на электронных носителях, в которых нашли отражение вопросы реставрации Преображенской церкви. В том числе фильм «Реставрация Преображенской церкви на о. Кижы» (ГТРК «Карелия», 1987 г.)²³⁷; пробный подъем верхнего яруса Преображенской церкви (4 октября 2004 г.)²³⁸; запись совещания в Правительстве РК (2004 г.)²³⁹; фильм «Летопись Преображения» (ГТРК «Карелия», 2005 г.)²⁴⁰; фильм «Музей „Кижы“. Путешествие во времени» (Телекомпания «Ника плюс», 2006 г.)²⁴¹; сюжет о музее и проекте реставрации Преображенской церкви, показанный в передаче «В центре событий» на ТВЦ, и рабочие материалы к сюжету (Телекомпания «ТВ Центр», 2006 г.)²⁴²; видеозапись конференции по сохранению деревянного зодчества (Петрозаводск, 2006 г.)²⁴³; фильм «Кижы. Летопись Преображения» (ГТРК «Карелия», 2007 г.)²⁴⁴.

---

²³⁴ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1957.

²³⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 9. Д. 19–30.

²³⁶ Там же. Д. 31–33.

²³⁷ Там же. Оп. 7. Д. 5.

²³⁸ Там же. Д. 25.

²³⁹ Там же. Д. 26.

²⁴⁰ Там же. Д. 35.

²⁴¹ Там же. Д. 43.

²⁴² Там же. Д. 45.

²⁴³ Там же. Д. 47, 48.

²⁴⁴ Там же. Д. 60.

Г. И. Фролова

(Независимый исследователь, Петрозаводск)

К ВОПРОСУ О ЛИТУРГИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ПРЕОБРАЖАЮЩЕГО СИМВОЛИЗМА В ИКОНОПИСНОЙ ПРОГРАММЕ КИЖСКОЙ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Аннотация: В статье предлагаются некоторые положения о художественно-образном осмыслении внутреннего убранства летней церкви Преображения Господня на о. Кижь. Заостряется вопрос о неоднозначности видения иконописной программы кижского храма, о сложности ее восприятия и прочтения.

В связи с реставрацией церкви Преображения Господня на о. Кижь, усилился интерес к ее внутреннему убранству¹. Казалось бы, здесь, как и во многих северных деревянных храмах, те же основные элементы интерьера: иконостас и «небо». Вместе с тем следует заметить, что, в отличие от многих деревянных заонежских церквей, в кижском храме иконописное оформление имеет достаточно сложный характер. Раскрыть и более-менее основательно изложить такой объем информации представляется сложным, поэтому в данной статье предлагаются некоторые

---

¹ *Belik Ž.* Vuoden 1944 kuuluisa ikoninäyttely ja Petroskoihin palauttujen ikonien myöhempiä vaihteita // *Ikonit, ihmiset ja sota. Valamon Konservointilaitos.* Keuruu, 2009. С. 92–107; *Гуцина В. А.* Художественное убранство Преображенской церкви Кижского погоста (тябловый и резной иконостасы, живопись «неба») // *Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле.* Петрозаводск, 2014. С. 136–146; *Тарасова Т. Г.* Коллекция фотоматериалов «Кижский архитектурный ансамбль» в фондах музея-заповедника «Кижь» // Там же. С. 59–73; *Фролова Г. И.* История внутреннего убранства Преображенской церкви (обзор архивных источников) // Там же. С. 100–113; *Дудинова Т. Ю.* Неопубликованная работа Ларса Петтерссона и Пенти Хяркёнена «Кижская Преображенская церковь. Величественный памятник церковного искусства Олонецкого края» // *Кижский вестник.* Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 3–50; *Пуцко В. Г.* Проблемы художественной характеристики икон Кижского погоста // *Кижский вестник.* Петрозаводск, 2016. Вып. 16. С. 224–236.

замечания для последующего более детального художественно-образного осмысления иконописной программы Преображенской церкви.

То, что иконостасный комплекс (пророческий, деисусный и праздничный ряды икон) исполнен одной артелью иконописцев, уже говорилось². Композиционные схемы и система художественных приемов не вызывают сомнения о единстве всего иконостасного комплекса. Для подтверждения этого положения достаточно мелкой, но исключительно важной детали – наличия белой дуги из трех точек, напоминающей фрагмент зубчатой шестеренки слева от черного зрачка. Этот элемент изображен на всех ликах в трех рядах иконостаса. В тезисах, представленных на конференции «Рябининские чтения-2019», было также обосновано положение о том, что иконостасный комплекс и иконы «неба» написаны одной артелью иконописцев³.

Вначале несколько слов о потолочных иконах, поскольку они написаны одновременно со строительством храма⁴. Здесь перед исследователями встает сложный вопрос: следует ли непростою по содержанию композицию «небес» в Преображенской церкви напрямую связывать с иконостасом, примеряя нижний ряд «неба», условно называемый праотеческим⁵, в качестве пятого (праотеческого) ряда иконостаса, как результат особого развития русского иконостаса вверх? Такое объяснение, несомненно, имеет свои сильные стороны, но оно механически переносит иконографию данного «неба», не затрагивая его содержание, в продолжение иконостаса. Возникает вопрос: расположенные выше ангелы и серафимы с херувимами тоже ряды иконостаса? Композиция преображенского «неба» состояла из трех регистров: внизу из «праотцев», в средней части из ангелов и сверху из херувимов и серафимов (шестикрылов). Ярус с шестикрыльями традиционен для заонежских «небес». Будучи наиболее приближенными по степени небесной иерархии к Богу, серафимы и херувимы ореолом обрамляют центральное изображение. Как известно, херувимы были на Ковчеге Завета

² Фролова Г. И. Иконы в собрании музея-заповедника «Кижь» (формирование, изучение, характеристика коллекции) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2016. Вып. 16. С. 215–219.

³ Фролова Г. И. Потолочная живопись и иконостасный комплекс церкви Преображения Господня Спасо-Кижского погоста как единовременное иконописное убранство храма // Рябининские чтения-2019. Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 330–334.

⁴ Фролова Г. И. Потолочная живопись...; Дудинова Т. Ю. Неопубликованная работа Ларса Петтерссона и Пенти Хяркёнена ... С. 46.

⁵ Общепринятое наименование, так как основную часть изображенных персон составляли праотцы. Кольцова Т. М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 44–46; Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижь». Петрозаводск, 2008. С. 43–49.

и на завесе Святая Святых (то есть алтарной преграде) в храме Соломона⁶. И в сочинении Дионисия Ареопагита они занимают верхнюю ступень небесной иерархии. Вероятно, поэтому со временем в ряде храмов иконостасы завершались изображением шестикрылов на штифтах. Поэтому можно представить их изображения, как и нижний ряд преображенского «неба», «праотцев», тоже продолжением иконостаса. Тогда средний регистр с ангелами автоматически будет шестым рядом иконостаса?⁷ На некоторых заонежских небесах шестикрыльцы изображались не только вверху граней, но и внизу под изображением праотца (например, на виговских небесах) или ангела (на небесах из неизвестной заонежской часовни)⁸. И в этом варианте их изображения как в верхней, так и в нижней части граней означали сослужение Богу. С точки зрения на иконостас как на творческий процесс иконописцев можно рассматривать более простой вариант потолочных композиций, в которых на гранях изображены пророки или праотцы (например, волкостровское «небо») с шестикрыльцами в верхней части. Однако и это иногда выглядит упрощенно, например, если обратиться к устьядомским «небесам», то вряд ли это можно однозначно квалифицировать как ряд иконостаса, так как прародители представлены в скиниях небесных⁹. В соседнем Кенозерье в потолочных композициях наличествуют праздничные сюжеты и иконы святых, например, Николая Чудотворца. В часовне Трех Святителей деревни Немята на каждом из 16 клиньев в нижнем ярусе «неба» расположены праздники. Здесь или явное продление иконостаса, или явление, наваянное стенными росписями каменных храмов¹⁰. Такие композиции характерны для позднего периода иконописи и датируются последней четвертью и концом XIX в. Исполнены они, как правило, иконописцами местного пошиба, использовавшими виденную ими храмовую живопись, но вряд ли уразумевшими ее суть. В Заонежье для небесной иконографии последней трети XVII, XVIII вв. это не свойственно. Заметим, в купольных росписях каменных храмов почему-то никто из исследователей напрямую не соотносит пророков, праотцев, шестикрылов, архангелов и ангелов с иконостасом. Между тем прототипом «неба»

⁶ 2 Пар. 3:14. «И сделал завесу из яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани и из виссона, и изобразил на ней херувимов».

⁷ Л. М. Евсеева приводит примеры средневизантийских темплов XI–XII вв., которые включали ангельский ряд с Етимасией в центре. *Евсеева Л. М. Эсхатология 7000 г. и возникновение высокого иконостаса // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М., 2000. С. 420–421.* На Руси ангельский ряд не получил распространения.

⁸ *Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья... Ил. на с. 69, 76.*

⁹ Там же. Ил. на с. 108–110, 115–116.

¹⁰ Небеса ручной работы. Расписные потолки и иконы из храмов Кенозерского национального парка. Каталог-альбом / Авт.-сост.: Кольцова Т. М., Мелютина М. Н. М., 2010. Ил. С. 119, 133.

в деревянных храмах послужили композиции каменных церквей. Представляется логичным в данном конкретном случае рассматривать ряды шестикрылов (херувимов и серафимов), ангелов как составную часть программы иконного образа «неба».

В центре «неба» в медальоне кижской церкви изображена Святая Троица в иконографическом варианте 1666 г. иконописца Симона Ушакова¹¹, который имеет наименования: «Троица Новозаветная» или «Сопрестолие»¹². В церковных документах он обозначен как Святая Троица: «в куполе образ Пресвятыя Троицы»¹³. В основе композиции – слова пророка Давида: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Жезл силы Твоей пошлет Господь с Сиона: господствуй среди врагов Твоих» (Пс. 109, 1). Этот текст в сокращенном виде читается на фотографии кижского медальона: «Рече Господь Господеву моему // седи одесную мене»¹⁴ (рис. 1). Это композиционное воспроизведение Святой Троицы было по-

Рис. 1. Медальон «небо» Преображенской церкви

¹¹ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. М., 2016. Т. 1–2. С. 17.

¹² Например: Брюсова В. Композиция «Новозаветной Троицы» в стенописи Успенского собора (к вопросу о содержании наружных росписей) // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985. С. 87–99.

¹³ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 32/2. Л. 11об.

¹⁴ Слова под титлами в цитате раскрыты.

пулярно в XVIII столетии и на медальонах других заонежских «небес» (Вигово, Вегорукса, Волкостров)¹⁵. В виговской редакции текст приведен полнее, в вегорукской и волкостровской – без цитат.

Эта же композиция использована выгорецкими староверами в навершии второй створки при создании литого четырехстворчатого складня «Двунадесятые праздники», который также датируется первой четвертью XVIII в.¹⁶ На створке представлена еще одна разновидность Троицы, включающая символы евангелистов в ромбической сфере. Также изображению Троицы важное место отведено на иконах «Страшного суда», получивших широкое распространение в Заонежье параллельно с «небесами». В кижской церкви изображение троицы вставлено в замковое кольцо, с текстом молитвы «Отче наш», написанной в зеркальном варианте. Спаситель и Саваоф восседают на силах небесных, в ореоле из серафимов и херувимов, то есть на «небе небес». Храм посвящен празднику Преображения Господня, тем самым являя тему теофании. Христос уже в Небесном Граде воссеждает одесную Бога Отца в качестве реального преобразования Христа в одной из ипостасей Святой Троицы. Новозаветная Троица предстает (иллюстрируется) как Триипостасное Божество: «Приидите люди, Трисоставному Божеству поклонимся»¹⁷.

Во время богослужения происходит евхаристическое преобразование прижоган.

В обрамлении текста молитвы «Отче наш», возносящейся от лица молящихся, изображение Спасителя соотносится с текстом пасхального канона: «Во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог, в рай же с разбойником, и на престоле был еси со Отцем и Духом, вся исполняя неописанный»¹⁸. Тексты в куполах каменных и деревянных храмов могут быть разнообразными, и они могут служить ключом к общей программе. Здесь символическое значение Новозаветной Троицы можно рассматривать в вероисповеднической иллюстрации Символа веры.

В праотеческом ряду иконостасов наиболее распространена иконография «Отечество». Состав этого ряда в иконостасе, как правило, состоит из праотцев, а грани кижского преображенного «неба» включают разных святых. Также нет в нем и вариантов изображений праотцев и пророков в барабанах каменных храмов. Например, из 12 колен израильских в кижском собрании «небес» есть изображения только 4 праотцев:

¹⁵ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья... Ил. на с. 68, 98, 106.

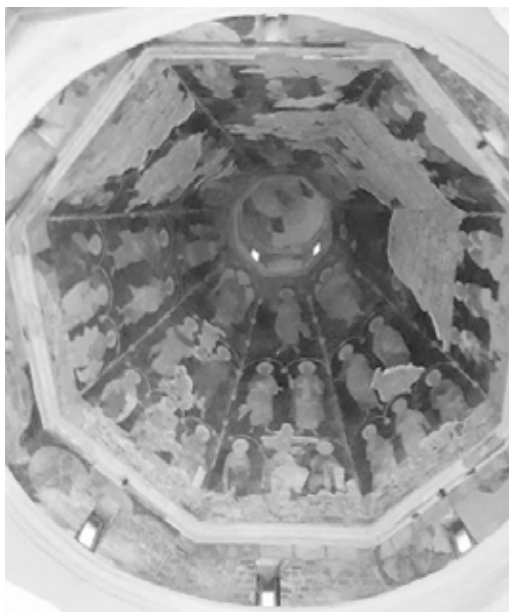
¹⁶ Фролова Г. И. Медное литье // Культура староверов Выга. Каталог. Из собраний КГКМ, КМИИ, музея «Киж», ЦГАРК, МИРАПИ. Петрозаводск, 1994. С. 26.

¹⁷ 8-й глас стихиры Великой вечерни Пятидесятницы.

¹⁸ Цит. по: Брюсова В. Композиция «Новозаветной Троицы»... С. 93.

Рувима, Асира, Иосифа и Вениамина. Более того, в заонежских «небесах» повторяется практически один и тот же состав праотцев. Кижский вариант по разнообразию состава предстоящих можно соотнести с росписью времени Иоанна Грозного в каменной Покровской церкви в Александровской слободе (рис. 2). В ней на восьми гранях в три ряда сохранились фрагментарно изображения ангелов, библейских персонажей, русских князей Владимира и Глеба вокруг Саваофа¹⁹.

Кижские грани в нижнем регистре по составу персонажей включают не только праотцев, но и избранных святых, среди которых необычные для «небесной» иконографии праведный Иосиф Аримафейский, Симеон Богоприимец и благоверный князь Владимир. В иконописи изображения князя Владимира известны с первой половины XV в.²⁰, но на гранях

Рис. 2. Роспись шатра Покровской церкви в Александровской слободе

¹⁹ Сорокатый В. М. О стиле росписи Покровской (первоначально Троицкой) церкви Александровской слободы // Александровская слобода. Материалы научно-практической конференции. Владимир, 1995. С. 54–68.

²⁰ Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV в. М., 1976. кат. № 4.

«неба» в северных деревянных храмах их нет. Наиболее близкие к кижскому по времени изображения святого князя Владимира (с сыновьями Борисом и Глебом) имеются в росписях Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме, в Ильинской церкви в Ярославле, в Спасо-Преображенском соборе Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, выполненные артелью Гурия Никитина в 80-е гг. XVII в. В них князя сопоставляются не только с византийскими василевсами, но и с ветхозаветными царями и полководцами (Давидом, Соломоном, Иисусом Навином)²¹. На кижском «небе» князь Владимир представлен в паре с Иисусом Навином. Это наводит на мысль не только о влиянии иконописи Поволжья на местную иконописную традицию, но и об отражении государственной идеологии, о продуманной иконографической программе в контексте мировой священной истории. Князь Владимир и полководец Иисус Навин изображены в позе предстояния, без свитков. Имеется текст на свитке у Иисуса Навина, изображенного на волкостровском «небе»: «сей мой Бог и прославлю его. Бог отца моего и вознесу его». Содержание текста как идеи духовного преемства вполне соответствует и князю Владимиру – крестителю Руси открыл путь в Царствие небесное русским православным христианам. Не случайно также включение в деисусный чин иконостаса и другого князя – Александра Невского. Великий русский полководец, в конце земного пути принявший схиму, отстаивал северные владения, защищал православную Русь от католической экспансии.

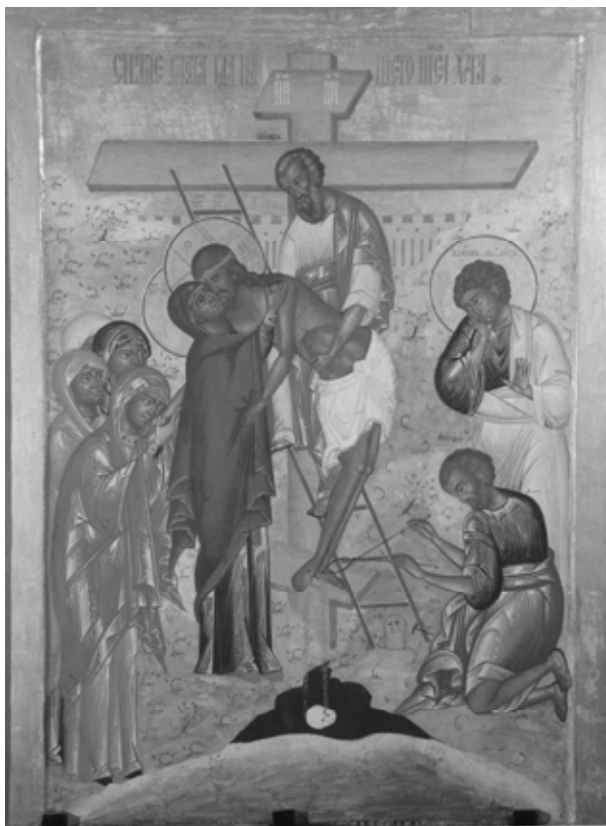
Раскрытие темы могут помочь и образы новозаветных святых Иосифа Аримафейского и Симеона Богоприимца, родителей Марии Иоакима и Анны. Это личности, непосредственно связанные со Спасителем, первыми воспринявшие Новый Завет, первые люди, преображенные посредством Господа. Изображения Симеона Богоприимца, помимо иконы «Сретение», в северных иконостасах встречаются и на гранях «небес». Например, на грани «неба» из Петропавловской часовни на Волкострове Спасо-Кижского прихода. На фотографиях кижского «неба» всего у трех персон (у Симеона, Сифа и Иосифа Аримафейского) в руках раскрыты свитки с текстами. У Сифа: «раду// ите//ся пра//ведни //спасу»²². К сожалению, многие надписи искажены поновлениями. Имя Симеона читается частично, но то, что это Симеон Богоприимец, подтверждается текстом на его свитке: «Ныне отпускаеши раба твоего Владыко». Текст на свитке у праведного Иосифа настолько смазан, что не читается. Праведный Иосиф

²¹ *Абраменко Н. М.* Образы святых князей Владимира, Бориса и Глеба в русском искусстве второй половины XV–XVII в. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2013.

²² Текст с искажением первого слова: «саду...» вместо радуйтесь.

Армафейский в иконописи занимает скромное место. Он изображается испрашивающим тело Христа у Пилата в клеймах икон с изображением Страстей Господних и на иконах праздничного ряда.

В качестве примера его изображений приведем описание иконы «Снятие со креста» из кижского преображенского иконостаса (рис. 3).

Рис. 3. Икона «Снятие со креста»

В центре композиции на лестнице, приставленной к массивному кресту, Иосиф Аримафейский снимает обвисшее тело Христа, которое обнимает Богоматерь. Слева – группа святых жен из четырех фигур. Одна из них припала к руке Христа. Справа – скорбная фигура Иоанна Богослова. Следует обратить внимание на написание имени апостола Иоанна:

«иѡѡаннъ феѡлогъ»²³. У подножия креста Никодим извлекает щипцами гвозди из ступней Христа. У лестницы стоит плетеная корзинка с гвоздями, лежит молоток-гвоздодер. В трактовке креста видна попытка передать объем и текстуру древесины. Между холмами просматривается иерусалимская стена. Композиционная схема аналогична иконе из Корнилиево-Комельского монастыря (около 1515 г.)²⁴. Повторяются не только основные элементы: как Богородица принимает тело Христа, как его держит Иосиф, поза Иоанна, вынимающий гвозди Никодим, но и второстепенные детали: набедренная повязка Христа, расположение ног Христа и Иосифа²⁵.

На гранях северных «небес», на личностных иконах изображение Иосифа неизвестно. Вероятно, поэтому на грани с его изображением содержится поясняющая надпись: «Иосиф Аримоефский при распятии Господнем», чтобы не было сомнений в том, кто изображен. Это также может означать, что включение его в предстояние осознанно и продумано.

На мой взгляд, смысловой центр в данном случае построен вокруг новозаветной тематики преображения человечества. Тайны Божественного промысла в кижской церкви раскрываются изображением определенных святых в иконостасных и потолочных иконах, особым размещением икон в праздничном ряду, дополненных событиями вселенских соборов. Раскрытию идейной основы способствуют и своеобразный состав деисусного чина, и тексты на свитках праотцев и пророков. Проблема взаимоотношений иконостаса и системы росписей в каменных храмах недостаточно изучена, тема же взаимоотношений иконостаса и «неба» в деревянных храмах еще никем не разрабатывалась.

Хотелось бы также обратить внимание на состав икон праздничного ряда и несколько подробнее остановиться на содержании некоторых икон.

Большое число икон праздничной тематики подробнейшим образом раскрывает евангельскую историю Христа, включая такие сюжеты, как «Христос и самаритянка», «Исцеление расслабленного», «Исцеление слепого», имеющие в своей основе размышления об исцелении верой, духовном прозрении.

²³ Для части преображенских праздничных икон характерны пространственные надписи. Например, название иконы «Омовение ног»: «Иисус ученикомъ нозе умывает волное свое страдание имъ провозвещааетъ». На иконе «Встреча Иоакима и Анны»: «Зачатие стыя Анны егда зачат престую Бцу».

²⁴ Рыбаков А. А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской. XIII–XVIII вв. М., 1995. Ил. 132.

²⁵ Здесь же хотелось бы обратить внимание на близкие параллели отдельных кижских икон с праздничными иконами вологодского региона. Например: композиция иконы «Омовение ног» – зеркальный вариант белозерской, около 1574 г. (Рыбаков А. А. Вологодская икона... Кат. № 3).

В праздничный ряд иконы написаны в определенной системе. Открывают его традиционно устанавливаемые богородичные иконы: «Рождество Богородицы», «Введение во храм», «Благовещение», далее «Рождество Христово» и господские праздники. В центре ряда расположены иконы: «Распятие», «Снятие со креста», «Положение во гроб» и «Сошествие во ад», то есть Страстная седмица и Воскресение – Пасха. Нумерация, проставленная на обороте икон, совпадает с их историческим расположением по праздник «Сошествие в ад – Воскресение Христово». Далее историческую последовательность сменила пасхальная. Подобные изменения исторической последовательности в размещении праздников прослежены В. М. Сорокатым²⁶. Наиболее близким из известных мне для кижской истории является его пример с составом и размещением икон в Успенской церкви Кирилло-Белозерского монастыря.

Вправо от иконы «Воскресение Господне» («Сошествие во ад») иконы расположены в последовательности богослужения от Пасхи до Пятидесятницы²⁷. За «праздником праздников» Пасхой, который принято изображать сошествием во ад Иисуса Христа по воскресению, первая неделя пасхального года называется «Светлая седмица». следующее после Пасхи воскресенье – антипасха открывает вторую седмицу – Неделю о Фоме. И первая икона, установленная после иконы «Воскресение Господне», это «Уверение апостола Фомы». Третья седмица – неделя Святых жен мироносиц, праведного Иосифа Аримафейского и Никодима, соответственно следующая за иконой «Уверение апостола Фомы» расположена икона «Жены мироносицы». Четвертая седмица – неделя о расслабленном. И этот сюжет также есть в составе ряда, это икона «Исцеление расслабленного»²⁸. На следующей иконе представлена проповедь отрока Христа в храме²⁹. В среду 4-й седмицы отмечается Преполование Пятидесятницы³⁰.

²⁶ Сорокатый В. М. Праздничный ряд русского иконостаса // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М., 2000.

²⁷ Настольная книга священнослужителя. М., 2001. Т. 4. С. 576–587.

²⁸ Надпись на иконе «Неделя . Г. о РАСЛАБЛЕННОМ». Цифры пасхальных недель (воскресных дней) на иконах не совпадают с обозначением их в пасхальном цикле. На иконе «Исцеление расслабленного» надпись – Неделя «Г» – это цифра «3», а в пасхальном списке она четвертая. Надпись на иконе «Христос и самаритянка» – Неделя «Д» – это цифра «4», а неделя о самаритянине пятая в пасхальном цикле. На иконе «Исцеление слепого» надпись – Неделя «Е» – это цифра «5», а должна быть шестая неделя..

²⁹ Надпись на иконе: «ОБРА<3> ПРЕПОЛОВЕНИЯ ПРА<3>ДНИКА ЗАКОН<Н>АГО». Другие названия: «Начало индикта», «Проповедь в синагоге».

³⁰ Преполование, то есть половина, или иначе середина пасхального цикла. Это событие отмечается в службах в течение 8 дней.

Иконография праздника, согласно Евангелию, отражает историю 12-летнего отрока Иисуса, когда он в синагоге г. Назарета проповедовал иудеям. Иконография кижской иконы значительно отличается от распространенного варианта. На иконе Христос изображен дважды. В левой верхней части Иисус изображен сидящим перед иудейскими мужами. В правой части у Христа в руках раскрытая книга с текстом: «аще кто // жаждеть // да гряде//ть ко // мне и // да пие//ть и от // чрева его // поте//куть...». Он указывает на текст в книге иудеям, которые сидят на длинных скамьях в оживленных, заинтересованных позах. Все иудеи держат закрытые книги. В руках Христа раскрытая книга с текстом. Особенность композиции в том, что Иисус Христос представлен дважды, оба раза взрослым мужем, что вместе с названием означает иное значение изображения события. В богослужебных книгах праздник называется «Новолетие», «Начало индикта, иже есть новаго лета».

Неделя пятая по Пасхе «о самаряныне» представлена образом Христа у студенца (колодца) Иаковлева, и следующая в праздничном ряду икона «Христос и самаритянка»³¹.

Шестая седмица – неделя о слепом, в праздничном ряду это икона «Исцеление слепого»³². На шестой неделе с четверга отмечается Вознесение Христа, и оно представлено иконой «Вознесение Господне». Неделя седьмая по Пасхе – Святых отцов I Вселенского собора, и этот образ наличествует в праздничном ряду. Седьмая неделя Святой Пятидесятницы завершается праздником Святой Троицы, который представлен образом «Ветхозаветная Троица», за ним расположена икона «Сошествие Святого Духа на апостолов». День Святого Духа отмечают на следующий день после Троицы.

Обратим внимание на специфику иконографии иконы «Сошествие Святого Духа на апостолов» (рис. 4). Апостолы изображены без нимбов сидящими на скамьях, в общении, со свитками в руках, полукругом, в центре которого на престоле с высокой спинкой восседает Богородица. У каждого ученика над головой и над ликом Богородицы огненные языки – символ схождения Святого Духа. Слева от Богородицы представлен Петр, справа – Иоанн. Здесь нет апостола Павла, следовательно, в соответствии с Книгой Деяний изображены те ученики, которые присутствовали в Сионской горнице (Деян. 1: 13, 2: 3–4). Вместо более древнего образца иконографии праздника с изображением космоса в виде старца использован вариант с Богородицей, опять же по тексту Деяний: «Все они единодушно

³¹ Надпись на иконе: «НЕДЕЛЯ . Д . О САМАРЯНЫНИ»). («Д» – буквенное обозначение цифры 4).

³² На иконе надпись «НЕДЕЛЯ . Е . О СЛЕПОМЪ» («Е» – буквенное обозначение цифры 5).

Рис. 4. Икона «Сошествие Святого Духа на апостолов»

пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариею, Матерью Иисуса, и с братьями Его» (Деян. 1: 14). Что это: подражание католическим образцам³³ или же предпочтение новозаветных текстов богослужбным? Под сошествием Святого Духа на апостолов подразумевается установление Церкви как православными, так и католиками, но это событие воспроизводится и понимается по-разному. Присутствие Богородицы и ее центральное место в иконе не соответствуют тому, что раскрывается в службах праздника Пятидесятницы. В католических и поздних православных иконах с включением Богоматери в центр круга «связь этого образа с экклезиологией прекращается. Изображения Сошествия Святого Духа принимают все более иллюстративный характер и ограничиваются

³³ В православных иконах, представляющих сошествие Святого Духа на апостолов, Богоматерь не изображалась до XVII в., в католических же напротив.

внешним описанием событий. Здесь уже полный разрыв между богословием, духовной жизнью и художественным творчеством»³⁴.

«В Пятидесятницу образуется новое существо – Церковь»³⁵, и последующие за этим образом иконы представляют жизнь Церкви. Это иконы исторического плана, замыкающие праздничный ряд: «Успение Богоматери», «Воздвижение Креста Господня» и «Покров», традиционно завершающие ряд и одновременно возвращающие к началу годового богослужебного цикла, тем самым образуя его непрерывность.

Праздничный ряд также иллюстрирует важнейшие события из христианской истории, что можно отнести к явлениям исключительным для праздничных рядов северных иконостасов. Четыре иконы включают изображения Вселенских соборов – с первого по четвертый, отражающие период устройства Церкви, принятия основополагающих догматов, таких как Символ веры, учение о Троице.

Такие иконы, как «Троица», «Воздвижение креста», «Покров», «Вселенские соборы», создавшие основной строй православной церковной жизни, в столь обширном праздничном чине, в котором евангельская хронология (включая страстной цикл) соседствует с пасхальной, добавляют еще одно звучание – идею торжества Церкви. Взаимосвязь церковной и государственной власти можно проследить в иконах, представленных Вселенскими соборами, на которых православное духовенство под председательством императоров осуждают еретиков и принимают церковные догматы. Так, на иконе «Первый Вселенский собор» (рис. 5) отражены события Вселенского собора 325 г., происходившие в Никее. Подробное название иконы: «ПЕРВЫЙ ВСЕЛЕНЬСКИЙ СОБОРЪ СТЫ<Х> О<ТЕ>ЦЪ НА / АРІЯ» означает важность темы. Действие на иконе происходит в интерьере православного храма, в завершении которого три главки. В основной части композиции изображены представители высшего духовенства христианской Церкви во главе с императором Константином, восседающим на золото-серебряном троне. Основное событие дополняют две сцены. Вверху слева – жертвенник с Христом-Еммануилом, к которому обращается св. Петр Александрийский. Жертвенник покрыт красной тканью с изображением орудия страстей и надписью «ІС ХС». Внизу справа – в нижней палате отступник Арий, из него изливаются нечистоты³⁶.

³⁴ Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1997. С. 641.

³⁵ Там же.

³⁶ История с отступником Арием позднее была продолжена в местном ряду иконостаса в двух клеймах рамы иконы «Покров» (сер. XVIII в.) иконописцами из мастерской «Кондопожский мастер».

Рис. 5. Икона «Первый Вселенский собор»

Догматы, которые принимали церковные иерархи во главе с мирскими правителями, Православная Церковь сохраняет и руководствуется ими. В акафисте Пресвятой Животворящей Троице поется: «Свят еси Господи Боже наш, седмию Вселенскими Соборы, яко седмию столпы, Церковь оградивый и еретическим треволнениям неприступную сотворивый!... Свят еси Господи Боже наш, Владимира великаго князя земли Русския, к свету истинныя веры приведый, и тем землю нашу от прелести многобожия свободивы...»³⁷. Это находило свое выражение прежде всего в стенописи. Вселенские соборы более характерны для росписей каменных храмов, например: Успенский мос-

³⁷ Икос 7 Акафист Пресвятой и Животворящей Троице.

ковский собор, Благовещенский собор в Сольвычегодске и др. Их писали на северной и южной стенах, и крайне редко их можно встретить в иконостасах деревянных церквей. По церковным документам в кижском храме они также размещались на северной и южной гранях иконостаса. Появление икон данного сюжета близко по времени распространению влияния в Заонежье Выговского староверческого общежительства, вероятно, отражает общее беспокойное состояние в Русской Православной Церкви. Обе стороны (официальное православие и староверы) считали себя правыми, строго соблюдающими догмы Вселенских соборов³⁸. В праздничных иконах кижского иконостаса явно прослеживается сложность исторической и художественной ситуации, когда активно внедрялась западная культура и одновременно отстаивались традиционные устои старообрядческим движением в Заонежье.

В изображении праздничных сюжетов удивляет многое. Например, старообрядческая ориентация благословляющего жеста на двуперстие, и в то же время в большинстве праздничных икон нет иконописных горок и традиционных иконных палат. Их сменили элементы реалистичной архитектуры двух противоположных типов, разительно отличающихся друг от друга. В иконах с «тяжеловесными» строениями архитектура занимает все пространство ковчега, в них явно видно стремление иконописцев показать сцены в интерьере. Во втором варианте «воздушная» белокаменная архитектура в виде средневековых городов подобно монастырским храмам, располагавшихся на склонах гор, заключена в холмистые поверхности, сплошь покрытые мелкими кустикомитравками. Не все иконы этого ряда имеют идеальное композиционное построение сюжетов. Простые схемы, в которых пропорции фигур и архитектуры соразмерны иконному щиту (например, «Уверение апостола Фомы»), соседствуют с перегруженными деталями (например, «Покров Богородицы»). Такое сочетание противоположностей явно характеризует деятельность иконописцев на стыке двух культур, еще работающих в традиционной иконописи, но уже осваивающих новые знания «живоподобия».

Деисусные иконы написаны в более «архаичном» варианте (традиционном для иконописи) по сравнению с праздничными иконами. Возможно, это объясняется тем, что деисусные святые исполнены по прорисям

---

³⁸ Приведу еще примеры параллельного мышления: помимо почитания Вселенских соборов на староверческом Выге были изображения князя Владимира. Например, в деисусном чине шелтопорожской часовни – *Платонов В. Г.* Часовня пророка Ильи в деревне Шелтопорог и ее убранство // Народное зодчество. Петрозаводск, 1998. С. 300.

с более древних икон. Здесь необходимо напомнить об использовании одних и тех же образцов при написании деисусных икон в кижском покровском иконостасе и в кижском преображенском. См. фото в качестве примера иконы «Евангелист Лука» из этих храмов (рис. 6а, б) и фрагменты икон «Святитель Иоанн Златоуст» (рис. 7а, б).

Рис. 6а. Икона «Апостол Лука».
Конец XVII в.
(КП-107-20 ДРЖ-103)

Рис. 6б. Икона «Евангелист Лука».
Первая четверть XVIII в.
(КП-106-54 ДРЖ-346)

*Рис. 7а. Фрагмент иконы
«Святитель Иоанн Златоуст» 107-22*

*Рис. 7б. Фрагмент иконы
«Святитель Иоанн Златоуст» 106-46*

То же можно сказать и о некоторых персонажах преображенского «неба». Например, небесные праотцы Нафан и Енох явно исполнены по одному образцу с деисусным апостолом Фомой³⁹ (рис. 8).

Так же идентичны иконы «Спас в силах», «Иоанн Богослов» из зимнего и летнего кижского храмов⁴⁰.

Преображенский деисусный чин, традиционный для своего времени, включает апостолов, евангелистов, отцов Церкви, преподобных. По своему составу он несколько отличается тем, что в нем нет чина мучеников. Исключение может составить епископ Власий Севастийский, икона которого расположена напротив иконы епископа Модеста Иерусалимского. В надписи на иконе на первом месте стоит священномученик и лишь после имени – епископ. Это очень популярные в среде северного крестьянства святые. Включение их в состав деисусного предстояния, как и определенных преподобных: Антония Римлянина, Симеона Столпника, Варлаама Хутынского, Александра Невского, Зосимы и Савватия Соловецких, свидетельствует о заказном варианте чина. Подтверждением служат примеры из храмов других регионов, где также отдается предпочтение популярным святым в своей местности. Например,

³⁹ Фролова Г. И. Потолочная живопись... С. 334.

⁴⁰ Фролова Г. И. Иконы в собрании музея-заповедника «Кижский»... С. 215.

Рис. 8. Небесные праотцы Нафан и Енох

в зоне московского влияния обязательно будет Сергей Радонежский, в Ростовском регионе – Леонтий Ростовский.

Беглое сопоставление отдельных кижских икон с иконами из крупных иконописных центров позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в составе иконописной артели, работавшей для кижских храмов, были иконописцы из разных регионов: Вологды (такие элементы, как «накладные» глаза, крупные камни, характерны для работ Ивана Маркова)⁴¹, Белозерья (типажи деисусных икон из Ильинской церкви), Костромы (в письме одежд характерный оборот одной руки тканью гиматия)⁴², а письмо ликов и архитектуры – о знакомстве и освоении новомодных тенденций.

Сюжетная сторона праздничных икон, пасхальный цикл, специфика надписей, состав деисусного чина, тексты на свитках пророков, включение нехарактерных для «небес» персонажей, все это и многое другое наводит на мысль о начитанности автора или авторов программы иконописного убранства церкви Преображения Господня.

Даже позднее, когда введение резной золоченой рамы слегка завуалировало содержание храмового иконописного убранства, оно не обезличилось, а скорее, еще более усилилось символикой виноградной лозы.

⁴¹ Рыбаков А. А. Вологодская икона... С. 100–101.

⁴² Костромская икона XIII–XIX вв. / Авт.-сост. Комашко Н. И., Каткова С. С. М., 2004.

Иконостас. Подобного типа резные иконостасы получают распространение со второй половины XVII в. под влиянием западной культуры и наплывом белорусских резцов в Московию⁴³. Н. В. Мальцев емко охарактеризовал их распространение как «массовость художественного явления»⁴⁴. Столяры, резчики и позолотчики объединялись в артели в крупных центрах: Вологде, Костроме, Холмогорах и других, работая повсюду⁴⁵. Иконостасы формировались по одному принципу. В их основании тумбы (панели), зачастую с картушами для текстов или изображений. На них последовательно по ярусам выстраивали ставы для икон местного, деисусного, праздничного, пророческого, в некоторых иконостасах еще и праотеческого рядов. Во многих случаях в завершении устанавливали распятие. Классический пример такого иконостаса московский Успенский собор, который, как известно, послужил образцом для многих русских храмов.

Типичные иконостасы северных деревянных храмов второй половины XVIII столетия: иконостасы в Богоявленской церкви Ошевенского погоста Приозерного района Архангельской области (1787 г.) и в Успенской церкви д. Кондопога (1784 г.). Кижский иконостас их значительно превосходит в художественном плане. Возможно, его прототипом послужили костромские иконостасы. Строение кижского иконостаса в более упрощенной форме повторяет хорошо сохранившийся пятирядный резной иконостас в костромском Троицком соборе⁴⁶. Это проявляется в следующем.

- Прежде всего, строгое членение по горизонтали ярусов иконостаса антаблементами и обрамление икон по вертикали виноградной лозой с обилием золоченой резьбы.

Ставы для икон нижнего местного ряда установлены на тумбах (панелях). В Троицком соборе тумбы с текстами тропарей находятся у каждой местной иконы. На кижских панелях (тумбах) места для надписей тоже имеются, но только на двух есть тексты. Один написан у иконы Ветхозаветной Троицы. «Благословен еси, Христе Боже наш, / Иже премудры ловцы явлей, / ниспослав им Духа Святаго, / и теми уловлей вселенную, / Человеколюбче, слава Тебе». Это тропарь в Неделю Пятиде-

⁴³ Мальцев Н. В., Мальцева О. Н. Мастера иконостасной скульптуры и иконописцы Северной России XVI–XVIII вв. СПб., 1998. Вып. 1.

⁴⁴ Мальцев Н. В. Искусство декоративной резьбы и деревянной скульптуры Русского Севера // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Каталог выставки. М., 1995. С. 16.

⁴⁵ Например, в Кирилло-Белозерском монастыре в церковь Успения резали иконостас мастера из вологодского цеха. (Лебекова О. В. Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря в XVII–XVIII вв. // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 163–164.)

⁴⁶ Кострома. Иконостас Троицкого собора Ипатьевского монастыря / Авт. текста С. С. Каткова. Тверь, 2014. (Серия: Знаменитые иконостасы России.)

сятницы (день Святой Троицы). Он расположен под рамой с Деяниями Троицы, в центре которой был киот с иконой «Гостеприимство Авраама». Этот текст использован и в костромском, и в кижском храмах. Второй текст расположен под иконой «Собор Богоматери». «Рождество Твое, Христе Боже наш, / возсия миру свет разума, / в нем бо звездам служащий/ звездою учахуся/ Тебе кланяются, Солнцу Правды, / и Тебе ведети с высоты востока, / Господи, слава Тебе» – это тропарь праздника Собор Богородицы, глас 4. Тексты, как и все в этом храме, также посвящены Иисусу Христу, Солнцу Правды.

- В центре местного ряда такие же высокие царские врата, арочное навершие которых занимает центр второго праздничного яруса. Так же располагались головки херувимов на архивольте арки врат. К сожалению, в Преображенской церкви они утрачены. (В частных коллекциях удалось выявить трех ангелочков, на сегодня известен только один (рис. 9).

- Форма колонок так же делится на две части: сверху – сквозной узор виноградной лозы, нижнюю глухую часть ствола обрамляют листья аканта. Отличие колонок наблюдается в цветовом решении. У костромских золоченых колонок внизу под листьями аканта красный цвет, у кижских – внизу серебряный.

Рис. 9. Ангелочки на арке царских врат

Вверху на колонках – такие же коринфские капители с красным фоном, внизу – скромные золоченые базы.

- Та же форма розеток над капителями.
- Обрамление ставов выполнено такими же тонкими полосами багета.
- Карнизы так же с раскреповкой у каждой иконы. Антаблемент

кижского иконостаса имеет больше горизонтальных полос. Красный цвет каркаса под резьбой опять же, как и в костромском иконостасе, использован и на стойках кижских ставов, но в кижском варианте дополнен синим цветом на фризах. Остов троицкого иконостаса одноцветный – красный, преображенский – трехцветный: по вертикали (под колонками и плакетками – красный, по горизонтали под резьбой фризов – синий, на тумбах – зеленый). Это, вероятно, можно объяснить большей протяженностью кижского остова, умением мастеров разрядить монотонное однообразие золоченой поверхности.

Троицкий иконостас выглядит роскошным. Он значительно богаче. В нем больше золоченой резьбы, каждая икона обрамлена колонками с виноградной лозой, в то время как в преображенском – колонками выделен центр и грани иконостаса, между которыми иконы обрамлены плакетками с глухой цветочной резьбой. За счет такого членения протяженный на 7 стенах кижский иконостас не выглядит монотонным сооружением. Его цветовую палитру в значительной мере поддерживает золото икон трех верхних ярусов. Столь значительное сходство позволяет высказать предположение, что резьба троицкого иконостаса могла послужить образцом для кижского и, возможно, резали его также мастера из костромских цехов. В 1999 г. С. П. Сергеев предложил варианты прочтения резной надписи в виде криптограммы на крайнем ставе нижнего ряда иконостаса с именем Наум⁴⁷. Остается надеяться, что полная расшифровка резной надписи на крайнем ставе позволит более четко определиться с происхождением и датировкой резного иконостаса.

В XIX столетии соподчиненность всех элементов интерьера общему замыслу была разбавлена крупными киотами и тумбой с плащаницей – чистосердечными дарами прихожан, что несколько завуалировало первоначальный программный замысел, сместив взгляд на новомодные предметы. В XX столетии произошла невосполнимая утрата живописного «неба».

---

⁴⁷ Фролова Г. И. Иконостасные мастера Обонежья XVIII – начала XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 181, 190. Варианты расшифровки различались: «поставил иконостас сей погостские (посадские) люди строил иконник (изуграф) Наум»; «иконостас церкви Спаса Преображения поставил (построил) столяр иконник Наум»; «погорелые церкви Спаса Преображения поставил ставы иконник Наум», поэтому мной не были опубликованы.

В иконографической программе кижского храма видны важнейшие символично-догматические идеи алтарной преграды (в варианте высокого иконостаса в ордерной раме) и темы куполов (в данном случае переработанной в «небесном» эквиваленте). Масштабность иконописного убранства, как и архитектурный облик храма, поражает особенно глубоко, поскольку создано это великолепие в северной провинции на одном из островов Онежского озера. Расшифровать этот своеобразный иконописный замысел храмового убранства церкви Преображения Господня на о. Кижы является приоритетом для музея.

Приложение

Записки путешественника Якимова 1823 г. о церкви Преображения Господня на о. Кижы

В научном архиве Государственного музея истории религии хранится довольно объемный рукописный текст «Путешествие Якимова из Санкт-Петербурга в Соловецкий монастырь и обратно в июне и июле месяцах 1823-го г.»⁴⁸, в котором содержится наиболее раннее на сегодняшний день описание внутреннего убранства церкви Преображения Господня. В 2014 г. это сочинение было опубликовано И. В. Тарасовой⁴⁹. Публикация сопровождается предисловной статьей и научными комментариями.

Исследовательнице удалось установить полное имя и социальный статус автора путевых заметок. Это Иван Емельянович Якимов, петербургский чиновник IV класса, коллежский советник, прихожанин церкви апостола Павла при госпитале Семеновского лейб-гвардии полка. Якимов был женат, имел сына Петра Ивановича и невестку. Во время путешествия он неоднократно отправлял родным письма⁵⁰.

Поездка носила паломнический характер по традиционному для жителей северо-западных губерний маршруту. Якимова сопровождали слуги Дмитрий и Терентий. Сначала по воде добирались от Петербурга до

⁴⁸ НА ГМИР. Кол. III. Оп. 1. Д. 531. Л. 35 об. – 37 об. Автор признателен сотрудникам ГМИР за предоставленную возможность ознакомиться с данной рукописью во время экспонирования выставки «Небеса Заонежья» в 2010 г.

⁴⁹ Тарасова И. В. Путешествие из Петербурга в Соловецкий монастырь // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2014. Вып. 14. С. 141–150; публикация текста, подготовленного И. В. Тарасовой: Путешествие Якимова из Санкт-Петербурга в Соловецкий монастырь и обратно в июне и июле месяцах 1823 г. // Там же. С. 151–198.

⁵⁰ Тарасова И. В. Путешествие из Петербурга в Соловецкий монастырь... С. 142.

Повенца, затем по суше ехали до Белого моря, после чего по морюплыли до Соловков⁵¹. Паломники перемещались от одной святыни к другой, совершая по пути торжественные молебны⁵².

Сильное впечатление на Якимова произвела церковь Преображения Господня на о. Кижи, куда он прибыл на 13-й день путешествия. В тексте звучит и восхищение («в сердечных моих чувствах родилось благоговение»), которое он испытал при созерцании увиденной им храмовой живописи и резьбы иконостаса, и изумление, что такое великолепие находится в местности с «малым населением народа». Он обстоятельно описал содержание «неба», даже подсчитал изображенных персонажей: «всех лиц изображено на куполе 51». В это число входят 16 ангелов, 32 праотца и праведника на гранях и Святая Троица. В местном ряду иконостаса на него сильное впечатление произвела сцена с Авраамом, приносящим в жертву сына Исаака на раме «Деяния Троицы» к киоту «Ветхозаветная Троица». Непонятно в его записи упоминание праведного Авеля в виде целомудренного юноши – иконы с изображением Авеля в церкви по описи 1826 г. и позднее не было. Вероятно, Якимов видел образ Даниила во рву львином на южной алтарной двери. Он подходит под описание целомудренного юноши.

Узнаваемо описана путешественником и «удивительной архитектуры» конструкция церкви: высокий подклет («фундамент») и восьмиугольная форма над ним, «свыше которой премудро и красиво устроены 23 главы». Якимов фиксирует 5 глав, обитых белым железом, а остальные – «чешуйчатым тесом». Именно в это время кижские прихожане и священник собирают по «зборным книгам» средства на обивку глав металлом.

Саму церковь паломник называет «трапезой», вероятно, по аналогии с трапезными церквями. Например, Трапезная церковь в Троице-Сергиевой лавре: церковь преподобного Сергия с трапезной палатой, 1686–1692 гг. Этот трапезный храм также построен на высоком подклете.

От внимания автора не ускользнула даже надпись внутри церкви 1726 г. – текст о поновлении «неба», которую он определил как дату строительства храма – 1755 г.

В этих же записках путешественника несколько строк уделено второй церкви Покрова Пресвятой Богородицы с престолом Николая Чудотворца, в которой «зимой отправляется Божия служба», но называет церковь иначе: «во имя Живоначальной Троицы».

⁵¹ Тарасова И. В. Путешествие из Петербурга в Соловецкий монастырь... С. 143.

⁵² Там же. С. 148.

Ниже приводится отрывок из сочинения Якимова – описание Преображенской церкви на о. Кижь⁵³.

**Из «Путешествия Якимова из Санкт-Петербурга
в Соловецкий монастырь и обратно
в июне и июле м[еся]цах 1823-го г.»**

Погост Кижь расположен на обширном острове, окруженном многими мелкими островами Онегского озера. Берега его усыпаны мелким каменным гольшом, представляются к земледелию неспособными, однако хлеб растет хорошо. Лесу на нем мало, а только по берегам растет мелкой похожий на чернолесье, между которым видел я среднего росту вяз, чернокленник и кара...<нрзб.>⁵⁴.

На сем погосте две церкви деревянные, из них: 1-я во имя Преображения Господня, удивительной архитектуры, строена назад тому за 70-ть лет, что показывает надпись, на стене внутри той церкви хранящаяся с 7263-го г. Фундамент той церкви четвероугольный, на котором выстроена самая трапеза сь олтарем, от грунта земли фундамент возвышен на 5-ть аршин и признать его можно за нижний этаж, выше котораго расположена внутренность трапезы и олтаря осмиугольно чрез мерно высоко, а внутри мера трапезы в длину 8 ширину 9 сажень, олтарь 3. сажени. На ней крыша деревянная, свьше которой примудро и красиво устроены 23 главы, из коих 5 главня или средня обшиты белым железом, а прочие чашуйчитым тесом; постройка сей церкви представляет древнее и чудесное изобретение мастера, ей подобной нигде мне не встречалось видеть.

Сколько та церковь с наружи величественна, а более того внутри благолепна; ибо в ней иконостас лутчей работы резной и весь вызолоченный, иконное писание старинное но близкое к Божеству. На образах изображены Святыя лица живо и редкия истории из Нового и Ветхаго Завета, как то: праведный Авель в виде целомудренного юноши, Авраам приносящий в жертву Исаака, Святая Троица Аврааму явившаяся и прочее. В трапезе сделан купаль круглый, величиною в параллели около 24 аршин, а в окружности 72 аршина, место просвета в нем утверждено 16 косовых рам, а посреди оных круглопоский шар на коем живо изображена Святая Троица или Отечество: Отец Сын и Святой

⁵³ Сохранена орфография автора документа, Якимова. Текст публикации сверен по рукописи (Л. 35 об. – 37 об.). Более полное описание поездки Якимова на остров Кижь см.: Тарасова И. В. Путешествие из Петербурга в Соловецкий монастырь... С. 167–168.

⁵⁴ И. В. Тарасова пишет, что это «карайчнил», возможно, ошибочное написание «караич», или терн (обл. пенз.).

дух; а в косовых рамах небесныя чины в виде ангелов с различными эмблемами; пониже ангелов представлены древние праотцы, пророки и праведные мужи, так же воспоминаемые в Ветхом Завете. Благочестивые жены. Всех оных лиц изображено на куполе 51 в большом росте – таковыя великолепная картина представляется небесною Славою, на которую как и на иконостась взирая, в сердечных моих чувствах родилось благоговение к начертанному Божеству. Более еще и потому, что малое население народа пользуется большим воззрением на божественныя предметы <...>

В первой Преображенской церкви служили мы общий молебен Преображению господню и Николаю чудотворцу с Акафистом Иисусу с водоосвящением.

Б. Д. Москин

(Музей-заповедник «Кижь», Петрозаводск)

К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ СЮЖЕТОВ НА СЕВЕРНОЙ АЛТАРНОЙ ДВЕРИ ИКОНОСТАСА КИЖСКОЙ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация: В статье поднимается вопрос об уточнении и обосновании наименования икон кижской Преображенской церкви. Один из сюжетов на северной алтарной двери иконостаса включает текст погребальной стихире Иоанна Дамаскина «Плачемся и рыдаем». Такая подпись, возможно, является единственной в своем роде для известных русских боковых алтарных дверей и других икон.

В связи с восстановлением иконостаса главного кижского храма становится актуальным вопрос об уточнении наименования его икон. Названия многих образов были определены в советский период и несут отпечаток своего времени. Кроме того, за последние годы было издано много каталогов икон с развернутыми комментариями сюжетов. Необходимым также становится и обоснование выбора наименования при наличии нескольких вариантов.

Обратимся к северной алтарной двери (предположительно, конца XVII в.), на которой изображено три сюжета (рис. 1). Обозначение первого из них – «Лоно Авраамово» – не вызывает вопросов. Наименования второго и третьего сюжетов, используемые сейчас в музее, – «Насажденный рай» и «Плачемся и рыдаем». Рассмотрим их более подробно.

В описях церковного имущества XIX в. северная алтарная дверь иконостаса Преображенской церкви обозначается как: «*Северные пономарские врата, на них образ Господа Саваофа, на лоне Авраамове, в подножии писано изгнание Адамово из рая на золоте*»¹ (1830) и «*Северныя Пономарские двери, на коих на золоте изображено лоно Авраамово,*

---

¹ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гущин. Петрозаводск, 2013. С. 22.

пребывания Адама и Евы в раю и изгнание их»² (1867). В этих источниках третий сюжет не упоминается.

В каталоге музея «Кижь» 1973 г. северная алтарная дверь описана как: «Трехчастная икона с изображением лона Авраамова, насажденного раю и смерти человека. (Северные пономарские двери)»³. В подготовленном С. В. Ямщиковым издании «Кижь. Древняя живопись Карелии» 1979 г. данный образ был обозначен как: «История жизни человека (северная алтарная дверь)»⁴. В музейном каталоге 1980 г. читаем: «Лоно Авраамова (История жизни человека). Северная алтарная дверь с изображением трех сюжетов: „Лоно Авраамова“, „Насажденный рай“ и „Плачемся и рыдаем“»⁵. В работах Г. И. Фроловой встречаются такие описания: «Лоно Авраамова», «История Адама и Евы», «Плачемся и рыдаем»⁶ и «северные алтарные врата, включающие композиции „Лоно Авраамова“, „Насажденный рай“, „Плачемся и рыдаем“»⁷.

Мы видим разные наименования второго и третьего сюжетов.

Изображения на русских северных алтарных вратах различались. О рассматриваемой трехчастной композиции можно сказать, что она раскрывает блаженство в Царствии Небесном (Лоно Авраамова), потерянный человеком рай (Изгнание из рая) и тему смерти⁸.

В качестве аналога приведем каталожные обозначения двух боковых алтарных дверей из Вологды (рис. 2, 3). Эти врата сходны по типу с кижскими, но относятся к более раннему периоду. В издании 1995 г., подготовленном А. А. Рыбаковым, они обозначены как: «Дверь пономарская, с клеймами: Лоно Авраамова, Изгнание из рая, Наказание грешных, Поминание усопших, конец XVI в.»⁹ (четыре сюжета) и «Дверь пономарская, с клеймами: Лоно Авраамова, Изгнание из рая, Нагробное рыдание, конец XVI – начало XVII в.»¹⁰ (три сюжета).

² Документы и материалы... С. 65.

³ Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь». Каталог / Сост. А. Т. Беляев, Б. А. Гуцин, В. А. Гущина. Петрозаводск, 1973. С. 29.

⁴ Кижь. Древняя живопись Карелии. Каталог / Сост. С. В. Ямщиков. Петрозаводск, 1979. С. 82.

⁵ Древняя живопись Карелии. Фонды музея Кижь. Каталог / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 22.

⁶ Фролова Г. И. Внутреннее убранство Преображенской церкви Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 12.

⁷ Фролова Г. И. Символика архитектурных форм церкви Преображения Господня на о. Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 61.

⁸ Шалина И. А. Боковые врата иконостаса: иконография и символика // Иконостас: происхождение, развитие, символика. М., 2000. С. 572.

⁹ Рыбаков А. А. Вологодская икона: Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII вв. М., 1995. Ил. 84.

¹⁰ Там же. Ил. 162.

Рис. 1. Северная алтарная дверь из иконостаса кижской Преображенской церкви. Конец XVII в.

Рис. 2. Дверь пономарская с клеймами: Лоно Авраамово, Изгнание из рая, Наказание грешных, Поминовение усопших. Конец XVI в. (По данным каталога 1995 г.)

Рис. 3. Дверь в жертвенник («Лоно Авраамово», грехопадение и изгнание из рая, сцена «Зрю тя, гробе»). Последняя треть XVI в. (По данным каталога 2007 г.)

В каталоге вологодских икон 2007 г. упомянутые образы обозначены как двери в жертвенник, а их сюжеты перечислены в комментариях: Лоно Авраамово, грехопадение и изгнание из рая, наказание грешников, сцена «Зрю тя, гробе»¹¹.

На вологодских дверях во втором регистре крупным планом показано изгнание из рая, а также момент грехопадения. На кижской же двери мы видим серию из семи «клейм», на которых представлены сотворение человека, грехопадение и изгнание Адама и Евы из рая. Такое, более развернутое раскрытие темы можно увидеть на боковой двери начала

¹¹ Иконы Вологды XIV–XVI вв. М., 2007. С. 696, 742.

XVII в. из собрания ЦМиАР¹² (рис. 4). Интересную особенность отметил В. Г. Платонов, указав на то, что на кижской иконе творцом человека изображается Саваоф, а не Иисус Христос (Ангел Великого Совета), как на других сходных дверях или клеймах икон с деяниями Троицы¹³.

Обозначение «Насажденный рай», используемое для наименования второго сюжета на кижской двери, взято с левой верхней¹⁴ подписи к изображению: «насади бгъ Рай // красными древесами». Оно, по всей видимости, опирается на строки Книги Бытия:

«И насади Господь Богъ рай во Едеме на востоцехъ, и введе тамо человека, егоже созда.

И прозябе Богъ еще от земли всякое древо красное въ видение и доброе въ съедь: и древо жизни посреде рая, и древо еже ведети разуметльное доброга и лукаваго». (Быт. 2: 8–9.)

Наименование «Насажденный рай» напрямую не описывает содержания семи небольших сюжетов на кижских дверях. Нам кажется, что более точным было бы название «Сотворение человека, грехопадение, изгнание Адама и Евы из рая».

Третий сюжет на кижской северной двери композиционно сходен с соответствующими изображениями на вологодских дверях. И там, и там представлены монахи, оплакивающие умершего собрата. Рассматриваемые образы отличаются подписями, и обычно данный сюжет сопровождается словами покаянного стиха «Зрю тя, гробе»¹⁵ и обозначается так же¹⁶.

Рис. 4. Дверь в жертвенник (Лоно Авраамово и праведный разбойник, Сотворение Адама и Евы и грехопадение, Изгнание из рая, плач Адама и Евы, Даниил во рву львином, Три отрока в печи огненной, «Душа чистая», Муки грешников в аду, «Зрю тя, гробе»).

Последняя четверть XVI в. Подмосковье. (По данным каталога 2007 г.)

¹² Иконы XIII–XVI в. в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007. Кат. № 105, С. 560–565.

¹³ Платонов В. Г. Живопись Обонежья 17–18 в. / Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1987. Л. 137.

¹⁴ Подпись справа сверху размыта: «...восто(?)... // ...пло(?)...».

¹⁵ Дьяченко О. А. Иллюстрация стиха «Зрю тя, гробе» в поствизантийском и русском искусстве // Греческие иконы и стенописи XII–XVI вв.: Сб. статей. М., 2013. С. 189–193.

¹⁶ Владышевская Т. Ф., Сергеев В. Н. «Покаянный стих» «Зрю тя, гробе...» в литературе, живописи и музыке XVII в. // Древнерусское искусство XV–XVII в. М., 1981. С. 108–117.

На кижской двери представлен, возможно, единственный для произведений русской иконописи вариант текста, обозначаемый как «Плачемся и рыдаем» (рис. 5):

Рис. 5. Северная алтарная дверь из иконостаса кижской Преображенской церкви. Сюжет «Плачемся и рыдаем». Конец XVII в.

*«Придете убо братіе плачемся і рыдаемъ егда помышлемъ смерть видехомъ бо во гробе лежаща образе бжїе и попод...ію созданную нашу красоту всего бл<a>голенія // отлагаема бе<z>образная и бесла[в]ная и немущи виденія и доброты очудеси како предахомъ ся тленію ...яхо<m> смерти і воистину суета // естъ всячески... **приидете внуцы адаамовы** ...зе... ры на гноемъ распа<да>шася і червие<m> мою покрыв... // его же бессловесна быша»¹⁷.*

Этот текст включает большую часть одной из погребальных стихир Иоанна Дамаскина, которая исполняется в чине погребения¹⁸:

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславу, не имущую вида. О, чудесе! Что сие еже о нас бысть таинство? Како

¹⁷ Расшифровка Г. И. Фроловой, 2014 г.

¹⁸ Это отмечала И. М. Гурвич в 1984 г. в описании иконы: «нижний сюжет посвящен бренности человеческой жизни и условно назван по начальным словам церковного погребального песнопения „Плачемся и рыдаем“».

предахомся тлению? Како сопрягохомся смерти? Воистину Бога повелением, якоже писано есть, подающего преставльшемуся упокоение»¹⁹.

Затем текст продолжается строками одной из стихир на последнее целование:

«Приидите, внуцы Адамовы, увидим на земли повержена, иже по образу нашему, все благолетие отлагающа, разрушена во гробе гноем, червьми, тьмою иждиваема, землю покрываема. Егоже невидима оставльшие, Христу помолимся, дати во веки сему упокоение»²⁰.

Текст стихир на церковнославянском в издании 1912 г. не отличается от такового в Трехнике 1658 г.²¹

Нейтральные обозначения данного сюжета, как «надгробное рыдание» или «смерть человека», не обращают внимание на литературную основу первоисточника. Точно так же можно не рассматривать и вариант «Зрю тя, гробе», который опирается на собственный текст.

В научной статье 1981 г. текст с кижской двери определялся как погребальная стихира Иоанна Дамаскина, но обозначалась она по первым строкам как «Приидете, убо братие»²². Следуя выбору авторов, точно так же надо было бы обозначить и композицию на иконе.

Однако оригинальная стихира Иоанна Дамаскина начинается словами «Плачу и рыдаю»²³ или «*ῥηνῆ καὶ ὀδύρομαι*»²⁴ на греческом. Строка же «Приидете, убо братие» – это скорее вступительный оборот и не раз повторяется в других песнопениях. И раз стихира является образующей частью подписи, то по ней и стоит обозначить рассматриваемый сюжет.

Существенной особенностью, которая могла повлиять на выбор одного варианта подписи для кижской северной двери, было распространение в иконописи Заонежья второй половины XVII – начала XVIII в. образов с нравоучительными сюжетами²⁵. Так, до нашего времени дошли две иконы с текстом повести «Двоесловие живота со смертью».

¹⁹ Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян), с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова. СПб.: Синодальная типография, 1912. С. 271–272.

²⁰ Там же. С. 273–274.

²¹ Трехник. М., 1658. С. 471, 329.

²² Владышевская Т. Ф., Сергеев В. Н. «Покаянный стих» «Зрю тя, гробе...». С. 111.

²³ Аверинцев С. С. Собрание сочинений. Многоценная жемчужина: переводы с сирийского и греческого. Киев, 2004. С. 180–181.

²⁴ *Βιολάκης, Γ.* Τυλκόν της του Χριστού Μεγάλης Εκκλησίας, εν Κωνσταντινουπόλει, 1888, εκ του πατριαρχικού τυπογραφείου, 454 σ. (Типикон Георгия Виолакиса, изданный в Константинополе в 1888 г. С. 454.)

²⁵ Платонов В. Г. Нравоучительные литературные сюжеты в живописи Заонежья второй половины XVII – начала XVIII в. // Кижский вестник. 2019. Вып. 18. С. 156–173.

Отметим, что в северных деревянных церквах не было отдельного помещения жертвенника, который в каменных храмах размещался в отдельной апсиде, поэтому обозначение «дверь в жертвенник»²⁶ не подходит для описания иконостасов деревянных церквей²⁷. Важным является и обозначение двери как «северной», которое точно локализует ее расположение. В старинных иконостасах деревянных церквей часто не было южной двери, как, например, в главном и придельском иконостасах кижской Покровской церкви, судя по описи 1830 г.²⁸

В данной статье сделана попытка уточнить и обосновать названия двух сюжетов на северной алтарной двери из иконостаса Преображенской церкви на о. Кижь. Мы предлагаем следующий вариант ее обозначения: северная алтарная дверь «Лоно Авраамово; Сотворение человека, грехопадение, изгнание Адама и Евы из рая; „Плачемся и рыдаем“».

Ключевой особенностью кижской двери является то, что на ней представлен, возможно, единственный известный пример использования текста погребальной стихире Иоанна Дамаскина в русской иконописи.

---

²⁶ Шалина И. А. Боковые врата иконостаса: иконография и символика // Иконостас: происхождение, развитие, символика. М., 2000. С. 559, 567.

²⁷ То же и по отношению к обозначению «пономарская дверь».

²⁸ Документы и материалы... С. 25–26, 27–28.

В. А. Гущина

(Независимый исследователь, Петрозаводск)

ИКОНА «СПАС СМОЛЕНСКИЙ» («БЕЛЫЙ СПАС») – МЕСТНАЯ ЧУДОТВОРНАЯ РЕЛИКВИЯ КИЖСКОГО ПОГОСТА¹

Аннотация: Статья посвящена изучению одного выдающегося музейного памятника – иконы «Спас Смоленский» из иконостаса Преображенской церкви, хранящейся в фондовом собрании музея-заповедника «Кижь».

В 2010 г. на Спасской башне Московского Кремля была обнаружена древняя надвратная икона, замурованная в годы советской власти, которая считалась утраченной безвозвратно (рис. 1)². Вновь обретенная надвратная икона «Спас Смоленский» – «Господь Вседержитель» была освящена 28 августа 2010 г.

Какая связь может быть между двумя иконами – чудотворной иконой Кижского погоста и надвратной иконой Спасской башни Московского Кремля? Многое проясняет общее название этих двух образов: «Спас Смоленский». С какими событиями оно связано?

Спасские ворота Кремля являлись главными, это парадный въезд в Кремль. Все правители России перед коронацией проходили через них. Благословение Спасителя обращалось к императору (царю), проходящему через ворота, распространяясь на всех присутствующих.

---

¹ Данная статья продолжает исследование автора на эту тему. См.: *Гущина В. А.* «Белый Спас». (Из истории чудотворной иконы из Преображенской церкви в Кижях) // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 126–128; *Гущина В.* «Белый Спас» – чудотворная икона Кижского погоста. Неожиданность нового ее обретения. Версия исследователя // Мир музея. 2003. № 1. С. 30; *Гущина В. А.* «Спас Смоленский» («Белый Спас») – икона Покровской церкви Кижского погоста «Спас Смоленский» на Спасской башне Московского Кремля // Газета «Кижь». 2015. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/130/9686.html> Дата обращения 13.01.2021.

² *Токарева Л. Б.* Надвратные образы Кремля // Русская история. 2010. № 3–4. С. 82–83.

*Рис. 1. Надвратная икона «Спас Смоленский»
Спасской башни Московского Кремля*

Икона «Спас Смоленский» – «Господь Вседержитель» на Спасской башне Кремля была установлена в благодарность за взятие Смоленска в 1514 г. во время русско-литовской войны 1512–1522 гг. Икона почиталась чудотворной. Этот древнейший иконографический тип относится к эпохе Ивана Грозного. Спаситель представлен в образе «Вседержителя» фронтально, в рост, с благословляющей правой рукой и держащий в левой руке Евангелие, с припавшими к его стопам святыми – преподобными Сергием Радонежским и Варлаамом Хутыньским.

Интерес к образу кижской чудотворной иконы «Спас Смоленский» связан в Заонежье со Смутным временем конца XVI – начала XVII в., в связи с нападениями иноземцев – шведских и польско-литовских отрядов.

В Писцовой книге 1628–1629 гг. дается описание тяблового иконостаса церкви – предшественницы нынешней церкви Преображения Господня на о. Кижы с указанием: в местном ряду на третьем месте «по левую сторону царских дверей: ... образ Спас Вседержитель»³.

³ Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 72.

Не является ли именно эта икона той чудотворной иконой Кижского погоста, простреленной польской стрелой в Смутное время, именуемой «Белым Спасом»?⁴ Следует принять во внимание разные названия, сопутствующие этой иконе, зафиксированные в архивных документах; в том числе, возможно, и вышеупомянутый «Спас Вседержитель» (1628 г.).

При этом вызывают интерес особенности иконографии следующих, упоминаемых в составе местного ряда: «Спас Вседержитель», «Спас на престоле», «Спас Всемилостивый в рост с припавшими к стопам святыми Александром Свирским и Варлаамом Хутынским» (вариант Северной России), «Спас Смоленский с припадающими к его ногам святыми преподобными Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским» (вариант Центральной России).

Икона «Спас Вседержитель», упоминаемая в Писцовой книге 1628 г. в составе местного ряда церкви – предшественницы храма Кижского погоста Преображения Господня – как основной иконографический тип величественного ростового благословляющего Спасителя, на наш взгляд, вряд ли была уместна.

Изначально икона не предназначалась для помещения в иконостасе как моленная икона, выполненная по частному заказу, что подтверждается включением в ее иконографическую программу миниатюрных приписных фигур четырех святых, изображенных в рост на узких полях иконы. Отсюда особенность их состава: святитель, Параскева Пятница, мученицы Екатерина и Марфа. Скорее всего, это патрональные святые заказчика и членов его семьи⁵.

Значительно большее распространение на Руси получил вариант ростового изображения Христа – «Спас с припадающими». Первой иконой, где святые припадают к ногам стоящего Спасителя, считается образ «Спаса Смоленского», написанного, как отмечалось, в связи со взятием Смоленска и помещенного над Спасской башней Кремля. Привлекает трансформация иконографического типа иконы «Спас Смоленский», в основе которой заложен величественный образ «Спаса Вседержителя».

Изображение «Спаса Смоленского» над Фроловскими воротами Спасской башни около 1514 г. возникло, возможно, на основании имевшегося там ранее образа «Спаса с Сергием и Варлаамом» в результате именованного этого образа Смоленским. Известны иконы с образом «Спаса

⁴ Гуцина В. А. «Белый Спас». (Из истории чудотворной иконы из Преображенской церкви в Кижях)... С. 126–128.

⁵ Пуцко В. Г. Икона Спаса Всемилостивого в Покровской церкви на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 100.

с припадающими преподобными Варлаамом Хутынским и Сергием Радонежским» (рис. 2). Вероятно, первой парой, заменившей Сергия и Варлаама, стали Зосима и Савватий Соловецкие.

Рис. 2. Икона «Спас с припадающими преподобными Варлаамом Хутынским и Сергием Радонежским»

До XVI в. в русском искусстве имел распространение вариант Христос с припадающими женами-мироносицами Марией Магдалиной и Марией. Исследователи считают, что извод «Явление Христа женам-мироносицам» мог прямо воздействовать на возникновение композиционной схемы «Спаса Смоленского». Известен образ «Господа Вседержителя с фигурами сестер Лазаря Марфы и Марии, припадающими к ногам Спасителя», предсказывающих грядущие его страдания.

Иконография «Смоленской» иконы, находившейся на Спасской башне, где вместо Марфы и Марии появились Варлаам и Сергей, привела к трансформации смысла изображения. Варлаам Хутынский и Сергей Радонежский припадают к стопам Спасителя с молением за жителей Москвы. В данном случае мы видим смелые эксперименты иконотворцев в замене «действующих персонажей» в зависимости от происходящих

исторических событий и чудотворных «сказаний». Кроме того, подвергая сомнению наличие варианта иконы с изображением ростового благословляющего «Спаса Вседержителя» в местном ряду церкви – предшественницы храма Преображения Господня, предпочтение отдается образу «Спасителя Вседержителя с припадающими к стопам святыми Александром Свирским и Варлаамом Хутынским».

Такой подход позволяет подтвердить идею аналогичности иконы «Спаса Вседержителя», упоминаемой в 1628 г. чудотворному образу Кижского погоста «Спасу Смоленскому», тем более что данная икона упоминается в народных «сказаниях» с 1612 г. и во все последующие времена до настоящего момента. Доказательство, по меньшей мере, умозрительное, но и не лишенное логического подтверждения в связи с большей уместностью нахождения этого изображения именно в местном ряду.

Для отождествления иконы «Спас Вседержитель» с иконой «Спас Смоленский», или «Всемиловитый Спас», как видим, нет достаточных оснований, хотя и исключать возможность этого также неправомерно.

Такое заключение на данном этапе вызвало интерес к дальнейшим исследованиям. Многое о необычной судьбе чудотворной иконы Кижского погоста «Спас Смоленский», или «Белый Спас», со временем удалось узнать.

В Кижях с давних пор известно особое отношение к этой иконе. Во вновь построенной в 1714 г. Преображенской церкви икона «Всемиловитый Спас» на правах чудотворной иконы Кижского погоста располагалась вне местного ряда, но также на почетном месте – за правым клиросом, в пышном, торжественном убранстве: «... на нем риза и венец серебряные, в киоде резном под червонным золотом, с колоннами золочеными у коих наверху сень золоченая самой высокой работы», датируемый 1777 г.⁶

Редкий случай! В 1814 г. в Петербург был заказан серебряный оклад для чудотворной иконы Спаса. В 1815 г. у иконописца Федора Данилова из Толвуи купили икону Спаса «... нельзя определить более важной иконы этой иконографии»⁷. Создание копии подтверждает особый статус древней иконы. Икона – копия в «... посеребренном окладе... датируемом 1777 г., располагалась уже в другой, зимней, Покровской церкви (за правым клиросом ее Никольского придела)».

Далее, в 1937 г., после закрытия Преображенской церкви, события разворачивались следующим образом: чудотворная икона была перенесена

⁶ Гуцина В. «Белый Спас» – чудотворная икона Кижского погоста... С. 30.

⁷ Душинова Т. Ю. Неопубликованная работа Ларса Петтерссона и Пенти Хяркёнена «Кижская Преображенская церковь. Величественный памятник церковного искусства Олонецкого края» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 23.

в местный ряд действующей Покровской церкви; а на ее место поставили икону-копию «Всемилового Спаса». На ней был все тот же оклад 1777 г., с которым икона-копия вместе с другими иконами была вывезена в 1943 г. в Финляндию.

В 1943 г., во время оккупации Заонежья финнами, чудотворная икона «Всемиловый Спас» была помечена надписью «Kisin Talvi Kirkko», свидетельствующей о наличии иконы в данный период в зимней, Покровской церкви. А на иконе-копии появилось финское цифровое обозначение «4/155» (под цифрой «4» числились иконы, вывезенные в Финляндию из Преображенской церкви).

Странная история произошла с чудотворной иконой. Она исчезла! В 1944 г. вывезенные иконы, в том числе и икона-копия, экспонировались на выставке в г. Хельсинки. После возвращения икон из Финляндии в 1945 г. икона-копия под новым названием «Спас Смоленский» была принята в фонды Музея изобразительных искусств.

В то же время судьба чудотворной иконы «Белый Спас» сложилась совсем иначе. Перипетиями военного времени ее забросило в груды «... ненужного церковного хлама...». К счастью, икону совершенно случайно здесь, в амбаре из деревни Коккойла, обнаружили главный хранитель музея «Кижы» А. Т. Беляев и научный сотрудник Б. А. Гуштин.

Икона была в окладе. Когда сняли оклад с иконы, опытный глаз кижского реставратора И. М. Гурвич после пробной расчистки увидел прекрасный образец иконописи XVI в. Тогда же, в 1968 г., икона под названием «Спас из церкви Преображения» (без инвентарного номера) поступила на реставрацию в Государственную центральную художественную научно-реставрационную мастерскую.

Икона была раскрыта в 1973 г. И. М. Гурвич и в 1976 г., после реставрации, под названием «Спас Смоленский» (Кижы КП-253/4) была введена в состав местного ряда иконостаса зимней церкви Кижского погоста на то же самое место, с которого она исчезла в период финской оккупации (рис. 3, 4). При этом все эти годы икона не ассоциировалась со своим первоначальным названием «Всемиловый Спас», или «Белый Спас», и не воспринималась как местная чудотворная реликвия.

Тем не менее тайну иконы, столь долго таившей свою истинную значимость под разными названиями, удалось раскрыть. Желательно вернуть иконе традиционное известное с 1628 г. название «Всемиловый Спас», получивший в народе признание как легендарный «Белый Спас». И, конечно, необходимо установить эту особо почитаемую икону на прежнее почетное место – за правым клиросом в интерьере знаменитой 22-главой Преображенской церкви.

Рис. 3. Икона «Спас Смоленский» из фондов музея-заповедника «Кижь» (КП-253/4)

Рис. 4. Оклад к иконе «Спас Смоленский» из фондов музея-заповедника «Кижь» (КП-3480)

Несомненно, новое обретение древней реликвии Кижского погоста – иконы «Белый Спас» – придаст еще большую популярность заповедному острову. Высокое профессиональное мастерство ее исполнения, чистый, теплый золотистый фон, изысканный колорит, утонченные, выразительные силуэты святых придают иконе умиротворение и вселяют надежду на исполнение молитвы⁸.

Данный материал финским исследователям не был известен: вот почему они уделили особое внимание иконе-копии. Дальнейшие исследования принесли новые подтверждения авторской версии, связанной с первоначальным названием этой иконы – «Вседержитель», известной с 1628 г. Названия иконы в разные годы по содержанию – идентичны: олицетворяют образ «Вседержителя», защитника и благословителя в военных делах и ратных подвигах.

Основания для отождествления иконы «Спас Вседержитель» с иконой «Спас Смоленский», или «Всемиловитый Спас», подтвердились⁹. Икона «Спас Смоленский» идентична иконе «Господь Вседержитель».

⁸ Гуцина В. «Белый Спас» – чудотворная икона Кижского погоста... С. 30.

⁹ Качалова И. Я., Маслова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры. М., 1990. С. 65. Ил. 167. Икона «Господь Вседержитель с припадающими преподобными Сергием Радонежским и Варлаамом Хутыгским».

По композиции, рисунку деталей (например, положение складок гиматия) она близка одноименной иконе середины XVI в. из Благовещенского собора Московского Кремля¹⁰. На иконе Благовещенского собора к стопам Спасителя припадают Варлаам Хутынский и Сергий Радонежский. На кижской иконе изображены Варлаам Хутынский и Александр Свирский. В выборе святых учитывался регион, для которого икона исполнялась: Варлаам Хутынский был основателем почитаемого на Севере новгородского монастыря, а Александр Свирский – крупнейшего монастыря Олонецкого края.

Кроме того, по трактовке деталей икона из Покровской церкви «Спас Смоленский» близка иконе из Сийского иконописного подлинника¹¹. Данная версия подтверждается также изображением на иконе «Вседержитель» с коленопреклоненными Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским. XVIII в. поморского (выговского) литья (Кижь КП-150/16)¹² (рис. 5).

Таким образом, кижская икона «Спас Смоленский» обретает все большую познавательную ценность.

Такова история кижской чудотворной иконы из церкви – предшественницы Преображения Господня. Иконы с таинственной биографией почти четырехсотлетнего возраста.

Рис. 5. Икона «Спас Смоленский» из фондов музея-заповедника «Кижь» (КП-150/16)

¹⁰ Качалова И. Я., Маслова Н. А., Щенникова Л. А. Указ. соч.

¹¹ См.: Пуцко В. Г. Икона Спаса Всемилостивого... С. 93.

¹² Культура староверов Выга. (К 300-летию основания Выговского старообрядческого общежития): Каталог / Сост. А. А. Пронин. Петрозаводск, 1994. С. 105.

И. Г. Гашков

(Музей-заповедник «Кижы», Петрозаводск)

О ПЛАЩАНИЦЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ НА ОСТРОВЕ КИЖИ

Аннотация: В статье рассматриваются происхождение, история бытования и современное использование плащаницы из церкви Преображения Господня, которая входит в состав фондового собрания музея-заповедника «Кижы».

В фондах музея-заповедника «Кижы» хранится редкий предмет из церкви Преображения Господня – плащаница (КП-4528). О ней уже писали в своих статьях Е. И. Яскеляйнен и Г. И. Фролова¹.

Плащаница представляет собой холст с масляной живописью размером 215 × 90 см, окантованный каймой из ткани (рис. 1). На холсте в натуральную величину изображено тело умершего Иисуса Христа. На тканой кайме вышит текст тропаря, который исполняется во время выноса плащаницы из алтаря на середину церкви в день Великой пятницы на Пасху: «БЛАГООБРАЗНЫЙ Ю[СИФЪ] СЪ ДРЕВА СЪ НЕМЪ ПРЕЧИСТОЕ ТЪЛО ТВОЕ ПЛАЩАНИЦЕЮ ЧИСТОЮ СЪВВИВЪ И [В]ОНАМИ [ВО ГРОБЪ] НОВЪ ПОКРИВЪ ПОЛОЖИ».

На Руси до XVIII в. плащаницы (их еще называли «Воздухи большие») обычно делались ткаными с вышивкой. На них изображался сюжет «Оплакивание Христа» (второе название «Положение во гроб»). У плащаниц была кайма, как правило, с текстом. Размеры плащаниц доходили до 2 × 1,5 м. Кроме больших воздухов были еще и просто «Воздухи», меньшего размера с изображением сюжета «Христос во гробе», тоже из ткани.

---

¹ *Яскеляйнен Е. И.* Коллекция церковного убранства и священнического облачения музея-заповедника «Кижы» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 191–205; *Фролова Г. И.* История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижы (Обзор архивных источников). // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 20–35.

В конце XVII в. наряду с шитьем стали использовать живопись². Отметим, что в фондах музея-заповедника «Кижь» есть еще одна плащаница, датируемая началом XX в., поступившая из Пудожского района Карелии, к сожалению, с утратами (КП-196/14) (рис. 2). Размер плащаницы 165 × 98 см. Она выполнена в комбинированной технике: шитье дополнено вставками масляной живописи на картоне.

Рис. 1. Плащаница,
общий вид
(до реставрации)

Рис. 2. Плащаница начала XX в.
КП-196/14

Нам известно, что в церкви Преображения Господня до Великой Отечественной войны в алтарном помещении находился малый воздух. Он упоминается (без указания размеров) в описи церковного имущества 1830 г.³ Позднее, в описи 1867 г., уточняется: в алтаре по правую сторону жертвенника «плащаница писанная на холсте» длиной 1,5 аршина и шириной 13 вершков (то есть около 106,5 × 58,5 см)⁴. Эту малую

² Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье: каталог. М., 2004. С. 17, 53.

³ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гущин. Петрозаводск, 2013. С. 21. (Из описи учиненной Олонецкой Епархии Петрозаводского уезда Благочинным Кижского Погоста Священником Иоанном Феодуловым всему церковному имуществу, находящемуся в церкви Преображения Господня Кижского погоста июля 17-го дня 1830-го г.).

⁴ Документы и материалы ... С. 63. (Из Описи церквей Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы Олонецкой епархии Петрозаводского уезда Кижского погоста, составленная священно- и церковнослужителями в 1867 г.).

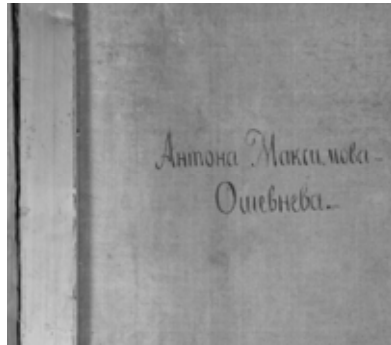
плащаницу можно увидеть на юго-восточной стене алтарного помещения церкви на фотографии 1943 г. (рис. 3). Сохранилась ли она и где находится в настоящее время – неизвестно.

Наша плащаница впервые упоминается в Записи о прибылых вещах за 1834 г. как «писанная на холсте самой высокой работы», пожертвованная крестьянина Антона Ошевнева⁵. На обороте холста есть надпись: «АНТОНА МАКСИМОВА ОШЕВНЕВА» (рис. 4, см. также рис. 11 в статье А. А. Трофимова, Д. В. Самойленко). Антон Ошевнев был уроженцем деревни Ошевнево, находившейся неподалеку от о. Кижы. Его брат Нестор Ошевнев (в семье которого Антон проживал) являлся строителем дома Ошевневых (1876 г.), в настоящее время украшающего экспозицию музея-заповедника «Кижы»⁶.

В нижней части живописного изображения есть интересная надпись: «Мера Спасителя Нашего Иисуса Христа Принесенная Изъ Иерусалима /

Рис. 3. Плащаница на юго-восточной стене алтарного помещения церкви. Фото и фрагмент фото (1943 г. Национальный архив Финляндии). Из книги: Петтерссон Л. Церкви и часовни Заонежья. Петрозаводск, 2020

Рис. 4. Фрагмент оборотной стороны

⁵ Яскеляйнен Е. И. Указ. соч. С. 194.

⁶ Благодарю сотрудника музея «Кижы» С. В. Воробьеву за предоставленную информацию.

Въ бытность Напоклонение Гробу Господню Россійскаго Князя Владимира Ерославича Тогда Патриархъ / Иерусалимской Благословиль въ па- мети и Благополучій Россіискому Царству вославу Божию» (рис. 5).

Рис. 5. Надпись в нижней части живописного изображения

Плащаницы использовались только во время пасхальных богослужений. В остальное время они могли находиться в ризнице или в алтаре, или в помещении церкви, например, в киоте, за стеклом⁷. О нашей плащанице в описи церковного имущества 1867 г. написано: «Подле иконо- стаса на южной стороне плащаница, писанная на холсте. Длинною 2 аршина и 2 вершка Шириною 1 аршин и 4 вершка» (то есть около 151 × 89 см. В указании длины, вероятно, ошибка)⁸.

На фотографии 1943 г. можно увидеть большую витрину-гробницу, расположенную в южном прирубке церкви Преображения Господня. В витрине лежит плащаница, видна ее кайма с бахромой. Над витриной устроена сень (рис. 6).

По сведениям искусствоведа, профессора Н. Н. Соболева «...почти до XVIII в. существовал обычай во время Страстной недели устраивать над плащаницей временную сень, ставившуюся посредине церкви»⁹. В Кижих сделали постоянную сень в стиле ампир. Когда это произошло – неизвестно, Г. И. Фролова, ссылаясь на архивные документы, пишет, что в 1897 г. столяром Василием Судьным для плащаницы была изготовлена тумба¹⁰.

⁷ Маясова Н. А. Указ. соч. С. 124.

⁸ Документы и материалы ... С. 69. (Из Описи церквей Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы ...)

⁹ Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М.; Л., 1934. С. 241.

¹⁰ Фролова Г. И. Указ. соч. С. 29.

Судя по фото (рис. 6), витрина-гробница была окрашена белой краской. Она гармонично смотрелась в помещении, где в 1870 г. похожей белой краской были покрашены стены, боковые стенки клиросов и потолки в прирубках (нижняя часть стены высотой около метра или более, вероятно, была окрашена в красный цвет)¹¹. Белую окраску имели и два больших напольных киота, которые были установлены перед клиросами¹². Во время реставрации, проводившейся под руководством А. В. Ополовникова в 1950-х гг., киоты и другие предметы XIX в. были удалены из помещения церкви. Также удалили обшивку стен и потолков. Судьба напольных киотов, гробницы-витрины и сени неизвестна. После этого в интерьере церкви белые покраски остались только на боковых стенках клиросов. Остатки старой краски сохранились на откосе окна и раме иконостаса (рис. 7а, б)¹³.

Рис. 6. Витрина-гробница в южном прирубке церкви.
 Фото (1943 г. Национальный архив Финляндии). Из книги:
Петтерссон Л. Церкви и часовни Заонежья. Петрозаводск, 2020

¹¹ Документы и материалы ... С. 81. (Анкета со сведениями о Преображенской церкви 1870.)

¹² Там же. С. 24. (Из описи учиненной ...)

¹² Там же. С. 68–69. (Из Описи церквей Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы ...)

¹³ Поэтому новая гробница-витрина, окрашенная, как и прежняя, в белый цвет, сейчас выглядит в интерьере церкви не совсем гармонично. В поддержку белой гробницы остались только клиросы, на боковых стенках которых сохранилась старая белая краска.

Рис. 7а, б. Остатки старой белой краски на откосе окна и раме иконостаса

Плащаница была обнаружена среди вещей, долгое время лежавших в подклетах церквей и других помещений на о. Кижь. Только в 1995 г. она была принята в фонды музея в плохом состоянии, с многочисленными утратами¹⁴.

В ходе подготовки к восстановлению интерьера церкви Преображения Господня было решено отреставрировать плащаницу и вернуть ее в интерьер. Для экспонирования плащаницы взамен утраченной необходимо было изготовить новую витрину.

Подготовительные работы были произведены в июне 2018 г., в них участвовали художники-реставраторы ВХНРЦ Г. В. Безрукова-Евсеев и А. Г. Лобанова. На основе их материалов в дальнейшем была подготовлена необходимая техническая документация.

В 2019–2020 гг. плащаница реставрировалась в ВХНРЦ в двух мастерских: реставрации масляной живописи и реставрации тканей¹⁵. В процессе работ обсуждались методы восполнения утраченного бархата и варианты восстановления фрагментов текста на кайме, способы крепления

¹⁴ Яскеляйнен Е. И. Указ. соч. С. 191–192.

¹⁵ См. статьи В. С. Букреевой и Е. Н. Завариной, а также А. А. Трофимова и Д. В. Самойленко в настоящем сборнике.

каймы к среднику, а также вопросы дальнейшего экспонирования плащаницы, в которых принимали участие сотрудники ВХНРЦ и представители музея-заповедника «Кижы»¹⁶.

В июле 2020 г. плащаница вернулась после реставрации в г. Петрозаводск, после чего была перевезена на о. Кижы, где в интерьере церкви она была помещена в новую витрину-гробницу (рис. 8). Под подрамник для циркуляции воздуха изготовили и подложили 6 небольших деревянных квадратных подставок и 12 мешочков с силикагелем для уменьшения влажности. Новая гробница-витрина больших размеров, чем оригинальная. Связано это с сохранностью тканевой каймы плащаницы, дошедшей до нас в ветхом состоянии. Несмотря на реставрацию, укрепившую ткань, было принято решение добавить к подставке пологие скосы для того, чтобы ткань не свисала, как раньше, а лежала на плоскости. Чтобы плащаница не выгорала, витрину накрывают специально сшитым покрывалом.

Рис. 8. Новая витрина-гробница в помещении церкви

Таким образом, в результате реставрационных работ в интерьер Преображенской церкви вернулся ценный экспонат, непосредственно связанный с историей знаменитого храма на о. Кижы.

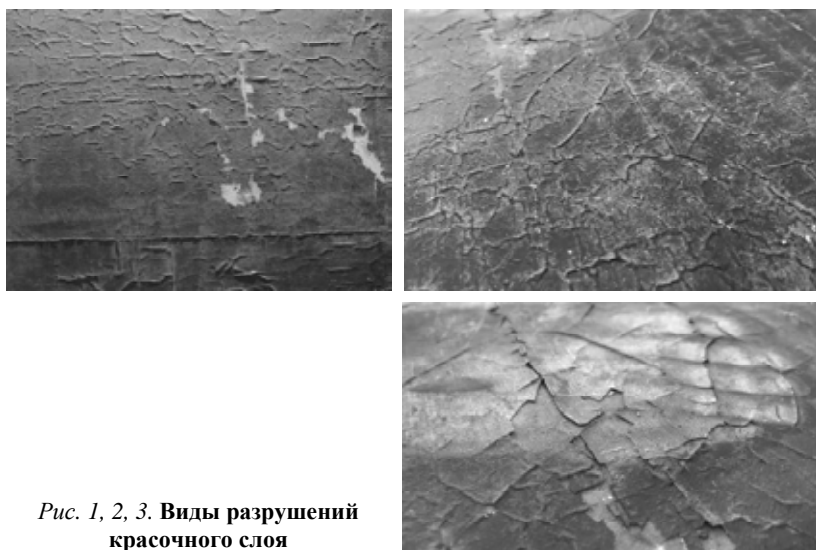
¹⁶ В обсуждении принимали участие заведующая мастерской реставрации тканей Е. В. Семечкина, заведующая мастерской реставрации масляной живописи Н. С. Кошкина, другие специалисты ВХНРЦ, а также сотрудники музея-заповедника «Кижы» И. Г. Гашков и Р. А. Гашкова.

А. А. Трофимов, Д. В. Самойленко
(ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря, Москва)

РЕСТАВРАЦИЯ ЖИВОПИСНОЙ ЧАСТИ ПЛАЩАНИЦЫ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ- ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ». ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ЭКСПОНИРОВАНИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ

Аннотация: В статье рассматривается технологический аспект реставрации живописной части плащаницы из Преображенской церкви Кижского погоста. Особое внимание уделено вопросам возможности последующего экспонирования памятника в интерьере церкви.

Живописное полотно, поступившее к нам на реставрацию, является церковным художественным произведением, написанным масляными красками на холсте, с закрепленной поверх по периметру вышитой каймой (см. рис. 13 к статье В. С. Букреевой и Е. Н. Завариной). На первом этапе было принято решение отделить текстильную часть произведения. Были извлечены декоративные монтажные гвозди, вбитые по периметру картины с лицевой стороны в живопись. При визуальном исследовании были выявлены различные виды разрушений (рис. 1–3): сседания и вздутия красочного слоя, прорывы основы, множественные утраты грунта и красочного слоя, деформации основы, грунтовой кракелюр, изломы грунта и красочного слоя, многочисленные загрязнения (капли воска, ворс от деструктированной ткани каймы и т. д.). На картине была выполнена противоваварийная заклейка с использованием микалентной бумаги, видимо, задолго до отправки в реставрацию. Картина демонтирована с экспозиционного подрамника. Перед закреплением на рабочем подрамнике кромки были укреплены, так как грунт на них утратил связь с основой и осыпался. Основной проблемой, которую нам нужно было устранить, являлась усадка холста, что привело к образованию сседаний красочного слоя. Укреп-

Рис. 1, 2, 3. Виды разрушений красочного слоя

ляемый участок удаленно увлажнялся с оборотной стороны и вытягивался при помощи крафтовых полей. После этого производилось укрепление красочного слоя открытым способом небольшими участками от нижней части картины с одновременным устранением поверхностных загрязнений слоя пыли и ворса от разрушенной каймы (рис. 4, 5).

Рис. 4, 5. Фрагменты в процессе укрепления и удаления поверхностных загрязнений в виде пыли и ворса от каймы

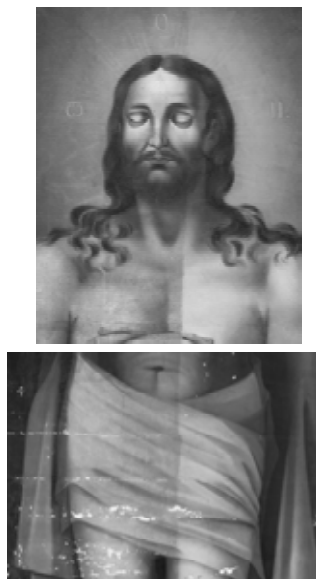
После укрепления в места утрат авторского красочного слоя был подведен реставрационный грунт (рис. 6) и удалены стойкие поверхностные загрязнения в виде копоти (рис. 7–9). Далее картина была натянута на новый подрамник, покрыта реставрационным лаком, после чего были сделаны тонировки (рис. 10).

Рис. 6. Общий вид после укрепления и подведения реставрационного грунта в места утрат авторского красочного слоя

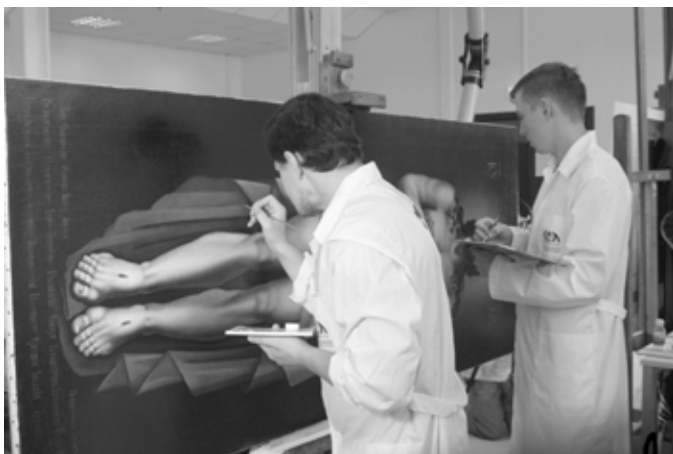

Рис. 7. Общий вид лицевой стороны в процессе удаления стойких поверхностных загрязнений в виде копоти

Рис. 8, 9. Фрагменты в процессе удаления стойких поверхностных загрязнений в виде копоти

При реставрации плащаницы было много сложных моментов и интересных решений, но поистине уникальным является необычная конструкция подрамника, которая ранее никогда и нигде не применялась, точнее сказать, она была изобретена нами именно для этого памятника. За основу был взят классический экспозиционный подрамник, а все дальнейшие изменения и доработки в конструкции диктовались условиями и местом дальнейшего экспонирования данного памятника. Как правило, картины в музеях и частных коллекциях размеща-

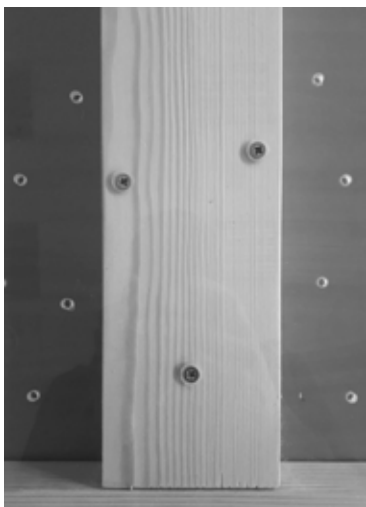
Рис. 10. В процессе тонирования

ются вертикально на стене и с этой задачей прекрасно справляется раздвижной экспозиционный подрамник со скосами. Перед нами уже стояла нетривиальная задача. Дело в том, что такой подрамник не предполагает горизонтального экспонирования, так как в этом случае высока вероятность провисания холста, тем более что картина будет находиться в условиях с повышенной влажностью, вследствие чего со временем велика вероятность образования изломов по внутренним граням планок подрамника.

Итак, перед нами встала задача не просто отреставрировать картину, но и сделать возможным ее экспонирование в горизонтальной и в случае необходимости вертикальной плоскости. Как говорится: «Все гениальное – просто». Используя как основу классический экспозиционный подрамник (рис. 11), были сделаны не скосы, а паз, в него помещен и зафиксирован к внутренним перекладинам лист плексигласа (рис. 12), в котором устроена перфорация для вентиляции. Все отверстия были выполнены так, чтобы они не совпадали ни по одной оси, что позволило избежать сильного ослабления самого листа и образования трещин. По периметру плексиглас был зафиксирован крепежами (рис. 13), которые при любых манипуляциях с картиной позволяли ему быть надежно зафиксированным в подрамнике, при этом не мешая в случае необходимости его «подразбить» (все крепежи были сделаны в потай). Вся эта конструкция легко демонтируется при снятии холста, и подрамник превращается в обычный раздвижной экспозиционный подрамник со скосами.

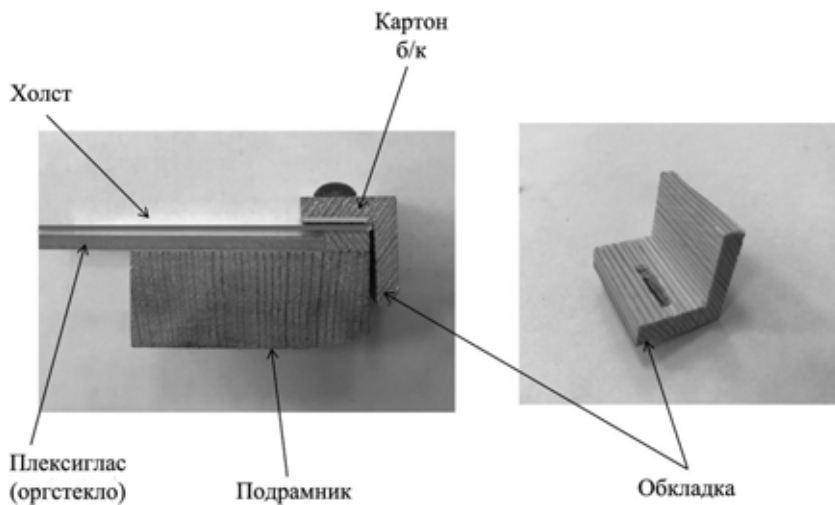
Рис. 11. Общий вид картины после натяжки на экспозиционный подрамник

Рис. 12. Крепление плексигласа к крестовине подрамника

Рис. 13. Крепление плексигласа к планкам подрамника

Рис. 14. Схема подрамника в «разрезе»

Так же были внесены изменения в метод крепления каймы к плащанице, до реставрации она была прибита мебельными гвоздями прямо через лицевую сторону холста к подрамнику. Теперь же кайма зафиксирована на четвертной рамке-обкладке, которую с легкостью можно демонтировать с картины для проведения в случае необходимости профилактических работ (рис. 14). В настоящий момент плащаница находится в церкви Преображения Господня в киоте. Под подрамником размещены мешочки с силикагелем для стабилизации влажности.

В. С. Букреева, Е. Н. Заварина
(ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря, Москва)

РЕСТАВРАЦИЯ ТКАНЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПЛАЩАНИЦЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Аннотация: Реставрация тканевых элементов плащаницы первой половины XIX в. из собрания музея-заповедника «Кижь» проводилась поэтапно. Она заключалась в выборе способа и проведении общей очистки, выборе метода дублирования, укреплении тканей и декоративных элементов. Был выбран комплексный подход, направленный на воссоздание общей художественной целостности всего произведения.

В 2019–2020 гг. в ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря проводилась реставрация плащаницы, датируемой первой половиной XIX в. Произведение происходит из церкви Преображения Господня Кижского погоста и находится в собрании музея-заповедника «Кижь»¹.

В мастерскую реставрации ткани поступили тканевые элементы плащаницы – кайма из темно-фиолетового бархата, украшенная золотым шитьем в технике шитья «по карте». На кайме вышит тропарь Великой субботы «БЛАГООБРАЗНЫЙ Ю[СИФЪ] СЪ ДРЕВА СЪ НЕМЪ ПРЕЧИСТОЕ ТЪЛО ТВОЕ ПЛАЩАНИЦЕЮ ЧИСТОЮ СЪБВИВЪ И [В]ОНАМИ [ВО ГРОБЪ] НОВЪ ПОКРЫВЪ ПОЛОЖИ». По трем углам каймы сохранились шитые золотными нитями по картону херувимы и две кисти, пришитые в углах нижней каймы. По внешнему краю каймы пришита бахрома, по внутреннему – галун (рис. 1).

Тканевое обрамление поступило с утратами ткани бархата и золотного шитья – отсутствовала фигура херувима и часть надписи, с общим сильным запылением, загрязнением, деформацией, потертостями, сече-

---

¹ Государственный историко-архитектурный этнографический музей-заповедник «Кижь», инв. № КП-4528.

ниями, разрывами бархата и х/б ткани подкладки, окислами бахромы и галуна. По всей поверхности ткани были многочисленные пятна воска, пропитывающие затеки, пятна ржавчины. Картонная основа шитья также была деформирована, золотное шитье было сильно загрязнено, имелись разрывы и ослабление нитей (рис. 2).

**Рис. 1. Тканевые элементы плащаницы XIX в.
Лицевая и оборотная стороны. До реставрации. Фото ВХНРЦ**

**Рис. 2. Фрагмент лицевой и оборотной стороны.
До реставрации. Фото ВХНРЦ**

Реставрация тканевых элементов плащаницы заключалась в очистке тканей и шитья и их укреплении. Была и более сложная задача, заключающаяся в создании целостного художественного восприятия всего произведения. Работа проводилась под руководством заведующей мастерской реставрации тканей Е. В. Семечкиной, художника-реставратора высшей категории В. С. Букреевой, группой художников-реставраторов А. В. Чжуан, Е. Н. Завариной, Е. И. Гороховой, М. А. Анохиной, Ю. Ю. Демидовой.

В связи с ветхим состоянием сохранности тканевого обрамления и дальнейшей работы, общие размеры каймы с обозначением утрат были перенесены на кальку. Выполнен демонтаж подкладки и декоративных элементов – галуна, бахромы, кистей, фигур херувимов и бумажных подложек, разрушенных верхнего и нижнего машинных швов левой каймы. Пробы на текучесть красителей нитей показали их неустойчивость (рис. 3).

**Рис. 3. Детали тканевого обрамления. Общий вид.
В процессе реставрации. Фото ВХНРЦ**

Вследствие деструкции ворса бархата очистка проводилась в несколько этапов. Первоначально выполнена деликатная общая механическая очистка ткани и золотного шитья: обеспыливание, удаление пятен воска.

После ослабления затеков и пятен ржавчины от крепления гвоздей проведена водная очистка бархата и золотного шитья небольшими фрагментами на вакуумном столе с закреплением красителя и пластификацией с последующей просушкой и устранением деформации ткани.

Хлопчатобумажная подкладочная ткань была очищена механически, ослаблены затеки, пятна воска и ржавчины. Проведена водная очистка с последующим устранением деформации.

Сильные загрязнения и окислы на бахrome и кистях в процессе общей очистки ослаблены, одновременно с водной очисткой устранены деформации.

Места разрывов и утрат бархата кайм и хлопчатобумажной подкладки сдублированы фрагментарно.

В места значительных утрат на верхней и нижней каймах подведен реставрационный шелковый бархат с последующим укреплением иглой по контуру. С целью восполнения небольших сквозных утрат бархата по внутреннему периметру кайм выполнено дублирование бархатом методом «мастиковка» с последующим укреплением иглой (рис. 4).

Рис. 4. Очистка от загрязнений бархата, золотого шитья, декоративных элементов, восполнение утрат бархата. До реставрации и в процессе. Фото ВХНПЦ

Для укрепления бархата и хлопчатобумажной подкладочной ткани проведено общее дублирование на окрашенный синтетическими красителями шелковый газ с применением 3 % раствора акрилового сополимера А-45К, нанесенного пленочным способом по методике ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря, с последующим укреплением иглой швом «реставрационная сетка» (рис. 5).

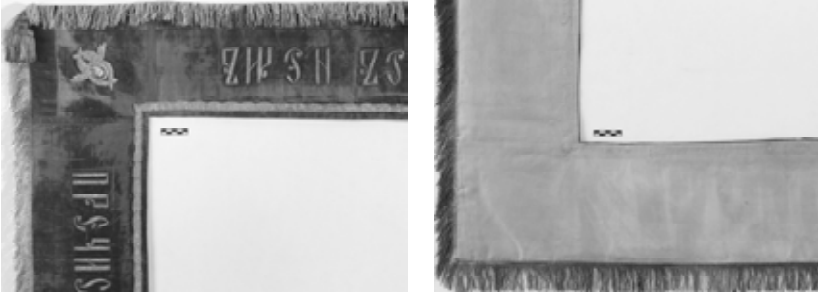
Рис. 5. Фрагментарное и общее дублирование ткани бархата. Общий вид. В процессе реставрации. Фото ВХНРЦ

После устранения деформации тканевого обрамления возникла необходимость привести в соответствие размеры каймы и живописного средника путем введения дополнительных фрагментов реставрационной ткани по нижнему и верхнему краям левой каймы. Для сохранения от деформации вышитых фигур херувимов с изнаночной стороны бархатной ткани в места их расположения подведена оригинальная укрепленная бумажная подложка, точно зафиксированная по контуру фигур шелковыми нитями.

Для предотвращения дальнейшего разрушения бархата была проведена консервация методом поверхностного перекрытия тонким окрашенным шелковым газом с применением 1% раствора акрилового сополимера А-45К. Для лучшей читаемости текста газ по контуру букв был укреплен, вырезан и удален с поверхности букв. Хлопчатобумажная подкладка также защищена методом поверхностного перекрытия (рис. 6).

Поскольку плащаница состоит из живописного средника, выполненного на подрамнике, и тканевого обрамления, соединение двух художественных произведений с разной степенью сохранности постави-

лю перед реставраторами необходимость в выборе комплексного подхода, направленного на воссоздание общей художественной целостности всего произведения и дальнейшего экспонирования плащаницы в интерьере храма.

Рис. 6. Консервация методом поверхностного перекрытия тонким окрашенным шелковым газом с применением 1 % раствора акрилового сополимера А45К. Фрагмент ткани бархата и х/б подкладки. В процессе реставрации. Фото ВХНРЦ

Задача воссоздания художественного образа тканевого обрамления была осуществлена выполнением последовательных этапов реставрации с сочетанием разных методик:

- подведением в места утрат реставрационных материалов;
- выполнением условной реконструкции утраченных элементов;
- созданием копии-реконструкции утраченных элементов в технике памятника.

Традиционно в изобразительной декорации плащаниц на каймах помещается текст тропаря и вышитые херувимы или фигуры четырех евангелистов или их символы по углам. Поскольку на тканевом обрамлении сохранился текст с частичными утратами и три фигуры херувимов, на реставрационном совете было принято решение о комплексном подходе – выполнении условной реконструкции надписи и создании копии-реконструкции фигуры херувима.

Задачей реконструкции надписи было создание цельности и читаемости текста. Для этого была выбран способ условного изображения утраченных букв в технике шитья золотными шнурами с обозначением только их контуров. Утраченные буквы были установлены по тексту тропаря и по оригинальному шрифту изготовлены их трафареты (рис. 7).

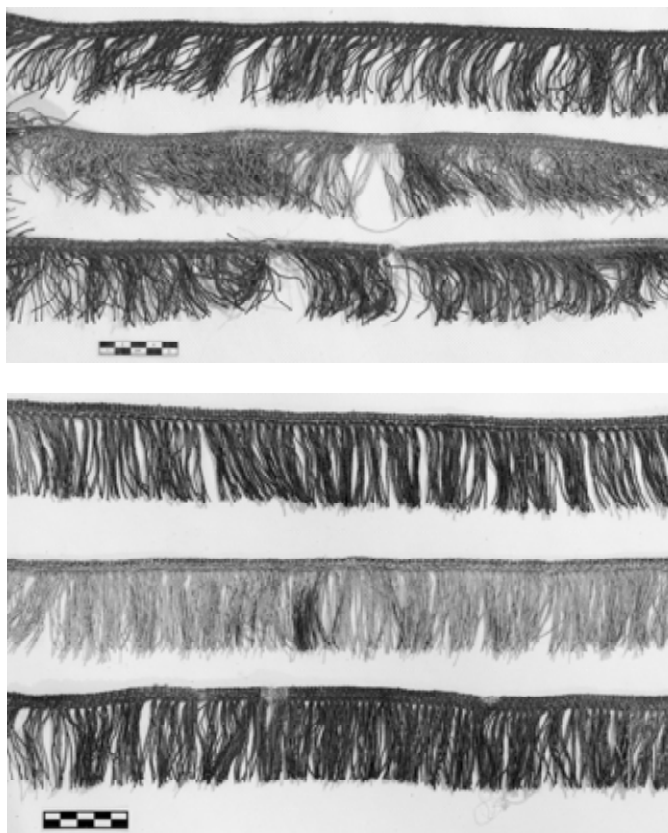
Рис. 7. Условная реконструкция утраченной надписи. До реставрации и в процессе. Фото ВХНРЦ

Для копии-реконструкции утраченного херувима создана прорись и выбрана техника шитья «по карте» – по аналогии с оригинальной техникой памятника. Копия лика выполнена в мастерской реставрации масляной живописи. Для создания вышивки подобраны золотные нити разных оттенков, близкие к подлинным. Крылья херувима, повторяя оригинал, вышиты скаными золотыми нитями и расшиты золотной канителью и пайетками (рис. 8).

Рис. 8. Копия-реконструкция утраченной фигуры херувима. Очистка, дублирование, укрепление золотного шитья сохранившихся фигур херувимов. До реставрации и в процессе. Фото ВХНРЦ

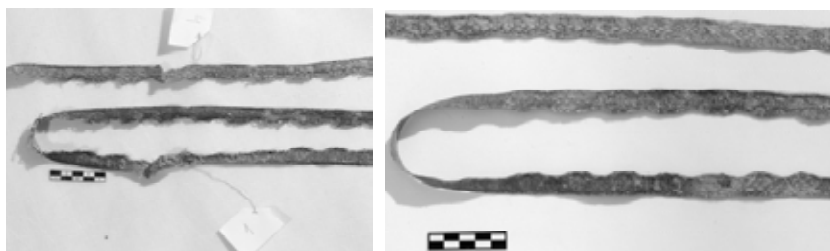
Также выполнена фрагментарная реконструкция декоративных элементов. Восполнены утраченные нити бахромы (рис. 9). Укреплена разрушенная деревянная основа наверху кисти и изготовлена утраченная, восстановлены утраченные металлические нити обмотки основы реставрационным материалом (рис. 10). Разрушенные нити галуна укреплены, выполнена поверхностная консервация методом взятия «в конверт» (рис. 11). В связи с изменением общих размеров и устранением деформаций сделана надставка бахромы и галуна из реставрационных материалов.

Рис. 9. Бахрома. Очистка, дублирование, укрепление и восполнение утраченных нитей. До и после реставрации. Фото ВХНРЦ

Рис. 10. Кисти. Очистка, восполнение, реконструкция утраченного основания деревянного навершия, укрепление нитей. До и после реставрации. Фото ВХНРЦ

Рис. 11. Галун. Очистка, дублирование, укрепление и консервация. До и после реставрации. Фото ВХНРЦ

Монтаж деталей тканевого обрамления выполнен в технике памятника (рис. 12). Для создания бесконтактного соединения тканевого обрамления с живописной поверхностью средника по краю подрамника сделана «Г»-образная обкладка, на которую накладывались и монтировались каймы.

*Рис. 12. Тканевые элементы
плащаницы XIX в. Лицевая и обратная
стороны. После реставрации.
Фото ВХНРЦ*

*Рис. 13. Плащаница XIX в.
из собрания музея «Кижь».
После реставрации.
Фото ВХНРЦ*

В результате реставрационных работ выполнены очистка тканей и декоративных элементов, а также их общее укрепление, что позволило улучшить состояние сохранности памятника. Реконструкция утраченных вышитых деталей на тканевом обрамлении вернула плащанице первой половины XIX в. целостное художественное восприятие произведения, а также дала возможность его дальнейшего экспонирования в оригинальном интерьере храма (рис. 13).

Д. Д. Абросимова

(Музей-заповедник «Кижы», Петрозаводск)

СОБИРАТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА СВЯЩЕННИК Н. Я. ТИХОМИРОВ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Аннотация: В статье реконструируется биография одного из собирателей фольклора Олонецкой губернии в XIX в., священника из Лодейнопольского уезда Н. Я. Тихомирова. В ней представлены основные вехи его жизни на фоне краеведческих сведений. Анализируется записанный священником фольклорный текст с учетом исторических особенностей территории его бытования.

В последнее время в российской фольклористике актуализировалось направление, реконструирующее биографии собирателей фольклора. Это было связано с выпуском фундаментального издания «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.»¹, пять томов которого вышли с 2016 по 2020 г. под научной редакцией Т. Г. Ивановой. Этот словарь посвящен в равной мере фольклористам, чьи имена сегодня хорошо известны, подобно П. Н. Рыбникову и А. Ф. Гильфердингу, и тем, кто остался в истории науки о народной словесности благодаря одной-двум своим фольклорным записям, которые отложились в архивах или были опубликованы на страницах региональной периодики. Герой этого очерка, священник из Лодейнопольского уезда Николай Тихомиров, принадлежит к числу последних².

---

¹ Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб., 2016–2020.

² Об этом собирателе Т. Г. Ивановой и мной в соавторстве была написана персоналия для словаря «Русские фольклористы...» (Иванова Т. Г., Абросимова Д. Д. Тихомиров Николай Яковлевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь... Т. 5. С. 245–246). Словарная статья вместила лишь часть того, что известно в связи с Н. Тихомировым. Данная публикация этот материал дополняет.

В 1860 г. в газете «Олонецкие губернские ведомости» (ОГВ) была напечатана статья «Крестнозеро (Лодейнопольского уезда, в Гонгинском погосте)»³. В этой статье содержится фольклорный текст – бывальщина, в которой повествуется о том, как священник по просьбе местных жителей силой креста и молитвы изгоняет из озера водяного, досаждавшего им своими выходками. Сюжет бывальщины объясняет происхождение названия озера Крестного, или Крестнозера, и некоторых близлежащих природных объектов: ручья Крестного, истекающего из Крестнозера, и небольшого островка на реке Ояти. Под статьей с этим текстом стоит подпись: «Священник Вин<н>ицкого погоста Николай Тихомиров».

Когда мы попытались найти упоминания о священнике с таким именем из Лодейнопольского уезда, на территории которого находился Винницкий погост, в справочных изданиях Олонецкой губернии, в публикациях самих ОГВ, а также в журнале «Олонецкие епархиальные ведомости», то оказалось, что какие-либо сведения о нем в них отсутствуют⁴. Вместе с тем наиболее существенные факты биографии Н. Тихомирова обнаружены в документах Национального архива Республики Карелия (НА РК), а именно в ревизских сказках (результатах переписи населения, проводившейся дважды в середине XIX в.) и клировых ведомостях (результатах переписи православного духовенства). Эти источники и позволили очертить канву жизни этого священника, прибывшего к собиранию фольклора Олонецкого края.

Учеба и служба. Согласно указанным источникам, Николай Яковлевич Тихомиров родился в 1821 г.⁵ в священнической семье. Учился в Олонецкой духовной семинарии, которую окончил в 1843 г. с аттестатом первого разряда в звании студента, то есть в числе лучших учеников. С 20 марта 1845 г. по 1 мая 1846 г. он работал учителем в школе села Кондушский Погост Вытегорского уезда. Четвертого августа 1846 г. Н. Я. Тихомирова рукоположили в сан священника в Олонце, в Николаевском соборе – одном из старейших храмов города, построенном в 1630 г.⁶ Восьмого

³ Тихомиров Н. Крестнозеро (Лодейнопольского уезда, в Гонгинском погосте) // ОГВ. 1860. № 48. С. 204–205.

⁴ Мы просмотрели памятные книжки Олонецкой губернии за все имеющиеся годы, а также доступные в Петрозаводске Списки должностных лиц за 1892 и 1894 г. Правда, в памятных книжках именные списки священников сельских приходов публиковались только с 1903 г. В ОГВ мы просмотрели ряд статей, касающихся Винницкого и некоторых соседних приходов Лодейнопольского уезда.

⁵ Год его рождения указан нами на основании его возраста, данного в переписи, проводившейся в 1850 г. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 15. № 61/1313. Л. 13а об.

⁶ До настоящего времени этот собор не сохранился (Сидловская О. Успенскому храму г. Олонца – 220 лет // Православие в Карелии. Информационный портал Петрозаводской и Карельской епархий. Электронный ресурс: <http://eparhia.karelia.ru/olon8.htm>. Дата обращения: 23.10.2019).

августа того же года его назначили служить в Винницкий погост. В конце января 1852 г. Н. Я. Тихомиров был назначен благочинным шестого округа Лодейнопольского уезда. По данным на 1854 г., он служил не в главных храмах Винницкого прихода, а в приписной к этому приходу церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы, находившейся в «семи верстах» от центра села, «при упраздненной Паданской пустыни» (очевидно, при Введенском Паданском женском монастыре, закрытом еще в XVIII в.). По данным на 1858 г., Н. Я. Тихомиров числился в составе причта уже одной из двух центральных винницких церквей – летней церкви Рождества Богородицы⁷. В 1861 г. при церкви в Винницком погосте открылась школа, разместившаяся, по всей видимости, в доме священника, который, вероятно, сам, как и многие его коллеги, занимался с детьми, «не рассчитывая ни беспокойств, ни трудов»⁸.

Семья. Н. Я. Тихомиров был женат на Анне Антоновне (ее девичья фамилия неизвестна), которой в 1854 г. было 26 лет. В этом же году в их семье было четверо детей: Александр шести лет, Виктор трех лет, Аполония пяти лет и Вера одного года⁹. Есть еще сведения о сыновьях Н. Я. Тихомирова – Викторе и Николае, родившихся в 1850(?) г.¹⁰ (возможно, близнецах).

Винницкий погост и приход. С целью дать более полное представление об обстоятельствах жизни Н. Я. Тихомирова и лучше понять опубликованный им фольклорный текст, приведем некоторые сведения о Винницком погосте и территории, где он находился. Современное село Винницы входит в состав Подпорожского района Ленинградской области. Разнообразные материалы по истории этого села, его устной истории и жизни прихода в настоящее время собраны в книге краеведа М. А. Курилова¹¹.

Изначальное название погоста – Веницкий – связано с его происхождением от вепского родового имени¹². Центром погоста была деревня Винницы (Андроновская) на реке Ояти. Она упоминается в Списках насе-

⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/143. Л. 249 об. Оп. 15. № 61/1313. Л. 13а об.

⁸ Там же. Оп. 3. № 11/174. Л. 52–52 об. По сведениям из публикации в ОГВ, школа в селе Винницы существовала с 1856 г. (Винницкая волость Лодейнопольского уезда. Местность, жители, занятия и их обычаи // ОГВ. 1886. № 56. С. 511.)

⁹ Там же. Оп. 20. № 16/143. Л. 249 об.

¹⁰ Там же. Оп. 15. № 61/1313. Л. 13а об.

¹¹ Курилов М. А. Деревни верхнего Приютья. СПб., 2016. С. 3–75.

¹² Муллонен И. И. Топонимический метод в исследовании этноязыковой истории Карелии // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 2015. С. 252; она же. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 46–47. В документах и печатных изданиях второй половины XIX в. встречаются варианты написания этого названия – «Винницкий» и «Винницкий» (с одним «н» и с двумя).

ленных мест за 1873 и 1905 г. Исторически Винницкий приход находился в районе компактного проживания приоятских (средних) вепсов. В 1860-е г. священник А. Никольский, благочинный округа, куда входил этот приход, отмечал, что жители округа «большой частью чудского племени, говорят между собой своим чудским языком, но хорошо понимают и русский язык»¹³. Сам же приход во второй половине XIX в. представлял собой куст деревень, заселенных преимущественно русскими: согласно Списку населенных мест Олонецкой губернии 1873 г., к «чуди» относилось население лишь пятой части его поселений¹⁴. О Винницком погосте – центре прихода – историк литературы И. П. Хрущов в 1868 г. писал, что его жители «говорят более по-русски, чем по-чудски»¹⁵. Результаты исследований последних лет подкрепляют наблюдения, сделанные современниками в XIX в. И. И. Муллонен указывает, что Веницкий погост долгое время был единственным в верховьях Ояти русским селом, существующим в окружении вепских поселений¹⁶.

В середине 1850-х г. в Винницком приходе насчитывалось 50 деревень, большая часть которых располагалась довольно компактно вокруг церквей, на расстоянии одной–четырёх верст. В этих деревнях проживало 1365 человек¹⁷. Винницкий погост-место в это время состоял из двух деревенных церквей: уже упоминавшейся летней Рождество-Богородицкой и зимней Никольской, которая в 1882 г. была перенесена на другое место и переосвящена в честь Смоленской иконы Божьей Матери¹⁸. На погосте была также колокольня. Убранство церквей было, по всей видимости, довольно богатым: в ведомости о церквях 1854 г. отмечается, что они «достаточно утварью и ризницей»¹⁹. В 1867 г. на погосте началось строительство третьей церкви, во имя Василия Великого, которое было окончено к 1871 г.²⁰

Необходимость в строительстве еще одного приходского храма возникла из-за многочисленности прихожан, желавших посещать церковные службы. Причина такого благочестия местных жителей указана

¹³ НА РК. Ф. 25. Оп. 3. № 11/174. Л. 50 об.

¹⁴ Названия деревень, входивших в состав Винницкого прихода в 1854 г., см.: НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/143. Л. 253 об. – 254.

¹⁵ Хрущов И. Заметки о русских жителях берегов реки Ояти // Записки ИРГО по отделению этнографии. 1868. Т. 2. С. 59.

¹⁶ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья... С. 46.

¹⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/143. Л. 253 об. – 254.

¹⁸ Освящение церкви в Винницком приходе. Корреспонденция в редакцию «Олонецких губернских ведомостей» // ОГВ. 1883. № 61. С. 626; Земля Невская православная: православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Краткий церковно-исторический справочник. СПб., 2006. С. 170.

¹⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/143. Л. 248.

²⁰ Елтидинский С. Освящение церкви в Винницком приходе // ОГВ. 1873. № 39. С. 466.

в отчете уже упоминавшегося благочинного А. Никольского. Основным источником их дохода являлось земледелие, что обеспечивало винничанам упорядоченный ритм труда и отдыха, и возможность регулярно посещать храмы в праздничные дни²¹. На эту черту распорядка их жизни – неукоснительное «почитание праздников и воскресных дней» – указывал почти четверть века спустя оставшийся безымянным автор объемной статьи о Винницкой волости в ОГВ:

«Здесь считается первейшей обязанностью каждого сельчанина, не смотря ни на отдаленность погоста, ни на распутицу, ни на другие невзгоды стремиться в храм Божий помолиться»²².

Помимо этих и приписной Введенской церкви, к Винницкому приходу относились также 13 часовен²³.

Духовенство прихода, всего 22 человека (священник, дьячок, пономарь с семьями и овдовевшие родственники предшествующих служителей), проживало вблизи церквей в собственных деревянных домах²⁴. Одним из источников дохода для них являлись 10 десятин пахотной земли и сенокосные угодья. Как отмечает М. В. Пулькин, владение пашенными и сенокосными землями одновременно было не характерно для большинства приходов Олонецкой епархии, за исключением вепского Прионежья²⁵. Винницкий приход соседствует с вепским Прионежьем, поэтому это исключение, по-видимому, распространялось и на его территорию.

Было ли указанное количество пашенной земли достаточным, чтобы прокормить весь причт? Для сравнения приведем сведения того же времени из соседнего с Винницким Гонгинского прихода. Согласно данным, на которые ссылается его житель, крестьянин и корреспондент Олонецкого губернского статистического комитета И. Ефимов, в Гонгинском приходе на одну ревизскую душу (то есть только на мужчин) в среднем приходилось от 0,4 до 0,8 десятины земли²⁶. Для духовенства Винницкого прихода, как следует из приведенных выше цифр, оно составляло приблизительно 0,4 десятины на каждого едока. Таким образом, этот показатель вписывался в общую ситуацию в этом районе. Свя-

²¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 3. № 11/174. Л. 48.

²² Винницкая волость Лодейнопольского уезда. Местность, жители, занятия и их обычаи // ОГВ. 1886. № 56. С. 511.

²³ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/143. Л. 248–249.

²⁴ Там же. Л. 253 об.

²⁵ Пулькин М. В. Православные приходы вепского Прионежья в середине XIX в. // Современная наука о вепсах: Достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 220.

²⁶ Ефимов И. Гонгинский приход в Лодейнопольском уезде. Сообщение от Олонецкого губернского статистического комитета // ОГВ. 1861. № 2. С. 7.

щенник Винницкого прихода, кроме того, получал жалованье в 140 рублей серебром в год²⁷. Укажем для сравнения, что в тот же период священник Рыборецкого прихода (Прионежье) получал точно такое же годовое жалованье²⁸.

Конфликты «винницкого священника». В уже упоминавшемся отчете А. Никольского за 1862 г. о состоянии церковных приходов в Лодейнопольском уезде зафиксированы сведения о двух конфликтах, произошедших в первой половине года «у винницкого священника» с членами причта с одной стороны и прихожанами с другой²⁹. Имя священника в документе не названо, поэтому твердой уверенности в том, что речь здесь идет именно о Н. Я. Тихомирове, нет. В течение двух предшествующих десятилетий, в 1840–1850-е гг., Винницкому погосту по штату полагалось всего одно священническое место, однако в последующие годы штат мог быть увеличен, особенно учитывая, что в погосте было три церкви, одна из которых, как уже говорилось, находилась в удалении от села. Тем не менее из отчета А. Никольского вполне можно сделать и тот вывод, что в 1862 г. в Винницком погосте служил один священник, и это по-прежнему мог быть, как и в 1858 г., Н. Я. Тихомиров.

Один из конфликтов начался оттого, что младшие по чину сослуживцы обвинили священника в утаивании доходов, причем сделали это официально, что вызвало разбирательство. Во втором случае причиной разномыслия местных жителей с батюшкой стало то, что он потребовал плату «рубль серебром» с каждого, кто желал участвовать в обходе деревень на Пасху в почетной роли крестonosца, то есть несущего икону или крест. Как пишет А. Никольский, в ответ на это требование прихожане «выказали себя довольно настойчивыми, грубыми и наговорили много дерзостей священнику»³⁰. Ссора на месте не закончилась, а так же, как и в деле с причтом, вышла за пределы прихода и стала известна епархиальному начальству. Справедливости ради надо сказать, что, как следует из материалов, собранных М. В. Пулькиным, подобные и даже более жесткие противостояния между представителями клира и паствой, как и раздоры между самими клириками, редкостью не были³¹.

Проследить ход жизни винницкого священника после этих событий нам пока не удалось, хотя можно предположить, что дальнейшее служение

²⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/143. Л. 248–249.

²⁸ Пулькин М. В. Православные приходы... С. 220.

²⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 3. № 11/174. Л. 49 об., 51 об.

³⁰ Там же. Л. 51 об.

³¹ См.: Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XIX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009. С. 165–167, 174 и др.

в этом приходе стало для него затруднительным, если вообще возможным. Ближайшие сведения, которыми мы располагаем, о том, кто служил в Винницком погосте после 1862 г., относятся лишь к 1873 г. В это время настоятелем прихода был уже другой священник³².

Записанный Н. Я. Тихомировым фольклорный текст и место его бытования. Обратимся теперь еще раз более подробно к фольклорному тексту, опубликованному Н. Я. Тихомировым в губернской газете. Он происходит с территории, тоже во многом неоднородной и поэтому представляющей интерес.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Лодейнопольском уезде было две деревни с названием Гонгиничи. По современному административному делению, одна из них сегодня входит в состав Лодейнопольского района, другая – в состав Подпорожского района Ленинградской области. Расстояние между ними составляет по современной дороге около 110 км. Село Винницы находится между этими деревнями, примерно в 80 км от лодейнопольских Гонгиничей и приблизительно в 30 км от Гонгиничей подпорожских. Согласно Спискам населенных мест 1873 и 1905 г., эти вторые Гонгиничи имели также другое название – Великий Двор. Именно эта деревня и располагалась вблизи озера Крестного, в бывшем Гонгинском погосте, где развивается действие бывальщины.

Гонгинский погост – один из древних вепских погостов, появление которого относится к концу XVI в.³³ Уже упоминавшийся корреспондент ОГВ И. Ефимов в 1861 г. поместил в губернской газете описание его местоположения:

«Гонгинский погост (деревня Великодворская) находится... в Великодворском обществе... Погост расположен близ озера Гонгинского или Оренженского, от которого отстоит только на четверть версты. На погосте одна деревянная церковь, которая находится в скудном состоянии. Гонгинский приход простирается с востока на запад на 35 верст: дальние деревни от погоста отстоят – на восток в 25, на запад в 10, на юг и север тоже в 10 верстах. Ближайшие окрестные приходы: на севере Юковский, на западе Винницкий... Местоположение прихода гористое, с разбросанными между гор озерами и болотами...»³⁴.

³² См.: *Елтидинский С.* Освящение церкви... С. 466.

³³ *Королькова Л. В.* Православные церкви и часовни на территории расселения оятских, капшинских, шимозерских и южных вепсов // Православие в вепском крае: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 450-летию основания Благовещенского Ионо-Яшезерского мужского монастыря (г. Петрозаводск, 26 сентября 2012 г.). Петрозаводск, 2013. С. 119.

³⁴ *Ефимов И.* Гонгинский приход в Лодейнопольском уезде... 1861. № 1. С. 2.

Далее И. Ефимов сообщает, что языком повседневного общения в деревнях Гонгинского погоста-округа был русский³⁵. Согласно Списку населенных мест на 1873 г., вепсы населяли лишь четвертую часть деревень Гонгинского прихода³⁶. Исходя из того, что интересующий нас фольклорный текст был записан Н. Я. Тихомировым в районе проживания смешанного русского и вепсского населения, мы предположили, что в нем могут быть следы вепсской традиции, и попытались их найти.

Так, водяной назван в бывальщине «водяным хозяином». С одной стороны, такое название могло быть русской калькой изначального вепсского названия персонажа³⁷, с другой – представления о хозяине водоема были характерны также и для русских. Второй возможный признак – это чрезвычайная враждебность мифологического персонажа в тексте ко всем живым существам:

«Водяной хозяин... так был нерасположен к прибрежным жителям, что постоянно... вредил им. Придет ли... к озеру лошадь или корова, водяной тотчас их схватывал; забредет ли теленок, овца или другое животное, он тотчас подбирал их в свое жилище. <...> Ко всему этому наконец не стало пощады и людям; ибо кто только ни подходил к озерному берегу... тот всегда попадал безвозвратно в крепкие руки водяного»³⁸.

С одной стороны, это соотносимо с вепскими представлениями о водяном как злом и жестоком существе, опасном для человека³⁹, однако опять-таки не является принадлежностью исключительно вепсской традиции.

В мифологических рассказах о водяном, записанных на территории Олонецкого края, не единожды встречается мотив перемещения водяного из одного водоема в другой⁴⁰. Это вновь касается как вепсов, так и русских. Если в русских текстах поводом к передвижению водяного

³⁵ Там же. № 1. С. 3.

³⁶ Список деревень, входивших в Гонгинский приход на 1854 г., см.: НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/143. Л. 288–291.

³⁷ *Винокурова И. Ю.* Демонологические представления «обрусевших вепсов» Вологодской области // Живая старина. 2001. № 3. С. 15.

³⁸ *Тихомиров Н.* Крестнозеро... С. 204.

³⁹ *Винокурова И. Ю.* Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 49; *она же.* Вепские водяные духи (к реконструкции некоторых мифологических представлений) // Современная наука о вепсах... С. 323, 325–326.

⁴⁰ Этот мотив не выделен в указателе С. Айвазян (*Айвазян С.* Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. 191 с.), тем не менее его можно найти во многих рассказах о водяном.

может быть его изгнание доведенными до крайности местными жителями⁴¹ (так же, как и в бывальщине Н. Я. Тихомирова), а кроме того, свадьба⁴² или игра с соседом в карты⁴³, то маркирующим признаком вепских (южновепских) поверий является, по замечанию И. Ю. Винокуровой, сезонный ежегодно повторяющийся уход водяного, в связи с чем водоем исчезает на зиму, а весной появляется вновь. Переселение водяного связывалось у южных вепсов со сменой времен года⁴⁴. В рассматриваемой нами бывальщине речи об этом нет. Таким образом, несмотря на то что текст был записан Н. Я. Тихомировым от русского населения, живущего внутри обширного вепского ареала, явных отпечатков вепских мифологических представлений мы в нем не находим.

Текст о крестнозерском водяном в самом конце XIX в. пересказал С. В. Максимов – правда, без ссылки на публикацию Н. Я. Тихомирова⁴⁵, а еще через несколько лет, в 1904 г., вариант этой бывальщины поместил в ОГВ учитель А. Д. Георгиевский⁴⁶. Свою запись он сделал, скорее всего, самостоятельно, поскольку в его тексте имеются такие детали, которых нет у Н. Я. Тихомирова в его записи, сделанной почти на полвека раньше.

---

⁴¹ См.: Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книжка Олонейской губернии на 1866 г. Петрозаводск, 1866. С. 18–19; *Георгиевский М. Д.* Кое-что об олонейских рыбаках // ОГВ. 1901. № 42. С. 2; № 43. С. 2.

⁴² См.: *Чудинов И.* Наводнение в Петрозаводске в 1800 г. Из воспоминаний коренного старожила // ОГВ. 1864. № 21. С. 85; *Барсов Е. В.* Северные сказания о лембоях и удельниках // Известия ИОЛЕАиЭ. Т. 13. Труды этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 1. М., 1874. С. 90; *Харузин Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонейской губернии. М., 1889. С. 32–33.

⁴³ См.: *Шайжин Н.* Олонейский край. По данным местного фольклора // Памятная книжка Олонейской губернии на 1909 г. Петрозаводск, 1909. С. 225.

⁴⁴ *Винокурова И. Ю.* Мифология вепсов... С. 386; *она же.* Вепские водяные духи... С. 322–323.

⁴⁵ См. два издания его работы: *Максимов С. В.* Нечистая сила. Ответы на вопросы программы под № 192–202 и 204. СПб., 1899. С. 165–169; *он же.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 87–90.

⁴⁶ *Георгиевский А.* Креснозеро. Легенда // ОГВ. 1904. № 43. С. 3.

Л. Б. Афонина

*(Генеалогическое общество Карелии,
Петрозаводск)*

**ИЗ ИСТОРИИ СЕМЕЙ ВОРОНИНЫХ-ВОРОНЦОВЫХ
ИЗ ДЕРЕВНИ ВОРОБЬИ КИЖСКОГО ПРИХОДА
ПЕТРОЗАВОДСКОГО УЕЗДА ОЛОНЕЦКОЙ
ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII –
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)**

Аннотация: В статье, на основе архивных документов, представлена родословная старинных семей Ворониных-Воронцовых, оставивших яркий след в истории Кижской волости.

В данной работе использованы самые различные источники информации. В первую очередь это документы Национального архива Республики Карелии (далее НА РК), научного архива музея-заповедника «Кижь» (далее НА МЗК), Центрального государственного исторического архива (далее ЦГИА), а также Российского государственного исторического архива (далее РГИА). Используются воспоминания А. А. Ивановой, К. А. Шуруповой, правнучек Акакия Воронцова, другие семейные источники. Источником информации по потомкам Якова Стафеевича Воронина / Стафеева является веб-сайт «MyHeritage», исследователь О. В. Макарова.

Даты до 1918 г. даются по старому стилю, с 1918 г. – по-новому. Географические названия соответствуют официальным наименованиям на моменты событий. Для лиц мужского пола, имеющих потомков, построены схемы, в которых представлены жены и дети, даты их жизни.

Воробьи – родовая деревня Ворониных-Воронцовых. Расположена она на западном берегу Большого Клименецкого острова. В разное время ее называли: «д. в Пахиничах Мечаковская» (во дворе

Васюк Иванов Мечаков» (1583), Мечаковская (1720), Воробьевская (она же Мечаковская) (1850)¹.

По ревизской сказке Кижской трети за 1782 г.² в деревне Мечаковская проживало 19 мужчин и 25 женщин, по материалам переписи 1926 г.³ в деревне Воробьи Кижского сельского совета было 16 крестьянских хозяйств, проживало 89 человек, из них 41 мужчина и 48 женщин. Все русские.

В дальнейшем в тексте будет приводиться то название, которое встречается в документе.

Селиверст Федоров

Два заонежских рода – Воронины и Воронцовы – имеют общего предка Селиверста Федорова из деревни Мечаковская Кижской трети (см. схему 1). Эти два рода не только имеют общих предков, а значит, являются кровными родственниками, но и часто становились поручителями при венчании или восприемниками при крещении детей своих кровных родичей, то есть имели родство по свойству.

Первые сведения о семье Селиверста Федорова, которыми мы располагаем в настоящий момент, были найдены в ревизской сказке Кижской трети за 1782 г.:

¹ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 147.

² НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 132. (Ревизская сказка Кижской трети за 1782 г.)

³ Список населенных мест Карельской АССР: по материалам переписи 1926 г. / Стат. упр. АКССР. Петрозаводск, 1928. 159 с.

«Деревня Мечаковская ... Селиверст Федоров (по последней 1763 г. ревизии ему состояло 38 лет), умер 1768(?) г. У него жена Устиния Захарьева дочь старинная, 59 лет, взята той же трети у государственного крестьянина. У них дети, записанные в предыдущие ревизии: Родион – холост, 21 год, Стафей – холост, 19 лет. Женска пола: Дочь Ефимия (по последней 1763 г. ревизии ей состояло 4(?)⁴ года), выдана замуж той же трети деревни Вой-Наволока за государственного крестьянина Семиона Варфоломеева»⁵.

Родион и Стафей Селиверстовы

Родион Селиверстов родился в 1761 г.⁶ До ревизии 1795 г. Родион Селиверстов женился, у него родилось двое сыновей: Василий и Степан. Ревизские сказки 5 ревизии Петрозаводского уезда Кижской трети 1795 г.: «Деревня Мечаковская... У Родиона жена Дарья Логинова. У них детей, рожденных после ревизии мужского пола Василий, 2 года, и Степан, 1 неделя»⁷. Василий был отдан в рекруты в 1813 г.⁸ Умер Родион Селиверстов 1 марта 1813 г. в возрасте 50 лет от лихорадки⁹.

Стафей, брат Родиона Селиверстова, родился в 1763 г.¹⁰ Был женат дважды. В метрических книгах Кижского прихода записи о венчании не найдены. Первая жена Анна Иванова из деревни Рогачевской¹¹.

У Стафея Селиверстова с Анной Ивановой родилось пятеро детей: Герасим (1799–1807), Лука (1802–?, в рекрутах с 1824 г.¹²), Яков (1804 ?), Агафья (1809–?, в замужестве Кокойкина), Стефанида (1809–?). Умерла Анна Ивановна до 1812 г., так как второй раз Стафей женился не позднее июля 1812 г.

⁴ Должно быть 12 лет.

⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 132.

⁶ Метрическое свидетельство не найдено. Дата рождения вычислена на основании записи в ревизии 1782 г. «Деревня Мечаковская ... Родион холост (по последней 1763 г. ревизии ему состояло 2 года), 21 год». (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 132.)

⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 12/109.

⁸ «...Деревня Мечаковская. ...Василий (по последней ревизии ему состояло 18 лет), в рекрутах с 1813 г.» (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 34/343. Л. 59. (Ревизские сказки ... на 1816 г.)

⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 40. Л. 607. (Метрическая книга 1813 г.)

¹⁰ Метрическое свидетельство не найдено. Дата рождения вычислена на основании записи в ревизии 1782 г. «Деревня Мечаковская Стафей холост (по последней 1763 г. ревизии ему состояло 2 недели), 19 лет». (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 132.)

¹¹ «...Деревня Мечаковская ... У Стафея жена Анна Иванова дочь, 21 год, взята после ревизии той же трети деревни Рогачевской у крестьянина Ивана Евтифеева». (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 12/109. (Ревизские сказки 5 ревизии Петрозаводского уезда Кижской трети 1795 г.)

¹² Ревизская сказка ... 1834 г.: «Деревня Мечаковская ... Степана Родионова другой двоюродный брат Лука Стафеев отдан в рекруты в 1824 г.» (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554. Л. 52.)

Вторая жена Стафея Селиверстова Ирина Савинова¹³. В браке со Стафеем Селиверстовым Ирина Савинова успела родить только одного ребенка, сына Акакия (17.04.1813 г. р.). Через полтора года в 1814 г. Стафей Селиверстов умирает¹⁴. Молодая вдова Ирина Савинова осталась с шестью детьми, старшему Герасиму было 14 лет, младшему Окату¹⁵ – 1 год. Она продолжает жить с семьей Степана Родионова, племянника мужа¹⁶.

В середине 1820-х гг. Степан Родионович и Герасим Стафеев разделили хозяйство¹⁷, но это не привело к семейному разделу, так как до 1834 г. братья жили одним домом¹⁸.

После смерти мужа Ирина Савинова родила троих незаконнорожденных детей: сыновей Артемона¹⁹, Ивана и дочь Ефросинью²⁰. Артемон и Ефросинья больше в просмотренных документах не встречаются. У Ивана отчество писали как Богданов, так как он был незаконнорожденным. Затем в некоторых документах у Ивана отчество стали писать Стафеевич (Стахивич), как у старшего брата Акакия, с которым Иван проживал одной семьей. Умерла Ирина Савиновна 26 августа 1865 г. в возрасте 68 лет от старости²¹.

Воронины

Впервые фамилия Воронин была обнаружена в ревизской сказке Кижской волости Кижской трети 1834 г.²² В деревне Мечаковская в этот документ записана семья Степана Родионовича Воронина: сам глава семьи, его жена Ирина Михеева и сын Григорий, а также его четверо двоюродных братьев – Герасим с женой и детьми, Лука, Яков и Окат (Акакий) Стафеевы.

¹³ Ревизские сказки ...Кижской трети ...1816 г.: «...Деревня Мечаковская ... Стафея Селиверстова жена Ирина Савинова, 25 лет». (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 34/343. Л. 59.)

¹⁴ «15 сентября ... Кижского прихода деревни Мечаковской государственный крестьянин Стахий Селиверстов, 50 лет, лихорадка». (НА РК Ф. 25. Оп. 22. Д. 41. Л. 223. (Метрическая книга 1814 г.)

¹⁵ Окат или Акат – уменьшительное от Акакия. Так его звали в семье, так его звали жители деревни, так записан он в посемейных списках и ревизских сказках вплоть до 1850 г. С этим именем он остался в памяти потомков.

¹⁶ «Деревни Мечаковской ...Родиона Селиверстова брат Стафей ...Стафея дети: Герасим, 16 лет, Лука, 13 лет, Яков, 7 лет, Окат, 3 года. ... Его же дочери Агафья, 7 лет, Степанида, 5 лет». (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 34/343. Л. 59. (Ревизские сказки ... 1816 г.)

¹⁷ НА РК. Ф. 37. Оп. 58. Д. 3/15. Л. 71 (Посемейные списки 1824 г.)

¹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554. Л. 51об. (Ревизская сказка ... 1834 г.)

¹⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 22 Д. 46. Л. 194. (Метрическая книга 1818 г.)

²⁰ Там же. Д. 9. (Метрическая книга за 1804–1808, 1811–1812, 1814–1838 гг.)

²¹ Там же. Д. 244. Л. 905. (Метрическая книга 1865 г.)

²² Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554. Л. 52.

Степан (Стефан) Родионович родился в 1795 г.²³ Первая жена Фекла Михайловна²⁴. Метрика с записью о венчании в Кижском приходе не найдена.

Фекла Михайловна родила мужу шестерых детей. Четверо из них умерли в младенчестве. Только старший сын Григорий прожил 56 лет (1816–1869) и оставил потомство. Фекла Михайловна умерла 29 апреля 1831 в возрасте 33 лет от родов²⁵.

Хозяйство и дом не могли долго оставаться без хозяйки, поэтому через десять дней после смерти первой жены, 10 мая 1831 г., Степан Родионович вновь женился на Ирине (иногда писали Марья) Михеевне²⁶.

В 1820-х гг. в хозяйстве Степана Родионовича сеялось 10 четвертей озимого клина, 20 – ярового и выкашивалось сена 5 возов. На подворье стояли одна лошадь, четыре коровы и две овцы. Семья причислялась к хозяевам среднего достатка²⁷.

В посемейных списках о состоянии крестьян Кижского сельского общества Кижской волости Петрозаводского уезда за 1852 г. записано, что «Степан Родионов Воронин не владеет ногами». Состояние семьи определяется уже как бедное²⁸. Умер Степан 11 января 1870 г.²⁹, пережив сына Григория на месяц. Жена Ирина Михеевна умерла 15 ноября 1874 г.³⁰ Потомки Григория, сына Степана Воронина, прослеживаются до первой трети XX в. (см. схему 2).

В ревизских сказках Кижской волости Кижского мирского общества 1850 г.³¹ в деревне Воробьевской (она же Мечаковская) с фамилией Воронины записана семья Герасима Стафеевича.

²³ Метрическое свидетельство не найдено. Дата рождения вычислена на основании записи в ревизской сказке .. 1811 г: «...Деревни Мечаковской ...Родиона дети ... Степан, 16 лет». (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23/227. Л. 68.)

²⁴ «...Деревни Мечаковской ...Степана Родионова жена Фекла Михайлова, 17 лет». (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 34/343. Л. 59. (Ревизские сказки ... 1816 г.)

²⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 9. (Метрическая книга за 1804–1808, 1811–1812, 1814–1838 гг.)

²⁶ «Кижского прихода деревни Мечаковской государственный крестьянин Стефан Родионов, вдовый по первому браку с девицей Марьей Михеевой, дочью Сенногубского погоста деревни Лонгасы крестьянина Михея Богданова». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 67. Л. 254об. (Метрическая книга 1831 г.)

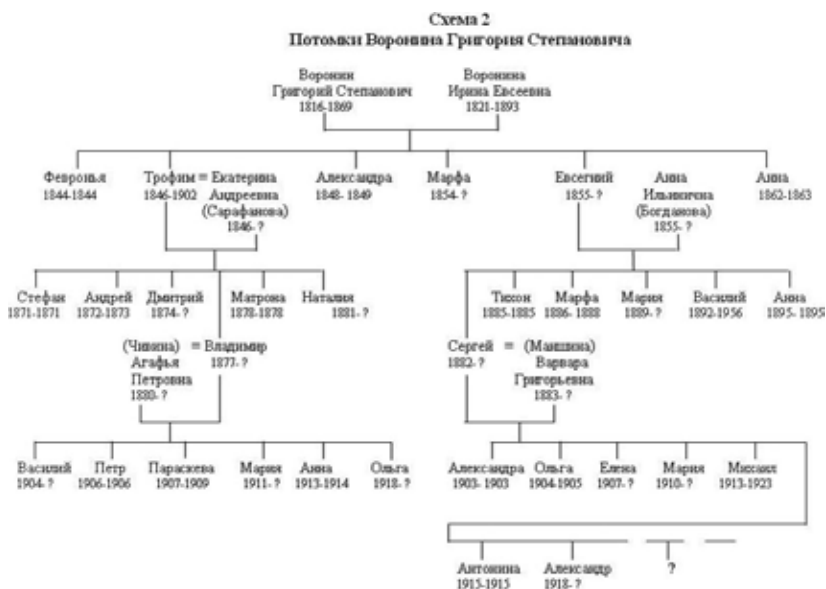
²⁷ НА РК. Ф. 37. Оп. 58. Д. 3/15. Л. 71. Д. 5/26. Л. 43. (Посемейные списки 1824, 1825 гг.)

²⁸ Там же. Д. 14/84. Л. 55.

²⁹ «Кижского прихода деревни Пахинского берега государственный крестьянин Стефан Родионов Воронин 70 лет от старости». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 270. Л. 733. (Метрическая книга 1870 г.)

³⁰ «Деревни Пахинского берега вдова Ирина Михеева по мужу Воронина, 69 лет от старости». (НА РК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 535. Л. 427об. (Метрическая книга 1870–1875 г.)

³¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61/574. Л. 46.

Герасим Стафеевич Воронин родился в 1799 г.³² Государственный крестьянин. Когда умер отец, Стафей Селиверстов, Герасиму было четырнадцать лет. В семье осталось четверо братьев и две сестры.

Хозяйство Герасима Стафеевича с братьями в 1820-х гг. было не очень большим, сеялось 4 четверти озимого клина, 8 – ярового и выкашивалось сена 5 возов. На подворье имелись одна лошадь, одна корова и одна овца. Семья причислялась к хозяевам бедного достатка³³.

Имя первой жены Герасима не найдено, видимо, умерла в родах, так как сын Василий родился 22 декабря 1822 г.³⁴, а уже в январе 1823 г. Герасим женится во второй раз. Вторая жена Евдокия Игнатьевна из деревни Яковлевской. Венчание состоялось 23 января

³² Метрическое свидетельство не найдено. Дата рождения вычислена на основании записи в ревизской сказке...1811 г. «...Деревни Мечаковской ... Стафеева дети Герасим, 12 лет». (НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23/227. Л. 68).

³³ НА РК. Ф. 37. Оп. 58. Д. 3/15. Л. 71. Д. 5/26. Л. 43. Д. 6/31. (Посемейные списки 1824, 1825, 1827 гг.).

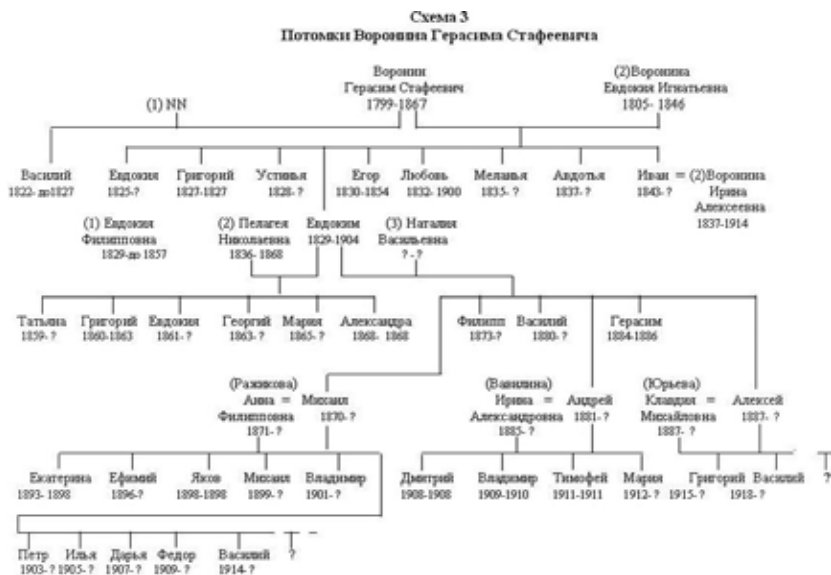
³⁴ «...Кижского прихода деревни Мечаковская у государственного крестьянина Герасима Стафеева сын Василий. Восприемник Лука Стафеев». Больше в просмотренных документах не встречается. НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 53. Л. 2160б. (Метрическая книга 1822 г.).

1823 г.³⁵ В браке с Евдокией Игнатьевной родилось девять детей: пять девочек и четыре мальчика. Умерла Евдокия Игнатьевна 20 апреля 1846 г. в возрасте 41 года от тоски³⁶.

В посемейных списках за 1860 г.³⁷ состояние семьи Герасима Стафеевича Воронина определено как посредственное. Посеяно 15 четвертей озимого клина, 30 – ярового, 4 – картофеля и выкашивалось сена 15 возов. Держали в хозяйстве четыре лошади, три коровы и десять овец. И это на одного годного работника. Видимо, помогал сын Евдоким, который много времени проводил в Санкт-Петербурге вместе со своим дядей Акакием Стафеевичем Воронцовым.

Герасим Стафеевич пережил жену на двадцать лет и умер 12 октября 1867 г. в возрасте 70 лет³⁸. Потомки Герасима Стафеевича Воронина прослеживаются до первой трети XX в. (см. схему 3).

³⁵ «Кижского прихода деревни Мечаковской государственный крестьянин Герасим Стафеев с крестьянской дочерью деревни Яковлевской Евдокией Игнатьевой. Жених вторым браком. Отроду из них жениху 25, невесте 20. Поручители: со стороны жениха: деревни Мечаковской крестьяне Степан Родионов и Лука Стафеев. Со стороны невесты солдатская жена Агафья Андреева и вдова Параскева Богданова». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 54. Л. 230об. (Метрическая книга 1823 г.)

³⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 99. Л. 512об. (Метрическая книга 1839–1846 гг.)

³⁷ Там же. Ф. 37. Оп. 58. Д. 21/122. Л. 61.

³⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 22. Д. 259. Л. 917об. (Метрическая книга 1867 г.)

Яков Стафеевич Воронин, брат Герасима Стафеевича, с сыном Филиппом были перечислены в деревню Зяблые Нивы Сенногубского общества в 1840 г.³⁹ В дальнейшем все потомки Якова Стафеевича Воронина стали носить фамилию Стафеевы⁴⁰.

Воронцовы

В ревизских сказках Кижской волости Кижского мирского общества впервые фамилия Воронцовы встречается в 1850 г.⁴¹ в деревне Воробьевской (она же Мечаковская). В документ записана семья Акакия Стафеевича Воронцова: сам Акакий, его жена Настасья Петровна, сын Петр, мать Ирина Савиновна и Иван Богданов, незаконнорожденный сын Ирины Савиновны.

Акакий Стафеевич Воронцов родился 17 апреля 1813 г.⁴² До 1827 г. Окат вместе с матерью Ириной Савиновной жил в семье старшего брата Герасима Стафеевича Воронина. Семья жила бедно, надел земли был небольшой и, по сложившейся в Заонежье традиции, в 1827 г. в возрасте 14 лет Оката отправляют в Санкт-Петербург⁴³. Он начинает заниматься кондитерским ремеслом⁴⁴ и довольно успешно.

Несмотря на то что Акакий живет в Санкт-Петербурге, в ноябре 1836 г. он едет жениться в родную деревню. Невеста Анна, дочь Мины Григорьева, государственного крестьянина из деревни Мечаковская.

Семья Мины Григорьева не бедствовала. В посемейных списках о состоянии крестьян за 1824, 1825 и 1827 гг. состояние семьи отмечено как «среднее»⁴⁵. В посемейном списке 1840 г. у Мины Григорьева с отцом на одного годного работника посеяно восемь четвериков озимого клина, десять – ярового, выкошено сена десять возов. Состояние определено как «зажиточное»⁴⁶.

³⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61/574. Л. 46. (Ревизские сказки ... 1850 г.)

⁴⁰ По данным с веб-сайта «МуHeritage».

⁴¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61/574. Л. 77об.

⁴² «...17 апреля. Акакий. Деревни Мечаковской у крестьянина Стафея Селиверстова. Восприемник: той же деревни крестьянина Григория Герасимова сын Михаил». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 40. Л. 267. (Метрическая книга за 1813 г.)

⁴³ «...Из вытребованных от крестьянина Воронцова документов оказалось: 1, что он принадлежит к числу приписных крестьян Олонецких горных заводов, Петрозаводского уезда, Кижского сельского общества, деревни Воробьевской и получив увольнение от общества, принявшего на себя исполнение за него заводских работ...» (РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 36. Л. 3об. (Доклады министров финансов, государственных имуществ и торговли и промышленности по Горному департаменту.)

⁴⁴ «... проживает по паспортам в Санкт-Петербурге, где занимается кондитерским ремеслом с 1827 г.» (РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 36. Л. 3об. (Доклады министров финансов, государственных имуществ и торговли и промышленности по Горному департаменту.)

⁴⁵ НА РК. Ф. 37. Оп. 58. Д. 3/15. Л. 71. Д. 5/26. Л. 43. Д. 6/31.

⁴⁶ Там же. Д. 10/53.

Анна была единственным оставшимся в живых ребенком Мины Григорьева. Всю последующую жизнь Мина Григорьев провел рядом с зятем. Венчались молодые 11 ноября 1836 г.⁴⁷ Жениху двадцать три года, а невесте шестнадцать лет. После женитьбы Акакия вместе с женой, матерью и братом в ревизских сказках и посемейных списках записывают отдельно от сводных братьев.

Впервые запись Акакия Стафеевича с фамилией Воронцов найдена в исповедных ведомостях за 1844 г. единоверческой Св. Николая Чудотворца церкви на Грязной (или Николаевской⁴⁸) улице в Санкт-Петербурге, прихожанами которой они были: «Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижского погоста деревни Мечаковской государственный крестьянин Акакий Стахив⁴⁹ Воронцов, 31 г., жена его Анна Минина, 24 г.»⁵⁰

Удалось найти только запись о рождении в марте 1847 г. дочери Акакия Стафеевича и Анны Миновны⁵¹, в фондах ЦГИА не сохранилось метрических книг Николаевской церкви до 1841 г., поэтому неизвестно, были ли у них еще дети. Через месяц после рождения дочери Анна Миновна умирает в возрасте 36 лет от чахотки. Похоронена на Большеохтинском кладбище в Санкт-Петербурге⁵².

---

⁴⁷ «Петрозаводского уезда Кижской волости деревни Мечаковской государственный крестьянин Акакий Стафеев, холостой, с девицею Анной той же деревни государственного крестьянина Мины Григорьева дочерью. Поручители: по жениху: того же уезда и погоста деревни Гавел Наволока государственный крестьянин Михаил Григорьев, деревни Мечаковской Герасим Стафеев, а по невесте: деревни Сибова государственного крестьянина Василия Лукина жена Ирина Иванова. Жениху 23 года, невесте 16 лет». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 86. Л. 333. (Метрическая книга 1836 г.)

⁴⁸ С 1856 г. Грязная улица переименована в Николаевскую (Никольскую) улицу.

⁴⁹ В документах Олонецкой губернии писали Акакий Стафеев, в то время как в метрических книгах Никольской единоверческой церкви – Акакий Стахив.

⁵⁰ ЦГИА Ф. 19. Оп. 112. Д. 1107. Л. 28. (Исповедные ведомости единоверческой Св. Николая Чудотворца церкви на Грязной улице за 1844 г.)

⁵¹ «22 марта ...Александра. Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижской волости деревни Мечаковской государственный крестьянин Акакий Стахив Воронцов и законная жена его Анна Миновна, оба православного вероисповедания Восприемники: С-Петербургского живописного края мастер Петр Матфеев и С.-Петербургского свободного художника Гаврилы Иванова Яковлева жена Анастасия Иванова (ЦГИА. Ф. 19. Оп. 124. Д. 697. Л. 722. (Метрическая книга Николаевской единоверческой церкви на Грязной и Кузнечной улице за 1845–1847 гг.)

⁵² «3 мая. Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижской волости деревни Мечаковской государственного крестьянина Акакия Стахива Воронцова жена Анна Миновна, 36 лет, от чахотки. Похоронена на Большеохтинском единоверческом кладбище». (ЦГИА Ф. 19. Оп. 124. Д. 697. Л. 704. (Метрическая книга Николаевской единоверческой церкви на Грязной и Кузнечной улице за 1845–847 гг.)

К этому времени Акакий Стафеевич имеет свою кондитерскую, проживает на Невском проспекте, д. 50⁵³. Был «... по избранию С.-Петербургского торгового общества старшиною пряничного, постильного и горчишного цехов с 1844 по 1848 г.»⁵⁴. Регулярно ездит на ярмарки в Нижний Новгород, где является рядским старостою⁵⁵ в 1846, 1847, 1848 гг.⁵⁶

За свои конфетные изделия Акакий Стафеевич «удостаивался награды от их Императорских Высочеств Государыни Цесаревны и Великой Княгини Елены Павловны»⁵⁷. О связях Акакия Воронцова с императорской семьей говорит то, что «...стихотворения своего сочинения он подносил в разное время их Императорским Высочествам, Государю Наследнику Цесаревичу⁵⁸, Великим Князьям Константину Николаевичу и Михаилу Николаевичу⁵⁹ и Великой княгине Екатерине Михайловне⁶⁰, за что удостоиваем был денежными наградами и благодарностью»⁶¹.

Когда и почему Акакий Стафеевич стал носить фамилию Воронцов? По семейным преданиям, кто-то из его братьев (это мог быть Лука, который был в рекрутах с 1824 г.⁶²) служил у графа Воронцова конюшенным и спас ему жизнь, когда лошадь графа понесла. За это граф Воронцов даровал право носить его фамилию, и это право могли передать Акакию как самому младшему и любимому. А может, этот случай произошел с самим Акакием, учитывая его близость к императорскому двору. Только через два года после смерти первой жены Акакий женится во второй раз.

⁵³ «Воронцов А., кондитер. Невск. проспек., 50» Путеводитель: 60,000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочия, 1854: [в 2 ч. / сост. В. М. Матвеев]. – Санкт-Петербург: тип. К. Вингебера, ценз. 1853. – VIII, 240, 71 с. – Электронная копия доступна на сайте Рос. нац. б-ки. URL: <http://vivaldi.nlr.ru/bx000020095/view>. Л. 65.

⁵⁴ РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 36. Л. 4. (Доклады министров финансов, государственных имуществ и торговли и промышленности по Горному департаменту.)

⁵⁵ Рядский староста должен был следить за чистотой и соблюдением порядка, собирать и подавать сведения квартальному надзирателю о количестве привезенных товаров и проданных в своей торговой линии.

⁵⁶ «...Воронцов по избранию С.-Петербургского торгового общества ... Рядским Старостою на Нижегородской ярмарке в 1846, 1847, 1848 гг., – каковыя должности исправлял с деятельностью, без упущения». (РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 36. Л. 4. (Доклады министров финансов, государственных имуществ и торговли и промышленности по Горному департаменту.)

⁵⁷ Мария Николаевна, дочь императора Николая I, жена великого князя Михаила Павловича, брата императора Николая I. (РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 36. Л. 4. (Доклады министров финансов, государственных имуществ и торговли и промышленности по Горному департаменту.)

⁵⁸ Александр Николаевич, будущий император Александр II.

⁵⁹ Сыновья императора Николая I.

⁶⁰ Дочь великого князя Михаила Павловича.

⁶¹ Ф. 40. Оп. 2. Д. 36. Л. 4об. (Доклады министров финансов, государственных имуществ и торговли и промышленности по Горному департаменту РГИА.)

⁶² НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554. Л. 52. (Ревизская сказка ... 1834 г.)

И опять же выбирает жену из своего Кижского прихода. Вторая жена Анастасия Петровна из деревни Сявнега моложе будущего мужа на 18 лет. Венчались в Кижях 2 февраля 1849 г.⁶³ Надо отметить, что поручителем у жениха выступает Мина Григорьев, отец первой жены.

В 1853 г. в Санкт-Петербурге у Акакия Стафеевича и Анастасии Петровны рождается третий ребенок, сын Василий. Акакий Стафеевич передает прошение его Императорскому Величеству «о восприятии от купели новорожденного его сына»⁶⁴, которое он написал в стихотворной форме. На докладе управляющего министерством финансов о стихотворении, содержащем просьбу к императору быть восприемником сына, рукой императора Николая I написано: «Высочайше повелеваю оставить без последствий. С.-Петербург. 23 генваря 1853»⁶⁵. Где был крещен и кто был восприемником мл. Василия, пока найти не удалось. Умер он 13 мая 1861 г. в возрасте 10 лет от простуды⁶⁶.

По какой причине Акакий Стафеевич Воронцов не переписывался из крестьянского сословия в купеческое или мещанство, неизвестно. Во всех документах он значится как государственный крестьянин Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижского мирского общества. Этот крестьянин был одним из самых богатых в Кижской волости. Акакию Стафеевичу с братом Иваном принадлежал дом со службами. Вот как описан дом в акте о страховании крестьянских строений на 24 февраля 1868 г.: «...крестьяне той деревни Акакий Стафеев и Иван Богданов Воронцовы заявили, что они дом свой со службами желают застраховать дороже оценки, назначенной губернским земским собранием.

По освидетельствованию дом Воронцовых оказался «двухэтажный посредственный, о четырех жилых покаях, чердаком, двумя сениями, отрубом, пятью хлевами, в жилых покаях четыре печи, дом

---

⁶³ «...Кижского прихода деревни Мечаковской государственный крестьянин Акакий Стафеев, православного вероисповедания, вторым браком, 35 лет. Невеста: девица Анастасия Петрова деревни Сявнеги крестьянина Петра Васильева дочь, православного вероисповедания, 17 лет. Поручители: деревни Мечаковской государственные крестьяне Мина Григорьев и Иосиф Родионов, по невесте: деревни Сявнеги Мартын Гаврилов и Иван Федотов». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 147. Л. 125. (Метрическая книга 1849 г.)

⁶⁴ «По Высочайшему Вашему Императорского Величества повелению министр Императорского Двора препроводил министру государственных имуществ для доклада Вашему Величеству, написанное государственным крестьянином Акакием Воронцовым стихотворение, коим он просит Ваше Величество о восприятии от купели новорожденно его сына». (РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 36. Л. 3. (Доклады министров финансов, государственных имуществ и торговли и промышленности по Горному департаменту.)

⁶⁵ РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 36. Л. 3. (Доклады министров финансов, государственных имуществ и торговли и промышленности по Горному департаменту.)

⁶⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 192. Л. 416об. (Метрическая книга за 185–1862 гг.)

этот имеет по лицу 8 саж, а ширию с хлевами 10 саж... Почему соображаясь ценностью материалов устройству дома и службы, оценили в двести сорок руб. серебром, на страх принимается сто шестьдесят руб. сер, а за амбары Воронцовы пожелали оставить в оценках губернского собрания, т. е. по 5 руб. каждый и платить за оные в страх десять коп. с оба»⁶⁷.

Акакий Стафеевич имел сойму⁶⁸ озерную для перевозки скота и разного груза, поднимающую 400 пудов, стоимостью 40 рублей и приносящую за лето доход в 30 рублей⁶⁹. Активно участвовал в жизни Кижского сельского общества. Его часто приглашали быть восприемником у новорожденных детей или поручителем на венчании.

Занимался Акакий Стафеевич Воронцов и благотворительностью. В Описи прибывных вещей, поступивших в кижскую Покровскую церковь в апреле 1865 г., имеется запись о пожертвованиях, сделанных крестьянином Акакием Воронцовым:

«Поступило в церковь, присланных из Санкт-Петербурга крестьянином деревни Пахинского берега Акакием Воронцовым:

1. Напрестольный ковчег медный в апплике⁷⁰ с финифтевыми изображениями
2. Дароносица медная в апплике
3. Напрестольный крест с финифтевыми изображениями медный в апплике
4. Венцы с финифтевыми изображениями медные в апплике
5. Водосвященная чаша медная в апплике с крышкой
6. Кадило медное в апплике в ней 5 фунтов»⁷¹.

В документах о подготовке ремонта Преображенской церкви на о. Кижы за октябрь 1867 г. имеется запись: «Крестьянин Акакий Воронцов просил разрешения строить церковь в другом месте, но не получил его, а мог вместо этого использовать запасы для ремонта Кижской церкви»⁷².

⁶⁷ НА РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8а/47. Л. 50, 50об., 51.

⁶⁸ Сойма – «шитое» килевое судно, предназначенное для плавания в открытом море и в бассейнах больших озер (Ладога, Онега). Имело разные размеры, малые лодки служили для местного судоходства и рыболовства, более крупные палубные «соймы» предназначались для транспортировки людей и грузов.

⁶⁹ НА РК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1/14. Л. 22. (Ведомость о владельцах судами лодками по Петрозаводскому уезду за сентябрь 1867 г.).

⁷⁰ В апплике (фран. Applique приложенный) накладного серебра.

⁷¹ НА РК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 50. (Опись имущества Покровской церкви Кижского прихода Петрозаводского уезда за 1850–1864 гг.)

⁷² НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2738. Л. 11. (Материалы Ларса Петтерссона.)

Часовня Кирика и Иулиты в деревне Воробьи была построена на средства Акакия Стафеевича Воронцова⁷³. Газета «Олонецкие губернские ведомости» № 23⁷⁴ от 26 марта 1875 г. сообщила об устройстве маяка крестьянином Воронцовым на собственные средства на о. Б. Клименецкий.

По семейным преданиям, последние годы жизни Акакий пропивал почти все заработанное на Нижегородской ярмарке и жене его, Анастасии Петровне, приходилось прятать деньги в перчатке, чтобы что-то привезти домой. После возвращения с ярмарки он давал в церкви обет не пить, восстанавливал торговлю и не пил до следующей ярмарки⁷⁵.

Дата смерти Акакия Стафеевича Воронцова не установлена. По семейным преданиям, он умер в Санкт-Петербурге. Сопоставляя различные сведения и даты можно предположить, что умер он в 1878 г., так как после этой даты Акакий Стафеевич в просмотренных документах не упоминается⁷⁶. К сожалению, метрическая книга Никольской единоверческой церкви за 1878 г. в ЦГИА отсутствует.

Почти каждый год у Акакия Стафеевича и Анастасии Петровны Воронцовых рождались дети. Всего родилось 12 детей: пять девочек и семь мальчиков. Половина из них родилась в Санкт-Петербурге. Девять детей умерли в младенчестве или в детском возрасте. В живых остались дочь Мария, сыновья Николай и Федор. В 1875 г. Мария вышла замуж за Ивана Романовича Теленкова из деревни Телятниково⁷⁷.

После смерти Акакия Стафеевича Воронцова Анастасия Петровна вместе с сыновьями Николаем и Федором переехали в Воробьи. Вдова привезла с собой мебель: круглый столик на одной ножке, вокруг ножки головы львов, буфет, большой обеденный стол, зеркало с хрустальным стеклом в резной раме, клетку для попугая в половину человеческого роста. Вспоминают старинные книги, которые лежали на

⁷³ Кистерная М., Вахрамеева Т. Новые факты в истории памятников // Кижы. 2013. № 3 (98).

⁷⁴ Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 23. 26.03.1875.

⁷⁵ Из воспоминаний А. А. Ивановой, правнучки А. С. Воронцова.

⁷⁶ В пользу этой даты говорит то, что, по воспоминаниям родных, Федору, сыну Акакия Стафеевича, было около 13 лет, когда умер отец. Федор родился в 1865 г. Из воспоминаний А. А. Ивановой, правнучки А. С. Воронцова.

⁷⁷ «24 января... Жених деревни Телятникова государственный крестьянин Романа Гаврилова сын Иван Романов, православного вероисповедания, первым браком, 22 года. Невеста Кижского прихода деревни Пахинского берега государственного крестьянина Акакия Стахиева Воронцова дочь девица Мария Акакиева, православного вероисповедания, первым браком, 17 лет. Поручители: по жениху крестьяне 1-й деревни Телятникова родной брат Федор Романов и 2-й деревни Боярщины Дмитрий Иванов Никонов, а по невесте 1-й: деревни Пахинского берега Иван Стахиев Воронцов и 2-й деревни Кижского острова Южного конца Василий Ефимов Кругов». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 298. Л. 269об. (Метрическая книга 1875 г.)

чердаке. Вдову Акакия звали в родне «питерской барыней». Любила кофе со сливками и пила его из серебряного кофейника⁷⁸.

Николай был девятым ребенком в семье Акакия Стафеевича. Все дети, кроме сестры Марии, которые родились до Николая, умерли в младенчестве или до рождения Николая. Родился Николай Акакиевич в Санкт-Петербурге 27 июля 1863 г. Крестили его 9 августа в Никольской единоверческой церкви на Николаевской улице. Восприемниками были «...Калужской губернии города Малоярославца мещанин Михаил Лукин Протопопов, Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Ендозерской волости, деревни Потаневской обельного крестьянина Стефана Захарова Лукина жена Евдокия Тимофеева»⁷⁹.

В Заонежье Николай Акакиевич Воронцов прославился как виртуозный звонарь. Как рано проявились у Николая Акакиевича способности к звонарному делу, неизвестно. Когда семья жила в Санкт-Петербурге, они были прихожанами Никольской единоверческой церкви на Никольской улице (сейчас улица Марата). Колокольни при церкви не было. Десять колоколов помещались в двух малых куполах. Может, маленького Николая завораживал колокольный звон этих колоколов. А в Воробьях рядом с домом Воронцовых на средства Акакия Стафеевича была построена часовня Кирика и Иулиты. Часовня стоит на холме посередине деревни. Есть при часовне и колокольня, на которую мог забираться маленький Николай. Отсюда была видна колокольня Кижского погоста, звон ее колоколов далеко раздавался по воде. Будучи слабого здоровья, Николай не мог участвовать в играх и забавах местных мальчишек, поэтому колокольня была тем местом, где он проводил много времени.

По народным традициям, свое мастерство звонари передавали от учителя к ученику, как былинные сказители передавали от отцов к детям свои знания. Кто был учителем Николая Воронцова, мы не знаем, но то, что ученик оказался талантливым, это подтверждалось народной молвой. «Особенно ему удавался праздничный или, как называли его местные прихожане, „воронцовский звон“». Он стремился показать в этом звоне все богатство звучания колоколов, создавая мелодико-ритмический рисунок, воспроизводящий плясовые наигрыши. Местные жители говорили: «как слышишь воронцовский звон, так и хочется плясать» (из воспоминаний местных заонежан, записанных О. Б. Лавровым)⁸⁰.

⁷⁸ Из воспоминаний А. А. Ивановой, правнучки А. С. Воронцова.

⁷⁹ ЦГИА. Ф. 19. Оп. 124. Д. 845. Л. 43. (Метрическая книга Никольской единоверческой церкви на Николаевской улице за 1863 г.)

⁸⁰ *Гуцица В.* Кижские звоны // Кижы. 2012. № 6 (90).

Жители Кижского прихода часто приглашали Николая Акатовича быть поручителем (свидетелем) на венчании и восприемником (крестным) у детей. Значит, пользовался он всеобщим уважением не только как звонарь.

Николай был инвалидом с детства, прожил всю жизнь бобылем в доме с братом Федором. После запрета на церковный звон в 1920–1930 гг. здоровье Николая Акатовича ухудшилось. Племянница звонаря Александра Афанасьевна Иванова (1928–2016) рассказывала своим детям, что помнила дядю Николая болезненным. Летом он лежал в летней горнице на кровати, зимой – в избе за печкой. Умер Николай Акатович Воронцов между 1935 и 1940 г.

Десятым ребенком, родившимся у Акакия Стафеевича и Анастасии Петровны, был Федор. В семье из девяти рожденных детей в живых осталось двое: дочь и сын-инвалид. Акакий очень хотел наследника. Видимо, поэтому в апреле 1865 г. он сделал большое пожертвование в Покровскую церковь Кижского прихода. Его мечты сбылись, и 1 октября родился долгожданный сын⁸¹.

Большая часть детства у Федора прошла в Санкт-Петербурге. Только в возрасте 13 лет после смерти отца семья вернулась на постоянное жительство в деревню Воробьи. Здесь в наследство от отца остался надел земли, дом со службами. Так как старший брат Николай был слабого здоровья, то пришлось совсем еще молодому Федору стать главой семьи. О том, что именно он стал наследником, видно из статистических данных на землевладельцев за 1911 г. по Петрозаводскому уезду, где отмечено, что 35 лет назад «...начал вести самостоятельно хозяйство»⁸².

В 1886 г. состоялось венчание Федора Акакиевича и Марии Антоновны Шильниковой из деревни Сибово⁸³. Мария Антоновна была из бедной семьи, и замуж ее отдали «за еновотый тулуп»⁸⁴. В семье родилось 11 детей: пять мальчиков и шесть девочек. Трое мальчиков умерло

⁸¹ «...Кижского прихода деревни Пахинского берега государственный крестьянин Акакий Стафеев Воронцов и законная жена его Анастасия Петрова, оба православного вероисповедания. Восприемники: той же деревни Иван Васильев Ошевнев». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 244. Л. 868об. (Метрическая книга 1865 г.)

⁸² НА РК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 22/208. Л. 157об.

⁸³ «7 февраля...Жених: Кижского прихода деревни Пахинского берега государственный крестьянин Федор Акакиев Воронцов, православного вероисповедания, первым браком, 20 лет. Невеста: деревни Сибовской Антона Богданова Шильникова дочь девица Марья Антоновна, православного вероисповедания, первым браком, 17 лет. Поручители: по жениху крестьяне 1-й – деревни Кургеницкой Федор Иванов Дегтярев, 2-й – деревни Западного берега Димитрий Алексеев Скоров(?), а по невесте: 1-й – деревни Сибовской крестьянин Козьма Семенов Кудров и 2-й – Космозерского прихода деревни Тереховой крестьянин Стефан Гаврилов». (НА РК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 611. Л. 16об. (Метрическая книга 1886 г.)

⁸⁴ Из воспоминаний А. А. Ивановой (Воронцовой), внучки Ф. А. и М. А. Воронцовых.

в младенчестве. Были в семье и близнецы: Филипп и Параскева. Филипп умер в возрасте 15 лет от чахотки⁸⁵.

Все дочери, кроме Параскевы, вышли замуж. Сестры Анастасия и Мария вышли замуж за братьев Череповых из деревни Леликово Сенногубского прихода⁸⁶.

В 1929 г. землю и скот забрали в колхоз. Федор Акакиевич очень переживал за свою скотину и часто посылал внучек посмотреть, как относятся к его лошадям и коровам колхозники⁸⁷. Во время Великой Отечественной войны Федор Акакиевич с женой Марией Антоновной и дочерью Параскевой остались в Заонежье. Были вывезены финнами в концлагерь в город Петрозаводск, где и умерли от голода в 1942 г.⁸⁸ Похоронены на кладбище в Песках. Их фамилии есть на стеле мемориала в память о погибших в финских концлагерях жителей Карело-Финской ССР.

Афанасий Федорович Воронцов – единственный сын Федора Воронцова, оставшийся в живых. Родился он 15 июня 1893 г.⁸⁹ В 1909 г. Афанасия отправили учиться ремеслу маляра в Санкт-Петербург. После обучения переехал жить в Петрозаводск.

В 1916 г. Афанасий Федорович посватался к Пелагее, дочери Ивана Герасимовича Андреева, из деревни Западные Гарницы Сенногубского прихода, третьего представителя известной династии русских сказителей Рябининых-Андреевых. Венчались молодые 21 сентября 1916 г.⁹⁰ в Кижках.

После свадьбы Афанасий Федорович продолжал жить в Петрозаводске, жена осталась у родителей мужа в деревне Воробьи, занималась

⁸⁵ «...13 июля ...Кижского прихода деревни Воробьев крестьянина Федора Акакиева Воронцова сын Филипп, 15 лет от чахотки». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 532. Л. 373об. (Метрическая книга 1905 г.)

⁸⁶ По воспоминаниям С. И. Роговой, внучки Ф. А. Воронцова.

⁸⁷ По воспоминаниям К. А. Шуруповой, внучки Ф. А. Воронцова.

⁸⁸ База данных «Судьбы военнопленных и интернированных в Финляндии 1939–1955 гг. Погибшие в гражданских лагерях восточной Карелии в 1941–1945 гг». (<http://kronos.narc.fi/karelija/karelija.html>)

⁸⁹ «15 июня ...Афанасий Кижского прихода деревни Пахинского берега государственный крестьянин Федор Акакиев Воронцов и законная жена его Мария Антонова, оба православного вероисповедания. Восприемник: деревни Сибовской уволенный в запас Алексей Антонов Шильников». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 426. Л. 162об. (Метрическая книга 1893 г.)

⁹⁰ «Жених: Кижского прихода деревни Воробьев крестьянин Афанасий Федоров Воронцов, православного вероисповедания, первым браком, 22 года. Невеста: Сенногубского прихода, деревни Западных Гарниц крестьянина Ивана Герасимова Андреева дочь Пелагея Иванова, православного вероисповедания, первым браком, 22 года. Поручители: по жениху – Кижского прихода деревни Воробьев крестьяне Сергей Федоров Трофимов и Алексей Макаров Иудин, а по невесте – Кижского прихода деревни Середки крестьянин Михаил Кириков Рябинин и Сенногубского прихода, деревни Гарниц крестьянин Стефан Иванов Андреев». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 638. Т. 8. Л. 200об.).

сельским хозяйством, воспитывала детей. В 1929 г., когда в Заонежье создавали колхозы, земли и скот забирали у хозяев, Афанасий Федорович перевез семью в город Петрозаводск на постоянное местожительство. Снимали дом на Неглинской набережной.

Афанасий Федорович работал на Онежском заводе в ремонтно-строительном цехе маляром стен⁹¹, Пелагея Ивановна занималась хозяйством. Всего в семье родилось семеро детей: шесть дочерей и один сын. Две девочки умерли в младенчестве. Жили бедно. Помогал родной брат Пелагеи Степан Иванович Андреев. В это время он был коммерческим директором на Онежском заводе, имел одного сына. Даже хотел удочерить одну из дочерей сестры, Ксению, но отец не согласился отдать дочь.

На лето Пелагея с детьми уезжала в Воробьи. Когда началась Великая Отечественная война, семья была в Воробьях. В сентябре 1941 г. они эвакуировались в поселок Камбарка Удмуртской АССР. После возвращения из эвакуации Афанасий Федорович продолжал работать на Онежском заводе, потом перешел в хозяйств Совет Министров. Как классный маляр и плотник он участвовал в реставрации Преображенской церкви на о. Кижы и домов, свозимых в Кижы при организации музея⁹². Умер Афанасий Федорович 7 сентября 1970 г.

Сын Афанасия Федоровича Михаил родился 18 ноября 1925 г. в деревне Воробьи Заонежского округа АКССР. В сентябре 1941 г. вместе с семьей эвакуировался в поселок Камбарка Удмуртской АССР. Работал на центральном химическом сладе № 136 с 23.10.1941 г. по 6.01.1943. В январе 1943 г. был мобилизован в Красную армию Камбаровским РВК⁹³. После окончания 3-го Ленинградского пехотного училища в июне 1943 г. воевал в 10-й Гвардейской воздушно-десантной бригаде. Служил в рядах Советской армии до июля 1950 г.

В 1950–1955 гг. учился в архитектурно-строительном техникуме⁹⁴. В 1966 г. окончил Ленинградский инженерно-строительный институт по специальности «Промышленное и гражданское строительство»⁹⁵. Работал в проектно-изыскательском институте «Карелпроект», был заместителем министра торговли КАССР по строительству. Умер 1 февраля 2002 г. в Петрозаводске. Родных детей не имел. Воспитывал сына жены от первого брака.

⁹¹ НА РК. Ф. Р-533. Оп. 5. Д. 9/60. Л. 219. (Ударники стахановского движения.)

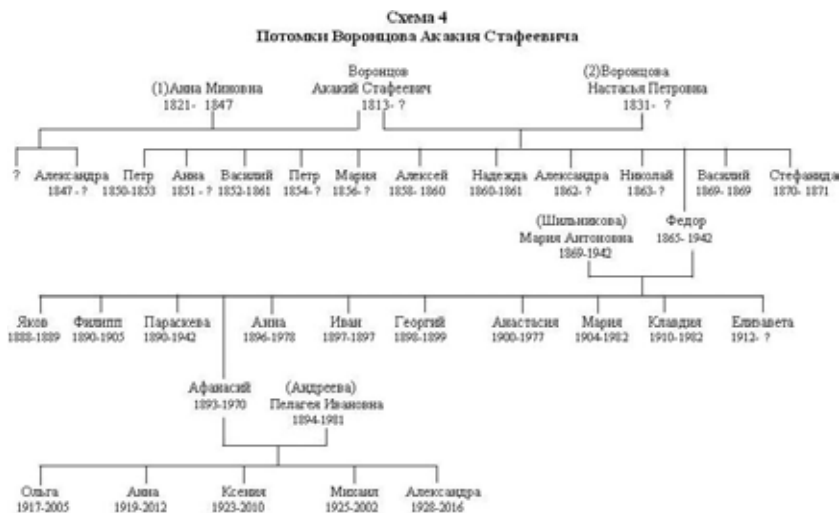
⁹² По воспоминаниям С. А. Захарова, внука А. Ф. Воронцова.

⁹³ Архивная справка Центрального архива Министерства обороны РФ № 5/121884 от 28 февраля 2002 г.

⁹⁴ Диплом с отличием А № 296161, выдан 16.04.1955 г.

⁹⁵ Диплом Ф №176819, выдан 21.06.1966 г.

Михаил Афанасьевич Воронцов был последним представителем рода Воронцовых по мужской линии. Потомки Акакия Воронцова прослеживаются до второй половины XX в. (см. схему 4).

У Акакия Стафеевича был единоутробный брат Иван, незаконнорожденный ребенок. Ирина Савиновна родила его в 1825⁹⁶ г., будучи вдовой. Сначала отчество Ивану писали Богданов, как всем незаконнорожденным детям, но со временем его стали записывать с отчеством Стафеевич (Стахиевич) и с фамилией Воронцов, как и у старшего брата Акакия, рожденного в браке.

Первый раз Иван женился в 1852 г. на Матрене Михайловне из деревни Зяблые Нивы Сенногубского прихода⁹⁷. В браке с Матреной Михайловной родилось пятеро детей. Трое из них – в Санкт-Петербурге. Значит, Иван много времени проводил там вместе со старшим братом.

⁹⁶ Дата рождения приведена приблизительно. По разным источникам мог родиться от 1821 г. до 1825 г.

⁹⁷ «5 ноября ... Кижского прихода деревни Воробьевской государственный крестьянин Иван Богданов, православного вероисповедания, первым браком, 27 лет. Невеста: Сенногубского прихода деревни Зяблых крестьянская девица Матрена Михайлова, православного вероисповедания, первым браком, 21 год. Поручители: пономарь Петр Романов и крестьянин деревни Воробьевской Мина Григорьев». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 160. Л. 713об. (Метрическая книга 1852 г.)

В 1860 г., вскоре после рождения пятого ребенка, дочери Александры⁹⁸, умирает Матрена Михайловна. В сентябре того же года Иван женится второй раз на Анне Потаповне из деревни Конды Сенногубского прихода⁹⁹. Вторая жена вскоре также умирает, и приходится Ивану в феврале 1861 г. жениться третий раз на Анастасии Васильевне, вдове крестьянина Ильи Трофимова¹⁰⁰. У Анастасии Васильевны и Ивана Стафеевича Воронцовых родилось семеро детей: две девочки и пять мальчиков. Умер Иван Стафеевич до 1906 г.¹⁰¹ Потомки Ивана Стафеевича/Богдановича Воронцова представлены на схеме 5.

Во время Великой Отечественной войны все русское население Заонежья, которое не успело или не смогло уехать в эвакуацию, было перевезено финнами в концлагеря в город Петрозаводск. Многие погибли там от голода и разных болезней. Из оставшихся в живых представителей родов Ворониных-Воронцовых никто не вернулся в родную деревню. В конце 1950-х гг. Афанасий Федорович Воронцов продал родовой дом в Воробьях. И только часовня Кирика и Иулиты продолжает стоять на холме, посередине деревни и хранит память о двух известных в Заонежье родах Ворониных и Воронцовых.

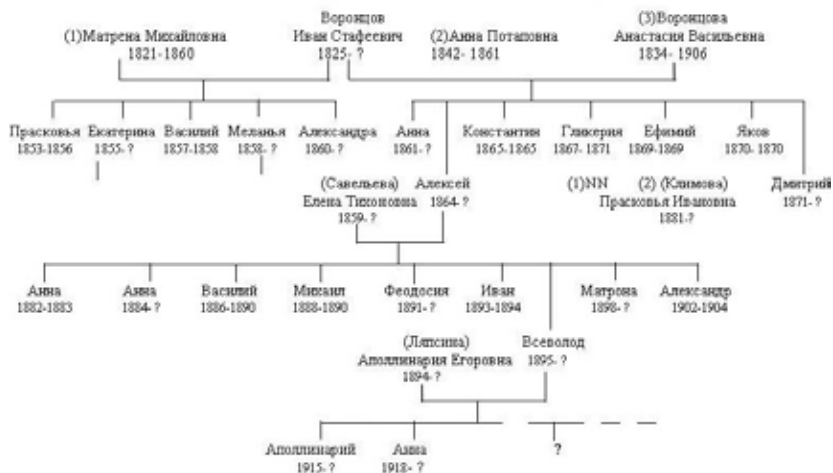
⁹⁸ «3 марта ... Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижской волости деревни Пахинского берега государственный крестьянин Иван Богданов Воронцов и законная жена его Матрена Михайлова, оба православного вероисповедания. Восприемник: той же губернии и уезда и волости деревни Новинки государственный крестьянин Максим Михайлов Кононов и Великогубской волости деревни Вигова государственного крестьянина Григория Михайлова Вичурина жена Гликерия Ефтифиева». (ЦГИА. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1456. Л. 12. (Метрическая книга Никольской единоверческой церкви на Николаевской улице за 1860 г.)

⁹⁹ «Кижского прихода деревни Пахинского берега крестьянин Иван Стахийев Воронцов, православного вероисповедания, вторым браком, 35 лет. Невеста: Сенногубского прихода деревни Конды умершего крестьянина Потапа Иванова девица Анна, православного вероисповедания, первым браком, 18 лет. Поручители: по жениху: деревни Пахинского берега крестьянин Мина Григорьев и Герасим Стахийев». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 192. Л. 332об. (Метрическая книга 1856–1862 гг.)

¹⁰⁰ «17 февраля ... Кижского прихода деревни Пахинского берега государственный крестьянин Иван Богданов Воронцов, православного вероисповедания, третьим браком, 39 лет. Невеста: деревни Оятевщины умершего государственного крестьянина Ильи Трофимова жена, вдова Анастасия Васильева, православного вероисповедания, вторым браком, 26 лет. Поручители: по жениху: крестьяне деревни Пахинского берега Мина Григорьев и Акакий Стафеев Воронцов, а по невесте: 1-й Великогубского прихода деревни Устреки государственный крестьянин Иван Алексеев и 2-й деревни Оятевщины крестьянин Михаил Трофимов». (НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 218. Л. 909об. (Метрическая книга 1861 г.)

¹⁰¹ В записи о смерти А. В. Воронцовой от 12 февраля 1906 г. она записана как вдова: «...Кижского прихода деревни Пахинского берега крестьянская вдова ...70(?) лет от старости». (НА РК. Ф.25. Оп. 22. Д. 538. Л. 209об. (Метрическая книга 1906 г.)

Схема 5
Потомки Воронцова Ивана (Богданова) Стафеевича

«ЗАОНЕЖЬЕ» М. А. РУСАНОВА (из фондов Национального архива Республики Карелия)

*Публикацию подготовила Н. Н. Власова
(Национальный архив РК, Петрозаводск)*

Аннотация: Статья посвящена публикации интересного исторического документа (автор кижский священник М. А. Русанов), хранящегося в Национальном архиве РК, который содержит описание заонежских приходов, в том числе Кижского прихода.

В 2016–2018 гг. при подготовке путеводителя по фондам учреждений, организаций и предприятий, образованных до октября 1917 г.¹, в книге брачных обысков Пидмозерского прихода Олонецкого уезда за 1915–1929 гг. был выявлен документ под названием «Заонежье»². Документ на пяти тетрадных листах в клетку, обгоревший по краям, написан одним почерком, черными чернилами, дата написания документа не указана, подписи составившего описание на документе нет. Имеется приписка фиолетовыми чернилами в конце документа: «сведения эти написал гр. Русанов М. А.»³.

Документ написан священником Кижского прихода Михаилом Александровичем Русановым⁴, который был определен в Кижский приход в сентябре 1897 г.⁵ и служил в нем до 1929 г.⁶ Документ составлен не ранее 1920 г., так как в тексте указано, что обе кижские церкви и колокольня «находятся по охраной правительства»⁷, а охранные свидетельства

---

¹ Национальный архив Республики Карелия: путеводитель. Т. 1. Петрозаводск, 2018. 552 с.

² НА РК. Ф. 25. Оп. 21. Д. 77/202. Л. 217.

³ Там же. Л. 221.

⁴ Почерк документа соответствует почерку писем, сообщений М. А. Русанова, написанных благочинному 7-го округа Ф. Лаврову в 1924–1925 гг. (см., например: Ф. 111. О. 1. Д. 2/69).

⁵ НА РК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/7а. Л. 222 об.

⁶ О Михаиле Русанове см.: *Калашикова Р. Б.* Из истории семей заонежских священников (конец XVIII – первая треть XX в.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 3–20.

⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 21. Д. 77/202. Л. 221.

на церкви были выданы в августе 1920 г.⁸ На документе имеется помета «Рукоп. отд. № 530», что указывает на принадлежность рукописи к архиву или библиотеке какого-либо учреждения. Физическое состояние документа дает возможность предположить, что он мог находиться в библиотеке или архиве Олонецкой духовной консистории и обгорел при пожаре Воскресенского собора в 1924 г.⁹

В тексте документа описаны приходы Заонежья, подробно Кижский приход, а также внешний и внутренний вид, иконостасы Преображенской и Покровской церквей, приведены предания о разграблении первой церкви Кижского погоста, постройке новой церкви.

В публикуемом документе сохранены орфография, пунктуация и стиль автора. Утраченный текст (ввиду повреждения документа) отмечен отточием в квадратных скобках. Восстановленные по смыслу или сокращенные слова, не предполагающие двоякого прочтения, заключены в квадратные скобки.

Заонежье

В 60 километрах от Петрозаводска на северо-восток через Онежское озеро находится группа островов населенных крестьянами Сенногубского и Кижского приходов, кроме этих двух приходов к Заонежью принадлежат Великая губа, Типиницы, Кузаранда и Толвуя, – все они расположены по берегу Онежского озера. Кижы и Толвуя самые старинны, или как их называют местные жители, коренные приходы. Названия данные им – Кижы – Толвуя – карельские, хотя карел в Заонежье совсем нет.

Кижы – или Кежи – значит юг, лето, Толвуя – Талви – зима, север. Значит были южный и северный приходы. В состав Кижского прихода входили все окружающие деревни и погосты вплоть до Толви. Некоторые приходы принадлежали Кижам и на пудожском берегу, как напр[имер] Уножский, Купецкий, Шальский и другие. Равно к Кижам принадлежали Кондопожский, Лычноостровский, Шуйский и другие, которые назывались Кижского прихода выставками: напр[имер] Кижского пр[ихода] Лычноостровская выставка и проч[ие] и наблюдение за ними принадлежало Кижскому причту, в состав которого входило три

⁸ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) [Электронный ресурс]. – Электрон. кн. – Россия, 2013. – URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/dokumentyi-i-materialyi-po-istorii-kizhskogo-arhitekturnogo-ansamblya-1694-1945-gg>, свободный. – Аналог печ. изд. (Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.). – Петрозаводск, 2013. С. 111.

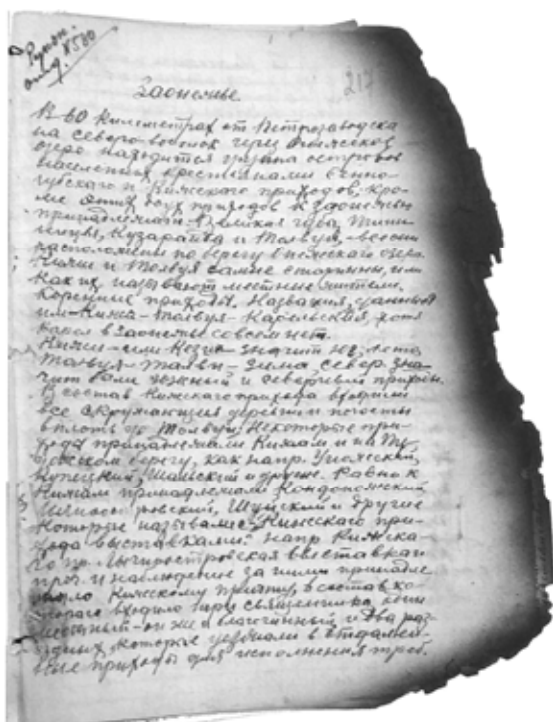
⁹ Распоряжением Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов от 25 марта 1918 г. предписано архив Олонецкой духовной консистории перевезти под Воскресенский собор (Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 3/31. Л. 7).

священника, один местный – он же и благочинный, и два раз[ъ]ездных, которые уезжали в отдаленные приходы для исполнения треб.

[Цер]ковные земли Кижского прихода то[же] были в разных отдаленных местах, напр[имер] в Шуе болота, называемые Падос принадлежали Кижскому погосту, так было до Екатерининского размежевания, после которого они от Киж отошли в пользование крестьян, а на место покосы были нарезаны вблизи погоста так и хлебные поля находились около церкви и погоста.

Большая часть жителей Киж проживает на островах, которых очень много, из них самые большие Клименицкий с монастырем и многие деревни Сенногубского и Кижского приходов, он будет в длину 30 километров, а в ширину местами до 10 кил[ометров], второй большой остров Кижский – 5 кил[ометров], рядом с ним Волкостров, два острова Оленьих и много других – называемых уймами; на всех их или сеют хлеб или косят траву, а на Южном Оленьем острове добывают известковый камень и тяжелый полевой шпат или барит, последн[его] небольшой процент.

На самой середине Кижского о[стро]ва взвышается довольно высокая гора, называемая Апарыина, где в старину стояла первая церковь, которая в смутное время была разграблена и полуразрушена бродячими шайками поляков или как их называли панов, которые разоряли крестьян и грабили их имущество.

Как гл[асит] народное п[редани]е будто бы эти паны приплыли с севера на бревенчатом плоту, на котором вместо парусов были наставлены березы; плот приближался к Кижскому острову, местные жители в недоуме[нии] смотрели на этот плот и д[ума]ли что несет остров с людьми, [но] когда плот притащило ближ[е] к берегу поляки начали стрел[ять] по народу, люди в страхе ра[з]бежались и скрылись от разбойников, оставив на произвол свои дома, которые и подверглись разорению панов, той же участи подверглась и церковь, где паны кощунственно безобразничали, грабили, разрушали и стреляли по образам; за что были поражены слепотой и перерезали друг друга. Простреленный поляками образ Всемилостиваго Спаса, как памятник, находится в Преображенской церкви, за правым клиросом в резном вызолоченном иконоста[се] из дорогой массивной серебрянной позолоченной ризе.

Спустя несколько лет после такого разорения жители порешили построить новую церковь, для чего испросили разрешение у Новгородскаго владыки – /в то время бывшая Олонецкая епархия находилась под ведением Новгородских епископов./ – Получив от архиепископа Новгородскаго разрешение на постройку новой церкви – в начале 18 столетия, – крестьяне стали заготовлять лес, который приплавив весной, подняли на берег к той горе, где была прежняя церковь. Предание передает, – пошли долговременно сильные дожди, сильным ветром нагнало в проливы из озера много воды, лес начало стаскивать в озеро и прибило бревна к тому Кижскому острову, в двух верстах от гор[...], [...] теперь стоит церковь, вблизи паро[ходно]й пристани. Жители сначала не при[дали] никакого значения этому делу и лес [...ав] по берегу обратно сплывили на ста[рое] место. Через некоторое время с лесом [пов]торилось тоже, что и в первый раз будто бы было еще и в третий раз, тогда жители пришли к тому заключению, что новый храм нужно построить на этом месте, но к постройке зараз еще не приступали по разным причинам, а главное за неимением средств.

В следующую весну проезжал в Соловецкий монастырь со своей свитой на ладьях царь Петр Алексеевич I-й, его застигла сильная буря и дул встречный северный ветер, так что пришлось остановиться в одной губе Клименицкаго острова у деревни Воевнаволока, это названи[е] царь дал потом[у], что ветер нестихая выл и бушевал почти две недели. Проживая в деревне царь спрашивал крестьян о их жизни и занятиях

и между прочим очень заинтересовался рассказами о разорении панами в Кижях церкви, простреленном образе – Спаса – и о лесе. Желая точнее узнать все на месте царь сам решил побывать в Кижях и распросить местных жителей, причем он изъявил свою волю построить в Кижях новую церковь. Сам начертил план – проект церкви в той же дер[евне] Воезнаволоке, а по возвращении из путешествия в Москву он прислал специальных плотников и других мастеров. Из Москвы же был привезен и иконостас и прочая церковная утварь, а колокол привезен из Амстердама, который находится и теперь на колокольне.

Внешний вид храма

Внешний вид храма художественно [оформленный], он построен в виде креста с [...но] увенчанными двадцатью двумя г[лавами]. Это число 22 гл[авы] означает следующее: [...] верхняя глава – в честь главы церкви – [Иисуса]Христа, следующие в низ четыре – означают 4-х евангелистов, далее следуют восемь [...] – означают остальных апостолов. Остается девять глав, которые в честь девяти [чинов] ангельских. Все эти главы помещ[ены] каждая на отдельном, так называемом кокошнике, чисто в русском стиле, [напо]минающем старинные терема. Кр[ыты] они были вначале тесом в поперечном [...] снизу вверх, представляя из себя как [...] плоскую лесницу, охватывающую кокошник, в таком виде эти кокош[ни]ки сохранялись до конца 18 столетия, потом, с разрешения правительства поверх этого тесу их закрыли же[ле]зом, чтобы не проникала в храм [т...]. А самые главы обиты белым толстым железом. Лес для постройки храма был отборный, крепкий, сосновый, толщиной от 8 – до 10 вершков в отрубе и обделывался без пиловки, а все бревна отрубались топором. Полы в нем тоже не пиленные, а колотые пополам толстые бревна; стены храма впоследствии были обшиты снутри и наружи тесом и окрашены белилами. Высокое проходное на две стороны крыльцо ведет в храм.

Внутренний вид храма

Внутренний вид еще более поражает и заинтересовывает посетителя. Наполовину храм окружает притвор или паперть. В храм ведут двойные двери. Главн[ые] с западной стороны, которыми и входят [...] двери с северной стороны, сделан [...] [спе]циально, для крестного хода в [...] – это строго по уставу – выходят [...]ными] дверями и останавливаются [...] в западных, этот обычай соблюдался верующими до последнего времени, а потому в пасху вокруг церкви не [ход]или с крестным ходом, а только огра[ни]чивались притвором, где и встречали [...ста], а большинство верующих оста[ва]лось в самом храме.

[При] входе в храм посетителя прежде все[го] поражает своим величием и красотой [че]тырех ярусный, резной позолоченный иконостас; он не прямой, а как называют ломанный, поставлен зигзагообразно, с тремя ведущими в алтарь вратами и помещенными в нем 132 художественными иконами, писанными в строго-греческом стиле, красками на яичном желтке.

Внутри храма стоит полумрак, потому что в нем мало окон – внизу всего два окна и вверху, высоко около купола, небольших пять. Купол или потолок храма устроен в виде зонтика, на котором, между шпалами, поддерживающими этот потолок, в строго симметричном порядке изображены ветхозаветные праведники, начиная с Адама и Евы, древние патриархи далее пророки, а выше их архангелы и ангелы, херувимы и шестокрылатые серафимы, окружающие престол Св[ятой] Троицы, помещенной в центре купола в разкрашенном колце; во круг которого написана вязью молитва Господня – «Отче наш». Пред иконостасами посредине церкви висит огромное литое, медное, вызолоченное паникадило в 32 св[ечи] с многими литыми изображениями архангелов, [...] и др[угими] с благовестическими трубами.

Освящен храм в 1714 г. во ч[есть] славного Преображения Го[сподня]. Огромные старинные иконы в [ниж]нем ярусе поражают своей к[ра]сотой и строго сохраненным [гре]ческим стилем, особенно замеч[а]тельные из них икона Преображе[ния] Господня, помещенная по праву[ю] сторону царских врат, на широки[х] полях этой иконы изображена [...] жизнь Спасителя, кончая смерт[ью] и Воскресением Его. XVI в.¹⁰

На северных вратах ведущих в алтарь изображение сотворени[я] первого человека, блаженство в раю и изгнание из рая. И еще на тех же вратах изображение Лоно Авраама. XVI в.¹¹

Во втором ярусе помещены иконы двенадцатых праздников, а также страдания, смерть, погребение и Воскресение Христово – потом следуют иконы, изображающие воспоминания следующих после Пасхи воскресных дней до праздника Св[ятой] Троицы. А именно: первое воскресенье после пасхи икона о Фоме, 2-е – икона Мирносиц, 3-е – икона о разслабленном, [далее] ик[она] Преполовения. 4-е икона о Самарянке, 5-е следующая о слепом. Далее ик[она] Вознесения Г[оспод]ня, потом Св[ятой] Троицы ик[она] Св[ятого] Духа сошествие на апос[толов].

[В тре]тьем ярусе помещены иконы [...] в полный рост апостолов [...цев] и вселенских учителей церкви.

¹⁰ Запись «XVI в.» сделана фиолетовыми чернилами.

¹¹ То же.

[В че]твертом ярусе помещены иконы [ве]тхозаветных праоцев, патриар[хов] и пророков, все они расположе[ны] в строгом последовательном порядке.

Алтарь храма

Алтарь светлый – в нем с трех сторон по большому окну. Над престол[ом] висит резной позолоченный [б]алдахин, называемый иначе сень, внутри которой помещена икона Преображения Господня. По стенам несколько икон, изображающих Вселенские Соборы. И несколько других икон.

Церковь эта летняя – без печей. И служили в ней с Пасхи до Покрова Пр[есвятой] Богородицы, на этот праздник переходили служить во вторую теплую Покровскую церков. Эта церков тоже старинная построена в 1754 году, иконопись очень древняя. Иконостас простой столярной работы, окрашенный белилами. Здесь есть замечательная икона у второго окна северной стены, изображающая цер[ков]ную песнь «Единородный сыне». Здесь изображен Спасите[ль] [...] римского воина в каске, [с] мечем, сидящий на Кресте.

Глав на этой церкви девять, а [де...] над алтарем на кокошн[ике] или бочке. Покрыты эти главы, рав[но] и кокошник над алтарем резной [то...] дранкой, кажущейся издали как [...] окрашены оне в зеленый цвет, а [кр...] белилами. Снаружи храм обшит и окрашен белилами, а внутри ош[ту]катурены стены и потолок и то[же] окрашены масляной белой краск[ой]. Обе церкви и колоколья находятся под охраной правительства. Каждое ле[то] сюда приезжает много туристов, [ар]хеологов и художников, которые сн[и]мают храмы на фотографические карточки, а художники делают наб[роски] и зарисовывают с разных сторон фасады церквей.

Сотни паломников, проезжающих на соймах и пассажирских пароходах в Соловецкий монастырь из Петербурга, Новгорода и других губерний считали долгом остановиться в Кижях и отслужить молебен Всемилостивому Спасу.

Сведения эти написал гр. Русанов М. А.¹²

---

¹² Запись сделана фиолетовыми чернилами.

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ ЯМКА (из научного архива музея-заповедника «Киж»)»

*Публикацию подготовила Л. В. Трифонова
(Музей-заповедник «Киж», Петрозаводск)*

Аннотация: В статье публикуются воспоминания жителей кижских деревень И. М. Аникина, Е. С. Костиной, А. А. Аникиной, Е. И. Клиновой, А. К. Елизаровой, М. П. Степановой.

В «Кижском вестнике» за 2003 г. под рубрикой «Крестьянские мемуары» собирателем Р. Б. Калашниковой – научным сотрудником музея «Киж» – были опубликованы воспоминания жителей окрестных кижских деревень (Кургеницы, Потаневщина, Середка, Телятниково, Дудниково, Лахта, Воробьи, Волкостров и кижских поселений Погост и Ямка) из фольклорного архива музея-заповедника «Киж»¹. Жители 1890–1910-х гг. рождения вспоминали крестьянскую жизнь 1910–1920-х гг. Материалы эти были записаны в 1980–1990-х гг. научными сотрудниками музея Р. Б. Калашниковой, Е. И. Яскеляйнен, И. И. Набоковой, Л. В. Трифоновой, Е. М. Наумовой и другими. Аналогичный материал, составленный на основе воспоминаний жителей острова Киж, был подготовлен Ж. В. Гвоздевой и опубликован в «Кижском вестнике» № 15².

В предлагаемой публикации зафиксированы воспоминания жителей деревни Ямка, позволяющие составить представление о крестьянской жизни Кижей и округи предколхозного (до середины 1930-х), предвоенного колхозного (с 1935 по 1941 г.) и военного (с 1941 по 1944 г.) периодов. Приведенные информаторами сведения о 1920-х г., скорее всего,

---

¹ Калашникова Р. Б. «Крестьянские мемуары» (из фольклорного архива музея-заповедника «Киж») // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 150–181.

² Гвоздева Ж. В. Остров Киж в воспоминаниях жителей Заонежья (по материалам из научного архива музея-заповедника «Киж») // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 162–176.

опираются на рассказы близких родственников, оставшихся в памяти с детских лет. Завершают воспоминания рассказы о семье и родной деревне А. К. Елизаровой – последней владелицы музейного дома Елизаровых из д. Потаневщина на Клименецком острове. Воспоминания были записаны автором от жителей д. Ямка в 1994 г., воспоминания А. К. Елизаровой – в 1987 г., воспоминания Е. С. Костиной из д. Ямка были дополнены уточнениями ее дочери Галины Алексеевны Ивановой (1941 г. р.), записанными в июле 2020 г. Материалы хранятся в научном архиве музея Кижь³.

Кижь. Погост. 1942. Фотоархив Вооруженных сил Финляндии

Воспоминания касаются истории отдельных семей, различных сторон хозяйственной жизни кижан, их семейного уклада, деревенских часовенных праздников. Большой интерес вызывают сведения по количественному составу домов в деревнях, фамилиям их владельцев и их родственным связям. Поражает то, что старый уклад хозяйственной и семейной жизни сохранился в деревнях вплоть до начала финской оккупации осенью 1941 г. Воспоминания подтвердили сведения из архивных документов XVII в. о происхождении первого названия деревни Ямка Ольхино от первопоселенца Истомки Ольхина и о дальнейшем заселении деревни потомками последнего – Костиными, Аникиными и Ржанскими. В 1930–1940-х гг. в д. Ямка продолжали жить представители

³ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2246. Л. 5–19.

четырёх фамилий: Костиных, Ольхиных, Аникиных и Ржанских. Зафиксированный в 1994 г. текст подвергся авторской правке собирателя, не затронувшей содержательную сторону воспоминаний, и был снабжен необходимым справочным комментарием.

Иван Михайлович Аникин, деревня Ямка (1931–1999)⁴

Семья

Родился в 1931 г. в д. Ямка⁵. Отец – Михаил Григорьевич Аникин (1900 г. р.), мать – Наталья Ивановна Аникина (1906 г. р.). Родители венчались в Преображенской церкви в Кижях. Дедушка по отцовской линии Аникин Григорий Иванович (1870-х г. р.). Бабушка по отцовской линии Аникина Анна Даниловна (в девичестве Вавилина) – дочь кузнеца Данилы Яковлевича Вавилина из д. Телятниково. Бабушка по материнской линии Ирина Михайловна Ольхина (1877 г. р.) вышла замуж за Ивана Филипповича Аникина (1867 г. р.) – строителя дома, в котором всю свою жизнь прожил информатор. Брат бабушки Ирины работал в Петербурге писарем. Жил на Лиговском проспекте. Второй брат бабушки Ирины тоже жил в Петербурге. Работал по торговой части. Жил на Пороховых. (В его честь информатор и получил свое имя.) Дом в д. Ямка, в котором до сих пор живет семья Аникиных, был построен в 1924–1928-х гг. на ссуду, выданную в 1924 г. Дед Аникин Иван Филиппович крестьянствовал и занимался сапожным и бондарным ремеслами (делал бочки), второй дед Григорий Иванович Аникин, помимо крестьянства, прирабатывал

**И. М. Аникин –
житель д. Ямка**

⁴ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2246. Л. 5–10.

⁵ Деревня Ямка. Остров Кижь. Первое упоминание 1563 г. под названием Трофимовская. До присоединения Новгорода к Москве принадлежала новгородскому боярину Миките Офанасьеву (Грузову). В 1616 г. упоминается как «Карчевская Трофимовская тож», в которой после разорения немецких людей поселился крестьянин Истомко Васильев сын Ольхин. От его прозвища происходит название деревни Ольхино – зафиксировано с 1850 г. Последнее название – Ямка-Ольхино с начала XX в. «На первый взгляд кажется, что потомками основателя деревни являются только крестьяне ...Ольхины, однако ... выяснилось, что практически все жители деревни начала XX в. происходят от одного прауродителя Истомки Ольхина». (См.: *Воробьева С. В.* Крестьянские родословные: из истории деревни Ямка на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 3, 4, 8.)

смолокурением (смолу гнал на одном из островков напротив Ямки), делал сани, бочки. Рыболовные снасти каждый мужик в деревне делал сам. Кроме того, нужно было зарабатывать деньги, для этого ходили в извоз в Беломорье за сельдью и отвозили ее в Ленинград.

Дед мой Аникин Григорий Иванович, у которого я жил с двух лет, держал семь коров, двух рабочих лошадей и одну ездовую. Кормили сеном и ржаной соломой, которую резали на соломорезке. Навоз зимой копился в хлеву, пока скотина хребтом не упиралась в потолок, а в марте-апреле навоз вывозили на поля. Еще поля удобряли торфом, который добывали в болоте рядом с Ямкой. Во время сенокоса ездили в Уймы косить. Острова вокруг Кижей выглядели совсем не так, как сейчас. Лес рос только по берегам. Все было выкошено. Очень удобно – выкосил остров, а зимой вывезешь сено по льду. За острова в Уймах шла целая война: за них боролись Кургеницы, Ямка, Волкостров. Кижский скот пасли на Оятевщине. Моя бабушка косила на Вожмарихе, недалеко от Оятевщины. После возвращения домой в Ямку вечером около 10 часов начинала сбивать масло. Спать ложилась в час ночи, а утром в 5 вставать. Потомки Аникиных живут в Петербурге. Там живет внук Ивана Михайловича – Ольхин Михаил Борисович, кандидат педагогических наук, преподаватель герценовского института. Дочь Ивана Михайловича живет в Рыбацком.

Деревня Ямка в Кижях⁶ в 1930–1940-х гг.

Самый северный дом в деревне Ямка – дом Василия Ивановича и Ильи Ивановича Ржанских. Они занимались плотницким делом и ходили в отход, в былые годы даже за пределы Олонецкой губернии. Это была большая бригада до пяти человек. С ними часто ходил Медведев из Оятевщины.

В следующем доме жил Аникин Михаил Николаевич с женой Любовью Васильевной. Чем они занимались – не знаю.

Дальше идет дом Костина Андрея Николаевича. У него было четыре сына – Алексей, Василий (имена остальных не помню) и дочка. Они были печники. Андрея Николаевича часто в Кургеницы приглашали. Печника обязательно нужно было угощать.

---

⁶ Сын крестьянина Истомки Васильева Ольхина «Юшко» стал основателем одной из ветвей рода, сохранившей первоначальную фамилию-прозвище XVII в. В 1834 г. за прапра-внуком Юшки Тимофеева – Антоном Ерофеевым и его детьми закрепилась фамилия Ольхины. От второго сына Истомки Васильева Ольхина Баженки (Петрушки) произошли Аникины, в написании середины XIX в. «Аныкины». Потомками третьего сына Александры стали Ржанские и Костины. Род Ржанских впервые произошел от Ивашки Александрова, а род Костиных – от Федки Александрова. Обе фамилии впервые упоминаются в документах с 1850 г. (См.: *Воробьева С. В.* Крестьянские родословные... С. 8).

Далее дом Ржанских – Варвары Федоровны и Кирика. Сын Володя был отправлен в Ленинград. Пережил блокаду. Работал на заводе. Говорят, от истощения приходилось привязывать себя к станку, чтобы не упасть.

Рядом дом Костина Николая Андреевича. Он утонул, когда сачил рыбу. Осталась жена Авдотья Марковна с четырьмя детьми. У нее было много земли. Женился на ней Сергей Александрович Аникин, родственник Анастасии Александровны Аникиной (дом за Ольхиными). Он взял фамилию Костиных.

Следующий дом – это дом моего деда Григория Ивановича и бабушки Анны Даниловны Аникиной (урожденной Вавилиной). В этом доме жили мои родители Михаил Григорьевич Аникин и моя мама Наталья Ивановна. Это дом моего детства.

Григорием Ивановичем был построен в Ямке еще один дом, который называют сейчас домом Мошниковой. Когда семья Аникиных начала делиться в 1939 г., верх дома был продан Евдокимову (у него даже был сделан отдельный ход через низ).

Далее дом моего второго деда Ивана Филипповича Аникина и бабушки Ирины Михайловны Аникиной (урожденной Ольхиной), в котором я теперь живу с семьей.

Жительница д. Ямка М. П. Степанова.

Начало 2000-х. Из частного архива

Рядом с нашим домом находился дом, принадлежавший моей бабушке Ольхиной Ирине Михайловне, братья которой жили в Петербурге. Кроме того, в роду моей бабушки был родственник, имевший сан священника.

Рядом с домом бабушки Ирины – дом Аникиных – Александра Степановича и Анастасии Александровны. У них было трое сыновей – Петр, Александр, Кузьма. Все занимались столярным делом. Кузьма очень любил овсянники, и наша бабушка для него их часто пекла.

За ними стоял дом Шамилихина (на месте сарая у конюшни у дома Мошниковой). Шамилихин был женат на Аникиной.

Рядом с ними – дом Костиных, родственников Евдокии Степановны Костиной. Муж Евдокии – Алексей Андреевич Костин. Свекр – Андрей Николаевич Костин, свекровь – Матрена Дмитриевна. Сын – Александр. Дом был построен в 1926 г.

Амбар за музейным домом Пертякова был хранилищем колхозного зерна.

Все старые дома были на один скат.

**Жительницы д. Ямка З. А. Костина
и А. В. Мошникова. Начало 1980-х**
Из частного архива

**Жительница д. Ямка
Ирина Аникина с внуком.**
НВФ-14377

Деревни о. Кизи

Деревня Лукинщина (Васильево)⁷

В Лукинщине стоял дом Васильева. Дом богатый, обставленный городской мебелью. В горнице в шкафах, закрытых занавесочками, стояло много книг. Васильевские луга тоже назывались Лукинщина. На праздник – Духов день – там устанавливались ряды.

Васильев занимался ловом рыбы. Он ловил мережами, но не маленькими, а большими. Забивались колья. Сидели на озере неделями. Тем, кто у него работал, он хорошо платил – 1 рубль серебром в неделю. Деревня называлась не Васильево, а Лукинщина. Когда его пришли арестовывать, он пошел в дом, взял пистолет и застрелил первого, кто попытался к нему подойти. Рассказывали, что вилами заколол, но это неправда.

Еще хорошо платил богач Морозов. Те женщины, которые нанимались к нему на жатву, получали туфли, штиблеты или отрез на платье. Морозов тоже занимался рыбной ловлей.

А работали у богачей те, у кого семья большая.

Вообще в Ямке и в округе крестьяне всю домашнюю утварь делали сами и сети плели сами. Мастера шубы шили, шерсть валяли. Рассказывали, в XIX в. ловили раков. Расплачивались за них золотом. У моего деда была такая золотая монета.

Деревня Погост⁸

В деревне стояли следующие дома. С юга от церкви стоял дом священника Русанова Михаила Александровича. Дом Шуры Пялтиной с дочерью. Дом звонаря. Дом, в котором жил неизвестный Аникину мужчина. Рябининский дом. Сторожка.

---

⁷ Название деревни Лукинщина (о. Кизи), возможно, происходит от имени Луки Федорова, новгородского боярина, владевшего вплоть до присоединения Новгорода к Москве несколькими деревнями в Кижях и округе. (См.: *Воробьева С. В.* Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам) // Церковь Преображения Господня на острове Кизи: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 230.) Второе более позднее название деревни Васильево произошло от фамилии рода Васильевых, проживавшего в этой деревне с 1850-го г. В 1876 г. у Васильевых было 2 дома, 3 лошади, 9 коров и 4 овцы. В 1911 г. было уже три двора. Как музейная деревня существует до сих пор. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости. [Электронный ресурс] URL: <http://kizhi.karelia.ru/villages/vasilevo> Дата обращения: 4.08.2020.)

⁸ Погост. Остров Кизи. Первое упоминание 1600 г. В XVI в. 3 двора – священника, дьячка и просвирни. В 1678 г. – 6 домов священников и причта и 1 – крестьянский. В 1901 г. было 5 дворов священников и причта. В 1951 г. привезен и поставлен музейный дом крестьянина Ошевнева. Сейчас музейная деревня из 3-х домов. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

Киж. Погост. 1942. Фотоархив Вооруженных сил Финляндии

Наволоок⁹

Стояло 5–6 домов, среди них дом Пяльтиных. Там были маслозавод и огромный ледник. Судя по его размерам, создавалось впечатление, что еще до колхоза там кто-то занимался переработкой молочных продуктов. Колхоз был организован в 1935 г., носил имя Куйбышева. Председателем колхоза был назначен Алексей Васильев из Лукинщины.

Бишево¹⁰

Стояли два дома. Жили два брата. Николай Николаевич служил в белой армии, подвергался преследованиям (его я мало помню) и Федор Николаевич. Потомки Федора (?) – Иван, Кузьма, Марфа и Мария. В 1939 г., когда наша семья начала делиться, Евдокимов (?) купил верх дома и даже сделал отдельный вход. В горнице стал жить Кузьма. Ольге и Марии принадлежали чуланчики. Иван купил дом на Оятевщине.

⁹ Наволок. Остров Киж. Первое упоминание 1563 г. В 1850 г. – одна из самых богатых деревень округа. В 1871 г. в Наволоке останавливался А. Ф. Гильфердинг – собиратель былин от сказителей Кижской волости. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...). В деревне Наволок в 1933 г. жил последний кижский священник В. А. Петухов, расстрелянный в 1937 г. (НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2246.) Воспоминания дочери священника В. С. Петухова А. А. Аккуратовой (1921 г. р.) (Запись Трифоновой Л. В. в сентябре 1993 г.) Сейчас на месте деревни усадьба пряжинского карела Яковлева.

¹⁰ Бишево. Остров Киж. Первое упоминание 1563 г. Название получает в 1834 г. от владельца Луки Егорова Бишева. Перестала существовать после Великой Отечественной войны. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

Морозово¹¹

Стоял один дом – кошель Морозова (?). В колхозное время в нем держали насыпное зерно. Крысы прогрызли дыры в углах. Затем распилили на дрова.

Кяжево¹²

Был один дом, баня. Переехали на Пустой Берег. О кяжевских была поговорка: «Голы да босы Кяжева матросы».

Бачурино¹³

Говорят, что люди там жили ленивые. Об их лени даже имелась поговорка: «После Ильина дня травы гуще и косить не жарко». Мне так не кажется, у них свой кусочек от камня был расчищен, каменный мостик сделан. Значит, были работающие. Родник был под Нарьиной горой. Два дома было.

Босарёво¹⁴

Из д. Босарево все переехали на Оятевщину.

Евдокия Степановна Костина (1914–2003)¹⁵**Семья**

Родилась в деревне Зубово¹⁶, что напротив острова Кижы на материке. Девичья фамилия Исакова. Папа Степан Гаврилович Исаков крестьянствовал, шил лодки, продавал их в Петрозаводске, ходил по людям косить. Мама Александра Степановна Костина умерла, когда мне было

¹¹ Морозово. Остров Кижы. Название произошло от фамилии владельца единственного в деревне дома Морозова Ивана Васильевича (1877 г.). Первый Морозов Василий Степанович приехал на Кижы из Волкоострова в 1827 г. Дом Морозова был разобран в 1950-х гг. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

¹² Кяжево. Остров Кижы. Первое упоминание 1563 г. Ныне не существует. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

¹³ Бачурино. Остров Кижы. Название с 1616 г. Происходит от первопоселенца Федки Бачурина. Перестала существовать после Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.). (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

¹⁴ Босарёво. Остров Кижы. Деревня возникла между 1858 и 1865 г. Деревня однодворная. Расположена севернее деревни Васильево. В XIX в. в доме проживала семья из 11 человек. Хозяйство – 2 лошади и 2 коровы. В 1911 г. было 2 двора. Один из босаревских крестьян был паркетчиком. Возможно, ходил в отход в Петербург. После Великой Отечественной войны деревня исчезла. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

¹⁵ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2246. Л. 11–15.

¹⁶ Зубово. Заонежский полуостров. Первое упоминание 1582 г. В 1911 г. было 7 дворов. Дома, которые сохранились сейчас, построены на месте старых, исчезнувших. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

11 лет. Она похоронена на Кижском погосте. Папа вскоре утонул. Я жила в чужих людях восемь с половиной лет. Мне нужно было вырастить и поставить на ноги двух своих сестер Клавдию и Марию. В д. Погост рядом с оградой кижских церквей был дом, похожий на барак, где находился магазин, почта и медицинский пункт, в котором работал врач по фамилии Ягодин. Он приехал с семьей из Чувашии в середине 1920-х гг. Они жили в этом же доме. Я сидела с его двумя детьми. Меня так и звали Дуся Ягодинская. Мы с сестрами жили в комнатке в этом доме. За-муж вышла в д. Ямка на двадцатом году. Муж – Костин Алексей Андреевич был председателем сельсовета. Сельсовет располагался там же, где и медпункт. Дом этот сгорел, но после войны его отстроили, а потом, когда возник музей, снова разобрали. Свекра моего звали Андреем Николаевичем Костиным, свекровь – Матреной Дмитриевной. В 1936 г. у нас с Алексеем родился сын Анатолий, в 1939 г. – дочь Валентина, в 1941 г. – дочь Галина.

Жизнь в Кижях и округе в 1930–1940-е гг.

По обе стороны от центрального хребта шли поля. За эти поля между деревнями шла настоящая война. До колхозов в Кижях сеяли и жали очень многие: из Жарниково, Мальково, Оятевщины и Пустого Берега. Их поля были с северной стороны погоста. В северной части острова также сеяли Бишево, Морозово, Кяжево, Пустой Берег. Поля не огораживали. Коров гоняли к Бачуриным. Скот загоняли и закрывали на тех полях, которые отдыхали, или возили на Оятевщину. С погоста скот возили в Мальково. Везли на лодке. Доить ездили два раза в день. Если был сильный ветер, договаривались с соседями, чтобы поставили на свой двор. За постой платили деньгами. Некоторые делали стаи – летние хлеба.

Лен и коноплю тоже сеяли на острове Кижы. Репу сажали в лесу (в лисях) на подсеках. Мужчины шли и бросали семена. Осенью закладывали желтую и черную репу в яму, закрывали ее плитой и разводили сверху огонь. Пареная репа была готова к вечеру.

Бани в деревне были не у каждого. Четыре бани (байны) было всего (в Ямке? – Л. Т.). Когда топили, других приглашали. Ходили в баню поразному. Муж с женой или мужики и бабы отдельно. Дрова на материке заготовливали. Весной пилили, а зимой возили. Костры дров ставили не рядом, а напротив дома.

Косили до войны и во время войны косой горбушей.

Грибы собирали в Уймах, на мандере (на Оятевщине). Хранили в сенах в бочках в Уймах, в подполье. Ряпушку – в бочках на сарае. Молоко в подполье. Яма картофельная была внизу. В деревянных ящиках – морковь, свеклу, репу.

Праздники

Бесёду держали на Речке у Анны Федоровны или на Боярщине у одной бабули. Летом ездили на Боярщину в ригу. Гулянки бывали и у парохода на пристани, иногда в Кургеницах у кого-нибудь. Садимся в лодку – поем, на гитаре, гармонии играем. Летом – гулянье в Корбе на Корбов день, у нас – в Духов день на горушечке. Танцевали кадрили, па-д-эспань, коробочку. Женатые тоже приходили. Если маленький ребенок, свекровка останется. На большие праздники гулянье было долгое, до восхода солнца.

Замуж я вышла на 20-м г. Правда, не все выходили. Хотя в старых девах оставались не часто: у Бишевых была старая дева – Маша, да еще одна у Тестениковых. Свадьбы играли по-старинному. После просвата-нья жених приезжал в дом невесты с родителями и назначали свадьбу. Но мы уже не венчались.

На погосте стоял дом Русановых, Михаила Рябина, Шуры Пялтиной с дочерью. Там же жил звонарь. До него звонил сторож из Оятвщины¹⁷. Дьякон приезжал от Маньшиных.

После войны все дома на погосте были заняты. Шура Пялтина жила, врач жил Ягодин. Амбары были сельповские для сахара, для соли, сарай для засолки капусты. Все это колхозное.

В деревне Зубово, где я родилась, жили Филипп Прокофьевич Иевлев с женой Дарьей и детьми Федором, Иринею, Григорием и Василием. Семья крестьянствовала, позже Федор и Григорий уехали к тете в Ленинград, а Иринея вышла замуж в Оятвщину.

Кроме того, в деревне жили Иевлева Авдотья Егоровна, Исакова Екатерина Михайловна, Обивковы Николай Егорович и Андрей Иванович (по деревне их звали Архиповы).

В Подъельниках¹⁸ жили Киселёвы. Они шили лодки-соймы. На улице под окном.

¹⁷ Оятвщина. Заонежский полуостров. Первый раз упоминается в составе деревни Леоновской. Выделена в отдельное поселение в 1858 г. В 1563 г. – 2 двора, в 1678 г. – 8 дворов, в 1707 г. – 7 дворов, в 1911 г. – 17 дворов. Изначально находилась на о. Кижы, затем переехала на Заонежский полуостров через пролив. Видимо, для того, чтобы освободить плодородные земли острова от построек. Освобожденные земли жители оставляли за собой и использовали как пашенную землю. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

¹⁸ Подъельники. Заонежский полуостров. Первое упоминание в 1563 г. под названием Берёзовец. В 1850 г. упоминается уже как Подъельники (Берёзовец дается вторым названием). В 1916 г. сохраняется одно название – Подъельники. Количество дворов: 1563 г. – 1, 1678 г. – 1, 1707 г. – 6, 1911 г. – 9. В XVI в. деревня состояла из одного дома. В начале XX в. насчитывала 10 дворов. В середине XX в. остался один дом. Сейчас в деревне стоит только часовня XIX в. Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского – основателя одного из северных монастырей, почитавшегося среди северных крестьян. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

Деревни на Клименецком острове: Маньшино, Воробьи, Глебово (Ошевнево), Гивес-Наволок, где находился известный всей округе магазин Медведева.

Период Великой Отечественной войны (1941–1944)

В Великую Отечественную войну муж с декабря 1941 по январь 1944 г. воевал в партизанском отряде «Боевые друзья» и в 28-м стрелковом полку. В 1945 г. был награжден медалью «За Победу», в 1947-м – медалью «За освобождение советского Заполярья». Когда уходил воевать, выбросил связку ключей от кижских церквей в озеро. Ключи после ареста священника в 1937 г. хранились у председателя сельсовета.

Во время войны мы были эвакуированы в Архангельскую область в Няндому, затем в городок Вельск, где в 1941 г. умерла маленькая Валюшка. Свекра Андрея Николаевича и свекровь Матрону Дмитриевну, которые остались жить в доме в Ямке, финны увезли в Петрозаводск. Деревни стояли пустые. После войны вернулись в Кондопогу к золовке Насте, а оттуда домой. Когда мы вернулись в Ямку в 1945 г., в доме невозможно было жить. Не текло только на печке. Потому что горницу мы перекрыли в 1941 г., а избу не успели перекрыть. И потекло. За пять лет все пришло в упадок. Сарай был разобран. Стекол не было. Перекрыли избу толем, который привезли из Петрозаводска. Муж продолжал работать председателем сельсовета, я же устроилась в пекарню. Она стояла на берегу, на том месте, где сейчас стоит музейная баня у дома Ошевнева. Школы не было. Свекр погиб в лагере, свекровь похоронили в Кондопоге в 1950 г. Мужа посадили на 4 года за якобы совершенную им растрату продуктов из колхозных амбаров. (Посадили на 9 лет, но через 4 года амнистировали.) В 1950 г. я уехала с детьми в Ленинград. Мне дали место в общежитии. Пять семей в одной комнате размером примерно 19 кв. метров. Днем работали на пилораме, ночью цемент выгружали. Нужно было на хлеб зарабатывать. Так и остались. Впоследствии получили жилье в Кировском районе.

Анастасия Александровна Аникина (1917 г. р. – ?)¹⁹

Семья

Родилась в деревне Павловцы Горского с/с Кондопожского района. Мама умерла, когда мне было пять лет. Отец умер, когда мне исполнилось 13 лет. Брата Василия отдали в детский дом, а я пошла работать в няньки. Потом работала в пекарне в доме Сметанина в Кондопоге. Через какое-то время уехала к тете в Вегоруксу. Там в 1937 г. я познакомилась

¹⁹ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2246. Л. 14–16.

с будущим мужем Александром Степановичем Аникиным. Ходили мы с ним всего две недели, а потом он меня на дровнях увез в свою родную деревню Ямка на Кижы. Там мы расписались в сельсовете. Когда родились детки, бабушка их покрестила. Батюшка из Корбы приезжал. А тут в Кижях дядя Никита Маньшин служил. (Он потом женился на Марусе Медведковой.) У нас было трое сыновей Петр, Александр и Кузьма. Ребяток моих бабушки (Матрена и Ксения?) нянчили. Когда были грудниками, из рожка кормили. Тогда пеленали детей до тех пор, пока ходить не начнут.

Деревни

В округе острова Кижы было 30 деревень. На самом острове – 8. В Бишево было 3 дома, в Кяжево – 3 дома, в Бачурино – 3 дома, в Морозово – 1 дом.

В деревне Ямка (Ольхино) в 1937 году было 12 домов: Ржанских, Аникиных, Костина, Варвары Ржанской, Костиных, Аникинский двухэтажный, Аникиных, Аникиных, Костиных. Когда забирали (НКВД?), в Кижях забрали только васильевцев, а в Великой Губе забрали многих.

Праздники

Клуб был на Боярщине.

На праздник Успения ездили в Ерснево²⁰, Боярщину, Оятевщину и Васильево.

День Варлаамия Хутынского праздновали в Зубово, Подъельниках, Пустом Берегу²¹ и Речке²².

В Ямке – Духов и Дмитров день (8 ноября).

---

²⁰ Ерснево. Заонежский полуостров. Первое упоминание в 1582 г. как деревня Гирцова. В 1850 г. упоминается уже под названием Ерсневская (она же Гирцова). Затем входит в состав деревни Оятевская. В 1858 г. упоминается как самостоятельная деревня Ерснево. В деревне в XX в. жила династия плотников Елуповых. В начале XX в. – М. Ф. Елупов, в середине – Б. Ф. Елупов, принимавший участие в знаменитой реставрации Кижского архитектурного ансамбля под руководством А. В. Ополовникова. Сейчас живет Ю. Б. Елупов, занимающийся фермерством и гостевым сельским туризмом. (Цит. по: *Воробьева С. В. Исторические деревни Кижской волости...*)

²¹ Пустой Берег. Заонежский полуостров. В 1563 и 1676 г. упоминается под названием Вех-Наволоок. В 1850 г. – уже как Пустой Берег (она же Вех-Наволоок). В 1916 г. – как самостоятельная деревня Пустой Берег. В XIX в. в деревне было 19 дворов, сейчас 1 дом. В деревне стояла ветряная мельница. (Цит. по: *Воробьева С. В. Исторические деревни Кижской волости...*)

²² Речка. Заонежский полуостров. Известна с 1563 г. Количество дворов: 1563 г. – 1, 1678 г. – 1, 1707 г. – 2, 1911 г. – 3. До присоединения к Москве входила в состав владений новгородского «житъего» человека Лаврентия Панфильева. Житье люди в новгородской иерархии власти занимали место между купцами и боярами. По положению они были выше купцов, но ниже бояр. В настоящее время в деревне сохранилось несколько домов начала XX в. (Цит. по: *Воробьева С. В. Исторические деревни Кижской волости...*)

Житель д. Ерснево плотник-реставратор Б. Ф. Елулов.
1950. Из фондов музея Кижги

**Плотник-реставратор Б. Ф. Елулов
и мастер-прораб М. К. Мышев. 1960-е. Из фондов музея**

Жительница д. Воробья
А. М. Багаева. 1983.
Из частного архива

Кирика и Иулиты – в Воробьях²³ и Маньшино²⁴.

Корбов день – в Середке, Кузнецках²⁵, Корбе²⁶.

В Кургеницах праздновали на другой день Рождества.

На Рождество катались на лошадях. Стряпали калитки, блины, калюбки (это как рыбники, только с мясом из пресного ржаного теста), сканцы (блины из ржаного теста на простокваше). Сканцы намазывали кашей и сворачивали в два раза. На Рождество хухляками ходили. Женщины одевались в мужскую одежду, мужчины – в сарафаны. Приходили в дом, их спрашивали: «Чьи хухляки пришли, из какой деревни?». И ребята (робята) днем бегают хухлячками.

²³ Воробья. Большой Клименецкий остров. Первое упоминание в 1563 г. как деревня Мечаковская. В 1616 г. именуется Мечаковская с упоминанием одного из владельцев Васки, сына Воробьева, 1720 г. – снова как Мечаковская, в 1850 г. – как Воробья (она же Мечаковская) и только в 1858 г. появляется отдельное название Воробья. Количество дворов: в 1563 г. – 1, в 1678 г. – 8, в 1707 г. – 4, в 1911 г. – 13. Деревня жилая, есть несколько старых домов. За домами – часовня Кирика и Иулиты, построенная во второй половине XIX в. (Цит. по: *Воробьева С. В. Исторические деревни Кижской волости...*)

²⁴ Маньшино. Большой Клименецкий остров. В 1563 г. упоминается как Халешеево, в 1850 г. как Маньшина (она же Халешеева), в 1858 г. – уже как Маньшино. Первоначально входила в состав владений новгородского феодала Ондreja Пасаханова. В начале XX в. в деревне 5 дворов, 52 жителя (7 лошадей, 17 коров, 5 овец). В конце XIX в. стояла ветряная мельница. Деревня перестала существовать в 1960-х г. (Цит. по: *Воробьева С. В. Исторические деревни Кижской волости...*)

²⁵ Кузнецы. Большой Клименецкий остров. В 1563 г. называется Кузнецовская, в 1720 г. – Кузнецкая, в 1877 г. – Кузнецы. Количество дворов: в 1563 г. – 2, в 1678 г. – 13, в 1858 г. – 11, в 1916 г. – 18, в 1928 г. – 24, в 1999 г. – 1. В деревне стояли три ветряные мельницы. (Цит. по: *Воробьева С. В. Исторические деревни Кижской волости...*)

²⁶ Корба. Большой Клименецкий остров. В 1563 г. упоминается под названием Онисимовская, в 1720 г. – как Анисимовская, в 1850 г. – как Корба (она же Анисимовская в Корбы). Количество дворов: в 1563 г. – 2, в 1678 г. – 10, в 1707 г. – 8, в 1911 г. – 16, в 1940 г. – 25. Название Корба в переводе с карельского «глухое лесное место». Сохранилась часовня Знамения Богородицы XVIII в. В настоящее время в деревне всего 2 старых дома. (Цит. по: *Воробьева С. В. Исторические деревни Кижской волости...*)

Раньше посты соблюдали. Скотину, конечно, забивали на зиму и за-саливали, но в пост ели что-нибудь овсяное, сущик варили, рыбу ели. Солили ряпушку в кадушках. Ловили ее у Мингострова. А теперь ряпушки не стало.

До войны клюкву мы брали мало. Некогда нам было ходить по боло-там, в колхозе работали.

Война. 1941–1944 гг.

Финны приехали к нам на лошадях в октябре. Я взяла тетушку Ксе-нию, ребят привязали к дровням и поехали в Вёгоруксу. Там все жили на своих местах. А из Сенной и Кижей многих отправили в лагерь. В Вёгоруксе работали в лесу. Обменивали одежду и одеяла на продук-ты. В 1944 г. мы вернулись обратно. Финнов я не боялась. Два раза в будке сидела. Из-за того, что самовольно за картошкой приходила в Кижы. Я ушла хлеб смекать, а ребят дома оставила. А они в Кижях все Сашку Ржанского искали.

Елизавета Ивановна Клинова (1927 г. р.)²⁷

Семья

Родилась в деревне Ганьковецкая Вырозерского общества. Отца не помню. Моя мать Власова Анна Федоровна второй раз вышла замуж в Кузаранду, когда мне было 4 года. От этого брака родилась моя свод-ная сестра. Сейчас она живет в Олонце.

Во время войны маму забрали в лагерь, где она умерла от голода в 1942 г. Ей было около шестидесяти лет. Я жила в Корытово у тети Ма-рины Тихоновой. Потом меня финны отправили в лес на работы. Мне бы-ло 15 лет. В Усть-Яндоме со мной работала Валентина Ивановна Перкина (в будущем замужестве Ёлупова). После этого я работала в Вёгоруксе, в Куткострове, Колгострове в Кондопожском районе. В Куткострове у меня ноги сильно болели. Соседи лечили меня распаренной в лохани мякиной. В ней я парила ноги. Потом в Леликово на сплав отправили. А затем мы прослышали, что финны хотят отправить нас в Германию. И мы переправились на дырявой лодке и пошли домой.

В 1946 г. меня летом отправили учиться на дезинфектора в Петрозаводск, где я училась три месяца. Вернулась в Великую Губу и закончила годичные курсы медицинских сестер при районной больнице.

В Сенную Губу приехала как дезинфектор на случай заболевания скарлатиной. Врачу понравилось, как я работала, и она пригласила меня в Сенную Губу патронажной сестрой. А затем меня отправили в Сред-

²⁷ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2246. Л. 16–19.

ку²⁸, где в доме богача Горбачева организовали больницу. Из Середки мы ездили на танцы в Кижы: Валя Широкова, Клава Елизарова, Виктор Елизаров и я. Там, рядом с погостом в доме Соловьева был клуб. Кроме того, гуляли на пристани, когда приходили колесные теплоходы «Урицкий» и «Володарский». Помню, играли три музыканта. В Кижях я и познакомилась со своим будущим мужем Клиновым Константином Петровичем, с которым мы до свадьбы дружили около десяти месяцев.

О Константине Петровиче Клинове (1924–1987)

Константин Петрович до войны окончил ГПТУ в Петрозаводске по специальности резчик по дереву. Во время войны был пулеметчиком, воевал на Втором украинском фронте. Дошел до Праги. Принимал участие в освобождении

Житель д. Клиново плотник-реставратор К. П. Клинов и архитектор-реставратор А. В. Ополовников. 1982. НВФ-12276

Петрозаводска. Закончил войну в звании младшего сержанта с двумя медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». После войны остался в армии. Затем вернулся домой в родное Клиново к родителям Петру Матвеевичу и Евдокии Тимофеевне. У него было два брата Алексей и Миша и две сестры Валя и Вера. Отец и Константин занимались шитьем лодок.

Пятого сентября 1948 г. женился на Елизавете Ивановне – медицинской сестре из деревни Середка.

Елизавета Ивановна рассказывала, что ее выход замуж в 1948 г. предсказала ее соседка Мария Егоровна Широкова, которой на Святки приснился сон, что за Елизаветой Ивановной приехали на двух лодках.

И, действительно, 5 сентября того же года за ней в Середку приехал Константин Петрович с друзьями на двух лодках. Было много гостей,

²⁸ Середка. Большой Клименецкий остров. Первое упоминание в 1563 г. под названием Шуляниковская, в 1582 г. – Яковлевская Тетюхина (Шулятниковская), в 1720 – Яковлевская, в 1850 – Середка (она же Яковлевская). Количество дворов: 1563 г. – 1, 1678 г. – 8, 1707 г. – 4, 1911 г. – 14. Старинные дома в деревне не сохранились. На окраине деревни стоит ветряная мельница из Толвуи (нач. XX в.). В Середке жил один из сказителей Кижской волости Леонтий Богданов. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

приезжали даже парни с соседнего Волкострова. Свекровушка бросала жито, чтобы жизнь была хорошей. Сосед Клинов Борис Иванович устроил молодым салют – стрелял из ружья в воздух. Мария Егоровна Широкова расплела косу и сделала пучок. Своего платья, подходящего для свадьбы, у меня не было, и я одолжила его у сослуживицы. Спать молодых положили отдельно в каморке.

Жили дружно. Константин Петрович работал начальником почты. Семья Клиновых жила небогато, скотины у них не было. Осенью мы с Константином Петровичем сшили лодку, продали её в Фоймогубу и купили овцу. Материал для лодки: киль с форштевнем из кривой сосны (матика с кокорой), порубни (шпангоуты), огибни-бортовы доски из сосны заготовили в лесу. Пилили их с Костей продольной пилой. Когда строили, борта зажимали кляцами (деревянными зажимами). Шили под крышей за домом.

Рыбу ловили неводком, и сети были ряпушковые. Костя их сам вязал. Рожь растили, ячмень. Когда жали, бабки ставили – четыре снопа вместе, пятым накрывали. У берега был огород – сажали лук, свеклу, морковь. Картошка росла за домом. Репу сеяли в лесу повыше Малькова на репищах. Для колхоза нужно было выкосить 9 стогов, десятый для себя. Каждый стожок накрывали жердьями и вичьями. После Середки работала я в Дудниково²⁹, в доме Серых в медпункте, затем – на Боярщине³⁰, после – в Кижях. В 1949 г. у нас родился сын Виктор (работает на «Тяжбуммаше»). В 1954 г. родилась дочь Татьяна (она закончила дошкольное училище, работает воспитателем). В 1962 г. появился на свет еще один сын – Владимир (окончил железнодорожный техникум). Все живут в Петрозаводске.

Константин Петрович с 1949 по 1959 г. работал в плотницкой бригаде, которая под руководством А. В. Ополовникова реставрировала Преображенскую церковь. В бригаде вместе с ним работали Василий Михайлович Никитин, Дмитрий Иванович Никитин из Боярщины,

²⁹ Дудниково. Заонежский полуостров. В 1563, 1582, 1707 гг. деревня называлась Лопинская. В 1834 г. – Лопинская (объединена с Телятниковской). В 1850 г. – Дудниково. В 1933 г. – Серово. В 1999 г. – Дудниково. Количество дворов: 1563 г. – 1, в 1678 г. – 1, в 1911 г. – 2. Сейчас в ней сохранился один из самых старинных домов округи – дом Т. С. Серого (1874). Постройка этого дома стоила тогда 600 рублей серебром. На территории усадьбы стоял амбар, рига и мельница. В 1928 г. семью раскулачили, а в доме организовали школу, которая просуществовала до 1950-х г. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

³⁰ Боярщина. Заонежский полуостров. В 1582 г. называлась Козаревщина. В 1850 г. – Боярщина (она же Козаревщина). Количество дворов. В 1582 г. – 3, в 1678 г. – 7, в 1707 г. – 1, в 1911 г. – 2. В названии сохранена память о временах боярского владычества XIII–XIV вв. В начале XX в. в Боярщине насчитывалось 20 домов. Боярщина – родина знаменитого кижского сказителя В. Щеголёнка. В 1879 г. он познакомился с Л. Н. Толстым и жил у него в Ясной Поляне. Шесть рассказов Л. Н. Толстого написаны по сюжетам В. Щеголёнка. В настоящее время деревня продолжает существовать. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

Борис Елупов, Федор Елизаров, Павел Мотов, Дмитрий Иванович Степанов, Михаил Бураков, Михаил Кузьмич Мышев. Бригадиром сначала был Константин Петрович Клинов, потом – Борис Федорович Елупов.

Умер Константин Петрович в 1987 г.

Анна Константиновна Елизарова (1917–2001)

Семья. Дом Елизарова

Дом наш строили прадеды. Деда – два брата Иван Яковлевич и Федор Яковлевич. (Значит, имя прадеда Яков. – Л. Т.)

Жили в доме брата Григорий Алексеевич Елизаров и Константин Алексеевич Елизаров.

В избе жил Константин Алексеевич с женой Анной Филипповной. У них было шестеро детей – Анна, Клавдия, Федор, Виктор, Павел и Василий.

Жительница д. Потаневщина

А. К. Елизарова

Из частного архива

В горнице на сарае (сарайна горница) жил брат Григорий Алексеевич, когда приехал из Ленинграда с женой Марией Ивановной и четырьмя детьми: дочкой и тремя сыновьями. Работал он на военном заводе. В Питер уехал еще мальчиком. Он был на два года старше отца Анны Константиновны.

Дом Елизаровых был построен в деревне Потаневщина³¹. Стоял рядом с нынешним домом Елизаровых перед березой. Крыльцо выходило на озеро. Баня (байна) была и амбар. До колхозов держали в разное время 4–5 коров, потом – 1–2. Коровы раньше была у каждого. В огороде сажали картошку, лук, свеклу, морковь, брюкву. Огурцы садили. Сеяли хлеб. Жали, молотили и веяли сами. Веялку купили только в 1930-м г. Был у нас и сепаратор. Вставали мы и начинали работать рано, в 5–6 утра.

Родители умерли в 1934 (мама) и 1937 г. (отец).

³¹ Потаневщина. Большой Клименецкий остров. В 1563, 1646 и 1678 гг. называлась «Потанинская на Святом наволоке на горке». С 1720 г. – «Потаневская». Количество дворов: в 1563 г. – 2, в 1678 г. – 5, в 1707 г. – 6, в 1911 г. – 8. От старого поселения сохранилось два дома. Дом крестьянина Елизарова (1880) перевезен в музей на о. Кижь. В деревне Потаневщина жила семья самого знаменитого сказителя в истории русской фольклористики Т. Г. Рябинина, от которого были записаны 23 былины. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

Деревни

В соседней деревне Посад³² стояли дома Утицыных, Широковых, Потемкиных.

В Середке жили Калгановы – 4 семьи. Матвей Капитонович бедно жил. Сын его привез из Ленинграда богатую невесту, нахвастав, что две лавки у него и 9 коров. Она приехала, посмотрела и уехала в Ленинград обратно. Он с лица-то примансливый был, а дом у него был с черной печкой. Фамилия у него была Стёпик, потом сменил на Калганова.

На носовине Клименецкого острова стоял домик бабки Феклы Дьяковой. Она перевозчиком работала. Перевозила к Серым и в Воробьи.

На Лонгасах стояли два больших Романовских дома, Лысановский дом и дом Мясниковых.

У церкви в 1940-е гг. магазин был. Тут же была и пекарня. Хлеб пекла Дуся Ларионова из Вертилово.

Мария Петровна Степанова (1927–2015)³³

Сведения о семье

Родилась я в деревне Шабановская (Речка) близ Толвуи. Деревня очень красивая. На одном берегу деревня Речка, на другом – Шабановская. У нас было около 11 домов. Вокруг много деревень: Пряличинская, Тютючинская, Носовская, Красковская. Весь куст деревень назывался Заречье. Много купцов было, богатых людей.

Мой дед по отцовской линии Василий Степанович Дедков из Шабановской в Петербург уезжал в мальчики. Чем занимался – неизвестно. В приказчиках был, наверное. Дядя – муж папиной сестры – на заказ сапоги шил.

У отца моего был конь только для выезда. Он не хотел отдавать его в колхоз, ведь у нас были сани расписные, расписная дуга, упряжь с набором, колокольчик. Тогда он купил лошадь у цыган, да ее в колхоз и отдал.

Мама моя одевалась хорошо. Помню, у нее сак был. Это верхняя одежда выходная. Рукав с «пышками», узкий к кисти, приталенный. Раньше была рабочая одежда и праздничная. Праздничную одежду – сарафаны, казачки да платки – редко стирали.

³² Посад. Большой Клименецкий остров. Впервые упоминается в 1563 г. под названием деревня «на Святом Наволоке словёт Перевесье», в 1616 г. деревня значится как «Перевесье», в 1850 г. – как «Посад (она же Перевесье)». Количество дворов: в 1563 г. – 2, в 1678 г. – 5, в 1707 г. – 1, в 1911 г. – 3. В деревне Посад жила сказительница Потемкина Ольга Васильевна. (Цит. по: *Воробьева С. В.* Исторические деревни Кижской волости...)

³³ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2246. Л. 14.

Т. Ю. Дудинова, И. И. Хуттер

(Музей-заповедник «Кижы», Петрозаводск)

КОЛОКОЛА ЗАОНЕЖЬЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ФИНСКОГО ПРОФЕССОРА ЛАРСА ПЕТТЕРССОНА

Аннотация: В статье представлен обзор материалов известного финского исследователя Ларса Петтерссона, хранящихся в Национальном архиве Финляндии (Хельсинки), в которых содержатся сведения о колоколах в церквах и часовнях Заонежья.

Имя финского искусствоведа, историка деревянного зодчества Финляндии, Скандинавии и Карелии профессора Ларса Петтерссона хорошо известно специалистам. В многогранном архиве ученого¹ хранятся ценные материалы, рассказывающие о внутреннем убранстве и внешнем облике церквей и часовен Заонежья. К ним неоднократно обращались исследователи храмовой архитектуры и искусства. Фотографии, обмерные чертежи, полевые тетради являются немymi свидетелями необычной страницы в истории Второй мировой войны, связанной с сохранением исторического наследия в условиях сурового военного времени. Документы датируются 1942–1944 гг. и относятся к периоду финской оккупации Карелии в годы Великой Отечественной войны. По приказу военного командования молодой ученый Л. Петтерссон был направлен в Заонежье для документирования памятников храмовой архитектуры².

---

¹ Коллекция Ларса Петтерссона хранится в Национальном архиве Финляндии (г. Хельсинки).

² *Kotkavaara K. Rajamaiden kuvia ja muutama ajatus niiden teistä politiikassa ja taiteentutkimuksessa // Viimeinen tuomio: Ikoneitä Itä-Karjalasta: Turun linna, 28.10.2005-8.1.2006: Näyttelyluettelo. S. 11–14; Suominen-Kokkonen R. Suomalainen taidehistorioitsija Itä-Karjalassa 1942–1944 // Rajantakaista Karjalaa. Helsinki, 2008. S. 125–128; Дудинова Т. Ю. Деятельность финских исследователей по изучению и сохранению памятников архитектуры и искусства на территории Заонежья в годы оккупации (1942–1944) // Церковь Преображения Господня на острове Кижы: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 74–78.*

Результат двухлетней работы по изучению церквей и часовен Заонежья он представил в монографии, изданной в 1950 г.³ Летом 2020 г. у читателей впервые появилась возможность познакомиться с ней на русском языке. Книга, в которую вошло большое количество рисунков О. Хелениуса⁴ и фотографий из коллекции Л. Петтерссона, была подготовлена к печати кандидатом искусствоведения М. И. Мильчиком⁵.

Авторы данной статьи обратились к теме, которая ранее не изучалась исследователями. Нас заинтересовал вопрос о наличии в архивных материалах профессора Л. Петтерссона сведений о колоколах. Тщательное изучение сотен листов полевых тетрадей, сравнение рисунков и фотографий привело к положительному результату. В архиве ученого обнаружили материалы о колоколах в церквях и часовнях Заонежья на период 1942–1944 гг. Впервые доклад на эту тему прозвучал на круглом столе во время фестиваля колокольного звона на о. Кижы в июне 2019 г. К тому времени были выявлены описания восьми звонниц с сохранившимися в них колоколами. Продолжение исследовательской работы в 2019–2020 гг. позволило найти информацию еще о десяти храмах, в которых находились колокола.

При подготовке статьи авторы использовали рукопись «Заонежские церкви и часовни»⁶, полевые тетради и фотоматериалы⁷ из коллекции Ларса Петтерссона. Особым источником в исследовании темы стали акварели и рисунки О. Хелениуса⁸, на которых запечатлены заонежские колокола. Документы архива дополнили воспоминания финского священника Эрки Пииройнена⁹. Летом 1943 г. он вместе с Л. Петтерссоном и другими специалистами участвовал в экспедиции по Заонежью. На страницах своей книги Э. Пииройнен не только рассказал о впечатлении от встречи с храмовым искусством края, но и сделал важные зарисовки исполнения колокольных звонов.

³ *Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950.*

⁴ *Oйва Хелениус (1910–1976)* – финский художник и скульптор, был помощником Л. Петтерссона в годы войны.

⁵ *Петтерссон Л. Архитектура деревянных церквей и часовен Заонежья. М., 2020.*

⁶ КП 3161–3164. Микрофильмы PR 236–239 (фотопленка черно-белая). Рукописные тетради на финском языке «Заонежские церкви и часовни» с описанием обследованных памятников. Л. Петтерссон передал копию рукописи в дар музею-заповеднику «Кижы» во время посещения о. Кижы в 1989 г.

⁷ *Suomen Kansallisarkisto, Yksityisarkistot Lars Petterssonin kokoelma (kotelo 12–14).*

⁸ Там же. Kotelo 35. Копии большей части акварелей О. Хелениуса были также переданы музею-заповеднику «Кижы». С ними можно познакомиться на сайте музея: Коллекция Ларса Петтерссона. [Электронный ресурс] URL: kizhi.karelia.ru/collection/pettersson/. Дата обращения 21.10.2020 г.

⁹ *Piironen E. Tsasounien Karjalassa. Pieksämäki, 1982.*

К моменту написания статьи авторы собрали сведения о 50 колоколах в 18 храмах Заонежья. На семи звонницах был зафиксирован только один колокол. Возможно, их оставили в часовнях как сигнальные. Ценными для нас являются записи в полевых тетрадах, сделанные Л. Петтерссоном к рисункам звонниц этих часовен:

- «единственный уцелевший колокол используется в деревне по другому назначению» (часовня Варлаама Хутынского XVIII в., дер. Пегрема);
- «на звоннице первоначальный колокол» (часовня Святых Флора и Лавра XIX в., дер. Верховье);
- «колокол отлит в 1907 г.» (часовня Святой Троицы и Дмитрия Солунского XVIII в., дер. Селецкое);
- «один колокол» (часовня в честь иконы Божией Матери «Неопалимая купина» XIX в., дер. Мижостров);
- «колокол подвешен к князевой слеге со стороны западного фронтона» (часовня Иоанна Крестителя XVIII–XIX вв., дер. Шабалино) (рис. 1). О подвешенном к слеге колоколе Л. Петтерссон пишет и в рукописи. В ней говорится, что до войны в часовне был магазин.

Рис. 1. Часовня Иоанна Крестителя XVIII–XIX вв., дер. Шабалино. 1944 г. Коллекция Ларса Петтерссона. Национальный архив Финляндии

В полевой тетради на рисунке звонницы часовни Святого Георгия 1914 г. в дер. Мунозеро изображен один колокол без каких-либо уточнений, он также есть на рисунке О. Хелениуса (рис. 2). На фотографии часовни Троицы Живоначальной и Спаса Нерукотворного второй половины XVIII в. в дер. Истомино хорошо виден большой колокол на звоннице (рис. 3).

Рис. 2. Часовня Святого Георгия 1914 г., дер. Мунозеро. Рис. О. Хелениуса. 1944 г. Коллекция Ларса Петтерссона. Национальный архив Финляндии

Рис. 3. Часовня Святой Троицы и Спаса Нерукотворного XVIII в., дер. Истомино. 1943 г. Репродукция оригинальной фотографии. Музей-заповедник Кижы (НВФ-13867/37)

По два колокола оставалось в часовнях деревень Фомино, Пурдега и Вигово¹⁰. Данные о сохранении двух колоколов в часовнях приводятся в полевых тетрадах и подтверждаются фотографиями. В дер. Вигово часовня во время войны еще использовалась по назначению. Из воспоминаний финского священника Э. Пииройнена: «Деревенский староста седобородый мужик позвонил в колокол. На звон колокола в часовне собрались жители деревни»¹¹. На рисунке звонницы часовни Архангела Михаила XVIII в. из дер. Леликозеро Л. Петтерссон отметил три колокола и сделал запись – «3 колокола». В 1988 г. на этой часовне, ныне расположенной в основной экспозиции музея-заповедника «Кижы», по инициативе И. М. Архипова¹² была обустроена звонница и впервые после долгого перерыва на ней зазвучали колокола¹³.

Для нас оставалось загадкой, почему колокола в часовне дер. Мягкая Сельга (рис. 4) были развешены над входом. Могло ли это быть одним из

Рис. 4. Часовня в дер. Мягкая Сельга. 1942 г.
Коллекция Ларса Петтерссона. Национальный архив Финляндии

¹⁰ В настоящее время часовня Спаса Нерукотворного (рубеж XVII–XVIII) из дер. Вигово находится на о. Кижы, на Нарьиной горе за дер. Ямка. К сожалению, родные колокола не сохранились. В 2014 г. для часовни были изготовлены восемь новых колоколов в г. Тутаеве (Ярославской обл.) на заводе Николая Шувалова «ИТАЛМАС». Многие годы часовня является местом проведения праздничных концертов во время фестиваля колокольных звонов в музее-заповеднике «Кижы».

¹¹ *Piironen E. Tsasounien Karjalassa... S. 174.*

¹² *Архипов Игорь Михайлович* – заслуженный работник культуры Республики Карелия. Художественный руководитель ансамбля народной музыки ПетрГУ «Тойве». Руководитель Ингерманландского хора г. Петрозаводска. С 1988 по 2001 г. являлся сотрудником музея-заповедника «Кижы».

¹³ *Хуттер И. И.* Проект «Возрождение утраченных традиций Русского Севера. Колокольная партитура Кижской волости» // Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижы»). Петрозаводск, 2016. С. 302. В настоящее время на звоннице часовни Архангела Михаила семь новых колоколов и три колокола XIX в.

способов развески колоколов в условиях отсутствия звонницы? На фотографии хорошо просматриваются четыре довольно больших колокола. Вероятно, они предназначались для традиционной звонницы. В полевых тетрадах есть рисунок с изображением четырех колоколов и подписью «колокола». Ответом на вопрос послужила запись в рукописи, сделанная Л. Петтерссоном на основании сведений, полученных от жителей деревни. В ней говорится, что дер. Мягкая Сельга находилась между деревнями Великая Губа и Толвуя. Часовню построил Андрей Семенович Власов в 1914 г., его дом стоял рядом с храмом. Иконы для иконостаса написал иконописец Иван Абрамов. Когда в 1934 г. часовню переделали под зернохранилище, то звонницу и иконостас разобрали. С крыши молельни сняли главку. В 1942 г. интерьер часовни восстановили для использования ее по назначению. Таким образом, облик часовни с фотографии можно отнести к описываемым событиям. Возможно, колокола происходят из этой часовни, и они были сохранены жителями деревни.

В церкви Святого Николая из дер. Вегорукса 1889 г. нашли снятые с колокольни и упакованные четыре колокола. На фотографии (рис. 5)

Рис. 5. Звонница церкви Святого Николая 1889 г., дер. Вегорукса. 1944 г. Репродукция оригинальной фотографии. Музей-заповедник «Кижы» (НВФ-13867/88)

можно увидеть только три из вновь развешенных колоколов, но к рисунку храма в полевых тетрадах есть подпись «четыре колокола», а цифра «3» исправлена на «4» (рис. 6). О найденных в церкви четырех колоколах упоминает в воспоминаниях и Э. Пириойнен. В рукописи «Заонежские церкви и часовни» Л. Петтерссон приводит особо ценное сведение об одном из обнаруженных колоколов, о наличии на нем даты отливки – 1763 г.

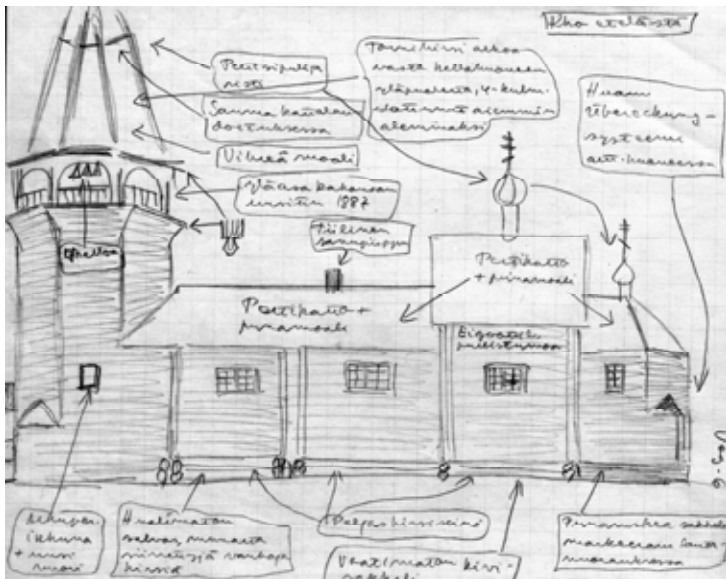

Рис. 6. Рис. церкви Святого Николая 1889 г., дер. Вегорукса. 1944 г.
Коллекция Ларса Петтерссона. Национальный архив Финляндии

В часовне Казанской иконы Божией Матери XVIII–XIX вв. в дер. Терехово тоже сохранились четыре колокола, как и в часовне Василия Великого XIX в. в дер. Марковщина. Обе деревни были расположены недалеко от дер. Космозеро, в которой жил известный заонежский иконописец И. М. Абрамов. «На другой день мы отправились в дер. Космозеро в гости к иконописцу Ивану Абрамову, который рассказал, что подсвечники и колокола из часовни увезли в апреле 1941 г.»¹⁴, – писал на страницах воспоминаний Э. Пириойнен. Позднее, по просьбе И. М. Абрамова, он привез два колокола – один в часовню и один в церковь.

¹⁴ Piironen E. Tsasounien Karjalassa... S. 175.

При изучении авторами полевых тетрадей были найдены записи о перемещении двух колоколов из церкви Великомученицы Параскевы Пятницы (1831 г.) в дер. Онежаны. Один колокол из этой церкви перевезли в дер. Великая Нива, другой – в дер. Прошевская. На акварели О. Хелениуса и фотографии Л. Петтерссона, датированных 1944 г., на колокольне можно увидеть три колокола, однако на более ранней фотографии, сделанной в 1942 г., отчетливо просматриваются пять колоколов. Вероятно, на колокольне их было пять или больше (рис. 7).

Рис. 7. Церковь Великомученицы Параскевы Пятницы 1831 г., дер. Онежаны. 1942 г. Музей-заповедник «Кижы» (НВФ-13867/17)

На фотографиях храмов из деревень Великая Нива и Великая Губа рядом с ними были запечатлены самодельные звонницы. Четыре колокола¹⁵ находилось на звоннице церкви Преображения Господня в дер. Великая Нива (рис. 8). «Воскресным июньским днем шел сильный дождь, но он не мешал церковному сторожу звонить в колокола. Сторож делал это мастерски», – пишет Э. Пииройнен¹⁶. Далее он сообщает, что связались по телефону с дер. Поля, которая находилась на расстоянии примерно 4 км по воде, и узнали, что колокольный звон там хорошо слышен.

¹⁵ На фотографии можно увидеть три колокола, но по письменным источникам их было четыре.

¹⁶ Piironen E. Tsasounien Karjalassa... S. 163

*Рис. 8. Церковь Преображения Господня, дер. Великая Нива. 1943 г.
Коллекция Ларса Петтерссона. Национальный архив Финляндии*

Особо хотелось бы рассказать о звоннице рядом с церковью Алексея человека Божьего в дер. Великая Губа. В рукописи Л. Петтерссон только упомянул о ней. По акварели О. Хелениуса, сделанной в 1943 г., сложно было представить ее размеры и определить количество колоколов. Восемь фотографий рассматриваемой звонницы авторы обнаружили в материалах финского архива фотографий военных лет – SA-Kuva¹⁷. Они были сделаны тремя фотографами в разное время и сопровождаются подписями. Самая полная из них принадлежит фотографу Эйно Нурми: «На самодельной звоннице развешаны собранные до войны из храмов Шуньгского полуострова колокола, которые

*Рис. 9. Звонница в Великой Губе. 1943 г.
Фотограф Паули Пиха. SA-Kuva arkisto.
(Фотоархив Вооруженных сил Финляндии)*

были свезены на причал в Великой Губе. Всего на звоннице 11 колоколов» (рис. 9). На страницах книги Э. Пириойнена есть строки, посвященные исполнению на ней колокольных звонов: «Утром в Иванов день церковные колокола звонили по православному обычаю, с веселым перезвоном»¹⁸. Финский священник подчеркивает, что все было пронизано колокольным звоном, который имел особое воздействие на деревню.

¹⁷ SA-kuva arkisto. [Электронный ресурс] URL: sa-kuva.fi/webneologinfin.html.

¹⁸ Piironen E. Tsasounien Karjalassa... S. 152

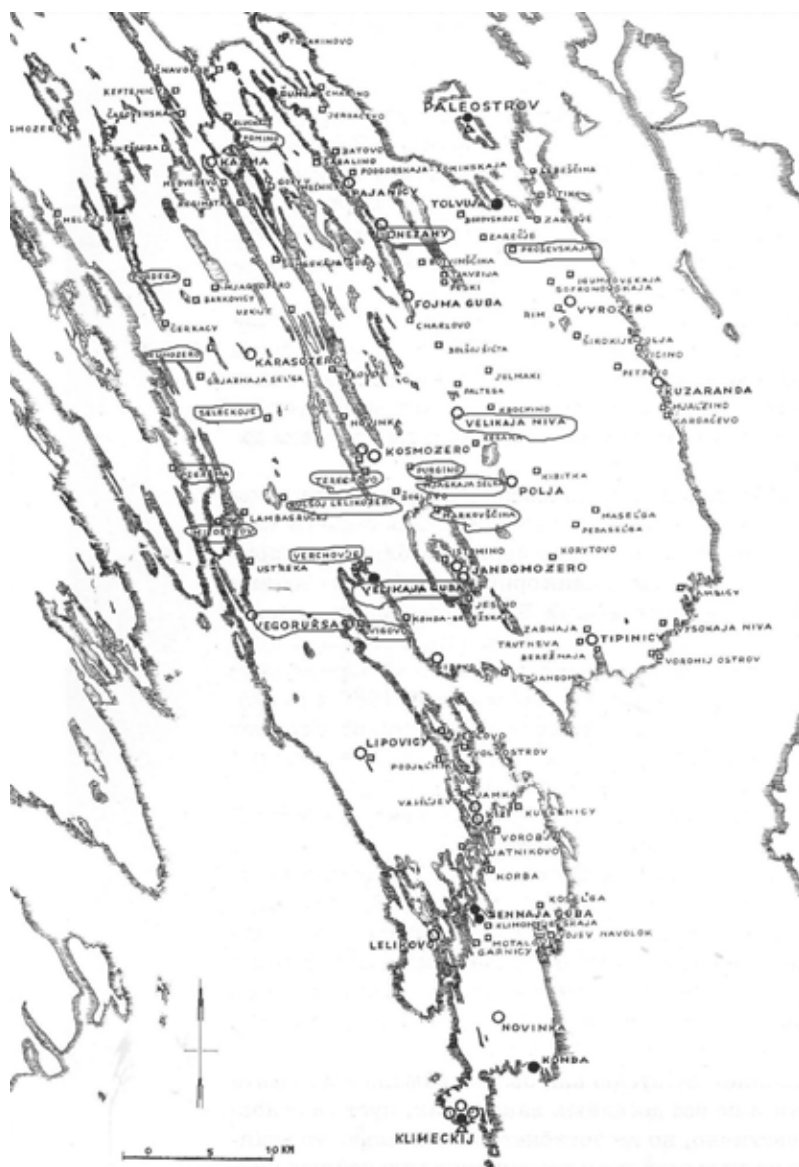

Рис. 10. Карта исследованных Л. Петтерссоном храмов Заозерья в 1942–1944 гг. Составлена Т. Линдквистом

Таким образом, полученные на основании изучения архива Л. Петтерссона данные свидетельствуют о том, что во многих церквях и часовнях Заонежья вплоть до 1944 г. сохранились колокола, и они использовались по прямому назначению.

Во время работы по документированию памятников архитектуры на территории Заонежья Л. Петтерссон описал более 130 храмов, но авторам удалось найти в материалах исследователя сведения о колоколах пока только в 18 храмах. Наибольшее количество колоколов сохранилось в деревнях Онежаны (5), Вегорукса (4), Марковщина (4), Терехово (4), Леликозеро (3), Великая Нива (4), Великая Губа (11). Обращает на себя внимание интересный факт. Почти все выявленные с колоколами храмы, по переписи 1917 г., входили в состав Великогубской волости. На карте, составленной Т. Линдквистом, отмечены монастыри, церкви и часовни, исследованные Л. Петтерссоном в 1942–1944 гг. Авторы отметили на ней деревни, в которых были выявлены колокола (рис. 10). К сожалению, свидетельств о сохранившихся колоколах из храмов в окрестностях о. Кижы в архиве финского ученого пока не обнаружено. При описании интерьера церкви Преображения Господня Л. Петтерссоном

было зафиксировано било 1709 г., в полевой тетради говорится: «Справа от входа в моленное помещение на большом гвозде висело било. Сфотографировано. Служило заменой колоколу, били по нему железным прутом»¹⁹ (рис. 11).

Выявленные в Национальном архиве Финляндии материалы о колоколах Заонежья, об их перемещении, формировании звонниц по звучанию, о самодельных звонницах и колоколах с датой отливки, а также о бытовании мастерского исполнения колокольных звонов позволяют нам получить представление о традиции, связанной с колоколами и колокольным звоном

Рис. 11. Било. Церковь Преображения Господня на о. Кижы. 1944 г. Коллекция Ларса Петтерссона. Национальный архив Финляндии

¹⁹ В фондах Национального музея Карелии находится похожее било, датированное 1709 г., поступившее из часовни Успения Пресвятой Богородицы д. Васильево на о. Кижы (*Гуцина В. А.* «Удариша в било, ударили в колокол» – К 20-летию возобновления колокольного звона в Кижях. 1989–2009гг. // Кижы. № 7 (58), август 2009).

в Заонежье. Дальнейшее изучение темы связано с расширением круга источников, что помогло бы реконструировать облик звонниц заонежских церквей и часовен.

Прослеживается дальнейшая судьба восьми из упомянутых в обнаруженных источниках колоколов. В разное время они попали в музей-заповедник «Кижы» и с 1993 г. находятся на колокольне Кижского погоста. В коллекции музея также имеются еще четыре колокола, происходящие из Заонежья. Послевоенная судьба других выявленных на этой территории колоколов пока не установлена. Мы надеемся, что открытие их местонахождения раскроет еще одну интересную страницу исторического наследия XX в. в судьбах колоколов и звонниц.

В. А. Борисова

(Музей-заповедник «Кижы», Петрозаводск)

РЫБОЛОВНЫЕ СНАСТИ КИЖАН

Аннотация: В статье на основе литературных источников XVIII–XIX вв. представлен исторический обзор рыболовного промысла, бытовавшего в деревнях Кижской и Сенногубской волостей Петрозаводского уезда Олонецкой губернии.

На территории Карелии испокон веков существовали благоприятные условия для развития рыболовства. В первую очередь эти условия связаны с большим количеством водоемов. Карелия – край озер, общее число их достигает 61,1 тысячи. Среди них Онежское озеро – второй по величине пресноводный водоем в Европе¹.

Интересующие нас земли Заонежья находятся в северо-западной части Онежского озера. К территории Заонежья относятся более 500 островов, наиболее крупные из которых находятся в Кижских шхерах: Большой Клименецкий, Большой Леликовский, Кижы, Волкостров. Издревле жители этих островов занимались рыболовством. Заонежане ловили: «рыбу репушку малую, а сетми гарвами в осенинах ловят красную рыбу лососи, и таймень, и палю, а сиговыми сетми ловят сизи, а частыми сетми ловят плотицы»².

В Кижях ловилось огромное количество рыбы, которое шло на продажу и на собственное пропитание в свежем, соленом, вяленом и сушеном виде. Способы ловли рыбы различались и зависели от времени года. Ловили рыбу неводами, чапами, саками, сетями, мердами, мережами, продольниками. По весне рыбу кололи острой, осенью лучили.

---

¹ *Саватеев Ю. А.* Рыболовство и морской промысел в Карелии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 164–181. [Электронный ресурс] URL: <http://histfishing.ru/biblio/thestoneage/savateev-yua-rybolovstvo-i-morskoj-promysel-v-karelii.html?galItem=69&galAlbum=2&galTag=> Дата обращения 13.01.2021.

² История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. 3. С. 162.

Исследователи отмечают, что основные технологические приемы рыболовства были освоены населением еще в древности, в ходе исторического развития изменялись лишь материалы, использовавшиеся для изготовления рыболовных ловушек³.

В трудах этнографов и путешественников XVIII–XIX вв. есть множество записей о рыболовных орудиях, местах лова, видах рыб⁴. О рыболовстве на внутренних водоемах Карелии писали петрозаводские этнографы Р. Ф. Тароева, К. К. Логинов⁵. Исторический очерк заонежского рыболовства представлен в статье И. В. Мельникова⁶.

Настоящая статья содержит обзор рыболовных снастей и мест промысла жителей кижской округи, который сделан, преимущественно, на основе анализа библиографических источников XVIII–XIX вв. с привлечением данных Писцовой книги 1582/83 гг.

По многочисленным рассказам путешественников, посещавших Заонежье, способы добычи рыбы различались в зависимости от водоема и времени года. На территории Спасо-Кижского погоста ловили неводами, мережами, сетями, продольниками, мердами, саками, мутниками.

Наиболее ранний перечень рыболовных снастей, которые использовались на территории Заонежья, приводится в писцовых книгах. Обзор рыболовных снастей и мест лова, упомянутых в Писцовой книге 1563 г., дан в статье И. В. Мельникова. В источнике сообщается о 52 рыболовных тонях, используемых крестьянами Спасского погоста, из которых большинство находилось в районе о. Большой Леликовский – Сенной губы – о. Кижы – о. Волкостров и далее к северу вплоть до Великой губы. Среди снастей упоминаются невода, а также разные виды сетей: сеговые, «плотичьи», «гарвы» и «кердяги»⁷.

³ *Иванищева М. В., Иванищева Е. А.* Археологические объекты и орудия рыболовства на поселениях каменного века на Тудозере в Южном Прионежье // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В. М. Лозовского. СПб., 2018. С. 137.

⁴ *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989; Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958; *Бергштрессер К. Ф.* Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838; *Кесслер К. Ф.* Материалы для познания Онежского озера и Обонежского края, преимущественно в зоологическом отношении. СПб., 1868.

⁵ *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 35–40; *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1993. С. 40–47.

⁶ *Мельников И. В.* Рыболовный промысел в Заонежье (краткий исторический очерк) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 122–134.

⁷ Там же. С. 125–127.

В Писцовой книге Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г. также описаны тони и рыболовные снасти Спасо-Кижского погоста. Всего «в Спаском погосте в Кижях у царева и великого князя крестьян 52 тони, а ловят на них 52 неводы, да сетей и гарв 29, да сиговых сетей 13, да плотичьих 41 сеть». Территория погоста в то время была обширна, поэтому необходимо выделить из списка сведения по Кижским шхерам, начиная с Сенной губы, включая Климецкий монастырь и заканчивая Великой губой. «...в Сенной губе, и около Келкострова и до Кижского острова, и около Кижского погоста 16 тонь, да от Кижского острова до Волко острова, до Великой губы, и в Великой губе, и до Тепинич [Типиниц. – В. Б.], и в Спаской губе, и до Тембиц [Тамбиц. – В. Б.] 12 тонь»⁸.

Таким образом, в окрестностях Кижей в ведении государевых крестьян было 28 тоней, на которых они использовали 6 неводов, 6 сетей-гарв, 10 сиговых сетей. Несмотря на то что в этом районе Онего уже в XVI в. лов рыбы можно обозначить как промысловый, по данным Писцовой книги 1582/83 г., в Спасо-Кижском погосте использовали только два вида рыболовных снастей: невода и сети. «А неводы у них по 90 сажен, а сети гарвы по 40 сажен, плотичье сети частые по 15 сажен, а иные по 20»⁹. Размеры неводов и сетей позволяют предположить, что писцами учитывались только крупные рыболовные снасти, ловлю которыми можно отнести к промысловому занятию.

Прежде чем приступить к рассмотрению отдельных типов орудий лова, необходимо отметить основные места лова рыбы.

Места лова не выбирались случайно, а определялись исходя из знания природы родных для рыбаков окрестностей¹⁰. Заонежане выбирали наиболее удобные и рыбные участки для промысла. Такие места назывались тони.

Каждая деревня имела свои тони для лова, на которые чужих рыбаков не пускали. Крестьяне владели тонями по установившейся за века традиции: «где деды ставили сети, там и мы будем». Часто тони были оборудованы вешалами для сушки снастей, воротами для вытаскивания лодок и сетей на берег, избушками, в которых во время промысла жили рыбаки.

Из Писцовой книги 1582 г. можно выделить следующие сведения о тонях кижских крестьян¹¹.

⁸ История Карелии XVI–XVII вв. в документах... С. 162.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Лайус Д. Л., Лайус Ю. А. Семга-матушка // Охота и рыбалка. XXI в. М., 2010. № 12 (92). С. 152–157; 2011. № 1 (93). С. 154–159. [Электронный ресурс]. URL: <http://histfishing.ru/biblio/rybprom/lajus-dl-lajus-yua-semga-matushka.html> Дата обращения 13.01.2021.

¹¹ История Карелии XVI–XVII вв. в документах... С. 162

- «Около Танбиц острова 5 тонь» (Тамбич – прежнее название Большого Леликовского острова¹²).
- «От Танбе острова до Малого Соломяни 5 тонь». Пролив Малая Соломя пролегает между северной оконечностью Бол. Леликовского острова и берегом материка.
- «От Малого Соломяни в Варго островах, и до Вегоруксы».
- «Да в Сенной губе и от Келкострова до Кижей и около Кижского погоста 16 тонь».
- «От о. Кижы до Волкострова и до Великой губы».

Сведения о рыболовных тонях в конце XIX в. в окрестностях острова Кижы содержатся в книге Н. Н. Пушкарева «Рыболовство на Онежском озере»¹³. На основе данных Н. Н. Пушкарева мной была составлена карта (рис. 1), на которую нанесены места лова кижских жителей (обозначены треугольником).

В восточной части Кижских шхер тони располагались вдоль восточного берега Клименецкого острова, с юга на север, в следующих местах:

- Остров Сухой – здесь ставили один ряд в две мережи-матки в южном направлении.
- Кой-наволоок. Стояла одна мережа на восток.
- Южный Олений остров: у южного носа ставили один ряд в одну мережу в восточном направлении, у северного носа стоял один ряд в одну мережу направлением на северо-восток.
- Северный Олений остров: на южном носу и посередине острова стояло по одной мереже на восток, у северного носа – две мережи в северном направлении.

К северу от Клименецкого острова рыболовные снасти ставили в следующих местах:

- Лайб-острова. Один ряд в две-три мережи на северо-восток.
- Уемские острова. Стоял один ряд в две мережи на север.
- Лей-наволоок. Три ряда по две мережи ставили на восток и три ряда по одной мереже на юго-запад.
- Пяч-наволоок. Стоял один ряд в одну мережу на юго-восток.

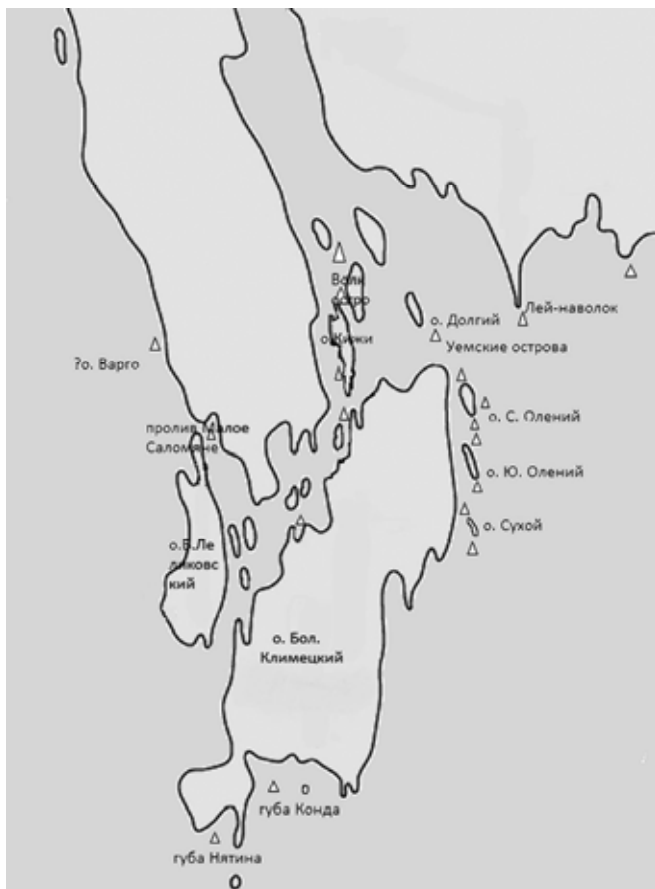
В южной части Клименецкого острова тони располагались в Нятиной губе до мыса Широкий наволоок, а также от губы Конда до о. Карнош. В этой части Онежского озера находились владения Климецкого монастыря, который, основываясь на жалованной грамоте царя Ионна Грозного,

¹² Аганитов В. А. Путешествие в древние Кижы. Топонимический очерк. Петрозаводск, 2000. С. 56.

¹³ Пушкарев Н. Н. Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900.

не позволял ловить крестьянам в губе Нятина до мыса Широкий наволок и в губе Конда до о. Карноша, считая эти тони своими¹⁴.

Рассмотрим рыболовные снасти, которые использовали кижские крестьяне. С течением времени они мало изменялись. На протяжении

Рис. 1. Местонахождение рыболовных тоней в районе Кижских шхер (по данным Н. Н. Пушкарева)

¹⁴ Более подробно см.: *Кожевникова Ю. Н.* Рыболовные угодья Троицкого Клименецкого монастыря в XVI – первой половине XVIII в. // *Кижский вестник*. Петрозаводск, 2019. Вып. 18. С. 64–74.

столетий рыбу ловили одними и теми же орудиями на одних и тех же тонях. Это подтверждают описания путешественников по Олонецкой губернии XVIII–XIX вв.¹⁵

Во второй половине XIX – начале XX в. основными орудиями лова являлись различные сетные снаряды, изготовлявшиеся, по большей части, самими крестьянами. Рыболовные снасти были разных размеров – от небольшой ивовой ловушки (мерды) до громадных сетей, например, неводов. Небольшие снасти мог сделать для нужд своей семьи один человек, пользуясь ветками и прутьями, либо изготовив пряжу для сетного полотна. Изготовление больших сетных снарядов требовало значительных денежных затрат, поэтому для вязания неводов объединялись в артели по 3–4 участника. Причем каждый вязал отдельную часть невода, которые затем сшивали¹⁶. Невода и сети большинство заонежских крестьян делали сами, так как нанимать сетевяза было дорого и позволить наемный труд могли только зажиточные хозяева.

Рассмотрим более подробно рыболовные снасти кижан. На страницах книги «Поездка в Обонежье и Корелу» В. Н. Майнова приводится подробное описание различных снастей заонежского крестьянина. Много внимания автор уделяет сетным орудиям, первым рассматривает речной невод, поэтому описывает его очень подробно: «...Невод вяжется обыкновенно из льняной или пеньковой пряжи, причем ссучиваются по 2 и по 3 нитки вместе для большей крепости. Кнея устраивается конусообразная, длиною от 3 до 6 сажень, и шириною от 4 до 8 сажень. Кнея расходится на два крыла, которые тянутся сажень на 40, а то и на 65 в длину с каждой стороны. Крылья примотаны к палкам – окрыльникам, а нижняя и верхняя часть их насажены на 2 тетивы, которые, смотря по достатку, делаются то из пеньки в $\frac{1}{4}$ вершка толщиной, то из мочалы, и тогда достигают $\frac{1}{2}$ вершка, а то так и запросто из крученой бересты в $\frac{1}{2}$ вершка толщиной. К нижней тетиве прикрепляется груз для оседлости, чтобы шла тетива по подводью, не всплывала бы наружу; на малый невод придется штук 150, а побольше невод, так и грузил наберется до 200 штук. Чтобы верхняя тетива не тонула, а шла по подводью, напротив грузил навязаны берестяные, а то и осе-

¹⁵ Поляков И. С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991; Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877; Пушкарев Н. Н. Указ. соч.; Данилевский Н. Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1875. Т. 9.

¹⁶ Бернитам Т. А. Рыболовство на русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1972. Вып. XXVIII. С. 63–98. [Электронный ресурс]. URL: <http://histfishing.ru/biblio/rybprom/lajus-dl-lajus-yua-semga-matushka.html> Дата обращения 13.01.2021.

новые полавки, а над кнею навязаны 2 связанных вместе осиновыя дощечки – это „ловда“, которая сразу укажет, где кнея пала. На конце крыльев к палкам подвязываются „клячи“ – веревки сажен в 10, а то и в 20 длиннику, а от них сажен на 60, а то и на 90 тянутся ужища, за которые начинают тянуть невод»¹⁷ (рис. 2).

Мутник – ловушка на окуней, ершей и мальков

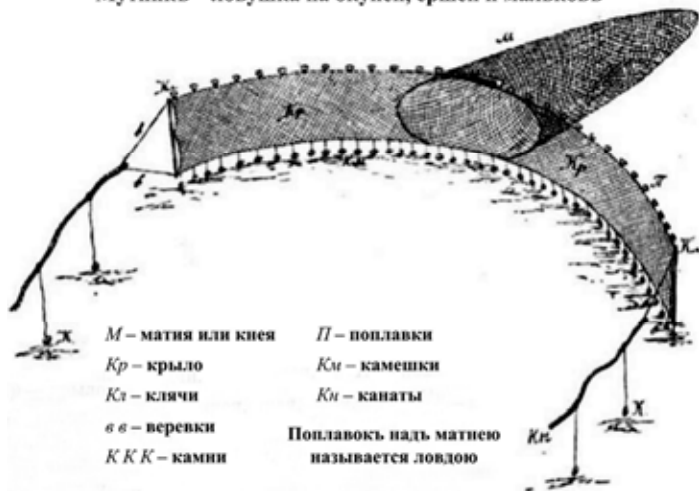

Рис. 2. Схема конструкции невода (по Н. Н. Пушкареву)

Также В. Н. Майнов упоминает и другие типы неводов. По данным, приведенным в его книге, была составлена таблица, где указаны типы неводов, размеры, стоимость изготовления, количество выловленной рыбы.

Название	Длина кнея	Длина крыла	Стоимость	Виды рыбы	Ячей	Сезон	Улов
Онежский невод	3–4 сажени	50–120 сажений		Сиг, лосось, лещ, окунь, палля, подлещик	¼ вершка	Лето	1 – 5 пудов
Озерный невод	2–3 сажени	30–50 сажений	25–50 р.	Сиг, щука, ерш, судак, лещ	¼ вершка	Лето, зима	10 фунтов – 3 пуда
Речной невод	3–6 сажений	40–65 сажений	от 30 до 75 р.	Лосось, сиг, налим	1 вершок	Лето, зима	15 фунтов – 5 пудов

¹⁷ Майнов В. Н. Указ. соч. С. 77.

Как видим из таблицы, эти снасти схожи между собой по размерам, стоимости. Наблюдаются лишь небольшие незначительные различия в длине крыла неводов.

Еще один вид рыболовной снасти назывался **керевод** (керегод). По своему устройству схож с неводом. Кнея вяжется 4–5 сажень в длину, в диаметре 5–6 сажень. Различие состоит в размере крыльев. Одно крыло длиной 70–100 сажень. Второе крыло 2–3 сажени. К веревке меньшего крыла привязывали кубас (кусок дерева размером 53 × 36 см). Кубас был необходим для того, чтобы знать, где находится начало меньшего крыла. Керевод ставили на глубину от 2 до 8 м. Процесс лова происходил следующим образом: сначала ставили меньшее крыло, затем – кнею, потом выбрасывали большее крыло. Подплывали к кубасу, вытаскивали кнею, расправляли, забрасывали второй раз, веревку от меньшего крыла прикрепляли к уключине лодки, начинали пугать рыбу. Когда рыба набивалась в кнею, ее вытаскивали в лодку. Для лова кереводом требовалась большая сноровка, так как это сложный снаряд. Ловили этим снарядом весной, летом и осенью сигов и красную рыбу. Стоил снаряд от 35 до 60 рублей¹⁸.

Для мелкой рыбы, например, ершей, в Заонежье использовали **мутник** (рис. 2). Это разновидность невода. Кнея у мутника вязалась длиной 3–4 сажени, в ширину 5–6 сажень. Ячея была меньшего размера ($\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{8}$ вершка), по сравнению с неводом. Крылья были длиной в 3 сажени. К тетивам привязывали веревки в 1 сажень, к веревкам вязали канаты из старых сетей, мочала, бересты, для того чтобы мутить воду и поднимать рыбу со дна. Канаты были 25–30 сажень. Ловили мутником два рыбака. Выезжали в озеро на лодке, выбирали тинистое место глубиной в 3–5 сажень. В воду кидали камень с веревкой и кубасом (поплавок). К веревке привязывали левое крыло невода. Гребли на лодке по кругу, постепенно опуская мутник в воду. Возвращались к кубасу и вытягивали снасть. Добывали от 3 фунтов до 2 пудов ершей. Ловить мутником можно было только летом. Стоила снасть от 6 до 12 рублей¹⁹.

Еще один снаряд назывался **чап**. Пушкарев в своих трудах упоминает, что: «В каждой деревне в „Кижях“ есть один-два человека которые имеют чап или недотку»²⁰. По своему устройству этот снаряд похож на мутник. Длина крыла не более 30 сажень, веревки 20 сажень. Чап ставили так же, как и мутник, в глубоких местах. Ловили чапом малька с сентября

¹⁸ Майнов В. Н. Указ. соч. С. 82–83.

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ Пушкарев Н. Н. Указ. соч. С. 111.

до заморозков. С одной тони попадалось от 5 фунтов до 1 пуда рыбы. Стоимость снаряда от 25 до 35 рублей²¹.

Также для лова малька использовали **недотку**, состоящую из двух сшитых вместе холщовых полотен²².

Сети (рис. 3) – самые недорогие орудия рыбной ловли и самые уловистые. Из домашней тонкой льняной пряжи делалось полотно с ячейей не менее $1\frac{1}{8}$ – $1\frac{1}{4}$ вершка, которое затем насаживали на тетиву. Использовали тонкую пряжу, чтобы сеть была меньше заметна в воде. С этой же целью сети красили. Кипятили воду с ольховой корой, опускали в нее сеть и пересыпали золой. Поплавки делали из бересты. Большинство сетей ставили на дно. По верхней тетиве крепили поплавки из бересты, по нижней – грузы-камышки, оплетенные берестой. Часто грузом служили камни, завернутые в старую тряпицу. Их на сеть требовалось 10–12 штук. Для длины и высоты сетей определенной нормы не было, каждый рыбак делал такую сеть, какая была необходима, но для большинства сетей длина колеблется между 10–30 саженьями²³.

Рис. 3. Лов рыбы сетью (<https://www.sotasampo.fi/> Р. Снерла).
Фотография сделана 16 октября 1941 г. д. Мины, Гатчинский район

²¹ Майнов В. Н. Указ. соч. С. 85.

²² Пушкарев Н. Н. Указ. соч. С. 110.

²³ Георгиевский М. Д. Рыбы Олонецкой губернии и ловля их // ОГВ.1890. № 8. С. 79.

Ловили сетями на глубине от 15 до 30 сажен. Сети выставляли в озеро рядами по 15–20 сетей в ряду. За первым рядом идет второй, третий, которые образуют собой линию. В линию выставляли до 6 рядов. В конце каждого ряда ставятся кубасы – деревянные жерди длиной в 1 ½ аршина, чтобы сети было видно на поверхности. Ловили преимущественно сигов, палию, лососей. Стоила сеть 1 рубль 20 копеек – 1 рубль 50 копеек²⁴.

Малоимущие крестьяне рыбу ловили **калегой** или самоловкой. Это разновидность сети, стоила очень дешево и была проста в применении. Длина ее 15–20 саженей. Ячея делалась ½ вершка. Ловили калегой окуней и плотву. Для лова калегой выбирали место, поросшее камышом, или луду. В дно вбивали кол, к нему привязывали конец калеги, ехали по луде, опоясывая мелкое место, затем крепили второй конец калеги к колу. Сеть оставляли на ночь. Утром возвращались и выбирали рыбу. Стоила снасть 2 рубля²⁵.

Бродник (рис. 4). Также недорогая снасть. Использовали ее бедные крестьяне, те, у кого семьи были небольшие, так как ловля этой снастью не требовала большого количества людей, достаточно было двух ловцов. Вязался бродник в две нитки, длиной был от 3 до 8 сажен. Ячея 1/8 вершка. Ловили на небольших глубинах, основной добычей была мелкая рыба. В удачный день вылавливали до 5 фунтов рыбы. Стоил бродник от 2 до 5 рублей²⁶.

Рис. 4. Лов рыбы бродником (<https://www.sotasampo.fi/> Энсо Линдхольм).

Фотография сделана на Олонецком перешейке.

Дата неизвестна, точное место не указано

²⁴ Пушкарев Н. Н. Указ. соч. С. 103.

²⁵ Майнов В. Н. Указ. соч. С. 86

²⁶ Там же. С. 87

Сак (рис. 5). Представлял собой большой сачок, связанный из 4 сетей или редкого холста, или старого мешка, прикрепленных к металлическому либо деревянному обручу окружностью 2–3 сажени. Сак привязывали к длинному шесту. Подержав сак на дне несколько минут, вытаскивали, забирали добычу (мелких окуней, корюшку, ершей) и опускали снова. Иногда в сак сыпали приманку – творог, червей, хлеб. Стоил 1 рубль. Добывали от 2 до 20 фунтов рыбы²⁷.

*Рис. 5. Лов рыбы сакom (<http://collection.kunstkamera.ru/>
Беликов А. А. Рыбак, ловящий наживку сакom – кюву).
Карелия, Олонецкий район, Коткозеро, 1927 г.*

Продольник или масельга (рис. 6). Продольники делали из веревки от 40 до 200 сажен в длину. (У Н. Н. Пушкарева – до 400 сажен.) На саженном расстоянии друг от друга к веревке крепили крючки с наживкой. Наживкой служили ряпушка, ерш, плотва, мелкие окушки. Существовало два способа установки продольника. Для лова лосося продольники ставили на поверхности воды. Если ставили на дно, то попадались налим, щука, паляя. Добывали от 3 фунтов до 2 пудов рыбы²⁸.

В XIX в. к крупным рыболовным снастям на Онежском озере прибавилась **мережа** (рис. 7). Н. Н. Пушкарев, ссылаясь на исследования экспедиции Данилевского, пишет о широком распространении мережи около 1870 г. благодаря крестьянину Ивану Васильеву Костину, увидевшему лов мережами на р. Суна, куда они попали от рыбаков Ладожского озера. Мережи стали использовать и в Кижских шхерах²⁹.

²⁷ Майнов В. Н. Указ. соч. С. 87.

²⁸ Пушкарев Н. Н. Указ. соч. С. 109.

²⁹ Там же. С. 103.

Рис. 6. Подготовка к лову рыбы продольником (<https://www.sotasampo.fi/> Ким Борг). Дер. Курмойла, Пряжинский район, 14 июня 1942 г.

Рис. 7. Мережа (<http://collection.kunstkamera.ru/> Беликов А. А. Сушка рыболовных мереж). Карелия, Олонецкий район, 1927 г.

Мережи вязали в две нити из льняной пряжи. Ячею в различных частях мережи делали разную от 2,7 до 7 см. Размер ячеи зависел от части снаряда – чем ближе к носку (самой узкой части), тем ячея меньше. Мережи были разного размера: большие состояли из 8 обручей, малые – из 5. Для изготовления обручей использовали рябину, черемуху и ель³⁰. Длина круглой части ловушки зависела от местности, в которой использовали мережу. Так, у кижских рыбаков мережи были от 9 до 12 сажен в длину. Диаметр переднего обруча доходил в размерах до 2 сажен. Каждая мережа снабжалась впереди особым воронкообразным придатком, который называется «гужом». Длина гужа была от 4 до 7 сажен. К гужу крепился двор длиной в 20–25 сажен. Крыло вязали от 80 до 140 сажен длиной³¹.

Мережи располагались в озере друг за другом в длинный ряд, перпендикулярно берегу. Ими можно было ловить на очень большой глубине – до 10 сажен. «Рыбаки из кижских сел, – писал Н. Н. Пушкарев, – не любят ставить дворы глубже 6 саженей, так как при этом много хлопот с вбиванием жердей, которые удерживают на месте все сооружение»³². Ближайшая к берегу мережа ставилась на глубине около 2 сажен, самая дальняя – на глубине 6 сажен. Стоила мережа от 128 до 162 рублей. Стоимость зависела от материала, размера и от того, кто вяжет сеть: сам хозяин или поручает работу наемным сетевязам за плату³³.

Мерда (рис. 8). Еще одна недорогая и простая в изготовлении ловушка.

Рис. 8. Мерда (<http://collection.kunstkamera.ru/> Беликов А. А.). Карелия, Пряжинский район, Ведлозеро, 1927 г.

³⁰ Кесслер К. Ф. Указ. соч. С. 39; Пушкарев Н. Н. Указ. соч. С. 254.

³¹ Пушкарев Н. Н. Указ. соч. С. 255–256

³² Там же. С. 105.

³³ Там же. С. 106.

Представляет собой конус длиной до двух аршин. В основе – каркас из ивовых либо черемуховых прутьев, обтянутый сетью. Внутри каркаса устанавливали горло (сетную воронку), через которую в мерду заходила рыба. Снизу к ловушке привязывали камни, чтобы она не поднималась на поверхность. К верхней части обруча крепили веревку, а к ней – палку, благодаря которой мерда держалась на нужной глубине. Также палка служила ориентиром для местонахождения снасти. Ставили мерды в реках при заколах или в озерах возле берега. Ловили окуней, налимов, плотву, щук³⁴.

Кроме перечисленных рыболовных снарядов, есть менее значимые в промысловом отношении снасти: дорожки, удочки, самоловки, острога.

Лучшее время для ловли щук и окуней **на дорожку** (рис. 9) было в пасмурные дни лета и дождливые дни осени. Два человека выезжали в озеро на лодке. Один греб, а второй держал в руках деревянную вертушку на рукоятке с намотанной крепкой лесой, на конце которой был привязан крючок с куском красной тряпки вместо наживки. Дорожку тащили за лодкой на расстоянии 10–15 сажен. Щука бросалась на тряпку и попадала на крючок. С дорожкой ездили преимущественно неподалеку от камышей³⁵.

Рис. 9. Дорожка (фонды музея-заповедника «Киж», КП 4/31)

³⁴ Майнов В. Н. Указ. соч. С. 88.

³⁵ Георгиевский М. Д. Рыбы Олонецкой губернии и ловля их // ОГВ. 1890. № 11. С. 108.

Для ловли щук ставили **самоловки**. Вблизи к берегу вбивали в дно шест, к нему привязывали деревянную рогатку. На рогатку наматывали крепкую веревку с крючком. В качестве наживки использовали лягушку или мелкую рыбку. Ночью наживку хватала щука и попадала на крючок. Благодаря тому что веревка с рогатки начинала разматываться, первый порыв щуки не был опасен для целостности ловушки. Щука, пометавшись в воде, уставала и не могла порвать веревку³⁶.

С августа, когда ночи становились темными, и до наступления первых заморозков ездили **лучить рыбу**. Выслеживали рыбу, освещая воду горящими поленьями, закрепленными в особое металлическое устройство на носу лодки, называемое «лучом» либо «козой». Это была длинная полоса железа, с одного конца выпнутая для того, чтобы закрепить ее на носу лодки. На противоположный конец крепили поперек несколько полос железа, которые загибали с обеих сторон с тем, чтобы дрова не падали в воду. Дрова для лучения называли «смолье» и использовали сосновые поленья. Ель не брали, так как она при горении трещит и пугает рыбу. Горящие дрова давали свет, рыбак, стоя в лодке, видел добычу и бил острой неподвижно спящую рыбу (рис. 10)³⁷.

Рис. 10. Мужчина с рыболовными снастями, предназначенными для лучения рыбы (<https://www.sotasampo.fi/> Рейно Пелтола). Заонежье

³⁶ Георгиевский М. Д. Указ. соч. С. 107.

³⁷ Там же. № 12. С. 122.

Удочка представляла собой длинный батожок с лесой и железным крючком. Лесу скручивали из конского волоса или покупных ниток. Поплавки вырезали из коры или дерева. В качестве наживки использовали червей или мелкую рыбешку. На удочки ловили чаще дети с лодок или плотов (рис. 11)³⁸.

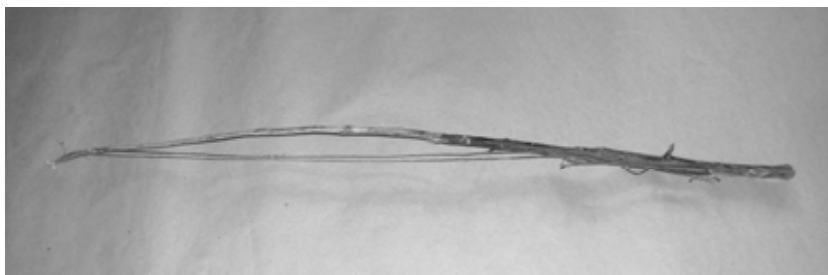

Рис. 11. Удочка (уда) (фонды музея-заповедника «Киж», КП 3698)

Как видим, различных снастей было достаточно. Каждый ловил тем, на что хватало денежных средств и возможностей, и, конечно, выбор снастей диктовал водоем.

В представленных нами рыболовных снастях кижан (*невод, мережа, сеть, мерда*) обнаруживается преемственность традиций – известные по историческим документам, эти орудия рыбной ловли использовались на протяжении столетий. На их основе со временем были выработаны различные варианты снастей: керевод, мутник, недотка, чап и др.

---

³⁸ Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 37.

И. В. Мельников

(Музей-заповедник «Кижы», Петрозаводск)

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СОБРАНИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Аннотация: В статье представлен каталог орудий охоты и рыболовства, которые входят в состав археологического собрания музея-заповедника «Кижы».

Охота и рыболовство издревле являлись важными хозяйственными занятиями населения, проживавшего на территории Карелии. Значение их в системе хозяйства различалось в разное время. В первобытную эпоху это были главные хозяйственные занятия населения, которые позволяли людям адаптироваться к условиям северного ландшафта, обеспечить себя продуктами питания, одеждой и хозяйственным инвентарем из кости и рога. В эпоху бронзы и особенно раннего железного века, помимо указанного, важное значение начинает иметь добыча товарной продукции – пушнины, которая через посредников реализовывалась на внешнем рынке. В обмен на территорию Карелии поступали предметы ремесленного производства из металла. Известно, что специализация северного населения на добыче пушнины как товарной продукции привела к формированию особого феномена – «саамского железного века», для которого характерна определенная трансформация материальной культуры, проявившаяся в отказе местного населения от собственного гончарного производства.

После распространения на Севере производящих форм хозяйствования – земледелия и животноводства – мясная охота и рыболовство становятся подсобными занятиями, дававшими дополнительный продукт питания, значение которых в системе хозяйства постепенно уменьшалось, но при этом продолжало сохраняться вплоть до этнографической современности. Земледелие в Карелии распространилось относительно

поздно, например, в Заонежье оно появилось не ранее XI в., о чем свидетельствуют результаты палинологических исследований, подкрепленные данными археологических изысканий¹. Вместе с тем и после этого времени население прибрежных деревень Карелии на протяжении столетий массово занималось рыболовством, а многие жители лесных деревень – охотой. Товарный характер промыслов также сохранялся, это касается не только добычи пушнины, но и вылова рыбы вблизи крупных населенных пунктов, обеспечивавших рынок сбыта (например, на Онежском и Ладожском озерах). Что касается поморского рыболовства, то оно не утратило своего товарного характера вплоть до современности.

Предваряя обзор предметов охоты и рыболовства в археологическом собрании музея-заповедника «Кижы», затронем технологический аспект изучения охоты и рыболовства в первобытной и средневековой Карелии.

В первобытную и средневековую эпохи технология **охотничьего промысла** существенно отличалась от бытовавшей во время этнографической современности. Как и во всех первобытных культурах лесной зоны, на территории Карелии охота являлась главным хозяйственным занятием, обеспечивавшим жизнь людей. Состав промысловой фауны устанавливается на основе остеологических определений костей животных, найденных в ходе раскопок². Основными видами промысловых животных являлись северный олень, лось, бурый медведь, кабан, а также пушные звери, водоплавающая и боровая дичь, на Белом море – морские животные (белухи, тюлени и моржи). Технология ведения охотничьего промысла в первобытную эпоху рассматривалась исследователями в специальных публикациях³.

Известно, что на рубеже позднего палеолита – мезолита в способах ведения охоты произошли существенные изменения. В связи с радикальной сменой ландшафта и вымиранием крупной промысловой фауны, связанной с началом послеледниковой голоценовой эпохи, возникла потребность

---

¹ Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридонов А. М. и др. К вопросу о начале земледелия на севере Онежского озера по палинологическим данным // Геология и полезные ископаемые Карелии. Петрозаводск, 2007. Вып. 10. С. 194–206; Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. С. 87–92.

² Саватеев Ю. А., Верещагин Н. К. Охотничье-промысловые животные и каменный инвентарь населения Карелии и южной части Кольского полуострова эпохи неолита и раннего металла // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 181–215; Саватеев Ю. А., Верещагин Н. К. Охотничье-промысловые животные в мезолитических стоянках Карелии // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 181–215.

³ Гуркина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. С. 169–183; Жилин М. Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004. С. 23–46.

в новых орудиях промысла. Появилось новое охотничье вооружение – лук и стрелы, которые позволяли охотиться на быстрых животных – оленей и лосей, не дававших людям приблизиться к ним на небольшое расстояние, достаточное для удара копьём или броска дротика. Лук и стрелы являлись основными орудиями охоты на протяжении всех последующих периодов первобытной эпохи. Лучники часто изображались первобытными художниками Карелии на скалах. Среди находок луков нет, поскольку деревянные предметы не сохраняются в культурном слое древних поселений Карелии. Известные образцы луков, найденные в торфяниках Северной Европы были двух видов: цельные, сделанные из отдельного ствола молодого дерева (они были наиболее распространены), и составные, изготовленные из двух или трех частей, за счет чего они приобретали большую гибкость. В большом количестве известны наконечники стрел, которые изготавливались из камня (кремня, лидита, сланца и, реже, кварца), а также кости и дерева. Каменные наконечники достаточно часто встречаются в раскопках древних поселений на территории Карелии. Представлены они и в коллекции музея-заповедника «Кижы» (см. кат. № 1, 3–12, 14, 16, 18–20, 22–28, 30–33, 35–37, 40, 41, 43, 47–54, 56, 57, 59–65, 94–97; рис. 1–3). Костяные наконечники в значительном числе найдены при раскопках Оленеостровского могильника⁴. Наконечники стрел различались по форме, разные виды наконечников использовались для охоты на различных зверей в определенных условиях (например, тупыми наконечниками добывали пушных животных). Лук и стрелы являлись эффективным орудием промысла. Они использовались охотниками Севера и в историческое время.

Среди прочих известных по археологическим материалам охотничьих орудий представлены копья, дротики и гарпуны. Они различались по размерам и способу употребления. Дротики являлись метательным оружием и использовались для поражения крупных животных на небольшом расстоянии. Их бросали, держа непосредственно в руке или используя специальное приспособление – копьёметалку. Более массивные копья были ударным оружием и применялись для добывания раненых зверей. Наконечники копий и дротиков делались из камня или кости. Каменные наконечники представлены в коллекции музея-заповедника «Кижы» (кат. № 2, 13, 15, 17, 21, 29, 34, 38, 39, 42, 44, 55, 58; рис. 4–6). Существовали также цельные деревянные орудия с заточенными и обожженными для прочности остриями. Судя по наскальным изображениям, на территории Карелии гарпуны применялись для охоты на морских животных и были составными: к сделанному из кости собственно гарпуну крепилась деревянная рукоять, к которой, в свою очередь, крепился длинный

⁴ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник... С. 68–91.

сыромятный ремень. В состав охотничьего снаряжения входили и другие предметы, например, кинжалы и ножи. Использовались также различные ловушки, силки, ловчие ямы и т. п., но они практически не отражены в археологических источниках, и судить о них мы можем, основываясь исключительно на данных этнографических аналогов. Для передвижения охотники использовали лодки, а в зимнее время – лыжи.

Наскальные изображения свидетельствуют о существовании в древней Карелии различных видов охотничьего промысла. Например, охоты на лосей и оленей весной, когда подтаивающий снег покрывается ледяной коркой – настом⁵. Из-за него крупные копытные животных не могут быстро передвигаться по лесу, проваливаются в глубокий снег и ранят ноги. В то же время охотники на лыжах имеют возможность легко передвигаться по насту и быстро настигать животных, которых они поражали стрелами и дротиками.

Еще один вид охотничьего промысла – загонная охота на оленей с использованием специально сооруженных из жердей больших (в несколько сотен метров) загонов, которые образовывали замкнутое пространство, откуда загнанное стадо животных не могло выйти. Такой способ промысла бытовал в тундровой зоне и также нашел отражение в наскальных рисунках Северной Фенноскандии⁶.

Судя по особенностям расположения некоторых древних поселений на местности, а также сюжетам наскальных композиций, бытовала на территории Карелии и широко известная у промысловых народов Северной Евразии загонная охота на северных оленей во время сезонных миграций. Она происходила в момент переправы оленей через водные преграды. Часть охотников на лодках внезапно появлялась из засады, окружала стадо плывущих оленей и легко поражала их копьями. Другая часть охотников находилась на берегу и добивала раненых животных.

Кроме крупных копытных животных, объектом охоты древнего населения Карелии являлись водоплавающие птицы. Наиболее эффективно охота на них велась в конце лета – в период линьки, когда лишённые перьев птицы не могли летать. Сцену такой охоты можно наблюдать среди наскальных изображений Залавруги на Белом море. В ней изображены два охотника, которые в лодке приблизились к стае птиц и поразили их выпущенными из лука стрелами⁷.

⁵ *Саватеев Ю. А.* Вечные письма (наскальные изображения Карелии). Петрозаводск, 2007. Рис. на с. 275–276.

⁶ *Evers D.* Felsbilder arktischer Jägerkulturen des steinzeitlichen Skandinaviens. Wiesbaden, 1988. S. 118.

⁷ *Саватеев Ю. А.* Вечные письма... Рис. на с. 280.

На Белом море важное значение имел промысел морских животных, в частности белух. О том, как он происходил, свидетельствуют имеющиеся там многочисленные наскальные композиции. На них изображены белухи в окружении лодок с охотниками⁸. В погоне за рыбой животные заплывали на мелководье и даже заходили в реки. Этим пользовались охотники, которые на нескольких лодках, часто с многочисленным (до 12 человек) экипажем, преследовали их и поражали гарпунами, с привязанными к ним ремнями. После этого раненое животное вытаскивалось на мелководье и добывалось.

Следует отметить, что перечисленные виды охотничьего промысла были не единственными, бытовавшими в первобытную эпоху на территории Карелии. Далеко не все они отразились в наскальных рисунках и могут быть реконструированы, основываясь на археологическом материале.

Подобные способы ведения охоты, основанные на использовании метательных и ударных орудий, а также силков и ловушек, продолжали бытовать на территории Карелии вплоть до этнографической современности. Даже после открытия металла наконечники стрел продолжали делать из камня, кости и рога. Вместе с тем появились наконечники и из железа, также из железа изготавливали наконечники ударных орудий (рогатины, втоки, кат. № 98, 99) и капканы. Описание охотничьего промысла населения Карелии в XIX – начале XX в. можно найти в работах петрозаводских этнографов⁹. В это время в технологии ведения охоты происходят радикальные изменения, связанные с началом использования охотничьих ружей. Известно, что огнестрельное оружие, основанное на применении ударного искрового замка, появилось в Европе еще в XVI в., однако долгое время оно не могло использоваться в качестве охотничьего вооружения по причине как сложности и дороговизны самого оружия, так и огневого припаса. Даже в XIX в., до 1870 г. (пятикратного подешевления пороха), ружья в Заонежье были у менее половины охотников. Бытовали «большепульные» гладкоствольные ружья, а также винтовки-«малопульки» производства паданских кустарей-карелов. Заряжались они через дуло, имели кремневый спусковой механизм. Патронные ружья – главное оружие современных охотников – начали появляться только в 1880-х гг., но были тогда большой редкостью¹⁰.

⁸ *Саватеев Ю. А.* Вечные письмена... Рис. на с. 259, 262, 267 и др.

⁹ *Тароева Р. В.* Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л., 1965. С. 40–46; *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1993. С. 48–55.

¹⁰ *Логинов К. К.* Материальная культура ... С. 50.

Важную роль в хозяйстве промысловых культур Севера играло **рыболовство**. Обилие озер и рек на территории Карелии способствовало его развитию у первобытного населения. Среди археологических находок представлены кости рыб: лосося, семги, щуки, сига, окуня, леща и др., остеологический анализ подтверждает наличие костных останков рыб в культурных слоях поселений древней Карелии¹¹. О приемах и способах лова рыбы можно судить, основываясь на находках рыболовных орудий. Среди них представлены рыболовные крючки и грузила для рыболовных снастей. Эти предметы есть в коллекции музея-заповедника «Кижы» (см. кат. № 66–91, 105–106; рис. 7–12 (грузила), 92, 93, 101–104; рис. 8, 12 (крючки)). Имеется специальная статья, посвященная рассмотрению орудий рыболовного промысла в древней Карелии¹².

Рыболовные грузила являются очень простыми орудиями. Среди находок они представлены камнями-гальками с просверленными или пробитыми в технике пикетажа биконическими отверстиями или боковыми выемками, сделанными для удобства привязывания к снастям. Известны также маленькие грузы в виде сланцевых стержней с боковыми выемками-насечками или галек с отверстиями. Они могли использоваться при ужении рыбы. Следует, однако, иметь в виду, что чаще в качестве грузов использовались камни без какой-либо обработки, обмотанные полосами бересты, за которую они крепились к снастям. Что это были за снасти, судить сложно, поскольку в Карелии среди находок они не представлены. Исходя из этнографических аналогов, можно полагать, что они могли быть сетными или плетеными – сделанными из тонких ветвей деревьев или кустарников. Находки фрагментов рыболовных сетей из нитей, полученных в результате обработки волокон дикорастущих растений, известны в торфяниках, например, Прибалтики¹³.

Рыболовные крючки бытовали разных видов. Известны составные крючки в виде маленьких сланцевых стержней с углублениями, в которые под острым углом крепилось жало. В Оленеостровском могильнике найдены фрагменты костяных рыболовных крючков. Редко встречаются находки

¹¹ *Саватеев Ю. А.* Рыболовство и морской промысел в Карелии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 183.

¹² Там же. С. 183–190.

¹³ *Загорска И. А.* Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел... С. 58; *Римантене Р. К.* Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Там же. С. 71–73; *Янитс К. Л.* Рыболовство и морской промысел на территории Эстонской ССР // Там же. С. 35.

цельных крючков, сделанных из камня. Кроме упомянутых орудий, для добычи крупной рыбы, например, семги или осетра (который в древности водился в Онежском озере), использовались гарпуны. Они делались из кости и были двух- или трехзубыми. Сцены лова рыбы с использованием гарпуна представлены среди наскальных рисунков Карелии¹⁴.

Таким образом, археологические находки рыболовных орудий свидетельствуют о существовании в древней Карелии рыболовного промысла с использованием крючковых, сетных или плетеных снастей, а также ударных зубчатых орудий. Значение рыболовного промысла в разные периоды первобытной эпохи различалось и определялось особенностями природной обстановки. Считается, что расцвету рыболовства способствовал так называемый климатический оптимум – наиболее благоприятный для жизни людей период, в основном пришедший на эпоху неолита, когда природная обстановка Карелии была близка современным условиям Ярославско-Костромского Поволжья. Произошедшее понижение уровня водоемов и связанное с этим повышение температуры воды способствовало формированию разнообразной флоры и фауны и, соответственно, развитию рыболовства, повышению его роли в хозяйстве древнего населения, однако и в то время рыболовный промысел имел второстепенное по сравнению с охотой значение.

В историческое время общая направленность рыболовства на водоемах Карелии оставалась неизменной. Конечно, после открытия металла и начала выращивания сельскохозяйственных растений, в частности льна, материальная культура рыболовства изменилась, сетные орудия из льняной нити и железные крючки и остроги должны быть более эффективными снастями по сравнению с их аналогами каменного века, но принцип их использования остался прежним. Первая информация о местах лова и видах снастей содержится в писцовых книгах XV–XVI вв.¹⁵ Этнография рыболовного промысла на внутренних водоемах Карелии в конце XIX – начале XX в. освещается в упомянутых работах Р. Ф. Тароевой и К. К. Логинова¹⁶. Его значение в системе хозяйства превзошло значение охоты и в большинстве районов Карелии уступало лишь земледелию и животноводству (кроме Поморья, где рыболовство и промысел морского зверя были главными занятиями).

¹⁴ *Саватеев Ю. А.* Вечные письма... Рис. на с. 135.

¹⁵ Об истории рыболовства на Онежском озере см.: *Мельников И. В.* Рыболовный промысел в Заонежье (краткий исторический очерк) // *Кижский вестник*. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 122–134.

¹⁶ *Тароева Р. В.* Материальная культура карел ... С. 35–40; *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия ... С. 40–48.

* * *

Перейдем к рассмотрению предметов охоты и рыболовства в археологическом собрании музея-заповедника «Кижы». Данная коллекция насчитывает 108 ед. хранения. Среди них представлены предметы первобытной археологии, относящиеся к периодам мезолита, неолита и энеолита¹⁷, а также археологические предметы эпохи Средневековья и Нового времени. Это наконечники стрел, копий и дротиков, рыболовные грузы и их заготовки, рыболовные крючки, ружейные кремни, по одному экземпляру представлены блесна и заготовка якоря для лодки.

Статистика коллекции по археологическим эпохам и перечень памятников, из которых происходят предметы, представлена в таблице 1. Статистика коллекции по материалу приводится в таблице 2. Из таблицы 1 видно, что предметы мезолита общим числом 20 ед. хранения происходят из 8 поселений: Вожмариха 2, 5, 23, 24, Воицкое 6, Жарниково 3, Пяльма 3, Южный Олений остров 2. Предметы неолита (29 ед. хранения) – из 13 поселений: Больничный 1, Букольников 1, Вертилово 7, Вожмариха 4, 15, 26, Воробы 4, Гарнизон Бесовец 2, Калгов 1, Леликово 2, Пегрема 33, Пески 12, Пяльма 9. Предметы энеолита (9 ед. хранения) происходят из двух поселений – Вожмариха 19 и Керкостров 3. Часть предметов первобытной эпохи происходит из смешанных разновременных комплексов – всего 35 ед. хранения из 14 поселений: Вожмариха 1, Воицкое 1, 2, Грудино 3, Космозеро 1, Леликово 1, Пяльма 1, 8, Радколье 1, 2, 3, 6, 7, Салоостров 1. Предметы Средневековья и Нового времени происходят из поселений Васильево 2, Наволок и Толвуйская Губа 1 (всего 15 ед. хранения)¹⁸.

Рассмотрим предметы из памятников **эпохи камня раннего – металла**.

Наконечники представлены орудиями ударного (копья) и метательного (дротики, стрелы) действия. Наконечники копий отличаются большей массивностью и шириной, наконечники дротиков были уже и легче, но при этом крупнее наконечников стрел.

В коллекции музея «Кижы» всего четыре **наконечника копья**, которые существенно различаются по морфо-метрической характеристике. Они сделаны из разных материалов. Один наконечник сланцевый,

¹⁷ Предметов бронзового и раннего железного века в коллекции нет.

¹⁸ Информация об указанных памятниках публиковалась в научных изданиях, см.: Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 409 с.; Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. 165 с.; Герман К. Э., Мельников И. В. Поселения эпохи камня – раннего металла в среднем течении реки Выг (каталог памятников и коллекций). Петрозаводск, 2021 (в печати) и другие работы..

происходит из мезолитического поселения Вожмариха 24, тщательно отшлифованный, удлинненно-подтреугольной формы (кат. № 2; рис. 4: 1). Второй – кварцитовый, близок по форме предыдущему, но несколько шире и менее тщательно заточен, происходит из ранненеолитического поселения Вертилово 7 с керамикой сперрингс (кат. № 21; рис. 4: 2). Еще два наконечника копий сделаны из кремня. Оба происходят из одного поселения – Воицкое 2, содержащего смешанный комплекс инвентаря неолита – энеолита. Наконечники схожи между собой, тщательно обработаны ретушью по всей поверхности, один из них целый, другой представлен крупным обломком (кат. № 45,46; рис. 5: 1, 3). Длина наконечников копий (целых экземпляров) варьирует от 11 (Воицкое 2) до 12,5 см (Вожмариха 24).

Малая серия находок не позволяет только на основе кижской коллекции сформулировать какие-то выводы, касающиеся распространения подобных изделий на территории Карелии в разные археологические эпохи. Можно лишь констатировать наличие им аналогов на памятниках археологии Карелии. Например, как отмечал Г. А. Панкрушев, кварцитовые наконечники копий характерны для неолитических поселений культуры сперрингс, где их известно пять экземпляров¹⁹. Это наблюдение подтверждается находкой нашего наконечника на поселении с керамикой сперрингс Вертилово 7. Кремневые наконечники из поселения Воицкое 2 в среднем течении реки Выг находят аналог в ближайших памятниках Юго-Западного Прибеломорья (в частности, на поселении позднего неолита – энеолита Березово 14)²⁰. Что касается сланцевого наконечника из поселения Вожмариха 24, то точные аналоги данному предмету на памятниках археологии Карелии нам неизвестны, близкий по форме и размерам предмет, определяемый как заготовка наконечника копья, происходит из поселения на о. Большой Гурий вблизи восточного берега Онежского озера²¹.

Наконечники дротиков представлены в археологическом собрании музея-заповедника «Кижы» большим числом экземпляров – 11 ед. хранения (в том числе 2 целых). Из них кремневых наконечников 9 экземпляров, сланцевых – 2. В коллекциях из поселений мезолита наконечники дротиков не представлены. В неолитических коллекциях их 4 экземпляра,

¹⁹ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 2: Неолит. С. 10–11, рис. 7: 13 на с. 120.

²⁰ Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005. С. 42–45, рис. 162: 1 на с. 284.

²¹ Лобанова Н. В., Филатова В. Ф. Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М., 2015. С. 167–170, рис. 240: 1 на с. 445, рис. 17 на с. 461.

все сделаны из кремня (из поселений Букольников 1, Вожмариха 4 (2 экз.) и Калгов 1). Из поселений энеолита происходят 3 кремневых наконечника дротиков (Вожмариха 19). Еще 4 наконечника – из смешанных комплексов поселений Воицкое 1 (2 экземпляра из кремня и сланца), Пяльма 1 (один из кремня) и Радколье 2 (один из сланца). Длина наконечников дротиков, судя по двум сохранившимся целым экземплярам, составляла от 6 до 8,5 см.

В неолитических коллекциях два наконечника представлены целыми экземплярами – из поселений Вожмариха 4 (кат. № 15; рис. 6: 1) и Калгов 1 (кат. № 29; рис. 5: 4). Первый сделан из относительно крупного осколка подромбической в плане и сечении формы, достаточно грубо обработан по всей поверхности (возможно, это не до конца завершенное изделие). Второй (из поселения Калгов 1) из плоского отщепа, более тщательно обработан ретушью по всей поверхности, особенно по кромке, за счет чего предмет приобрел почти правильную «удлиненно-листовидную» форму. Еще два предмета из неолитических поселений представлены довольно схожими между собой обломками с остриями (Букольников 1 и Вожмариха 4) (кат. № 13, 17; рис. 6: 2, 5: 6). Оба из кремня, обработаны по всей поверхности, особенно тщательная обработка характерна для экземпляра из Букольникова.

Энеолитические наконечники дротиков представлены тремя экземплярами. Все в обломках, происходят из поселения Вожмариха 19 и схожи между собой – сохранились довольно тщательно обработанные ретушью части с остриями линзовидного поперечного сечения (кат. № 34, 38, 39; рис. 6: 6–8).

Из смешанных комплексов происходят два наконечника дротиков из кремня и два из сланца. Кремневые представлены обломками с остриями из поселений Воицкое 1 и Пяльма 1 (кат. № 44, 45; рис. 6: 3, 5: 1). В плане они схожи, но воицкий экземпляр массивнее, отличается большей толщиной. Сланцевые экземпляры разные. Один из них происходит из того же поселения Воицкое 1 и представлен крупным обломком острия удлиненно-подтреугольной формы (кат. № 42; рис. 5: 5). Другой – из поселения Радколье 1 – представлен фрагментом основания с черешком (кат. № 58; рис. 5: 2). Оба имеют линзовидное поперечное сечение и шлифованы по всей поверхности.

Морфо-метрическая характеристика наконечников дротиков, изготовленных из кремня, отличается цельностью. Они представлены довольно схожими между собой обломками с сохранившимися остриями, обработанными ретушью по всей поверхности. Несколько отличается по технологии изготовления наконечник из поселения Калгов, для которого

характерна обработка ретушью только по кромке, а большая часть поверхности обработана довольно грубыми сколами. По технологии изготовления и внешнему облику он больше схож с мезолитическими наконечниками стрел, о которых речь пойдет ниже. Также внешней массивностью отличается наконечник из Вожмарихи 4, хотя, как отмечалось выше, возможно, это не завершённое изделие. Представленные сланцевые экземпляры внешне отличны, но их объединяют такие особенности, как полная шлифовка поверхности, уплощённость, линзовидное или удлинённо-подовальное поперечное сечение.

Аналоги кремневым наконечникам дротиков из кижской коллекции представлены в других памятниках археологии Карелии эпох неолита²² и энеолита²³. Они получают распространение в развитом неолите у населения, изготавливавшего ямочно-гребенчатую керамику²⁴, и продолжают бытовать в энеолитическое время. Наконечники из кремня составляют несколько отличающихся по внешним признакам типов, внутри которых характеризуются сходством формы, размеров и технологии изготовления и соответствуют экземплярам из кижских коллекций. Наконечники из сланца, подобные происходящему из Воицкого 1, встречаются реже, но тоже известны, например, на поселении со смешанным комплексом мезолита–неолита Кладовец 6 восточного берега Онежского озера²⁵. Точные аналоги обломку сланцевого наконечника с черешком из Радколье 1 нам неизвестны.

Наибольшим числом экземпляров в археологической коллекции музея-заповедника «Кижь» представлены **наконечники стрел** – 50 ед. хранения (39 из кремня, 6 из сланца, 4 из лидита и 1 из кварца). В том числе к эпохе мезолита относятся 11 наконечников, экземпляры из кремня найдены на стоянках Вожмариха 2 (1 ед.), Воицкое 6 (2 ед.), Пяльма 3 (2 ед.), на поселении Южный Олений остров 4 наконечника (3 из кремня и 1 из сланца), на поселении Жарниково 3 – 2 наконечника из лидита. Из неолитических поселений происходят 15 наконечников. Только один из них (со стоянки Леликово 2) сделан из сланца, все остальные – из кремня. Они найдены на поселениях Букольников 1 (1 ед.), Вожмариха 4 (3), Вожмариха

²² Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 2: Неолит. Рис.7: 12, 14 на с. 120; Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002. Рис. 54: 3, 4 на с. 123.

²³ Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999. С. 57–58.

²⁴ Археология Карелии / Отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочуркина. Петрозаводск, 1996. С. 97–99.

²⁵ Лобанова Н. В., Филатова В. Ф. Археологические памятники... С. 124–135, рис. 174: 1 на с. 388.

26 (1), Воробьи 4 (7), Пегрема 33 (1), Пяльма 9 (1). Энеолитом датируются 6 наконечников из поселений Вожмариха 19 (4 из сланца и 1 из лидита) и Керкостров 3 (1 из кремня). Больше всего, 18 экземпляров, происходит из смешанных комплексов. 16 из них кремневые из поселений Воицкое 1 (1 экз.), Воицкое 2 (5), Грудино 3 (2), Пяльма 1 (1), Пяльма 8 (1), Радколье 1 (2), Радколье 3 (1), Радколье 6 (1), Радколье 7 (1), Салостров 1 (1). Один кварцевый наконечник найден на поселении Радколье 2 и один лидитовый – на поселении Радколье 6.

Наконечники разных археологических эпох различаются по морфометрическим признакам и технологии изготовления. Мезолитические кремневые наконечники изготавливались из пластин (пластинчатых отщепов), у которых мелкой ретушью обрабатывались острие, боковые кромки и насад, за счет чего предмету придавалась необходимая «удлинненно-листовидная» форма. Остальная поверхность (так называемые спинка и брюшко), как правило, не обрабатывалась. Большинство наконечников мезолита представлено в обломках с остриями, 6 экземпляров целых, три из них имеют насад, оформленный в виде черешка (кат. № 6, 9, 11; рис. 1: 6, 10, 12). Отметим, что в мезолитических коллекциях все наконечники изготовлены из кремня или близких к кремню по свойствам лидиту и кремнистому сланцу. Технология их обработки схожа. Длина целых мезолитических наконечников составляет 2,7, 3,3 и 4,5 см.

В эпоху неолита наконечники обрабатывались по другой технологии. Все они изготовлены из кремневых отщепов, у которых мелкой или средней ретушью обработана вся поверхность. Наконечники, как правило, имеют правильную, симметричную относительно продольной оси форму, «удлинненно-листовидную» в плане и линзовидную в поперечном сечении. «Спинка» и «брюшко» обработаны одинаково и часто не различимы по форме. К сожалению, большинство экземпляров из неолитических наконечников из кижской коллекции представлено в обломках с остриями и утраченными насадами. Полной сохранности представлен экземпляр из могильника Букольников (кат. № 12; рис. 2: 5), который имеет правильную удлиненную форму, симметричен относительно продольной оси и тщательно отретуширован по всей поверхности. Еще один (кат. № 25; рис. 1: 13) представлен почти целым экземпляром, с небольшой утратой кончика острия. Насад у него оформлен в виде плавно сужающегося прямого черешка, боковые кромки завершаются двумя зубцами с выемками. Длина его составляла около 2,5–3 см. Судя по представленным в коллекции обломкам, неолитические наконечники могли быть и более крупного размера, так длина двух обломков с утраченными черешками составляет 3,5 и 4 см (кат. № 22, 30; рис. 1: 8, 3: 12).

Наконечники стрел из энеолитических поселений в кижской коллекции разнообразны по материалу. Два из них – из кремня и лидита (кат. № 37, 41; рис. 2: 2, 15) – типологически и по технологии изготовления близки неолитическим, распространены они и в энеолите. Еще четыре изготовлены из сланца. Все представлены в обломках. Численное преобладание сланцевых наконечников в коллекции не случайно. Именно в энеолите такие наконечники получают распространение. Типология наконечников стрел рассматривалась в работе А. М. Жульникова, посвященной энеолитическим памятникам с асбестовой и пористой керамикой на территории Карелии. Среди выделенных им типов имеются соответствия нашим экземплярам. Так, в частности, два миниатюрных сланцевых наконечника из поселения Вожмариха 19 (кат. № 36, 40; рис. 3: 10, 11) относятся к типу 1а, обломок наконечника из того же поселения (кат. № 35; рис. 3: 8) очень близок к типу 5²⁶.

Наконечники стрел из смешанных комплексов по типологии соответствуют рассмотренным выше предметам. Из 18 экземпляров 8 представлено целыми предметами, остальные – обломками. Кремневые наконечники по форме и характеру обработки поверхности типичны для памятников неолита–энеолита Карелии и подобны рассмотренным выше (кат. № 43, 47, 48, 64, 65; рис. 2: 4, 6, 7, 11, 3: 6). Они находят прямые аналоги в памятниках энеолита с пористой и асбестовой керамикой²⁷. Их длина составляет 2,5–2,8 см. Единственный в коллекции наконечник стрелы из кварца обнаружен на поселении Радколье 2, он изготовлен из отщепы удлинненно-подромбической в плане и подтреугольной в поперечном сечении формы. По форме он напоминает кремневые, отличия связаны с морфологическими особенностями кварца, менее удобного для изготовления подобного рода изделий. В этой связи он несколько крупнее, его длина составляет 4 см.

В целом состав коллекции наконечников ударных и метательных орудий охоты музея-заповедника «Кижы» отражает основные этапы развития данного охотничьего вооружения на территории Карелии в первобытную эпоху. Типичные для мезолита внешне примитивные орудия на пластинах (пластинчатых отщепах) со специфической обработкой мелкой ретушью по кромке, острию и насаду в развитом неолите (культура ямочно-гребенчатой керамики) уступают место качественно выполненным правильной (или почти правильной) геометрической формы изделиям, поверхность которых полностью обработана ретушью. Подобные

²⁶ Жульников А. М. Энеолит Карелии... С. 57, рис. 47–50.

²⁷ Там же. Рис. 46 и 48: 3.

изделия продолжают бытовать на территории Карелии и в последующие археологические эпохи, в том числе в энеолите, у населения, изготавливавшего пористую и асбестовую керамику. Тогда же распространение получают наконечники стрел из сланца, выполненные из миниатюрных плоских отщепов в технике шлифования и заточки. Позднее, в бронзовом веке, бытование сланцевых наконечников прекратится, но получат развитие наконечники из кремня, изготовленные в технике пильчатой ретуши, хотя некоторые из них, по мнению М. Г. Косменко, будут представлять собой кремневые аналоги более древних изделий из сланца²⁸. Все упомянутые виды наконечников представлены в кижской коллекции, за исключением наконечников эпохи бронзы, которых в собрании музея-заповедника «Кижы» нет.

Орудия рыболовства периода камня – раннего металла в коллекции музея «Кижы» представлены сланцевыми стержнями от составных крючков и рыболовными грузами.

Стержней представлено два (из них один в обломке), оба происходят из смешанного комплекса поселения Радколье 3. Целый экземпляр (кат. № 92; рис. 8: 4) 3,5 см длиной имеет круговую канавку для привязывания к леске на одном конце и косое углубление для фиксации жала на другом. Обломок стержня (кат. № 93; рис. 8: 5) имеет только круговую канавку, конец с углублением для жала утрачен. Аналоги таким стержням есть в памятниках археологии мезолита и неолита. По данным Ю. А. Савватеева, подобные стержни найдены на стоянках Сулгу 3, Малая Суна 1, Бесовы Следки, Залавруга 4, Лахта 2 и Илекса 3²⁹. Приводятся они в работе Г. А. Панкрушева «Мезолит и неолит Карелии»³⁰.

Рыболовных грузил (грузов) периода камня – раннего металла в коллекции представлено 25 экземпляров (в том числе к мезолиту относятся 8, к неолиту – 8, в смешанных комплексах – 9 предметов). Изготавливались они из кварцита, песчаника и сланца. Грузы двух видов: в виде галек со сквозными отверстиями (включая заготовки и производственный брак) – 13 экз., а также с боковыми выемками – 11 экз. Грузила с отверстиями в ряде случаев представляют собой незавершенные экземпляры, в которых отверстие начали проделывать, но не закончили (кат. № 67, 68, 80, 86, 87, 90; рис. 7: 1, 2, 9: 2, 10: 1, 12: 3).

²⁸ Косменко М. Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993. С. 70–71.

²⁹ Савватеев Ю. А. Рыболовство... С. 183, 188.

³⁰ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии... Ч. 1. Мезолит. С. 18. Ч. 2. Неолит. С. 11. Прил. 5, рис. 8.

Интересно, что отверстия мезолитических грузов выполнены в технике долбления, а у грузов неолита отверстия часто сверленные. Как правило, отверстие проделывалось в центре камня, только один предмет (кат. № 88; рис. 12: 4) имеет отверстие на периферии. Грузила с выемками часто внешне выглядят достаточно примитивно – выемки оформлены грубыми сколами, могла использоваться естественная форма камня.

В коллекции также имеется заготовка якоря для лодки (в виде трех подбирающихся между собой фрагментов). Происходит из мезолитического поселения Вожмариха 23. Представляет собой небольшой валун, в котором с двух противоположных сторон в технике долбления начали проделывать сквозное отверстие. Изделие не было завершено, видимо, в процессе изготовления камень раскололся (кат. № 70).

Таковы предметы охоты и рыболовства первобытной эпохи в археологических коллекциях музея-заповедника «Кижы». Перейдем теперь к рассмотрению аналогичных предметов **эпохи Средневековья и Нового времени.**

Наконечников стрел из черного металла (железа) четыре экземпляра, два из них в обломках. Все они происходят из раскопок селища Васильево 2 (содержит комплексы X–XI, а также XIII–XV вв.), опубликованы в монографии «Южное Заонежье в X–XVI вв.»³¹. Целые экземпляры поддаются атрибуции. Один из них (кат. № 95, рис. 13: 1) относится к широко распространенному на севере типу 46 (по А. Ф. Медведеву) – плоские черешковые ромбовидные наконечники «новгородского типа». Для них характерно отсутствие упора для древка. Они бытовали на землях Великого Новгорода и в Прикамье, принадлежавшем Волжской Булгарии. По наблюдению А. Ф. Медведева, плоский черешок без упора – характерный признак стрел северной половины Европейской России с 1 тыс. до н. э. до Средневековья³². В Новгороде они встречаются в слоях XI–XIII вв.³³. Другой целый наконечник (кат. № 94; рис. 13: 2) близок к типу 66 (по А. Ф. Медведеву) – «весообразные» плоские черешковые наконечники с упором. Подобные наконечники были занесены на территорию Восточной Европы монголами и, в основном, бытовали на юге России³⁴. В слоях Новгорода они датируются концом XIII –

³¹ Спиридов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. С. 60, рис. 17.

³² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966. С. 61, 67–68.

³³ Спиридов А. М. и др. Южное Заонежье... С. 60.

³⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... С. 75.

первой половиной XIV в. Отметим, что кижский экземпляр отличается несколько более удлиненным пером и укороченным черешком. Два обломка не поддаются точной атрибуции. По мнению А. М. Спиридонова, обломок наконечника (кат. № 96; рис. 13: 3) так же, как и рассмотренный выше, относится к типу 46 (по А. Ф. Медведеву)³⁵. Четвертый экземпляр (кат. № 97; рис. 13: 4) представлен обломком округлого в сечении черешка с квадратным упором, перо утрачено.

В коллекции поселения Васильево 2 представлены два железных втока (один в обломке) – втульчатых наконечников, которые насаживались на древко копья или рогатины (кат. № 98, 99; рис. 13: 5, 6)³⁶. Использовались они для втыкания в землю с целью лучшего упора рогатины во время охоты, а также чтобы оружие не загрязнялось и не отсыревало во время привалов (если бы его клали на землю). Подобные втоки найдены в культурных слоях Новгорода, где они датируются XI–XV вв.³⁷

Среди орудий рыбной ловли представлены четыре рыболовных крючка из железа (кат. № 101–104; рис. 12: 5, 8), происходящие из упомянутого поселения Васильево 2, а также поселений Наволок и Толвуйская Губа 1, содержащих комплексы Средневековья и Нового времени. Они очень схожи между собой по размерам и форме, имеют удлиненное цевье. Более архаичным выглядит крючок из поселения Васильево, он изготовлен из проволоки четырехугольного сечения, жало без бородки. Три остальных крючка имеют округлое сечение проволоки, расплюсченную или петлевидную головку. Подобные крючки бытовали в Заонежье вплоть до этнографической современности и представлены в коллекции металла музея-заповедника «Кижы» (КП-442).

Также к числу орудий рыбной ловли относится железная блесна из поселения Васильево 2 в виде удлиненно-подовальной пластины с округлым отверстием на конце (крючок отсутствует) (кат. № 100; рис. 12: 6).

Завершая обзор предметов, связанных с охотой и рыболовством, упомянем два ружейных кремня из поселения Толвуйская Губа 1 (кат. № 107, 108). Они схожи между собой – из небольших плоских отщепов, имеющих следы сбитости от использования. Интересно, что для одного из них (кат. № 107) был использован скребок, о чем свидетельствуют следы ретуши по кромкам.

³⁵ Спиридонов А. М. и др. Южное Заонежье... С. 60.

³⁶ Там же. С. 60.

³⁷ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. С. 130.

Энеолит (9 ед.)	1		4	1		3													
Вожжариха 19			4	1		3													
Керкостров 3	1																		
Смешанные комплексы эпохи камня – раннего металла (35 ед.)	15	1	1	1	4	2	9	2											2
Вонцкое 1	1				1	1													
Вонцкое 2	5				2														
Вожжариха 1				1			1												
Грудно 3	2																		
Космозеро 1							2												
Леликово 1							2												
Пяляма 1	1				1														
Пяляма 8	1																		
Радколье 1	2					1													
Радколье 2		1					3												
Радколье 3	1																		2
Радколье 6			1	1															
Радколье 7	1																		
Салостров 1	1																		
Средневековые и Новое время (15 ед.)					4			2	2		2	1	4						
Васильево 2				4				2			2	1	1						
Наволоч																			1
Толвуйская Губа 1									2										2
Всего (108 ед.)	38	1	7	4	4	11	1	3	2	2	27	1	6	1	1	1	2	1	6

Таблица 2

Состав коллекций орудий охоты и рыболовства по материалу

Предметы	Кремень	Сланец	Кварц	Лидит	Прочие породы камня	Железо	Всего
Наконечники стрел	38	7	1	4	-	4	54
Наконечники копий и дротиков	11	3	-	-	1	-	15
Втоки	-	-	-	-	-	2	2
Ружейные кремни	2	-	-	-	-	-	2
Рыболовные грузы, заготовки рыболовных грузов	-	14	-	-	13	-	27
Рыболовные крючки	-	2	-	-	-	4	6
Блесна	-	-	-	-	-	1	1
Якорь	-	1	-	-	-	-	1

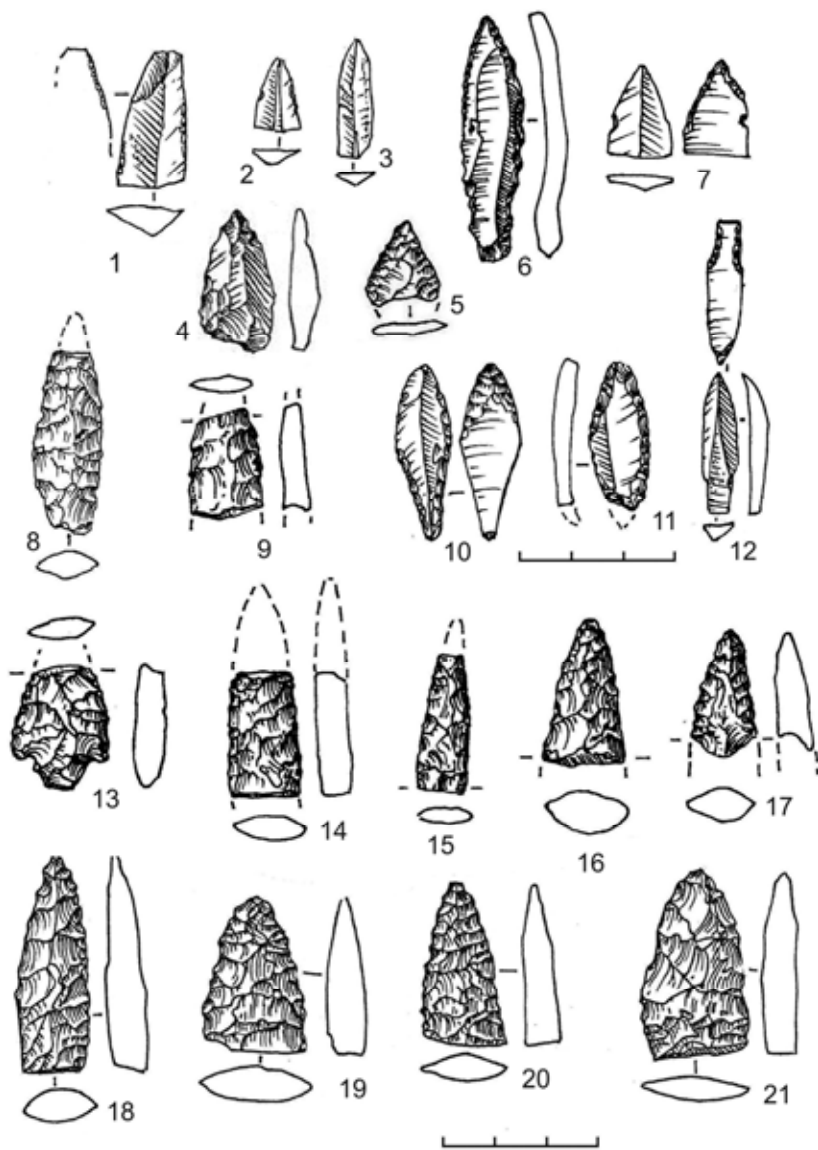

Рис. 1. Наконечники стрел из кремня (1, 4–21) и лидита (2, 3)

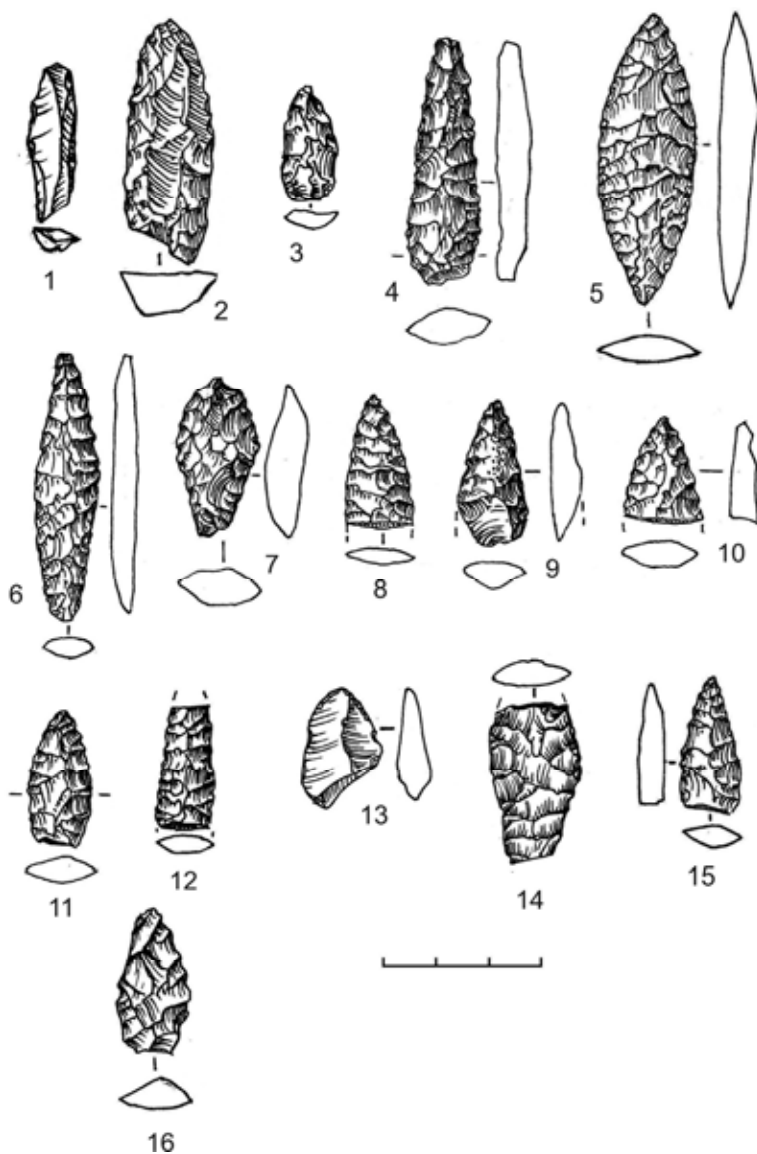

Рис. 2. Наконечники стрел из кремня (1, 3–16) и лидита (2)

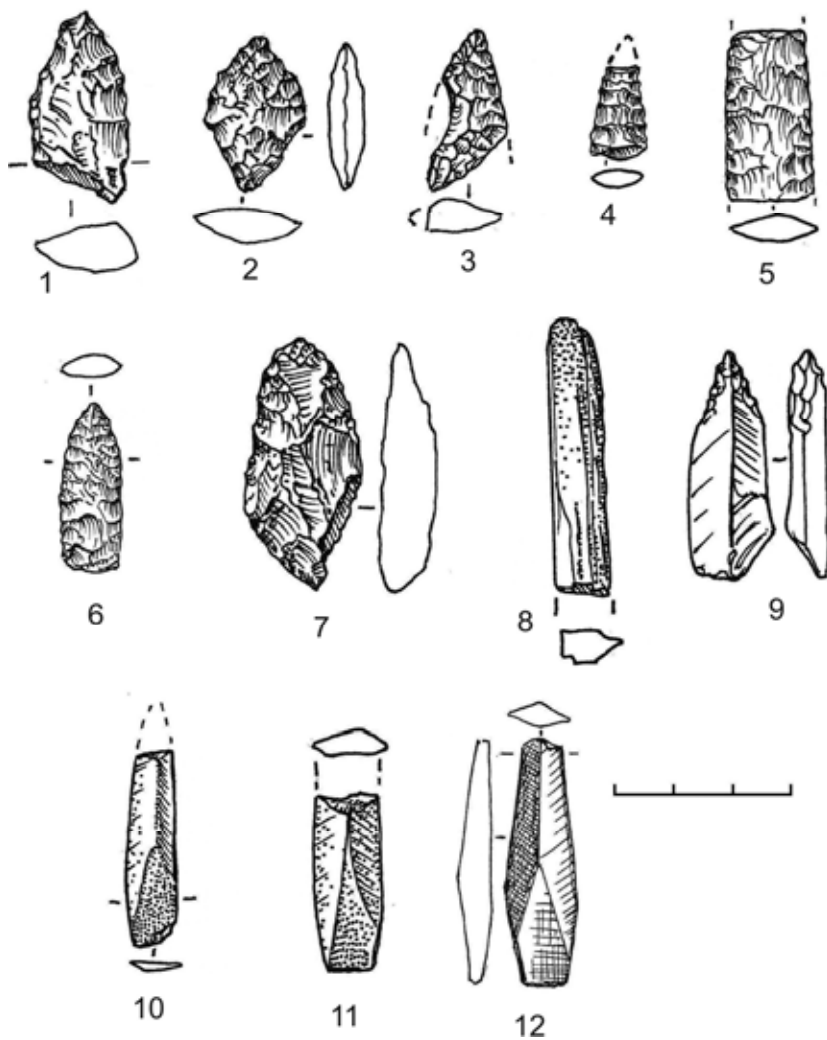

Рис. 3. Наконечники стрел из кремнистого сланца (1), лидита (2), кремня (3–6), кварца (7), сланца (8–12)

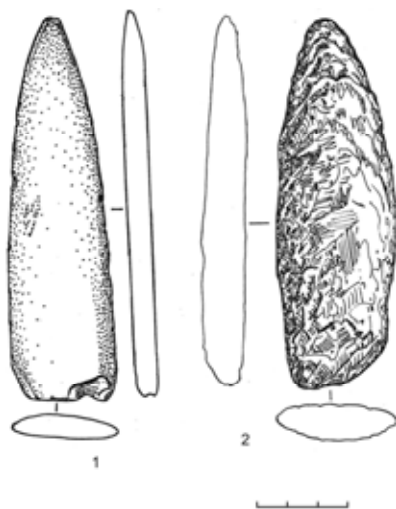

Рис. 4. Наконечники копий из сланца (1) и кварцита (2)

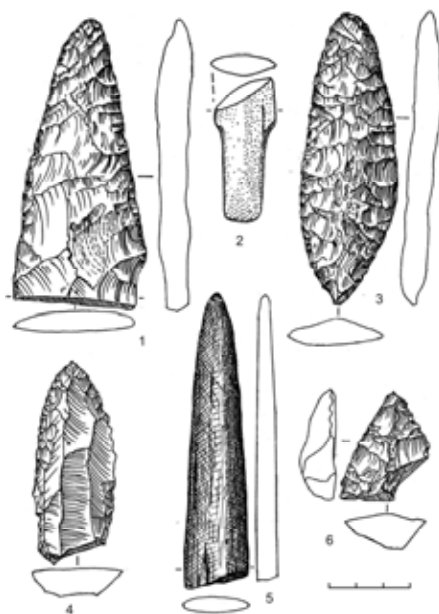

Рис. 5. Наконечники копий и дротиков из кремня (1, 3–6) и сланца (2)

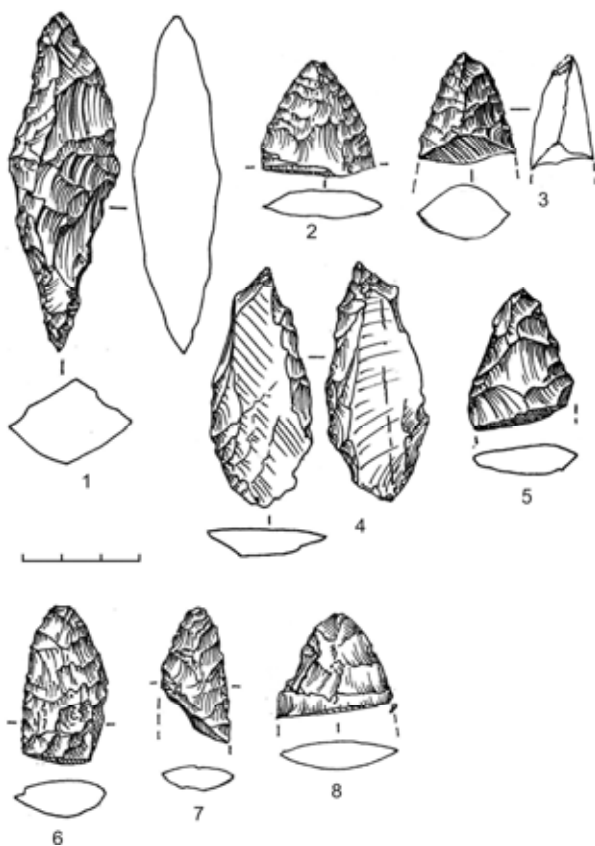
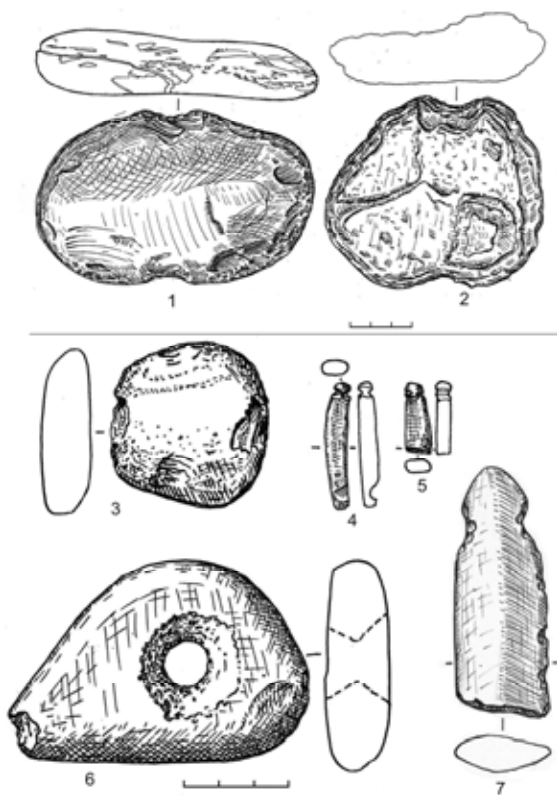

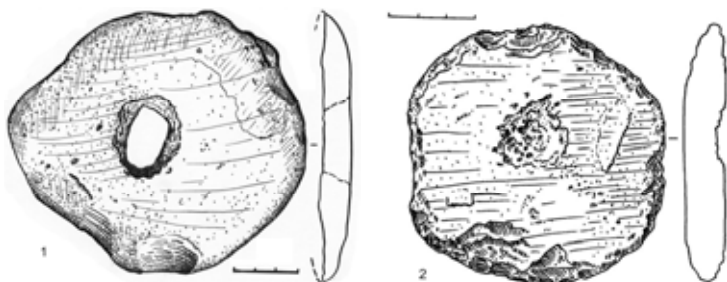
Рис. 6. Наконечники дротиков из кремня (1–3, 5–8) и лидита (4)

Рис. 7. Рыболовные грузила и их заготовки из камня

Рис. 8. Рыболовные грузила (1–3, 6, 7)
и фрагменты составных рыболовных крючков (4, 5) из камня

Рис. 9. Рыболовные грузила из камня

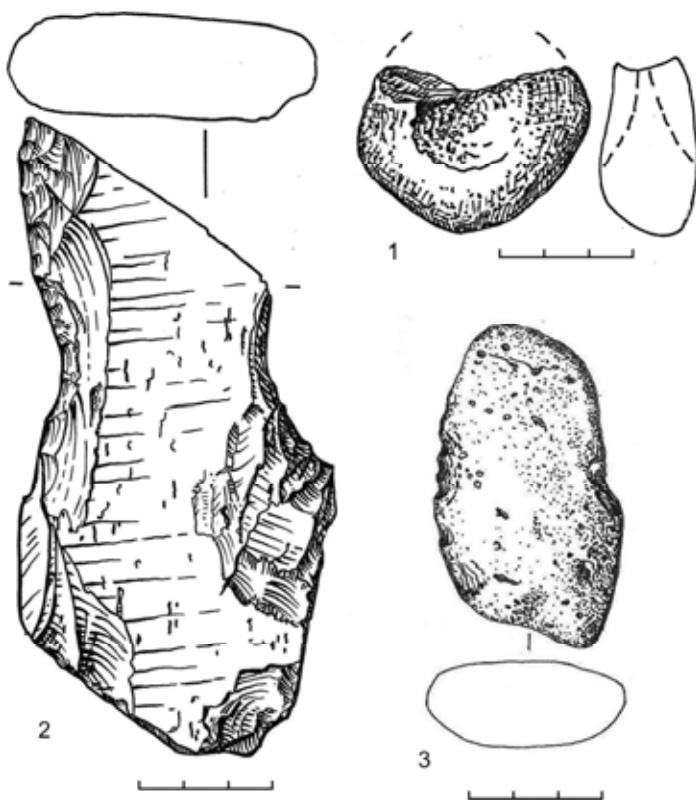

Рис. 10. Рыболовные грузила и их заготовки из камня

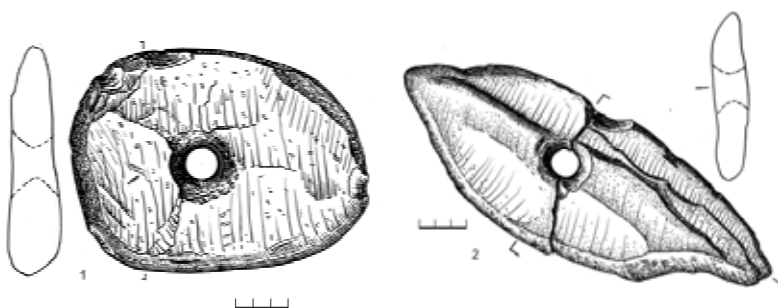
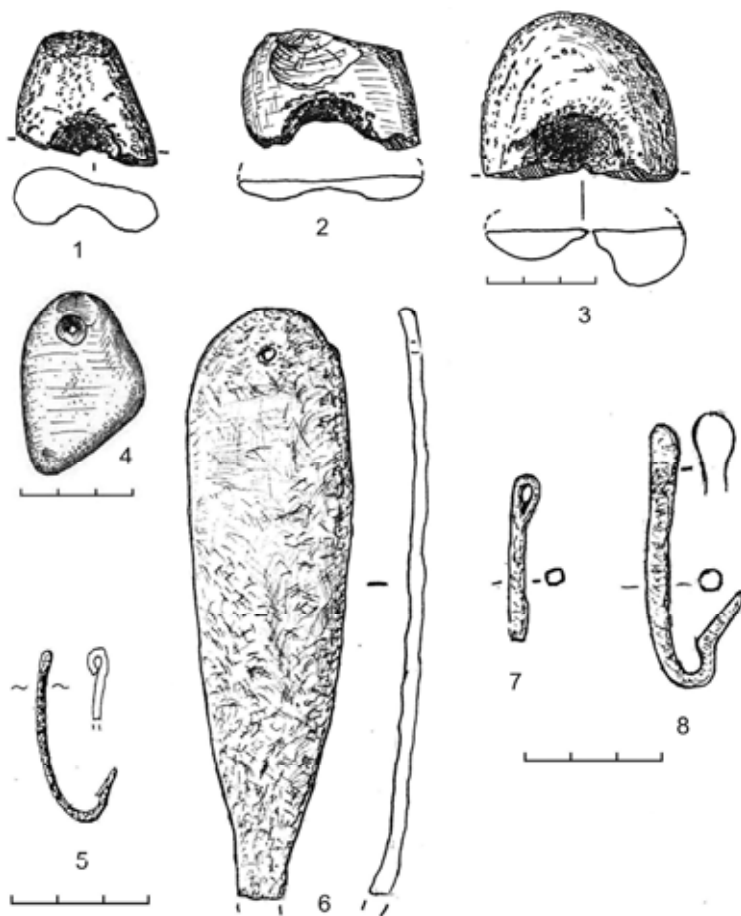

Рис. 11. Рыболовные грузила из камня

Рис. 12. Рыболовные грузила из камня (1–4), рыболовные крючки (5, 7, 8) и блесна (6) из железа

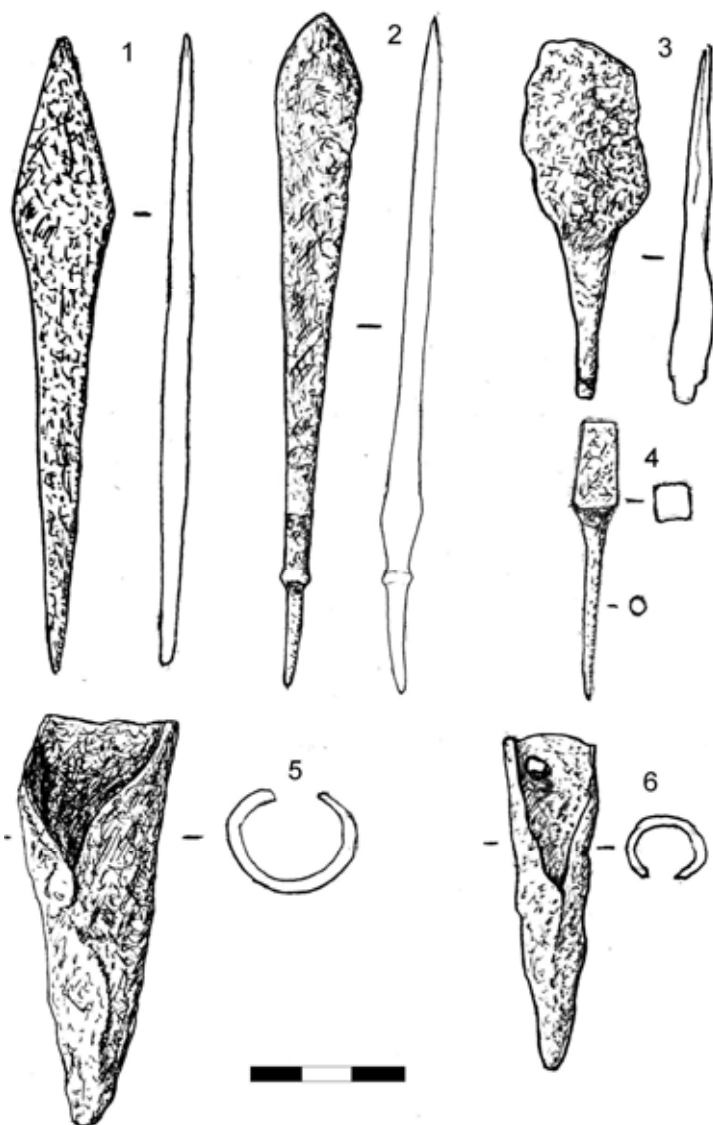

Рис. 13. Наконечники стрел (1–4) и втоки (5, 6) из железа

КАТАЛОГ

Структура каталога включает две части: 1. Предметы эпохи камня – раннего металла. 2. Предметы эпохи Средневековья и Нового времени.

Первая часть делится на три раздела: 1. Наконечники стрел, копий и дротиков. 2. Рыболовные грузила и их заготовки, якорь. 3. Рыболовные крючки. Внутри разделов выделены подразделы по хронологическому признаку: мезолит, неолит, энеолит, в четвертый подраздел включены предметы из смешанных комплексов. Внутри подразделов предметы сгруппированы в алфавите памятников, из которых они происходят. Если с одного памятника происходят несколько предметов, они приводятся в порядке возрастания номеров по книге поступлений.

Вторая часть делится на пять разделов: 1. Наконечники стрел. 2. Ветки. 3. Рыболовные крючки, блесна. 4. Рыболовные грузила. 5. Оружейные кремни. Внутри разделов предметы сгруппированы в алфавите памятников, из которых они происходят и в порядке возрастания номеров по книге поступлений.

Часть 1. Предметы эпохи камня – раннего металла

Наконечники стрел, копий и дротиков

Предметы мезолита

Поселение Вожмариха 2

1. Обломок наконечника стрелы (КП-5002/66). Кремень. $0,5 \times 1 \times 2$ см. Раскопки И. В. Мельникова (1999 г., полевой № 66). Изготовлен из пластины подтреугольной в поперечном сечении формы. Имеет удлиненно-подтреугольную в плане форму. Кончик острия, а также основание обломаны (утрачены). По боковым лезвийным краям – следы мелкой односторонней ретуши. Из кремня желтовато-коричневого цвета. Рис. 1: 1.

Поселение Вожмариха 24

2. Наконечник копья (КП-7026/22). Сланец. $0,3 \times 3 \times 12,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2008 г., полевой № 22). Удлиненно-подтреугольной («листовидной») формы, удлиненно-подовального поперечного сечения, со слегка уплощенным и зауженным насадом. Поверхность полностью шлифована, следы заточки в области острия. Рис. 4: 1.

Поселение Воицкое 6

3. Наконечник стрелы (КП-10231/18). Кремень. $2,3 \times 1,1 \times 0,5$ см. Сборы К. Э. Германа (2015, полевой № 18). Изготовлен из отщепы, имеет слегка изогнутую удлинненно-подтреугольную форму, линзовидное поперечное сечение. Асимметричный относительно продольной оси. С выраженной гранью на спинке. Отретуширован по всей поверхности. Черешковая часть слегка заужена. Из кремня красновато-коричневого цвета. Рис. 2: 3

Поселение Жарниково 3

4. Наконечник стрелы (КП-7867/11). Лидит. $2,2 \times 0,6 \times 0,2$ см. Раскопки К. Э. Германа (2010 г., полевой № 11). Из миниатюрной пластины подтреугольной в поперечном сечении формы, с ретушью в области острия. Насад не выражен. Рис. 1: 3.

5. Обломок наконечника стрелы (КП-7867/12). Лидит. $1,4 \times 0,7 \times 0,3$ см. Раскопки К. Э. Германа (2010 г., полевой № 12). Изготовлен из пластины, имеет подтреугольную в плане и подтрапециевидную в поперечном сечении форму. Представлено острие, обработанное односторонней ретушью. Рис. 1: 2.

Поселение Пяльма 3

6. Наконечник стрелы (КП-6193/1). Кремень. $4,5 \times 1 \times 0,3$ см. Раскопки К. Э. Германа (2005 г., полевой № 1). Из пластинчатого отщепы удлинненно-линовидной формы, линзовидного поперечного сечения. Обработан односторонней ретушью в области острия и по боковым кромкам. Насад прямой, слегка заужен, со слабо выраженными боковыми выемками. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 1: 6.

7. Обломок наконечника стрелы (КП-6193/2). Кремень. $1,7 \times 1,2 \times 0,3$ см. Раскопки К. Э. Германа (2005 г., полевой № 2). Изготовлен из пластины, имеет подтреугольную в плане и в поперечном сечении форму. Представлено острие, обработанное односторонней ретушью. Из кремня красновато-коричневого цвета. Рис. 1: 7.

Поселение Южный Олений остров 2

8. Обломок наконечника стрелы (КП-8413/44). Кремень. $2,3 \times 1,1 \times 0,4$ см. Раскопки К. Э. Германа (2006 г., полевой № 333). Изготовлен из пластины усеченно-подтреугольной в поперечном сечении формы. Имеет удлинненно-подтреугольную в плане форму. Кончик острия, а также основание обломаны (утрачены). По боковым лезвийным краям – следы мелкой односторонней ретуши. Из кремня светло-коричневого цвета.

9. Наконечник стрелы (КП-8413/92). Кремень. $3,3 \times 1,1 \times 0,4$ см. Раскопки К. Э. Германа (2006 г., полевой № 805). Изготовлен из пластинчатого отщепа удлинненно-ромбовидной в плане формы, подтреугольного поперечного сечения. Насад прямой, симметричный, плавно сужающийся. Обработан по кромкам мелкой односторонней, в одном месте – двусторонней ретушью. Из кремня светло-серого цвета. Рис. 1: 10.

10. Наконечник стрелы (КП-8413/123). Кремень. $2,8 \times 1,2 \times 0,3$ см. Раскопки К. Э. Германа (2006 г., полевой № 1042). Изготовлен из пластинчатого отщепа удлинненно-линовидной в плане формы, линзовидного поперечного сечения. Насад и кончик острия обломаны. Обработан по кромкам мелкой односторонней ретушью. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 1: 11.

11. Наконечник стрелы (КП-8413/279). Кремнистый сланец. $2,7 \times 0,6 \times 0,3$ см. Раскопки К. Э. Германа (2006 г., полевой № 2214). Изготовлен из маленького пластинчатого отщепа удлинненно-линовидной в плане формы, подтреугольного поперечного сечения. Насад прямой зауженный. Острие и насад оформлены односторонней ретушью. Рис. 1: 12.

Предметы неолита

Поселение Букольников 1

12. Наконечник стрелы (КП-7085/32). Кремень. $0,3 \times 1,7 \times 5,3$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2009 г., полевой № 32). Изготовлен из отщепа. Имеет правильную линзовидную в плане и поперечном сечении форму, симметричен относительно продольной и поперечной оси. Тщательно отретуширован по всей поверхности. Из кремня светло-серого цвета. Насад не выражен. Рис. 2: 5.

13. Обломок наконечника дротика (КП-7085/33). Кремень. $0,5 \times 2,5 \times 2,7$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2009 г., полевой № 33). Изготовлен из отщепа. Подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Представлено симметричное относительно продольной оси острие, отретушированное по всей поверхности. Из кремня красновато-коричневого цвета. Рис. 6: 2.

Поселение Вожмариха 4

14. Обломок наконечника стрелы (КП-5383/6). Кремень. $0,4 \times 1 \times 3$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2002 г., полевой № 6). Изготовлен из отщепа. Удлинненно-подтреугольной в плане и линзовидной в попереч-

ном сечении формы. Симметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня коричневого цвета. Рис. 1: 20.

15. Наконечник дротика (КП-5383/8). Кремень. $1,5 \times 2,5 \times 8,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2002 г., полевой № 8). Изготовлен из относительно крупного осколка. Имеет удлинненно-подромбическую в плане и подромбическую в поперечном сечении форму. По всей поверхности обработан сколами и ретушью. Острые несколько изогнуто. Насад плавно заужен и удлиннен. Из кремня коричневого цвета. Вероятно, представляет собой изделие, изготовление которого не было до конца завершено. Рис. 6: 1.

16. Обломок наконечника стрелы (КП-5383/24). Кремень. $0,4 \times 1,5 \times 3$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2002 г., полевой № 24). Изготовлен из отщепа. Слегка изогнутой удлинненно-подовальной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня коричневого цвета. Рис. 1: 21.

17. Обломок наконечника [копья или дротика] (КП-5383/28). Кремень. $1 \times 2 \times 3,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2002 г., полевой № 28). Изготовлен из отщепа. Усеченно-подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. С выраженной гранью по спинке. Отретуширован крупной ретушью по всей поверхности. Лезвийная часть и острие оформлены мелкой ретушью. Насад утрачен. Из кремня светлого-серого цвета. Рис. 5: 6.

18. Обломок наконечника стрелы (КП-5383/153). Кремень. $0,5 \times 1,5 \times 3,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2002 г., полевой № 153). Изготовлен из отщепа. Удлинненно-подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня серого цвета. Рис. 1: 19.

19. Обломок наконечника стрелы (КП-5383/154). Кремень. $0,5 \times 1 \times 4$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2002 г., полевой № 154). Изготовлен из отщепа. Удлинненно-подтреугольной («листовидной») в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад заужен, его большая часть утрачена. Из кремня серого цвета. Рис. 1: 18.

Поселение Вожмариха 26

20. Наконечник стрелы (КП-5379/1). Кремень. $3 \times 1,5 \times 0,5$ см. Раскопки К. Э. Германа (2002 г., полевой № 1). Из отщепа подтреугольной в плане формы, линзовидного поперечного сечения. С косым насадом.

Следы мелкой односторонней ретуши в области острия и по одной из боковых кромок. Из кремня коричневого цвета. Рис. 1: 4.

Поселение Вертилово 7

21. Наконечник копья (КП-5534/62). Кварцит. $0,3 \times 11,5 \times 4$ см. Раскопки К. Э. Германа (2003 г., полевой № 62). Из кварцитовой плитки, имеет неправильную подовальную («удлиненно-листовидную») в плане форму и удлиненно-подовальное поперечное сечение. Обработан по все поверхности шлифовкой. Насад косой асимметричный, слегка заужен. Рис. 4: 2.

Поселение Воробьи 4

22. Обломок наконечника стрелы (КП-7874/28). Кремень. $0,5 \times 1,2 \times 3,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2010, полевой № 28). Изготовлен из отщепка. Линзовидной в плане и поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Из кремня светло-серого цвета. Насад и кончик острия утрачены. Рис. 1: 8.

23. Обломок наконечника стрелы (КП-10901/8). Кремень. $0,6 \times 1,5 \times 2,7$ см. Сборы И. В. Мельникова (2017, полевой № 8). Изготовлен из отщепка. Удлиненно-подтреугольной в плане и подромбической в поперечном сечении формы. Симметричный относительно продольной оси. По спинке и брюшку оформлены грани. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 1: 16.

24. Обломок наконечника стрелы (КП-10901/9). Кремень. $0,4 \times 0,9 \times 2,6$ см. Сборы И. В. Мельникова (2017, полевой № 9). Изготовлен из отщепка. Удлиненно-подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Симметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Насад заужен. Большая часть насада и кончик острия утрачены. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 1: 15.

25. Обломок наконечника стрелы (КП-10901/10). Кремень. $0,5 \times 1,7 \times 2,4$ см. Сборы И. В. Мельникова (2017, полевой № 10). Изготовлен из отщепка. Подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Острие утрачено. Основание оформлено двумя зубцами, двумя выемками и плавно сужающимся прямым черешком. Из кремня светло-серого цвета. Рис. 1: 13.

26. Обломок наконечника стрелы (КП-10901/11). Кремень. $0,4 \times 1,2 \times 2,3$ см. Сборы И. В. Мельникова (2017, полевой № 11). Изготовлен из отщепка. Удлиненно-подчетыреугольной формы, линзовидного попе-

речного сечения. Симметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Насад и острие утрачены. Из кремня серо-розового цвета. Рис. 1: 14.

27. Обломок наконечника стрелы (КП-10901/12). Кремень. $0,4 \times 1,4 \times 1,8$ см. Сборы И. В. Мельникова (2017, полевой № 12). Изготовлен из отщепа. Удлиненно-подчетыреугольной формы, линзовидного поперечного сечения. Отретуширован по лезвийной части. Насад и острие утрачены. Из кремня светло-серого цвета. Рис. 1: 9.

28. Обломок наконечника стрелы (КП-10901/13). Кремень. $0,5 \times 1 \times 2,2$ см. Сборы И. В. Мельникова (2017, полевой № 13). Изготовлен из отщепа. Удлиненно-подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Симметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня светло-серого цвета. Рис. 1: 17.

Поселение Калгов 1

29. Наконечник дротика (КП-7028/6). Кремень. $0,9 \times 2,8 \times 6,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2008 г., полевой № 6). Изготовлен из отщепа. Удлиненно-подовальной («листовидной») в плане и подтрапециевидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по кромке, спинка и брюшко обработаны сколами. Насад заужен, частично утрачен. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 5: 4.

Поселение Леликово 2

30. Обломок наконечника стрелы (КП-6198/21). Сланец. $1 \times 0,3 \times 4$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2005, полевой № 21). Изготовлен из отщепа. Усеченно-подромбической в плане формы, подромбического поперечного сечения. Насад заужен и уплошен. Полностью шлифован. Кончик острия утрачен. Рис. 3: 12.

Поселение Пегрема 33

31. Обломок наконечника стрелы (КП-4712/65). Кремень. $0,2 \times 1,5 \times 1,5$ см. Раскопки А. П. Журавлева (1990, полевой № 65). Изготовлен из миниатюрного плоского отщепа. Подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Насад заужен, большая его часть утрачена. Обработан мелкой ретушью по кромке. Рис. 1: 5.

Поселение Пяльма 9

32. Наконечник стрелы (КП-10229/1). Кремень. $2,9 \times 0,9 \times 0,5$ см. Раскопки К. Э. Германа (2015 г., полевой № 1), Изготовлен из пластинчатого миниатюрного отщепа. Удлиненно-подчетыреугольной в плане

и подтреугольной в поперечном сечении формы. Отретуширован мелкой ретушью по кромке. Кончик острия утрачен. Насад заужен. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 2: 1.

Предметы энеолита

Поселение Вожмариха 19

33. Наконечник стрелы (КП-7024/5). Сланец. $0,5 \times 1 \times 3,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007, полевой № 5).

Из отщепа удлинненно-подтреугольной в плане и ромбовидной в поперечном сечении формы. Острие оформлено мелкой двусторонней ретушью, насад заужен. Спинка и брюшко без обработки. Рис. 3: 9.

34. Обломок наконечника дротика (КП-7024/63). Кремьень. $0,4 \times 1,5 \times 3$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007, полевой № 63). Изготовлен из отщепа. Подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Представлен фрагмент острия, насад утрачен. Из кремня коричневого цвета. Рис. 6: 7.

35. Обломок наконечника стрелы (КП-7024/90). Сланец. $0,4 \times 0,8 \times 4,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007, полевой № 90). Из сланцевой пластинки, удлинненно-подчетырёхугольной в плане и подовальной в поперечном сечении формы. Острие полуовальной формы, насад утрачен. Поверхность обработана шлифовкой. Рис. 3: 8.

36. Обломок наконечника стрелы (КП-7024/91). Сланец. $0,2 \times 0,7 \times 3$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007, полевой № 91). Изготовлен из отщепа. Удлинненно-подчетырёхугольной в плане формы, подтреугольного поперечного сечения. Насад заужен и уплощен. Полностью шлифован. Кончик острия утрачен. Рис. 3: 10

37. Наконечник стрелы (КП-7024/127). Лидит. $0,7 \times 1,5 \times 4$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007, полевой № 127). Изготовлен из отщепа. Удлинненно-подовальной в плане формы, подтрапециевидного поперечного сечения. Поверхность со стороны спинки обработана ретушью. Насад заужен, частично утрачен. Рис. 2: 2.

38. Обломок наконечника дротика (КП-7024/292). Кремьень. $0,5 \times 2,2 \times 3$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007, полевой № 292). Изготовлен из отщепа. Подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня желто-коричневого цвета. Рис. 6: 8.

39. Обломок наконечника дротика (КП-7024/307). Кремень. $0,7 \times 2 \times 4$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007 г., полевой № 307). Изготовлен из отщепы. Усеченно-подовальной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня светло-серого цвета. Рис. 6: 6.

40. Обломок наконечника стрелы (КП-7024/380). Сланец. $0,2 \times 1 \times 2,9$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007 г., полевой № 380). Изготовлен из отщепы. Удлиненно-подтреугольной в плане формы, подтреугольного поперечного сечения. Насад заужен и уплощен. Полностью шлифован. Острие утрачено. Рис. 3: 11.

Поселение Керкостров 3

41. Обломок наконечника стрелы (КП-6858/6). Кремень. $0,4 \times 1 \times 2,5$. Раскопки И. В. Мельникова (2007 г., полевой № 6). Изготовлен из отщепы. Удлиненно-подтреугольной («листовидной») в плане и подромбической в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад заужен, его большая часть утрачена. Из кремня красноватого цвета. Рис. 2: 15.

Предметы из смешанных комплексов

Поселение Воицкое 1

42. Наконечник дротика (КП-10743/1). Сланец. $10,5 \times 2,5 \times 0,6$. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 1). Из сланцевой плитки, правильной удлиненно-подтреугольной в плане формы, симметричный относительно продольной оси, подовального поперечного сечения. Поверхность обработана шлифовкой. Насад утрачен. Рис. 5: 5.

43. Наконечник стрелы (КП-10743/17). Кремень. $5,1 \times 1,4 \times 0,6$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 17). Изготовлен из отщепы. Удлиненно-листовидной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы, отретуширован по всей поверхности. Насад уширен. Рис. 2: 4.

44. Обломок дротика (КП-10743/20). Кремень. $2,7 \times 1,3 \times 1,2$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 20). Изготовлен из отщепы. Подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. С выраженной гранью на спинке. Представлено симметричное относительно продольной оси острие, отретушировано крупнофасеточной ретушью по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 6: 3.

Поселение Воицкое 2

45. Обломок наконечника копья (КП-10744/1). Кремьень. $10,3 \times 4,7 \times 1$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 1). Изготовлен из крупного отщепы. Удлиненно-подтреугольной в плане и удлиненно-попечерной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Острые и лезвийные части оформлены ретушью. Насад утрачен. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 5: 1.

46. Наконечник копья (КП-10744/2). Кремьень. $10,9 \times 3,5 \times 0,7$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 2). Изготовлен из крупного отщепы. Линзовидной в плане формы, неправильно-линзовидного поперечного сечения. Асимметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Из кремня серого цвета. Насад не выражен. Рис. 5: 3.

47. Наконечник стрелы (КП-10744/11). Кремьень. $5,7 \times 1,3 \times 0,4$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 11). Изготовлен из отщепы. Линзовидной в плане и поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Из кремня светло-коричневого цвета. Насад не выражен. Рис. 2: 6.

48. Наконечник стрелы (КП-10744/16). Кремьень. $3,2 \times 1,6 \times 0,6$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 16). Изготовлен из отщепы. Подромбической в плане формы, линзовидного поперечного сечения. Отретуширован по всей поверхности. Острые оформлены мелкой ретушью. Насад косой, асимметричный, зауженный. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 2: 7.

49. Обломок наконечника стрелы (КП-10744/17). Кремьень. $3 \times 1,5 \times 0,6$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 17). Изготовлен из отщепы. Неправильной подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. С выраженной гранью по спинке. Насад заужен, частично утрачен. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 2: 9.

50. Обломок наконечника стрелы (КП-10744/21). Кремьень. $2 \times 1,6 \times 0,5$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 21). Изготовлен из отщепы. Подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 2: 10

51. Обломок наконечника стрелы (КП-10744/26). Кремьень. $2,8 \times 1,4 \times 0,4$ см. Сборы К. Э. Германа (2016 г., полевой № 26). Изготовлен из отщепы. Удлиненно-подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном

сечении формы. Симметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Насад утрачен. Из кремня светло-коричневого цвета. Рис. 2: 8.

Поселение Грудино 3 (неолит–энеолит)

52. Обломок наконечника стрелы (КП-6195/6). Кремень. $2,8 \times 1,7 \times 0,3$ см. Сборы К. Э. Германа (2005 г., полевой № 6). Изготовлен из отщепы. Неправильной усеченно-подовальной в плане формы, линзовидного поперечного сечения. Отретуширован по всей поверхности. Острие утрачено. Имеет выраженный, слегка зауженный черешок. Из кремня розоватого цвета. Рис. 2: 14.

53. Обломок наконечника стрелы (КП-6195/7). Кремень. $2 \times 1,5 \times 0,3$ см. Сборы К. Э. Германа (2005 г., полевой № 7). Изготовлен из миниатюрного пластинчатого отщепы. Неправильной подтреугольной в плане формы, линзовидного поперечного сечения. Отретуширован мелкой ретушью по кромке. Насад утрачен. Из кремня светло-серого цвета. Рис. 2: 13.

Поселение Пяльма 1 (неолит–энеолит)

54. Обломок наконечника стрелы (КП-6191/18). Кремень. $2,2 \times 1 \times 0,3$ см. Раскопки К. Э. Германа (2005 г., полевой № 18). Изготовлен из отщепы. Удлиненно-подчетыреугольной формы, линзовидного поперечного сечения. Симметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Насад и острие утрачены. Из кремня темно-серого цвета. Рис. 2: 12.

55. Обломок наконечника дротика (КП-6191/19). Кремень. $3,5 \times 2,7 \times 0,6$ см. Раскопки К. Э. Германа (2005 г., полевой № 19). Изготовлен из отщепы. Подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован крупной ретушью по всей поверхности. Острие и кромка обработаны мелкой ретушью. Насад утрачен. Из кремня темно-серого цвета. Рис. 6: 5.

Поселение Пяльма 8 (энеолит–бронза)

56. Наконечник стрелы (КП-10228/15). Кремень. $2,8 \times 1,4 \times 0,5$ см. Раскопки К. Э. Германа (2015 г., полевой № 15). Изготовлен из отщепы. Удлиненно-подтреугольной в плане и поперечной в сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад заужен. Из кремня желтоватого цвета. Рис. 2: 16.

Поселение Радколье 1 (неолит–энеолит)

57. Обломок наконечника стрелы (КП-6859/31). Кремень. $0,2 \times 0,7 \times 1,3$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007 г., полевой № 31). Изго-

товлен из отщепа. Удлиненно-подтреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Симметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Насад и кончик острия утрачены. Из кремня темно-коричневого цвета. Рис. 3: 4.

58. Обломок наконечника дротика (КП-6859/117). Сланец. $0,6 \times 2 \times 5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007 г., полевой № 117). Изготовлен из отщепа. Удлиненно-подчетыреугольной в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Полностью шлифованный. С двумя выделенными плечиками. Представлен прямой черешок со слегка зауженным основанием. Рис. 5: 2.

59. Обломок наконечника стрелы (КП-6859/118). Кремьень. $0,4 \times 1,5 \times 2,8$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007 г., полевой № 118). Изготовлен из отщепа. Удлиненно-подчетыреугольной формы, линзовидного поперечного сечения. Симметричный относительно продольной оси. Отретуширован по всей поверхности. Насад и острие утрачены. Из кремня светло-серого цвета. Рис. 3: 5.

Поселение Радколье 2 (неолит–энеолит)

60. Наконечник стрелы (КП-7029/80). Кварц. $1 \times 1,7 \times 4$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2008 г., полевой № 80). Изготовлен из отщепа. Удлиненно-подромбической в плане и подтреугольной в поперечном сечении формы. С выраженной гранью по спинке. Поверхность со стороны спинки и по кромке обработана мелкими сколами. Насад заужен к основанию, частично утрачен. Рис. 3: 7.

Поселение Радколье 3 (неолит–энеолит)

61. Обломок наконечника стрелы (КП-7083/40). Кремьень. $0,5 \times 0,8 \times 2,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2009 г., полевой № 40). Изготовлен из отщепа. Отретуширован по всей поверхности. Представлен мелкий обломок острия линзовидного поперечного сечения. Из кремня коричневого цвета. Рис. 3: 3.

Поселение Радколье 6 (неолит–энеолит)

62. Наконечник стрелы (КП-7870/31). Лидит. $2,5 \times 1,6 \times 0,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2010 г., полевой № 31). Изготовлен из отщепа. Подромбической в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. С двумя слабо выраженными плечиками. Насад подтреугольный, сужающийся к основанию. Рис. 3: 2.

63. Обломок наконечника стрелы (КП-7870/33). Сланец кремнистый. $3,2 \times 1,5 \times 0,7$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2010 г., полевой

№ 33). Изготовлен из отщепы. Удлиненно-подтреугольной в плане и неправильной подовальной в поперечном сечении формы. С выраженными асимметрично расположенными гранями по спинке и брюшку. Обработан мелкими сколами по кромке. Насад утрачен. Рис. 3: 1.

Поселение Радколье 7 (неолит–энеолит)

64. Наконечник стрелы (КП-7871/32). Кремень. $2,8 \times 1 \times 0,4$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2011 г., полевой № 32). Изготовлен из отщепы. Удлиненно-подтреугольной («листовидной») в плане и линзовидной в поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад слегка заужен, частично утрачен. Из кремня темно-коричневого цвета. Рис. 3: 6.

Поселение Салостров 1 (неолит–энеолит)

65. Наконечник стрелы (КП-5541/1). Кремень. $2,5 \times 1,1 \times 0,2$ см. Сборы К. Э. Германа (2003 г., полевой № 1). Изготовлен из отщепы. Усеченно-линзовидной в плане и поперечном сечении формы. Отретуширован по всей поверхности. Насад заужен, его основание утрачено. Из кремня светло-серого цвета. Рис. 2: 11.

Рыболовные грузила и их заготовки, якорь

Предметы мезолита

Поселение Вожмариха 2

66. Заготовка грузила рыболовного (КП-5002/39). Кварцит. $1 \times 4 \times 4$ см. Раскопки И. В. Мельникова (1999 г., полевой № 39). В виде плоской гальки неправильной подокруглой в плане формы, с двумя боковыми сколами-выемками на противоположащих краях. Рис. 8: 3.

67. Заготовка грузила рыболовного (КП-5002/41). Кварцит. $5 \times 9 \times 12$ см. Раскопки И. В. Мельникова (1999 г., полевой № 41). В виде гальки неправильной скругленно-подтреугольной в плане и поперечном сечении формы, с округлым коническим углублением в центральной части, выполненной в технике долбления (диаметр 3,3 см). Рис. 7: 1.

Поселение Вожмариха 5

68. Обломок заготовки грузила рыболовного (КП-4790/4). Сланец. $2 \times 3,5 \times 6$ см. Раскопки И. В. Мельникова (1996 г., полевой № 4). В виде гальки неправильной подовальной в плане и поперечном сечении формы, с намеченным биконическим отверстием в виде двух углублений на противоположных сторонах, выполненных в технике долбления. Рис. 7: 2.

69. Обломок грузила рыболовного (КП-5377/13). Сланец. $8 \times 5,5 \times 2$ см. Раскопки К. Э. Германа (2002 г., полевой № 13). В виде гальки неправильной подовальной в плане и удлинненно-подовальной в поперечном сечении формы, со сквозным биконическим отверстием в центральной части (диаметром 2,5–2 см снаружи и 0,2 см внутри), выполненным в технике долбления. Рис. 7: 3.

Поселение Вожмариха 23

70. Обломок заготовки якоря (КП-5133/2,3,4). Сланец. $14,3 \times 12,2 \times 7,8$ см. Раскопки К. Э. Германа (2000, полевой № 2). Представляет собой валун неправильной подовальной в плане и поперечном сечении формы, с намеченным, но незавершенным отверстием в центральной части, в виде двух округлых углублений на противоположных сторонах, выполненных в технике долбления.

Поселение Вожмариха 24

71. Грузило рыболовное (КП-7026/24). Сланец. $8 \times 7 \times 2,6$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2008 г., полевой № 24 а,б). В виде плоской гальки неправильной подовальной в плане и удлинненно подовальной в поперечном сечении формы, с двумя боковыми выемками на противолежащих краях. Рис. 8: 1.

72. Грузило рыболовное (КП-7026/100). Песчаник. $2 \times 8 \times 10$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2008 г., полевой № 100). В виде плоской гальки неправильной подовальной в плане и удлинненно подовальной в поперечном сечении формы, с двумя боковыми выемками на противолежащих краях. Рис. 8: 2.

Поселение Воицкое 6

73. Грузило рыболовное (КП-10231/1). Кварцит. $17,4 \times 12,8 \times 2,5$ см. Сборы К. Э. Германа (2015 г., полевой № 1). Неправильной подовальной в плане формы, удлинненно-подовального поперечного сечения. В центральной части – округлое биконическое отверстие (внутренний диаметр около 1,8 см, внешний – около 3 см), выполненное в технике сверления и пикетажа. Рис. 11: 1.

74. Грузило рыболовное (КП-10231/2). Кварцит. $27 \times 10,8 \times 2$ см. Сборы К. Э. Германа (2015 г., полевой № 2). Неправильной скругленно-подромбической в плане формы, удлинненно-подовального поперечного сечения. В центральной части – округлое биконическое отверстие (внутренний диаметр около 1,6 см, внешний – около 3,4 см), выполненное в технике сверления и пикетажа. Рис. 11: 2.

Предметы неолита

Поселение Больничный 1

75. Грузило рыболовное (КП-11199/234). Кварцит. $5,2 \times 10,4 \times 13,9$ см. Раскопки А. М. Жульникова (2013 г., полевой № 234). В виде расколотой вдоль продольной оси гальки, неправильной подовальной в плане формы, с двумя боковыми сколами-выемками на противоположных краях.

76. Грузило рыболовное (КП-11199/241). Кварцит. $3,7 \times 10 \times 12,6$ см. Раскопки А. М. Жульникова (2013 г., полевой № 241). Из крупного плоского осколка неправильной подчетырёхугольной в плане формы, на трех сторонах методом скола выполнены три выемки.

77. Грузило рыболовное (КП-11199/242). Сланец. $2,6 \times 7,1 \times 9,8$ см. Раскопки А. М. Жульникова (2013 г., полевой № 242). Из плитки неправильной шестиугольной в плане формы, на боковых противоположных краях двусторонними сколами выполнены две выемки.

Поселение Вожмариха 4

78. Обломок грузила рыболовного (КП-5248/103). Сланец. $2 \times 6 \times 11$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2001 г., полевой № 102). Из плитки неправильной удлиненно-подвальной в плане формы, на боковых противоположных краях двусторонними сколами выполнены две выемки. Рис. 10: 2.

Поселение Вожмариха 15

79. Грузило рыболовное (КП-5237/33). Сланец. $8 \times 5,5 \times 0,7$ см. Раскопки К. Э. Германа (2001 г., полевой № 33). Из гальки неправильной скругленно-подтреугольной в плане формы, с намеченным пикетажем и оформленным сверлением биконическим отверстием (диаметр внешний 2,2, внутренний 1,2 см). Рис. 8: 6.

Поселение Гарнизон Бесовец 2

80. Заготовка грузила рыболовного (КП-5987/64). Сланец. $9 \times 9 \times 0,7$ см. Раскопки К. Э. Германа (2004 г., полевой № 63). Из подокруглой в плане плитки, с оформленными сколами двумя выемками на противоположных краях и намеченным в центральной части при помощи скола отверстием. Рис. 9: 2.

Поселение Пески 12

81. Обломок грузила рыболовного (КП-8411/18). Сланец. $14 \times 12,5 \times 1,3$ см. Раскопки К. Э. Германа (2012 г., полевой № 18). Неправильной подокруглой в плане формы, с овальной формы сквозным отверстием в центральной части, выполненным в технике долбления. Рис. 9: 1.

82. Грузило рыболовное (КП-8411/62). Сланец. $7,2 \times 2,6 \times 1$ см. Раскопки К. Э. Германа (2012 г., полевой № 62). В виде гальки удлинённых очертаний, один конец которой скруглен и оформлен при помощи сколов и шлифовки двумя противоположащими дугообразными выемками. Рис. 8: 7.

Предметы из смешанных комплексов

Поселение Вожмариха 1 (мезолит–неолит)

83. Заготовка грузила рыболовного (КП-5991/28). Сланец. $1,5 \times 6 \times 7$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2004 г., полевой № 28). В виде плитки неправильной подчетырёхугольной в плане формы, с двумя боковыми выемками на противоположащих краях, оформленных при помощи сколов.

Поселение Космозеро 1 (неолит–энеолит)

84. Грузило рыболовное (КП-9792/2). Песчаник. $7 \times 4 \times 1,3$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2013 г., полевой № 2). В виде плоской гальки неправильной подовальной в плане формы, с двумя боковыми сколами-выемками на противоположащих краях. Рис. 10: 3.

85. Грузило рыболовное (КП-9792/33). Песчаник. $14 \times 10 \times 6,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2013 г., полевой № 33). В виде небольшого валуна подовального поперечного сечения, с выбранным в центральной части по периметру углублением шириной около 2,5 см.

Поселение Леликово 1 (неолит–энеолит)

86. Заготовка грузила рыболовного (КП-6197/1). Кварцит. $4,5 \times 10 \times 14$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2005 г., полевой № 1). В виде гальки подовальной в плане и поперечном сечении формы, с округлым коническим углублением в центральной части, выполненным в технике сверления (диаметр около 2,5 см).

87. Обломок заготовки грузила рыболовного (КП-6197/59). Кварцит. $1 \times 3 \times 5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2005 г., полевой № 59). В виде гальки неправильной подокруглой в плане формы, с намеченным биконическим отверстием в виде двух углублений на противоположных сторонах, выполненных в технике сверления. Рис. 10: 1.

Поселение Радколье 1 (неолит–энеолит)

88. Грузило рыболовное (КП-6859/59). Сланец. $0,7 \times 3,1 \times 4,8$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2007 г., полевой № 31). В виде плоской гальки, неправильной скругленно-подтреугольной в плане формы, со сквозным биконическим сверленным отверстием на периферии. Рис. 12: 4.

Поселение Радколье 2 (неолит–энеолит)

89. Обломок грузила рыболовного (КП-7029/44). Сланец. $0,4 \times 2 \times 4,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2008 г., полевой № 44). В виде плитки неправильной формы, с фрагментом округлого отверстия в центральной части, выполненного в технике долбления. Рис. 12: 2.

90. Обломок заготовки грузила рыболовного (КП-7029/124). Сланец. $1 \times 4 \times 5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2008 г., полевой № 124). В виде расколотой вдоль продольной оси гальки неправильной полуовальной в плане формы, с фрагментом конусовидного углубления диаметром около 2,5 см, выполненного в комбинированной технике, сочетавшей долбление и сверление. Рис. 12: 3.

91. Обломок заготовки грузила рыболовного (КП-7029/194). Песчаник. $1 \times 3 \times 3,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2008 г., полевой № 194). Из гальки неправильной формы, со сквозным биконическим сверленным отверстием в центральной части (диаметр внешний 1,8, внутренний 0,8 см). Рис. 12: 1.

Рыболовные крючки

Предметы из смешанных комплексов

Поселение Радколье 3 (неолит–энеолит)

92. Стержень крючка рыболовного составного (КП-7083/22). Сланец. $0,3 \times 0,6 \times 3,5$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2009 г., полевой № 22). Овальный в поперечном сечении, на одном конце имеется круговая канавка для привязывания к леске, на другом сбоку – косое углубление для закрепления жала. Рис. 8: 4.

93. Обломок стержня крючка рыболовного составного (КП-7083/106). Сланец. $0,2 \times 0,5 \times 1,9$ см. Раскопки И. В. Мельникова (2009 г., полевой № 106). Овальный в поперечном сечении, на одном конце имеется круговая канавка для привязывания к леске, противоположный конец утрачен. Рис. 8: 5.

Часть 2. Предметы эпохи Средневековья – Нового времени

Наконечники стрел

Поселение Васильево 2

94. Наконечник стрелы (КП-5982/267). Металл черный. [Конец XIII – первая половина XIV в.]. 13,5 × 1,7 × 0,3 см. Раскопки А. М. Спиридонова (2004 г., полевой № 267). Плоский черешковый, с удлинённым ромбовидным пером, короткими сторонами и удлинёнными плечами (соотношение 1: 6), переходящим в черешок с выделённым упором для древка. Близок к типу 66 (по А. Ф. Медведеву) – «веслообразные» наконечники¹. Рис. 13: 2.

95. Наконечник стрелы (КП-6196/127). Металл черный. [XI–XIII вв.]. 12 × 2 × 0,5 см. Раскопки А. М. Спиридонова (2005 г., полевой № 127). Плоский, с удлинённо-ромбовидным пером, плавно переходящим в черешок, упор отсутствует. Относится к типу 46 (по А. Ф. Медведеву) – «ромбовидные наконечники новгородского типа»². Рис. 13: 1.

96. Обломок наконечника стрелы (КП-6850/80). Металл черный. [XII–XVII вв.]. 7 × 2,5 × 0,7 см. Раскопки А. М. Спиридонова (2006 г., полевой № 80). Представлен черешок с частью пера, упор отсутствует, предположительно относится к типу 66 (по А. Ф. Медведеву)³. Острие утрачено. Рис. 13:3.

97. Обломок наконечника стрелы (КП-7080/273). Металл черный. [XI–XVIII вв.]. 5,5 × 0,7 × 0,7 см. Раскопки К. Э. Герман (2009 г., полевой № 273). Представлен округлый в сечении черешок и квадратный в сечении упор, перо утрачено. Рис. 13: 4.

Втоки

Поселение Васильево 2

98. Вток (КП-5982/140). Металл черный. [XI–XV вв.]. 8 × 3 × 2 см. Раскопки А. М. Спиридонова (2004 г., полевой № 140). В виде втульчатого конического наконечника с притуплённым концом, диаметр втулки около 2,3 см. Отверстие для гвоздя отсутствует (утрачено). Рис. 13: 5.

¹ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966. С. 75.

² Там же. С. 61, 67–68.

³ *Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В.* Южное Заонежье в X–XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. С. 60.

99. Обломок втока (КП-6850/69). Металл черный (железо). [XI–XV вв.]. $6,5 \times 2 \times 2$ см. Раскопки А. М. Спиридонова (2006 г., полевой № 69). В виде втульчатого конического наконечника с притупленным концом, диаметр сохранившейся части втулки около 1,5 см. Отверстие для гвоздя отсутствует (утрачено). Рис. 13: 6.

Рыболовные крючки, блесна

Поселение Васильево 2

100. Блесна (КП-6850/175). Металл черный. [XI–XVIII вв.]. $13 \times 3,5 \times 2$ см. Раскопки А. М. Спиридонова (2006 г., полевой № 175). В виде пластины удлинненно-подовальной формы, зауженной к одному из концов, на противоположном конце – округлое отверстие, крючок отсутствует. Рис. 12: 6

101. Крючок рыболовный (КП-7080/253). Металл черный. [XI–XVIII вв.]. $5,9 \times 2,2 \times 0,9$ см. Раскопки К. Э. Германа (2009 г., полевой № 253). Из проволоки четырехгранного поперечного сечения с петлевидной головкой и удлиненным цевьем, жало отогнуто наружу, бородка отсутствует. Рис. 12: 8.

Поселение Наволок

102. Крючок рыболовный (КП-5247/11). Металл черный. [XV–XIX вв.]. $4,5 \times 1,5 \times 0,2$ см. Раскопки А. М. Спиридонова (1996 г., полевой № 11). Из проволоки округлого поперечного сечения с петлевидной головкой и удлиненным цевьем, жало с бородкой, острие бородки утрачено. Рис. 12: 5.

Поселение Толвуйская Губа 1

103. Крючок рыболовный (КП-5245/710). Металл черный. [XVIII–XIX вв.]. $0,2 \times 0,3 \times 6,5$ см. Раскопки А. М. Спиридонова (1991 г., полевой № 710). Из проволоки округлого поперечного сечения, головка расплющена, с удлиненным цевьем, поддев С-видной формы, жало с бородкой.

104. Крючок рыболовный (КП-5245/711). Металл черный. [XVIII–XIX вв.]. $0,2 \times 0,3 \times 7$ см. Раскопки А. М. Спиридонова (1991 г., полевой № 711). Из проволоки округлого поперечного сечения, головка расплющена, с прямым срезом, с удлиненным цевьем, поддев С-видной формы, жало с бородкой.

Рыболовные грузила

Поселение Васильево 2

105. Грузило рыболовное (КП-7080/3). Сланец. [XI–XVIII вв.]. $0,6 \times 4,45 \times 4,1$ см. Раскопки К. Э. Германа (2009 г., полевой № 3). В виде округлой плоской гальки со сквозным биконическим отверстием на периферии (диаметр 0,2–0,6 см).

106. Обломок грузила рыболовного (КП-7080/28). Песчаник. [XI–XVIII вв.]. $6,5 \times 5 \times 1,3$ см. Раскопки К. Э. Германа (2009 г., полевой № 28). Неправильной формы, с фрагментом сквозного отверстия (диаметр около 1 см) в центральной части.

Оружейные кремни

Поселение Толвуйская Губа 1

107. Кремень ружейный (КП-5243/82). Кремень. [XVIII–XIX вв.]. $2 \times 1,7 \times 0,3$ см. Раскопки А. М. Спиридонова (1989 г., полевой № 82). Из плоского отщеп подчетыреугольной в плане формы, с ретушью по крокам и следами сбитости от использования.

108. Кремень ружейный (КП-5245/495). Кремень. [XVIII–XIX вв.]. $2,6 \times 1,5 \times 0,3$ см. Раскопки А. М. Спиридонова (1991 г., полевой № 495). Из плоского отщепа удлинненно-подчетыреугольной в плане формы, со следами сбитости от использования.

А. М. Спиридонов

(Независимый исследователь, Петрозаводск)

**ШУЯ (ОНЕГО) – КРОХИНСКИЕ ПЕСКИ
(БЕЛООЗЕРО): ДВА МОГИЛЬНИКА
С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ РУБЕЖА
I–II тыс. н. э.**

Аннотация: В статье анализируются результаты раскопок могильника эпохи викингов Шуя под Петрозаводском. Единственную аналогию прослеженному на памятнике обряду захоронения дает могильник Крохинские Пески на Белом озере. Два уникальных в местных контекстах могильника сближает наличие предметов условно «древнерусских» и «мерянских» типов. В социкультурном плане могильники предположительно связываются с колбьягами древнерусских и византийских источников.

В конце 2010 г. автору поступили сведения о находках в окрестностях Петрозаводска серии бронзовых украшений и предметов вооружения эпохи викингов. Часть собранной с помощью металлодетекторов коллекции удалось сфотографировать и зарисовать. С выездом на место по указаниям «поисковиков» была достаточно точно локализована площадка, с которой происходили артефакты. Вещи (всего 25 предметов) были собраны на северной окраине поселка Шуя Прионежского района Республики Карелия, на левом берегу одноименной реки, в 6,5 км от устья (примерно в 10 км по прямой к северо-западу от городской черты Петрозаводска). Они были обнаружены на южной оконечности вытянутого вдоль берега слабого возвышения высотой около 2 м над водой, на площадке размерами примерно 120 × 30 м.

В 2011–2013 гг. археологическим отрядом Петрозаводского государственного университета были проведены раскопки в центральной части памятника, суммарно одним раскопом вскрыто 144 кв. м. Анализу предметов из коллекции «черных копателей» по свежим следам

была посвящена специальная статья¹. Подробное описание частично вскрытого в раскопе погребального сооружения, анализ собранного инвентаря X – первой половины XI в. (узкая дата около 950 – около 1025 гг.) и подходы к интерпретации могильника в контексте иных раннесредневековых древностей западного Прионежья опубликованы в электронном виде², что избавляет от необходимости длинных повторов в настоящей статье.

На дневной поверхности указанной площадки, прежде подвергавшейся распахке, в том числе тракторной, визуальнo и при нивелировке не читались какие-либо следы погребальных сооружений (насыпей, ровиков). В раскопе уже при снятии пахотного слоя встречались рассеянные мелкие фрагменты лепной керамики, кальцинированные косточки и отдельные индивидуальные раннесредневековые находки. На уровне материкового преимущественно песчаного, в прибрежной части раскопа – суглинистого, аллювия на поверхности раскопа обозначилось полукольцо плотной светло-серой супеси с угольками и кальцинированными косточками, уходившее в южную и западную, примкнувшую к обрыву берега, стенки раскопа. Внешний и особенно внутренний контуры ровика отчетливо прослеживались по окаймлявшим его интенсивным углистым полосам. Именно к этому западанию были планиграфически приурочены и единичные раннесредневековые находки в пахотном слое. Внутри наметившегося полукольца ровика под пашней открылись стерильные речной песок или суглинок, остатки каких-либо конструкций или следы таковых (углистые пятна, прокал грунта, следы погребенной почвы) здесь, в том числе на прибрежных западных линиях квадратов, не подвергавшихся распахке, не зафиксированы. Исследование наметившегося на материке западания слоя (заполнения ровика) проводилось тонкими горизонтальными зачистками. Вскрытое раскопом примерно наполовину погребальное сооружение представляло собой кольцевую канавку с восстанавливаемым полным диаметром 12–15 м, шириной около 1–2 м, глубиной 0,2–0,35 м от материка, в северной части раскопа отмечена «перемычка» двух сегментов ровика протяженностью около 1,5 м (рис. 1).

Дно ровика было первоначально сильно обожжено (мощная углистая линза и обожженные частью до состояния дресвяника камни). Далее ровик засыпался в несколько этапов. Достоверно в восточной наиболее

---

¹ Спиридонов А. М. Колония эпохи викингов при устье Шуи под Петрозаводском // Ученые записки ПетрГУ. № 5. История. Петрозаводск, 2013. С. 28–36.

² Спиридонов А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье. Петрозаводск, 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=012&id=21607&cType=1> Дата обращения 10.12.2020.

глубокой его части выделялись два слоя заполнения: серый песок с включениями отдельных угольков и подстилавший его более плотный темно-серый углистый песок. В разных частях ровика в том и другом слое отмечены аморфные, различных размеров углистые линзы. В нескольких местах (кв. А, Е –5, Б–Г–1, 2) выявлены округлые пятнышки диаметрами около 0,05 м, в двух случаях (кв. В, Г–2) как будто сгруппированные в короткие ряды, однако строгого порядка в расположении этих следов проследить не удалось. Предположительно, они могут интерпретироваться как следы кольев, поддерживавших какой-то легкий навес.

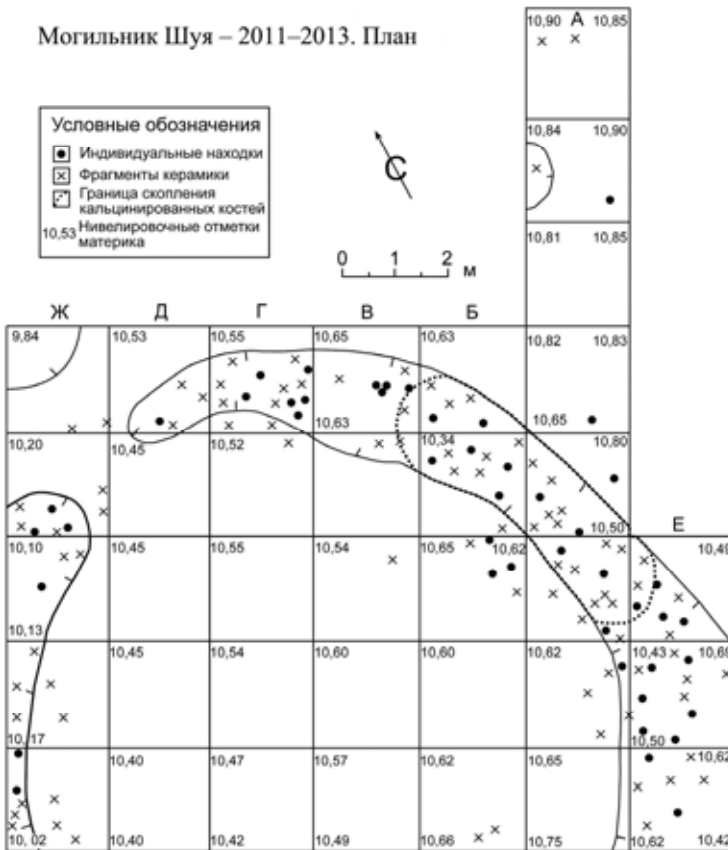

Рис. 1. Могильник Шуя – 2011–2013. План раскопа на уровне материка. Планиграфическое распределение основных категорий находок

В заполнении ровика, особенно в верхней и средней его частях, встречались преимущественно мелкие кальцинированные косточки. Заметное скопление костей, совпадавшее с несколько повышенной концентрацией вещевых находок (рис. 1, 2, 4; 2, 4, 12–17, а также спекшиеся в куски или целые стеклянные, бронзовые и керамические бусы), отмечено только в северо-восточном сегменте западания и имело протяженность около 6 м (четкие границы скопления, помимо стенок ровика, не определялись). Еще одно скопление вещей (три бронзовых украшения – рис. 3) с минимальным количеством кальцинированных костей вокруг было зафиксировано на площади примерно 0,4 кв. м в западной, уходящей в обрыв берега, части кольцевой канавки. В целом же кальцинированные кости, предметы украшения, бытовой инвентарь и фрагменты керамики были рассеяны повсеместно и на разных уровнях заполнения ровика (рис. 1). Среди вероятных признаков погребальных или поминальных обрядов следует отметить обилие в комплексе, видимо, намеренно измельченной керамической посуды – в коллекции из раскопа по верхним профильным обломкам выделяются фрагменты примерно двадцати лепных горшков и единственного изготовленного на круге сосуда с линейным орнаментом. Это количество разбитой посуды – явная аномалия при единственном, и то с некоторыми сомнениями, погребении.

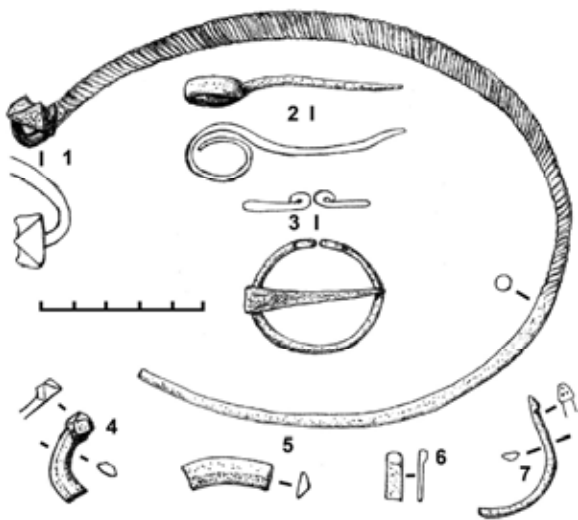
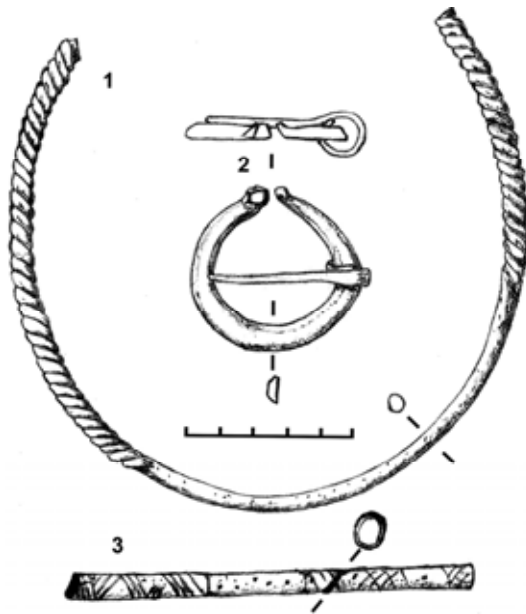

Рис. 2. Могильник Шуя – 2011–2013.
Находки из заполнения ровика. 1–7 – бронза

*Рис. 3. Могильник Шуя – 2011–2013.
Находки из заполнения ровика (кв. Ж-1). 1–3 – бронза*

Определение кальцинированных костей из раскопа было выполнено в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН к. и. н. И. Г. Ширококовым. Общая масса собранных кремнированных останков составляет 735 г, из которых около 500 г (то есть более 2/3) связаны с отмеченным скоплением. Кроме кальцинированных обломков костей, на кв. В-2 к северо-западу от указанного кластера (определяемого как погребение), на дне ровика были обнаружены необожженные обломки зубов лошади и длинных костей, видимо, того же животного. Среди массы длинных костей отсутствовали обломки, определяемые как не человеческие. Сожженные останки принадлежали, судя по определенным анатомическим фрагментам, одному индивиду в возрасте 20–35 лет, скорее всего женщине. Очень маловероятно, что среди кальцинированных костей во вскрытой части ровика присутствовали останки второго индивида – мужчины.

Прослеженные в раскопе детали обряда и предположительно реконструируемый облик погребального сооружения не имеют вполне очевидных, ранее намеченных близких аналогий на прилегающих тер-

риториях Севера. Полагаем при этом, что отсутствие достаточно близких параллелей может объясняться не столько уникальностью сооружения, сколько сложностью выявления подобного рода объектов, практически не имеющих внешних признаков на современной дневной поверхности. Следует все же коротко рассмотреть имеющийся археологический контекст, опираясь на данные раскопок, проведенных на Европейском Севере России на уровне современной методики в последние десятилетия.

В этом широком контексте прежде всего привлекают внимание дерево-земляные «домики мертвых», впервые исследованные А. Н. Башенькиным на р. Суде, подтвердившие археологической реалией высказанную ранее гипотезу В. А. Назаренко об одном из истоков обрядности приладожских курганов³. В 1980–1990-х гг. в могильниках самой приладожской курганной культуры были раскопаны несколько погребальных сооружений того же типа на реках Паше⁴ и Сяси⁵, а также близких к нему на р. Ояти⁶. Это позволило по-новому взглянуть на ряд ранее раскопанных курганных насыпей в Приладожье⁷. На Онежском озере реминисценции того же обряда или, во всяком случае, связь с общей идеей «домика мертвых», были отмечены в курганных могильниках в Челмужах еще в 1934⁸ и 1989 г. в Кокорино⁹. Далее на север и северо-восток с 1970-х гг. бескурганные ингумации во впущенных в грунт срубках были исследованы на Архангельском Севере, в бассейнах р. Онеги и западных притоков Северной Двины¹⁰.

³ Башенькин А. Н. Погребальное сооружение у д. Никольские на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 77–81.

⁴ Назаренко В. А. О первой находке «домика мертвых» в Приладожье // Тихвинский сборник. Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. Вып. 1. С. 75–79.

⁵ Богуславский О. И. Новый тип погребальных памятников в Юго-Восточном Приладожье // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1994. Вып. 2. С. 35–38.

⁶ Колтаков Е. М., Назаренко В. А. Новый тип погребальных сооружений приладожской курганной культуры // Археологические вести. СПб., 2004. № 11. С. 196–201.

⁷ Назаренко В. А. Шахновский триллер (о раскопках на Вороньей реке в Приладожье) // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 351–368. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

⁸ Гроздилов Г. П. Курганы у д. Челмужи // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 111–114.

⁹ Спиридонов А. М. Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежье (Заонежский сборник). Петрозаводск, 1992. С. 29–48.

¹⁰ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди заволючской // СА. 1984. № 4. С. 197–216; Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб., 1998. Т. 1. С. 25–62; Колтаков Е. М., Рябцева Е. Н. Новый тип «чудских» погребальных сооружений // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 204–211.

В большинстве приведенных публикаций исследованные погребальные конструкции, при предполагаемой общей идее сооружения жилища для покойных, названы авторами «новыми типами». Между тем, помимо наличия срубных или столбовых конструкций, им присущ еще один общий признак: при всех прослеженных различиях погребальных «домиков» в Верхневолжье, Приладожье, Прионежье и Заволочье их сближает то, что захоронения в них были связаны с околнуренной ровом площадкой – ее центром (погребения у очага) или краями (погребения на «приступках» или насыпных валиках, обвалившихся затем в ровики) и перекрыты или окружены сооружениями, которые и можно считать собственно «домиками мертвых». В шуйском могильнике картина иная – погребение (или погребения, учитывая, что раскопом вскрыта половина сооружения) совершено в кольцевом ровике (и, возможно, перекрыто легкой конструкцией на кольях), а на окруженной им площадке нет следов очага, иных сооружений и даже прослеживаемых следов каких-либо обрядовых действий.

Это типологическое различие представляется более чем существенным для реконструкции обряда захоронения и былого облика погребального сооружения. Можно было бы ограничиться выделением еще одного «нового типа», однако параллель, обладающая теми же существенными признаками, все же есть. Имеется в виду могильник Крохинские Пески у истока р. Шексны из Белого озера, а конкретно – погребальное сооружение (невысокий курган?) второй половины X в., изученное на могильнике Н. А. Макаровым в 1993–1994 гг. Не останавливаясь на описании и анализе оказавшегося очень непростым для исследования комплекса, которые подробно опубликованы автором раскопок в 2001 г.¹¹, приведем резюмирующую цитату: «Отличие кургана в Крохинских Песках от „домиков мертвых“ заключается, прежде всего, в отсутствии их главного элемента – четырехугольной срубной [или столбовой. – А. С.] конструкции. Кроме того, ровики судских и волокославенского [Усть-Ситское VI на Никольском озере. – А. С.] „домиков мертвых“, содержавшие остатки кремаций, состоят из отдельных ям, околнуривавших основание срубной конструкции, тогда как в Крохинских Песках ровик имеет отчетливую кольцевую форму». На наш взгляд, очевидно близкое типологическое сходство археологически представленного погребального сооружения, прослеженного в могильниках в истоке р. Шексны и устье р. Шуи.

---

¹¹ Макаров Н. А., Новикова Г. Л. Могильник Крохинские Пески – некрополь Белоозера X–XIII вв. // Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 279–309. Рис. 117–118.

Еще одно важное обстоятельство, позволяющее увереннее провести параллель Шуя – Крохинские Пески, это принципиальное сходство и в то же время известная исключительность в местных археологических контекстах набора инвентаря погребений. Общая черта для обоих могильников – смешение двух групп предметов: общебалтийских и шире (условно «древнерусских») и волжско-финских (условно «мерянских») типов принадлежностей погребального инвентаря.

В Крохинских Песках в составе комплексов сожжений в группе древнерусских типов встречены¹² бронзовые обломок овальной фибулы типа Р 52/55 (по И. Янссону) и связанные с балтийским же кругом древностей наконечник ремня и обломки бронзовой подковообразной фибулы с гранеными головками. Все эти предметы практически уникальны для Белозерья. К группе условно мерянских типов в составе комплексов принадлежали бронзовые обломанное втульчатое височное кольцо большого диаметра, шумящая подвеска из трех спаянных волнот, поясная пряжка из четырех спаянных жгутов, изготовленная по восковой модели. Набор вещей мерянской группы в Крохинских Песках в целом выглядит закономерным в контексте иных выявленных ранних следов росто-суздальской колонизации на Белом озере и в верховьях р. Сухоны¹³. Состав комплексов сожжений в Крохинских Песках дополнялся обычной для Белозерья лепной посудой и несколькими гончарными сосудами древнерусского облика.

В могильнике Шуя группа условно древнерусских предметов, включая находки «черных копателей», гораздо более многочисленна и в целом находит ближайшие аналогии в курганах Юго-Восточного Приладжья¹⁴: половинка намеренно сломанного меча (и еще один, найденный ранее в приустье р. Шуи), бронзовая часть пояса или, скорее, портупей с кольцами для привешивания, ланцетовидный наконечник стрелы, обломки бронзовых фибул типа ЯП 51, до десятка (с обломками) фибул с гранеными головками, три сломанных гривны «глазовского типа», массивный орнаментированный игольник, ладьевидный браслет. Такие или подобные вещи (кроме мечей) известны по находкам в двух других исследованных могильниках и на поселениях Прионежья X–XI вв. Группа условно мерянских предметов в Шуе включает бронзовые обломок

¹² См.: Макаров Н. А., Новикова Г. Л. Могильник Крохинские Пески ... С. 293–304. Рис. 121–125.

¹³ Макаров Н. А. Новгородская и росто-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Ла-ча // СА. 1989. № 4. С. 86–102; *он же*. К истории формирования росто-суздальских владений на Севере // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. М., 2009. Т. 3. С. 103–106.

¹⁴ См.: Спиридонов А. М. Западное Прионежье ... С. 73–82. Рис. 10–12, 15–21.

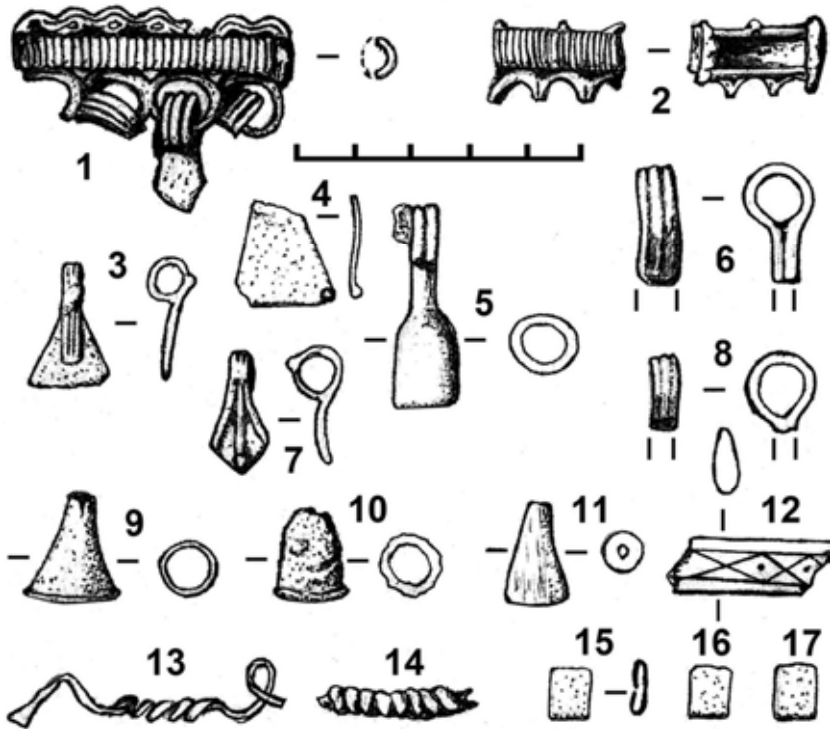

Рис. 4. Могильник Шуя – 2011–2013

Находки из заполнения ровика. 1 – 10, 13–17 – бронза, 11, 12 – кость

втулки височного кольца, три шумящие рифленные подвески из полутрубочек, сломанную костяную копоушку с геометрическим орнаментом, а также практически все обломки мелких шумящих украшений и среди типологически определяемой лепной керамики – круглодонную неорнаментированную миску (см. рис. 3–4). Сюда можно добавить предметы, добытые «черными копателями», имеющие верхнекамские истоки и параллели – двуконьковую подвеску и два огнива с бронзовыми рукоятями. Предметы этой группы, в противоположность первой, почти не представлены на синхронных памятниках Прионежья. Здесь можно указать лишь на обломанную треугольную подвеску и несколько необычные состав и орнаментацию лепной керамики в челмужских курганах, на круглодонную миску, аналогичную шуйской, найденную в ровике одного из курганов Кокорино, и на уникальное огниво с бронзовой

рукоятью с многослойного поселения Суна VI. Примечательно, что встреченные в могильнике Шуя «мерянские» предметы не характерны и для инвентаря погребений приладожских курганов: втульчатые височные кольца там неизвестны, а подвески из рубчатых полутрубочек представлены всего двумя экземплярами, первый из которых верно определил как «мерянский» еще Н. Е. Бранденбург¹⁵.

В связи с условно мерянскими предметами в инвентаре шуйского могильника отметим еще одну находку в заполнении ровика (кв. Г–2): обломанный с двух сторон сегмент керамического кольца длиной 1,5 см, диаметром 0,7 см, с продольным сквозным отверстием диаметром около 0,1 см. В электронной публикации этот предмет предположительно был отнесен к категории бус, но более вероятно, что мы имеем дело с обломком именно керамического кольца. Данный тип предметов хорошо известен и многократно обсуждался исследователями в паре с глиняными лапами, обнаруженными во владимирских и ярославских курганах, с одной стороны, и в могильниках Аландских островов на Балтике, с другой. Нет нужды приводить полную библиографию вопроса, ограничимся ссылками на известную статью Н. Н. Воронина о медвежьем культе в Верхнем Поволжье¹⁶ и на последние по времени работы, в которых затрагивалась эта тема: И. В. Дубова, Н. А. Макарова, Л. А. Голубевой и Е. А. Рябинина¹⁷. На обширных территориях от Верхнего Поволжья до Аландского архипелага глиняные лапы и кольца (последние отсутствуют в находках на Балтике) неизвестны, хотя еще Н. Н. Воронин¹⁸ цитировал сведения Н. Е. Бранденбурга¹⁹ о находках в курганах Южного Приладожья, в древнейших погребениях с сожжениями, когтевых фаланг (то есть отрубленных лап) медведей. Не настаиваем на указанных аналогиях обломку керамического кольца из шуйского могильника и на том, что предмет имеет ритуальное значе-

¹⁵ *Бранденбург Н. Е.* К вопросу о типах фибул, встречаемых в древних могилах Европейской России // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1886. С. 213. Рис. 6.

¹⁶ *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. IV. С. 25–93.

¹⁷ *Дубов И. В.* Северо-восточная Русь в эпоху раннего Средневековья (Историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 20–29; *Макаров Н. А.* Рец.: Kivikoski E. Langangsbaken. Ett gravfalt på Åland. – SMYA. N 80 // СА. 1989. № 4. С. 305; *Голубева Л. А.* Меря // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 77–78; *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе древней Руси. К истории славяно-русских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 183–185.

¹⁸ *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 49.

¹⁹ *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895. С. 13–15. (Материалы по археологии России, № 18.)

ние и представляет собой «недостающее звено» в цепи находок между Поволжьем и Балтикой. Однако в контексте синтеза групп условно мерянских и древнерусских находок на могильнике Шуя такая интерпретация как минимум вероятна.

Итак, параллель могильников Крохинские Пески – Шуя определяется своеобразием и сходством погребального обряда, а также смешением в разных пропорциях древнерусских и мерянских групп предметов погребального инвентаря. При этом и обряд погребения, и состав инвентаря существенно отличаются от «типично-приладожских» в соответствующих хронологических рамках.

Как объяснять эти два могильника-уникума (Шуя – Крохинские Пески), находящиеся в бассейнах разных морей и разделенные минимум 300 км по прямой? Уникальность двух объектов может объясняться трудностями обнаружения такого рода памятников, поэтому вовсе не исключены новые находки. Применительно к могильнику в Карелии мы уже отмечали²⁰, что в плане социокультурной идентификации меченосцы, захороненные в приустье р. Шуи, более всего напоминают *kuylfingar* / колбягов – в том виде и роде деятельности, как они описаны в древнеисландской «Саге об Эгиле Скаллагримссоне». Действительно, могильник и поселения (с этой колонией можно связать также петрозаводский клад монетного серебра с арабским дирхемом, чеканенным 946/947 г.) в приустье этой крупной и протяженной по северным меркам реки находятся в ключевом пункте для продвижения с торговыми и / или грабительскими целями во внутренние районы западного Прионежья. «Русская Правда» и византийские источники XI в. видят колбягов / кулпингов в другом ракурсе и, соответственно, знают в иной ипостаси – как членов наемных дружин древнерусских князей и византийских императоров, упоминаемых в паре с варягами. Оружие в сохранившихся комплексах сожжений в Крохинских Песках не найдено, но вполне объяснимо появление в истоках р. Шексны около середины X в., в среде основателей древнерусского города Белоозера, коллектива, социально сходного и, похоже, родственного с шуйским, но оказавшегося и действовавшего в иных условиях. Здесь будет уместна еще одна цитата-резюме о древнейшем Белоозере и его некрополе в Крохинских Песках: «Своеобразный погребальный обряд этого памятника не имеет точных соответствий в обрядности весских могильников юго-западного Белозерья. Культура раннего Белоозера в целом близка культуре других городов и открытых торго-

²⁰ Спиридонов А. М. Колония эпохи викингов ... С. 32–33.

ремесленных поселений X в. на северо-западе и северо-востоке Руси, хотя и отличается, возможно, меньшей концентрацией привозных вещей и оружия»²¹. Сходство и социально-культурное родство коллективов, члены которых были погребены в истоке р. Шексны и приустье р. Шуи во второй половине X в., проявились в обрядности, в общепалтийской, условно древнерусской воинской амуниции мужчин и в волжско-финских чертах в женском уборе украшений.

В заключение следует отметить, что в своеобразном и аналогичном обряде захоронения, в смешении древнерусских и мерянских типов вещей в погребальном инвентаре, которые демонстрируют могилы в Крохинских Песках и Шуе, не следует видеть неперемненные археологические признаки загадочных колбягов вообще.

---

²¹ Макаров Н. А., Захаров С. Д. Региональная система расселения и ее развитие в X–XIII вв. // Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 83. Из последних работ по археологии раннего Белоозера см.: Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004; *он же*. Белоозеро на начальных этапах становления Древнерусского государства // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Сб. материалов международной конференции. Вологда, 2012. С. 32–47.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

(материалы научно-практической конференции)

А. М. Пашков

(Петрозаводский государственный университет)

СТАРООБРЯДЦЫ НА ОЛОНЕЦКИХ ПЕТРОВСКИХ ЗАВОДАХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.¹

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимодействия и взаимовлияния старообрядцев и Олонецких горных заводов. В 1703 г. власти заключили соглашение о том, что старообрядцы в обмен на веротерпимость обеспечат заводы рабочей силой. Благодаря этому компромиссу была обеспечена бесперебойная работа Олонецких Петровских заводов, что в значительной мере способствовало победе России в Северной войне. Старообрядцы получили возможность создать на ближайшие 150 лет свой крупный идеологический, экономический и культурный центр – Выговскую пустынь.

В первой четверти XVIII в. на территории современной Карелии происходило много событий, но только два из них имели далеко идущие последствия: легализация крупнейшего старообрядческого центра Выговская пустынь, основанного в 1694 г. и просуществовавшего до середины XIX в., и создание системы горнодобывающих и металлургических предприятий, известных как Олонецкие Петровские заводы, положивших начало горнодобывающей и металлургической промышленности региона.

Вместе с тем изучение этих двух мощных и долгосрочных исторических процессов, на протяжении долгого времени определявших развитие Олонецкого региона, шло раздельно. Историки промышленности и историки старообрядчества работали сами по себе, не пытаясь

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Пётр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

осмыслить взаимодействие и взаимовлияние этих двух явлений. На этот факт указывает и Е. М. Юхименко в своем исследовании «Выговская старообрядческая пустынь», вышедшем в 2002 г., хотя в нем имеется информация о взаимоотношениях выговцев с заводским начальством². Эту проблему пытался поставить известный историк старообрядчества С. А. Зеньковский³.

В полной мере проблема взаимодействия и взаимовлияния старообрядчества и Олонецких горных заводов не получила сколько-нибудь глубокого освещения, хотя относящиеся к тому периоду источники эту тему затрагивают.

Итак, в конце XVII в. на территории современной Карелии возникли четыре небольших частных металлургических завода (Фоймогубский, Усть-рецкий, Кедрозерский и Лижемский), принадлежавших иностранному предпринимателю Андрею Бутенанту. В 1702 г. заводы были отобраны у их владельца и перешли в казну.

В 1703–1707 гг. в условиях Северной войны на территории современной Карелии были построены еще четыре военных завода (Петровский, Повенецкий, Алексеевский и Кончезерский). Все эти заводы получили название Олонецких Петровских заводов.

Помимо мастеровых, все вспомогательные заводские работы на заводах выполняли местные приписные крестьяне. Поскольку на обслуживание всех заводов людских ресурсов не хватало, часть заводов постепенно закрывалась, и к 1721 г. их осталось только четыре (Усть-рецкий, Петровский, Повенецкий и Кончезерский).

Достаточно полная характеристика промышленной деятельности Олонецких Петровских заводов содержится в исследовании А. П. Глаголевой⁴.

Традиционно считается, что основание первенца системы Олонецких Петровских заводов – Петровского завода – произошло 29 августа 1702 г. Эта дата имеется в «Походном журнале» Петра I за 1703 г.: «В 29-й день. Александр Данилович отсель поехал на заводы»⁵. Если вдуматься в смысл этой фразы, становится непонятно, как можно было А. Д. Меншикову ехать на заводы, которых еще не было, и их еще предстояло создать. Недавно было опубликовано письмо А. Д. Меншикова

² Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002. С. 40–56.

³ Зеньковский С. А. Старообрядцы – технократы горного дела Урала // Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М., 2009. Т. 1–2. С. 606–627.

⁴ Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957.

⁵ Походный журнал 1703 г. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 7.

Петру I от 28 августа, в которой он сообщает, что находится в деревне Горка⁶ на Онежском озере «не доезжая заводов за пятнадцать верст» и рано утром 28 августа «поехал в лодке на заводы»⁷. Без сомнения, А. Д. Меншиков направлялся не к устью Лососинки (где вскоре возник Петровский завод), расстояние до которого составляло около 60 километров по воде, а на Усть-рецкий завод – головное предприятие бывших заводов А. Бутенанта, расстояние до которого было всего около 22 километров водного пути. Вероятно, целью этого посещения была организация переброски к устью Лососинки персонала и оборудования с бывших заводов А. Бутенанта.

Другой целью поездки А. Д. Меншикова на Усть-рецкий завод были переговоры с выговскими старообрядцами. Об этом пишет Иван Филиппов в «Истории Выговской пустыни»:

«И последи за малое время ездил от его императорского величества князь Александр Меншиков до Повенца для смотру Усть-рецких железных заводов и для усмотру, где бы можно заводы поставити и усмотреша два места одно в Шуйском погосте в скрай Онега езера на реке Лососинки, при коей после Петровские заводы поставлены быша, а другое на Повенце, и послаша с Усть-рецких заводов с указом в Выгорецкую пустыню господина Патрушева⁸; онже, приехав, и указ показал в Выговской пустыни. А в указе написано: слышно его императорскому величеству, что для староверства разных городов собравшиися в Выговской пустыни, а службу свою отправляю Богу по старопечатным книгам. А ныне его императорскому величеству для войны Шветской и для умножения оружья и всяких воинских материалов ставяется двои железныя заводы, а одне близ их Выговской пустыни, и чтоб оныя в работе к Повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение по возможности своей, а за то императорское величество даде им свободу жити в той Выговской пустыни и по старопечатным книгам службы свои к Богу отправляти, и в то время настоятели и прочие, высмотревше указ и посоветовав между собою и написаша челобитную к его императорскому величеству и послаша через онаго Патрушева, и Патрушев, приехав на Усть-рецкие заводы, заста ту князя Меншикова и подаде ему челобитную»⁹.

⁶ Деревня Горка находится сейчас на территории Кондопожского района Карелии.

⁷ Кротов П. А., Пашков А. М. К вопросу о дате основания Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2015. № 5(150). С. 7–8.

⁸ Патрушев Иван Федорович.

⁹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М., 2005. С. 114.

Таким образом, А. Д. Меншиков фактически заключил договор с выговскими старообрядцами о том, что они в обмен на веротерпимость обеспечат Повенецкий завод рабочей силой. Это соглашение было выгодно обеим сторонам и получило одобрение Петра I. Иван Филиппов далее пишет:

«Он <А. Д. Меншиков> же прием и свезе челобитную к его императорскому величеству и подаде, он же повеле Меншикову по той челобитной отправить и быти нам ведомым в работы к Повенецким заводам, и князь Меншиков послал указ чрез господина Чоглокова¹⁰, чтоб быть ведомым Выгорецким пустынножителем к Повенецким железным заводам в рудосыскании и в подеме; а в вере быти свободным по прошению их, и даша с Петровского заводу позволительной указ первому старосте Тихону Феофилову, который поставлен в Суземки, чтоб поселиться кому где надобно и свободно»¹¹.

Иван Филиппов так подвел итоги состоявшегося компромисса:

«И от того времени нача Выговская пустыня быти под игом работы его императорского величества у Повенецких заводов, а ведома на Петровском заводе, и начаша людие с разных городов староверства ради от гонения собиратися и поселятися на блатах по лесам, между горами и вертепами, и между езерами в непроходимых местех, скитали и собственно келиями, где кому возможно».

Считается, что выговские старообрядцы были приписаны к Повенецкому заводу в 1704 г. В последующие годы старообрядцы внесли большой вклад в его успешную работу. Они искали месторождения болотной руды, добывали ее и доставляли на завод. После 1714 г. к этим работам добавилась еще одна – ломка и перевозка на Повенецкий завод извести. Только за 1715–1717 гг. выговцы доставили на завод 105 тысяч пудов извести и 110,5 тысячи пудов железной руды. Для этой работы ежегодно в сентябре-октябре выговцы выделяли от 21 до 45 работников. Кроме того, в эти же годы выговские старообрядцы отправляли с мая по октябрь группы рудознатцев (по 6–10 человек в день) для поиска залежей болотной руды. Есть данные, что выговские рудознатцы нашли даже месторождения золота и серебра¹².

Таким образом, был решен вопрос обеспечения рабочей силой за счет людских ресурсов Выговской пустыни Повенецкого завода. А. Д. Меншикову оставалось решить такой же вопрос только в отношении Петровского завода.

Точная дата основания Петровского завода неизвестна. А. Д. Меншиков прибыл на Усть-рецкий завод к вечеру 28 августа. Если верить

¹⁰ Чоглоков Алексей Степанович.

¹¹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 114.

¹² Есилов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. Кн. 1. СПб., 1861. С. 310.

И. Филиппову, события развивались так: поездка И. Ф. Патрушева на Выг, обсуждения выговскими старцами указа А. Д. Меншикова, возвращение И. Ф. Патрушева на Усть-рецкий завод и только потом поездка А. Д. Меншикова в устье Лососинки и основание Петровского завода. Основываясь на этих данных, можно считать, что А. Д. Меншиков потерял на переговорах с выговцами не меньше недели и мог появиться на Лососинке ближе к 10 сентября.

Следует отметить, что И. Филиппов пришел на Выг около 1704 г., то есть уже после описываемых событий 1703 г., он писал первые части своего труда на основе, главным образом, устных источников в 1730 гг.¹³, поэтому какие-то детали событий в его изложении были искажены.

Можно предположить, что деятельный А. Д. Меншиков не стал дожидаться И. Ф. Патрушева на Усть-рецком заводе и сразу поехал к устью Лососинки. Тогда он мог туда прибыть 31 августа или 1 сентября и, не затягивая время, провел какую-то церемонию по закладке Петровского завода.

Датировку основания Петровского завода 31 августа или 1 сентября подтверждает и официальный документ – таблица использования рабочей силы на постройке Петровского завода, составленная в 1712 г. на основе отчета заводской канцелярии. Из этой таблицы следует, что учет работ начался 1 сентября 1703 г.¹⁴ Таким образом, можно достаточно уверенно утверждать, что Петровский завод, а, стало быть, и город Петрозаводск, были основаны 31 августа или 1 сентября 1703 г.

Ценную информацию о статусе выговских старообрядцев и их отношении к Олонецким Петровским заводам содержит обращенный к выговцам указ олонецкого вице-коменданта А. С. Чоглокова, написанный на основе распоряжения губернатора С.-Петербургской губернии, от 7 сентября 1705 г. Этим указом выговцам предоставлялось широкое самоуправление. Их интересы должны были выражать назначенный властями староста Тихон Феофилов и избранный выговцами выборный Никифор Никитин. Они отвечали перед заводскими властями за положение дел в населенной старообрядцами волости – Суземек и за выполнение выговцами заводских повинностей. Выговцы могли принимать у себя пришлых, их сразу нужно было записать в специальные списки жителей, то есть легализовать, но эти пришлые на первых порах имели право на льготы. Староста и выборный должны были защищать «новопоселенных жителей» от любых должностных лиц, которые приедут к выговцам

¹³ Юхименко Е. М. Крупнейший памятник выговской историографии // Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 6, 17, 22.

¹⁴ Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. С. 59.

«без указу», то есть без разрешения заводской администрации, и от их «бесчиний». В состав таких заезжих визитеров могли входить как разного рода бродяги и криминальные элементы, так и должностные лица, не относящиеся к заводам, например, сыщики беглых крестьян и рекрут. Их разрешалось «имать и присылать на заводы». Если же кто-либо из выговцев решится бежать, староста и выборный должны были организовать погоню, поймать и сообщить об этом на заводы.

В указе 1705 г. содержались пункты, свидетельствующие о заботе заводских властей о выговцах: «Какие им, выгорецким жителям еще для расширения и прибавку надобны земли, и угодыя, и иные довольности, и то по доношению, что можно, все дано будет». В отношении выполнявшихся повинностей власти следили за их уравнительным распределением, при этом выговцы находились в более льготных условиях, чем другие крестьяне: «... чтоб все меж себя имели уравниение по людем, по пашне, и по промыслам, и по животам без спору. И против иных погостов льготнее».

В указе постоянно подчеркивается мысль, что взамен от выговцев требовалась только бесперебойная работа по доставке руды на заводы:

«Руды, которые есть ныне найдены, в тех выгорецких местах и по смете на повенецкие заводы в год к делу все надобны, и те все ныне, не упустя время, поднять и радение все показать для поспешения нынешняго позднего времени без разбору... Руд вновь сыскивать, и кто сыщет, о тех и доносить, и им дано будет государево жалованье, и от работы будут освобождены... Паче всего и всем о рудах прилежание иметь, чтоб их умноженье было, дабы ради их все новопоселенные умеренную работу имели у себя в близости без отлучения и опасения не имели в том, что излишней тягости работной быть, и для того по доношению старосты и выборного даны будут для вспоможения из погостов кто надобны».

О численности старообрядческого населения Петровской слободы, поселения, возникшего при Петровском заводе точных данных нет, однако известно, что они «на Петровских заводах и на Вытегре свои постоянные хоромы и амбары построиша и своих людей держаша для торгу и приезду своих»¹⁵. По некоторым данным, в первой половине XVIII в. вдоль левого берега Лососинки к западу от Петровской слободы возникло и старообрядческое кладбище¹⁶.

Не случайно именно на Петровских заводах в 1723 г. состоялось знаменитое «разглагольствование» – диспут посланца Синода иеромонаха

¹⁵ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 134.

¹⁶ Подробнее см.: Пашков А. М. Старообрядческое кладбище в Петровской слободе: из ранней истории Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6(183). С. 85–91.

Неофита с представителями выговских старообрядцев Мануилом Петровым и Иваном Матвеевым¹⁷. Хотя каждая из сторон приписывала победу в этом диспуте себе, но очевидно, что правота была на стороне старообрядцев, которые в своей книге «Поморские ответы» разоблачили подложность так называемого «Соборного деяния на еретика арменина на мниха Мартина», созданного в недрах Русской Православной Церкви.

Частичным реваншем РПЦ стала публикация в марте 1726 г. объявления от Святейшего Синода «О раскаянии и обращении раскольника Ивана Михайлова, досмотрщика Петербургской таможни». Решение Синода о составлении этого «Увещательного обращения» было обращено к «раскольникам», в частности, работающим на Олонецких заводах, откуда происходил И. Михайлов, состоялось в августе 1725 г., а обсуждался текст в ноябре 1725 г.¹⁸

Можно сказать, что в жизни еще одного завода – Кончезерского – старообрядцы тоже играли существенную роль. Местность вокруг Кончезера была, по терминологии того времени, «заражена расколом». Недалеко от Кончезера, примерно в 20 километрах, находилась Троицкая Сунарецкая пустынь – небольшой монастырь на р. Суне, где в середине XVII в. несколько лет провел видный деятель раннего старообрядчества, соузник протопопа Аввакума инок Епифаний¹⁹.

В 7–8 километрах от Кончезера произошло самосожжение, отмеченное в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова:

«В Мунозерской волости, в малом сельцы, зовом Галезерском, ревностный муж именем Игнатий в своих хоробах при нашествии гонителей, посланных с Олонца подьячих и с салдатами, со всюю семьею, с двадцатию и пятию душами, за древлецерковное благочестие огнем скончашася...»²⁰.

Историк В. П. Мегорский (1871–1940), у которого детство и юность прошли в Кончезере, вспоминал:

«Неудивительно, что работникам Кончезерского завода были весьма близки темы, в которых затрагивались разные пусть мелочные, безразличные для существа веры, но, при низком уровне их развития, весьма важные в их глазах недоуменные, волновавшие всех вопросы преимущественно обрядовой практики, обсуждавшиеся в пламенных, ожесточенных спорах между православными и старообрядцами, с ссылками на

¹⁷ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 155–170.

¹⁸ Быкова Т. А., Гуревич М. М., Козинцева Р. И. (сост.). Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения / Ред. П. Н. Берков. Л., 1972. С. 174.

¹⁹ См.: Бубнов Н. Ю., Юхименко Е. М. Епифаний Соловецкий // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 545–549.

²⁰ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 76.

разные церковные авторитеты, со всей страстью религиозного одушевления и убеждением каждой стороны в своей правоте. Эти споры православных „никониан“, „табакуров“, „щепотников“ (т. е. крестившихся „щепотью, которой табак берут“ – троеперстным сложением) со старообрядцами, „раскольниками“, „двуперстниками“, „отщепенцами“, давали обильную пищу уму и чувству как самих спорщиков, так и их многочисленным слушателям из обоих лагерей, переживавших весь ход „разглагольствования“ с живейшим, трепетным интересом.

Это не может показаться непонятным тому, кто знает, что еще в 80-х гг. XIX столетия и даже в более поздние годы оживленные разговоры на подобные темы были любимым времяпрепровождением взрослого мужского крестьянского населения тех мест, а также Заонежья, по официальной терминологии того времени, „зараженных расколом“²¹.

Особенно хорошие отношения сложились у выговцев с В. И. Генниным, который был начальником Олонецких Петровских заводов с конца 1713 по 1722 г. Когда в декабре 1713 г. выговский наставник Семен Денисов был схвачен в Новгороде и посажен в тюрьму по приказу новгородского митрополита Иова, выговцы обратились за помощью в В. И. Геннину, и он в сентябре 1714 г. обратился к Петру I с просьбой об освобождении Семена Денисова. При этом в качестве основных причин для его скорейшего освобождения назывались его роль в организации заводской работы (Семен Денисов «в здешнем подъеме и в сыску руд был годеи, и пред другими радетелен в заводской работе») и опасение, что его дальнейшее пребывание в тюрьме может привести к перебоям в работе заводов («дабы в оном подъеме помешательства не было») ²². Вместе со своим письмом В. И. Геннин отправил царю послание выговцев с просьбой освободить Семена Денисова. В этом послании выговцы также обосновывали свою просьбу работой на заводах: «По вашего царского величества указу, и по приказу светлейшего князя <А. Д. Меншикова> работаем, рабы твои, вашему величеству к Повенецким Олонецкого уезда заводам по исканию и подъеме железных руд». Выговцы намекали даже, что арест Семена Денисова может привести к перебоям в работе Повенецкого завода: «...и мы вси от того, и от гроз прещения ²³ их в плаче и в трепете мнозе жити в своих местах бо-

²¹ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–12 об. (Мегорский В. П. Кончезерский завод).

²² Выписка из письма управляющего Петровскими заводами Геннинга к Петру Великому от 1714 г., сентября 16 дня // Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVII в. Т. 1. СПб., 1861. С. 303–304.

²³ Прещение – термин церковного права в Русской Православной Церкви, означающий церковное дисциплинарное взыскание.

имся, получать откуда потребности не ведем, как в разброде же от нужд сих опасаемся в непоставки работ своих, остановки Повенецким заводам; от чего трепещем, дабы тем и Ваше Царское величество не прогневать; а ныне мы, рабы твои, определены к другой работе на весь Повенецкий уезд известь ломать»²⁴.

Письмо В. И. Геннина и послание выговцев не дали никакого результата, поэтому в августе 1715 г. выговцы направили Петру I новое послание о судьбе арестованных Семена Денисова и Евпла Филимонова. В послании выговцы вновь указывали, что эти узники «во определенных нам по указу обретенных руд к заводам, также в получении потреб радетьельны были и нужны». Далее сообщалось, что Семен Денисов собирается сказать царю об открытии месторождений золота и серебра: «...он<Семен>уведал от человека, который подлинно сказывает знает руды золотую и серебрянную, и места тыя, одна серебрянная у онаго опытавана»<испытана>. Сам человек доносить о своем открытии «не смеет» и просил сделать это Семена Денисова, которому, в свою очередь, «в жестоком заключении не свободно доносить». В заключении челобитной вновь содержалась просьба «Семена и Евплом указом освободить от оного томления и взять в Адмиралтейство», чтобы Семен мог донести об открытии месторождений золота и серебра, а в противном случае оба узника «в скорбях тех умертвятся и те дражайшие матери в земле безизвестны останутся»²⁵. Однако и это письмо осталось без ответа. Только в сентябре 1717 г. Семену Денисову удалось бежать из тюрьмы и в начале 1719 г. вернуться на Выг.

Аналогичная ситуация сложилась, когда из Москвы пришло распоряжение арестовать на Выге по доносу «лучших людей по именному реестру». Вскоре, в 1718 г., был арестован приехавший на Петровский завод видный выговский деятель Данила Викулин. Данилово и Лексу охватила тревога («печаль веляя, и плач к Богу, и моление, и пост»). Выговские старцы решили вновь обратиться за поддержкой к В. И. Геннину. Выговский историк И. Филиппов писал: «Но в то время, что сотвори Бог удивлению достойно: с Петровских заводов начальник заводской иноземец Виллим, написав отписку милостивцу... в Москву к Его императорскому величеству и посла со отпискою своего денщика, да монастырского с ним брата Никифора Семенова, и приехав оные в Москву»²⁶.

²⁴ Прошение выгорецких пустынножителей об Симеоне Денисове от 16 сентября 1714 г. // *Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVII в. Т. 1. СПб., 1861. С. 304–307.

²⁵ Прошение выгорецких раскольников Петру I о Симеоне Денисове от 8 августа 1715 г. // *Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVII в. С. 310–311.

²⁶ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. С. 143.

Петр I в это время был «вельми гневен и печален» (шло расследование дела царевича Алексея), поэтому никто из приближенных не решался передать ему письмо В. И. Геннина. Наконец, письмо удалось передать через руководителя Тайной канцелярии А. И. Ушакова. Петр I ознакомился с письмом В. И. Геннина и обещал дать ответ в Новгороде. Петр I прибыл в Новгород 22 марта 1718 г. «в первом часу» и в тот же день выехал оттуда и, переночевав в дороге, в 8 утра 24 марта в Ижоры и 25 марта в Петербург²⁷. По прибытии в Новгород о письме В. И. Геннина царь не вспомнил, но по дороге неожиданно «*призвав писаря, повеле написать на завод указ к заводскому начальнику, чтобы оного пустынного Данишля Викулова из-под караула спустить на свободу в свою пустыню, о том ни о чем не розыскивать, и подписал своею рукою насcore, и приказа своего из сержант Преображенского полку сержанта и, дав ему указ, велел ему ехать на заводы насcore, на почты день и ночь и отдати указ*»²⁸.

О покровительстве, которое оказывал начальник Олонецких горных заводов В. И. Геннин выговским старообрядцам, достаточно широко известно. Высказывалось даже мнение о том, что В. И. Геннин был подкуплен выговцами. Новосибирский историк Н. Н. Покровский писал, что, когда в 1734 г. в Екатеринбург на смену В. И. Геннину прибыл новый начальник Уральских горных заводов В. Н. Татищев, местные старообрядцы через екатеринбургского купца-старообрядца И. С. Осенева сделали ему традиционное подношение в тысячу рублей. Когда В. Н. Татищев отказался от этой взятки, старообрядцы решили, что отказ вызван малой суммой и на следующий день предложили ему две тысячи рублей. Получив и в этот раз отказ, старообрядцы пытались объяснить В. Н. Татищеву, что тысяча рублей – это устоявшая такса, и именно столько брал до него В. И. Геннин²⁹. Таким образом, на Урале В. И. Геннин брал деньги от старообрядцев за покровительство, но по поводу подношений от выговцев вопрос остается открытым.

Вероятно, дело было в другом. Петр I и его ближайшее окружение (А. Д. Меншиков, В. И. Геннин и др.) были рационалистами, прагматиками и технократами. Их главная цель была обеспечение бесперебойной работы горных заводов, которая, в свою очередь, зависела от исправного выполнения своих повинностей приписными крестьянами. Поскольку большая часть крестьян или была старообрядцами, или находилась под их влиянием, то обеспечение бесперебойной работы заводов полностью зависела от выговских старообрядцев. Это понимало и заводское начальство, и сами выговцы.

²⁷ Анисимов Е. В. Биохроника Петра I (1672–1725 гг.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (дата обращения 14.03.2020).

²⁸ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 143.

²⁹ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. Изд. 2-е, доп. М., 1988. С. 66.

Интересно, что такая же ситуация была и на Уральских заводах. История с попыткой дать взятку В. Н. Татищеву закончилась тем, что, получив отказ, старообрядцы заявили, что если взятка не будет принята, «то они будут все в страхе и будут искать других мест». В. Н. Татищев писал, что «обещал оные <деньги> принять», если сумеет добиться указа о невысылке беглых старообрядцев с Урала прежним их владельцам, а пока просил старообрядцев держать деньги у себя, но на всякий случай проинформировал об этом вице-канцлера и первого кабинет-министра А. И. Остермана³⁰.

В 1716 г. царь фактически легализовал старообрядцев, одновременно обложив их двойными налогами³¹, причем его должны были платить даже женщины. Требование о двойном налогообложении впоследствии неоднократно повторялось³². Все старообрядцы должны были быть записаны в специальные книги. В Олонецком уезде таковых было выявлено 911 человек. В 1723 г. в отношении выговцев было принято решение, чтобы они по-прежнему не платили подати, а отработывали их на заводских работах и были освобождены от двойного обложения.

Политика Петра I по отношению к старообрядцам стала меняться по мере приближения победоносного завершения Северной войны. В 1718 г. архимандрит одного из монастырей Нижегородской епархии Питирим предложил Петру I программу борьбы с местными старообрядцами и принудительного обращения их в официальное православие. Петр ее поддержал и в марте 1719 г. назначил Питирима епископом Нижегородским и Алатырским³³. В октябре 1718 г. на помощь Питириму в Нижний Новгород был направлен капитан-поручик Преображенского полка Ю. А. Ржевский³⁴, назначенный в марте 1719 г. вице-губернатором Нижегородской губернии. В марте 1720 г. в Нижнем

³⁰ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. С. 66–67.

³¹ О переписи раскольников, как светских, так и чернцов и черниц, и о положении на них окладов против настоящего платежа вдвое: именной [указ] [1716 г. 18 февраля] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 5. № 2996. С. 200.

³² О сборе с раскольников двойных податей: сенатский [указ] [1720 г. 17 октября] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 6. № 3662. С. 248–249; О сборе с раскольников двойных податей, о небытии ими ни у каких дел начальниками, и о непринимании их ни в какие свидетельства: именной [указ], объявленный из Сената [1724 г. 4 июня] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4526. С. 300; О ведении сбора с раскольников в Сенате: именной [указ], состоявшийся в Сенате [1724 г. 19 августа] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4553. С. 341.

³³ Подробнее о его гонениях на старообрядцев см.: Морохин А. В. Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим: Церковный деятель эпохи перемен. Нижний Новгород, 2009. 272 с.

³⁴ О переписке и о положении в оклад всех раскольников без различия чинов и звания: именной [указ], данный капитану-поручику гвардии Ржевскому [1718 г. 9 октября] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 5. № 3232. С. 590.

Новгороде был казнен один из руководителей старообрядческого центра на Керженце дьякон Александр. Начались жестокие гонения на старообрядцев: мужчин отправляли на каторгу, а женщин – в монастыри. Керженские скиты были фактически уничтожены. Оставшиеся на свободе старообрядцы бежали на Урал и в Сибирь. Хотя эти репрессии не коснулись Выга, но доходившие туда слухи порождали обстановку тревоги и неуверенности в завтрашнем дне.

В какой-то момент выговцы даже решили бежать в Сибирь. Эта информация встревожила власти. Сохранился указ Петра I Сенату от 8 февраля 1724 г.: *«Есть ведомость, что раскольники, которые живут близ Повенца, намерились уйти в Сибирь, и некоторые уже поехали... по моему мнению, мочно к ним явный указ послать: ежели так станут делать, то как беглецы будут казнены, понеже им всякая свобода есть... а там их и так много»*³⁵.

На основе этого распоряжения уже 11 февраля был принят сенатский указ: *«...велеть раскольщикам, которые живут близ Олонца, объявить его императорского величества указ публично, чтоб оные жили в своих местах, и никуда в другие места не сходили и не бегали, и в том их всех обязать друг по друге порукою; а буде они куда побегут в другие места, и за то они казнены будут смертию; буде же кому из них случится куда отъехать для торговых промыслов, и им брать у него, ландрата Муравьева, проезжие письма, а без таких писем отнюдь никуда не ездить; и для того от Сибирской стороны и в прочих местах, ко удержанию от их побегу пристойно, поставить заставы»*³⁶.

После заключения в августе 1721 г. Ништадтского мирного договора, завершившего Северную войну, начался упадок Олонецких Петровских заводов, и в новых условиях потребность в старообрядцах как в рабочей силе также уменьшилась.

В июне 1724 г. был опубликован плакат, который вводил в России новый налог – подушную подать в размере 74 копеек в год (в феврале 1725 г. сумма была понижена до 70 копеек). Государственные крестьяне, помимо подушной подати, должны были платить оброчный сбор в размере 40 копеек. Приписные крестьяне должны были оба этих налога отрабатывать в соответствии с расценками от 4 до 10 копеек в день³⁷.

³⁵ Есинов Г. В. Раскольничьи дела XVII в. Т. 1. СПб., 1861. С. 307.

³⁶ О неповолении раскольникам Повенецкого округа выезжать в другие места и о выдаче им паспортов для проезда по торговым делам: сенатский [указ] [1724 г. 11 февраля] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4467. С. 260.

³⁷ О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей, в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых: плакат [1724 г. 26 июня] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4533. С. 311–313, 316.

Старообрядцы тоже должны были платить подушную подать и оброчный сбор в двойном размере, причем сбор эти налогов был передан от Синода к Сенату³⁸. Еще в феврале 1724 г. прислан был указ Сената, чтобы выговских старообрядцев обложить двойным окладом, но в начале 1725 г. выговцы подали челобитную, в которой просили, чтобы их уволили от двойного платежа и позволили быть по-прежнему на заводской работе. В апреле 1725 г. эта челобитная была рассмотрена в Сенате. В защиту выговцев вновь выступила Адмиралтейская коллегия, в чьем ведении находились Олонецкие Петровские заводы. Оттуда была представлена справка, в которой вклад выговцев в работу заводов получил высокую оценку: «...*оные раскольщики с 1705 г. к Повенецким заводам приискывают и поднимают железную руду, да с 1714 г. к тем же заводам ломают известь, которою рудою и известью те заводы содержатся... без остановки*». По просьбе Адмиралтейской коллегии для них оставили подати в прежнем размере. Сенат тогда принял решение: «...*вышеозначенным раскольникам быть по-прежнему в заводской работе; а что с них подушных денег и за раскол надлежит было во взятие, и те деньги платить за них из Адмиралтейской суммы в Штатс-контору*»³⁹. Таким образом, получается, что принадлежность выговцев к старой вере оплачивала из своих средств Адмиралтейская коллегия.

Вместе с тем упадок Олонецких заводов продолжался, и в марте 1726 г. Адмиралтейская коллегия потребовала передачи заводов в ведение Сената. Одной из причин этого было стремление избавиться от выплат за старообрядцев, «*понеже помянутые заводы ныне содержатся, кроме оных раскольников, приписными к тем заводам ближних погостов крестьянами, а в них, раскольниках, нужды нет*». Тогда же, в марте, со старообрядцев стали требовать подати в полном объеме. Этот вопрос рассматривал Сенат, и в июне 1726 г. было принято такое решение: «...*с помянутых раскольников и с бородачей, как подушные, так и за раскол, и за бороды, по силе указов; надлежащие деньги собирать земским комиссарам*».

Таким образом, с окончанием Петровской эпохи закончилась и политика компромисса между царской властью и выговскими старообрядцами. Благодаря этому компромиссу власть обеспечила бесперебойную

³⁸ О ведении сбора с раскольников в Сенате: именной [указ], состоявшийся в Сенате [1724 г. 19 августа] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4553. С. 341.

³⁹ О бытии Выгорецким раскольникам по-прежнему при заводской работе и о платеже за них денег в Штатс-контору из Адмиралтейской коллегии: сенатский [указ] [1725 г. 26 апреля] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4703. С. 460-461. Штатс-контора (Штатс-контор-коллегия) – орган центрального управления государственными финансами России в XVIII в., образована в 1717 г., ведал государственными расходами.

работу Олонецких Петровских заводов и в значительной мере победу в Северной войне, а старообрядцы получили возможность создать на ближайших 150 лет свой крупный идеологический, экономический и культурный центр – Выговскую пустынь.

Возвращаясь к началу данной статьи, повторяюсь, что в первой четверти XVIII в. на территории современной Карелии возникли два мощных явления с далеко идущими последствиями: Олонецкие горные заводы и Выговская пустынь. Можно предположить, что между этими явлениями была какая-то внутренняя связь.

Русский историк середины XIX в. Н. И. Костомаров писал: «Мы не согласимся с мнением, распространенным у нас издавна и сделавшимся, так сказать, ходячим, будто раскол есть старая Русь. Нет, раскол – явление новое, чуждое старой Руси. Раскольник не похож на старинного русского человека; гораздо более походит на него православный простолюдин. Раскольник гонялся за стариною, старался как бы точно держаться старины, – но он обольщался; раскол был явлением новой, а не древней жизни.... В старинной Руси знание грамоты было редкостью – раскольник читал и пытался создать себе учение; в старинной Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих – раскольник любил мыслить, спорить, раскольник не успокоил себя мыслию, что если приказано сверху так-то верить, так-то молиться, то, стало быть, так и следует; раскольник хотел сделать собственную совесть судьей приказания, раскольник пытался сам все проверить, исследовать»⁴⁰.

В начале XX в. немецкий социолог и экономист Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» связал возникновение и развитие капитализма в Западной Европе с Реформацией и появлением нового христианского течения – протестантизма с его особым отношением к трудовой и предпринимательской деятельности. По мнению М. Вебера, протестантская этика обеспечила формирование у нарождающегося предпринимательского класса активной жизненной позиции, проявлявшейся в трудолюбии, бережливости, честности и расчетливости⁴¹.

В России старообрядчество тоже активно проявило себя в новой для крестьянской страны промышленной деятельности в Карелии, на Урале, в Подмосковье, Поволжье и других местах. Тема роли старообрядчества в развитии горнодобывающей промышленности Карелии поэтому нуждается в дальнейшем изучении.

---

⁴⁰ Костомаров Н. И. История раскола у раскольников // Костомаров Н. И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994.

⁴¹ Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. 651 с.

И. И. Набокова

(Музей-заповедник «Кижис», Петрозаводск)

УКЛАД ЖИЗНИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ ШУНГСКОГО ПРИХОДА ПОВЕНЕЦКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ 1850-х гг.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности жизнеустройства и организации служений старообрядческой общины Шунгского прихода Повенецкого уезда в конце 40 – начале 50-х гг. XIX в. в условиях преследований со стороны духовных и светских властей. Исследование основано на материалах фонда Олонецкой духовной консистории Национального архива Республики Карелия.

В начале 1850-х гг. светские и церковные власти активизировали работу по выяснению истинных масштабов распространения староверия в Повенецком уезде, определяя приоритеты собственной антистарообрядческой политики. Ежегодно различными службами тайно и явно собирались сведения о государственных крестьянах – старообрядцах, принадлежавших различным согласиям. В том числе собирались данные по Шунгскому приходу Повенецкого уезда. В материалах фонда Олонецкой духовной консистории Национального архива Республики Карелия – рапортах чиновников различных ведомств, благочинных, местных священников по Повенецкому уезду – содержатся, помимо статистических данных, уникальные сведения об укладе жизни последователей старой веры Шунгского прихода, собранные в ходе кампании по «искоренению раскола». Эти документы позволяют дополнить базу исторических свидетельств, связанных с особенностями традиционного быта старообрядцев Олонецкого края.

Шунгской приход входил в состав Олонецкой епархии Московского патриархата с момента ее возобновления в 1828 г.¹ Церковное деле-

---

¹ Олонецкая епархия была учреждена 22 мая 1828 г. указом императора Николая I.

ние в целом совпадало с территориально-административным, центр прихода располагался в селе Шуньга.

В середине XIX в. на погосте находились три храма, две каменные церкви: в честь Благовещения Богородицы – теплая, и церковь Богоявления Господня, с колокольной и деревянными куполами, выстроенная «старым обычаем». Богоявленская церковь имела три придела, связанных с посвящением древних шунгских храмов²: соборный во имя Богоявления Господня, Святителя Николая, во имя Св. Пророка Илии. Церковь была построена в 1833 г. на месте прежней после пожара. Третья – деревянная церковь Благовещения Богородицы с трапезой, по документам была выстроена «в виде часовни с папертью над оградными воротами с существующей таковою же колокольной»³.

На 125 селений Шунгского прихода приходилась 21 часовня⁴, 9 из них стояли при деревенских кладбищах (см. прил. на с. 266–268). В 7 часовнях заведено было празднование господских праздников: Преображения Господня, Воздвижения Креста, Вознесения Господня, Св. Троицы. В 4 часовнях отмечали богородичные праздники: Введение во храм Пресвятой Богородицы, Покрова Пресвятой Богородицы, празднование Иконы Божией Матери «Знамение», Владимирской иконы Божией Матери, Иверской иконы Божией Матери. В 11 часовнях «отправляли малое празднование» в честь почитаемых святых:

- Св. вм. Георгию
- Св. вм. Дмитрию Солунскому
- Св. Василию Великому
- Св. Иоанну Богослову
- Св. Николаю Чудотворцу
- Св. вм. Георгию
- Св. Архистратигу Михаилу
- Св. мученице Параскеве

---

² Первые храмы на Шунгском погосте были построены во имя Николая Чудотворца и Ильи Пророка. Обе церкви упоминались в конце XV в. Никольский храм «сожгли немцы в разоренье во 122-м [1613/14] г.», к 1630-м гг. он был возведен вновь «о девяти верхах шатровых» с приделом «вверху на полатех» Рождества Иоанна Предтечи. К 1640-х гг. придел был разобран. Третий храм был построен в 1650-х гг. в честь праздника Богоявления Господня. Между концом 1670-х – серединой 1700-х гг. эта церковь была разобрана, на ее месте был опять поставлен храм со старинным посвящением в честь Ильи Пророка (Суслова Е. Д. Церковные приходы в Заонежских погостах // Суслова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV – начала XVIII в. Петрозаводск, 2013. [Электронный ресурс] URL: http://carelica.petrstu.ru/Reading_hall/Suslova/SUS_G1_1.pdf. Дата обращения 2.12.2020).

³ НА РК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 12/260. Л. 42–43.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 9–9 об.

Св. мученикам Кирику и Иулите
Св. вм. Екатерине
Св. вм. Варваре
Св. апостолу Фоме.

В 8 часовнях празднество совершалось два раза в году: в том числе в часовнях деревень Северные Кевтеницы и Боровская – в честь св. Великомученика Георгия (вешнего и зимнего Егория), в часовне д. Пабережье – в честь св. Николая Угодника (вешнего и зимнего Николу), в часовне д. Яншиной – в честь Иоанна Богослова.

Наибольшие свечные сборы приносили часовенные праздники Преображения Господня (д. Рич-Наволок), Вознесения (д. Фоминой), Воздвижения (в кустах у мельницы в 8 вер. от погоста), Троица (д. Берстяной) и праздник Кирика и Иулиты (д. Хариной).

Все описанные часовни были «построены издревле тщанием прихожан», к началу 1850-х г. все малые храмы находились в управлении местного причта, средства из них за продажу свечей и ладана регулярно поступали в церковь и учитывались в приходских церковных книгах.

Приход входил в число охваченных «духом раскола». В начале века в Шунгском приходе проживало 67 «записных» старообрядцев, в то же время «не радеющих о христианском долге» из 4744 жителей прихода значилось 3886 человек, что составляло 81,9 %. К началу 50-х г. XIX в. более точные данные официальной статистики свидетельствовали о том, что из 4685 жителей Шунгского прихода были «явными» старообрядцами 30 человек (0,6 %), «тайными» – 1043 человек (22,3 %), а 3610 местных жителей (77 %) считались «склонными к расколу» и «колеблющимися»⁵. Наиболее распространенным в Шунгском приходе был поморский (даниловский) толк. Кроме того, в середине 1850-х г. в приходе проживало несколько семей аристовского согласия⁶.

Священники, обозревавшие приход в первой половине XIX в., не раз отмечали, что «Шуньга была заражена расколом в наивысшей степени, нежели другие селения Повенецкого уезда». «Здесь редкие из православных принимают Святое причастие, все молятся раскольническим перстосложением, держат в домах своих кадильницы ладан и даже лестовки. У богатых крестьян комнаты уставлены образами древнего письма, увешаны лампадками, разными картинами из Даниловского селения с изображением Страшного суда, антихриста и портретами почитаемых

⁵ Ружинская И. Н. Заонежское старообрядчество в первой половине XIX в. // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 232.

⁶ НА РК. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 10–11.

раскольников: Данилы Викулова, Корнелия, Виталия и др. Хозяева большей частью совершают на распев моления по старым книгам в своих домах, в церковь да и в большие праздники не ходят»⁷.

Причина такого масштабного распространения старообрядческого вероучения между шуньжанами во многом объяснялась тем, что Шуньга издавна была колыбелью поморского беспоповского согласия: Данила Викулов, один из основателей Выгорецкого поморского общежительства, служил дьячком в Шунгском приходе; выговские киновиархи Андрей и Семен Денисовы, Петр Прокопьев и организатор палеостровских гарей 1687 и 1688 г. Емельян Иванов также принадлежали к единому шунгскому роду⁸.

Жители Шуньги и насельники Даниловского и Лексинского общежительств были объединены общими интересами. «Шуньга и Даниловский монастырь держались, взаимно помогая друг другу», замечал местный причт. Способствовали этому тесные родственные связи выговских насельников и шуньжан. В Выголексинское общежительство шуньжане регулярно выезжали для богомолений и свидания с родными «без видов», не оформляя плакатных паспортов⁹, и принимали у себя родных, приписных к обоим монастырям. Шуньга снабжала Выг всем необходимым: рабочей силой, продовольствием, деньгами. Из Данилова и Лексы наставникам направлялись образа, книги, венчики и все необходимое для служения, а главное, поддерживались старообрядческие школы, моленные, в шунгские села отправлялись наставники-грамотники и требоисправители.

Вторая причина, поддерживавшая «древнее благочестие» в Шуньге, заключалась в торговом значении Шуньги. Это село представляло собой один из крупнейших на Русском Севере центров «поморской торговли». Обороты Шунгской ярмарки в 1860-е г. доходили до 800 тысяч и даже до миллиона рублей. «Она играла такую же роль в Олонецкой губернии и Поморье, как и Нижний Новгород на востоке Европейской России. Москва и Варшава, в особенности Белое море и Петербург хорошо знали Шуньгу, и купцы из этих мест ездили в нее»¹⁰.

Ежегодно в числе промышленников на Шунгскую ярмарку приезжало значительное число «ожесточенных раскольников», что, по мнению

⁷ НА РК. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 7–8 об.

⁸ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 22.

⁹ Документ давал право на выезд крестьян из своих селений для занятия промыслами.

¹⁰ Ончуков Н. Старина и старообрядцы: поездка в Поморье и Заонежье // Живая старина. 1905. № 3–4. С. 276.

православного священства, «весьма вредило и расстраивало шунжан»¹¹. Во время ярмарок, особенно в Благовещение и Крещение, в село съезжались вероучители из всех мест Олонецкой, Архангельской, Новгородской губерний и Финляндского княжества. В это время главы раскольнических обществ устраивали «совещания и догматические споры», участниками которых оказывались местные жители. Эти диспуты были связаны с богословской полемикой, получившей развитие в середине XIX в., посвященной вопросам пришествия антихриста и его воцарения, возможности спасения в этих условиях. Сюда приезжали сборщики из Топозерского, Пахкаламбского, Мегрегского и других скитов. Нуждающиеся единоверцы получали в помощь деньги, советы и разъяснения.

Устроенные выходцами из Данилова в Шуньге моленные, школы для обучения детей, требоисправители, сборщики не могли бы действовать столь свободно, если бы местное священство и волостное начальство следовали правительственным установкам борьбы с расколом.

Чиновники, обозревавшие приход, с негодованием писали в отчетах: в Шуньге «правительство еще не касалось раскола со стороны полицейских мер, поскольку местное сельское начальство и сотские большей частью сами заражены расколом, хотя для виду иногда ходят к исповеди и Святому причастию». При существовавшем законе, допускавшем выбор сотских и сельских старшин из числа староверов, при условии приведения их к присяге, выборные должности получали наиболее состоятельные и уважаемые из их числа. Так, например, сельский старшина Селезневский, по примеру своих семейных «даже ел из особой чашки, жил безбрачно с подругой из д. Ажобнаволоков»¹².

Приходское духовенство так же не имело возможности, а главное желания бороться со старообрядцами, поскольку многие находились с ними в тесном родстве. Например в 1850-х г. в Богоявленском храме Шуньги служил священником Василий Иоаннов Плотников. Его свекровь, Евфимия Петрова Велиславова, супруга пономаря Толвуйского прихода, с детства и до выхода замуж воспитывалась в женском Лексинском монастыре¹³. Она была «образованием даниловка», занималась обучением детей. Родители, особенно связанные с расколом, с доверием отдавали ей своих детей. Евфимия была очень талантлива: способна к рукоделию, умела вышивать шелками, гарусом и золотными нитками, пела «по крюкам».

¹¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 16/142. Л. 19.

¹² Там же. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 6.

¹³ *Калашиникова Р. Б.* Священники Плотниковы из села Лижма (Устная история семьи) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 18.

В то же время некоторые из приходских священников, склонные к пагубным пристрастиям, имели крайне низкий авторитет среди местных жителей, что также не помогало «обузданию раскола». Так, шунгской священник П. Я. Молчанов, нередко употреблявший «горячие напитки до излишества», имел неуживчивый и буйный характер, который постоянно проявлялся в конфликтах с прихожанами¹⁴.

Семьи староверов были заинтересованы в наследовании «веры отцов», передаче моленного опыта, нравственном воспитании и старались обучить своих отпрысков в духе «древлего благочестия». С закрытием Выго-Лексинского общежительства обучение сосредоточилось в деревнях прихода. Многие староверы, в домах которых проживали высланные из Данилова и Лексы родные, обучали детей в семье. В зажиточных семьях учителя могли приглашать на дом. Семьи с меньшим достатком отправляли ребят по домам грамотников.

В отчетах отмечалось, что большая часть из 320 грамотных шунжан получила воспитание у старообрядческих наставников¹⁵. Только за 1854 г. в 125 селениях прихода учителями-грамотниками было обучено 119 человек обоего пола. Средний возраст обучающихся в приходе составлял около 10–14 лет, но были случаи, когда в семьях обучались и 25-летние, и детишки 8 лет.

В середине 1850-х гг. с ребятами занимались 11 учителей-грамотников: 4 женщины и 7 мужчин, их возраст колебался от 48 до 74 лет. Из женщин грамоту преподавали либо монастырки, получившие воспитание в скитах на Лексе, либо вдовы, «упорные раскольницы», высланные из Данилова на родину. Обучение они совмещали с требоисправлением, перекрещиванием, отпеванием умерших по соседним селениям.

Среди учителей-мужчин можно было выделить две категории: богатые, уважаемые в селениях, семейные крестьяне, либо нуждающиеся в средствах одинокие или вдовы, обучающие ради прибыли.

Наиболее известные школы располагались в деревнях Могучая, Щепино, Кажма, Фетково, Тимохово. Старейшая старообрядческая школа действовала в доме 65-летнего Ивана Давыдова Телегина из д. Кажма. Самое большое число учеников посещало школу в д. Могучей в доме старца Семена Васильева. В отчетах о нем писали: «Семен Васильев – упорный раскольник, богатый крестьянин, имеет довольно обширный дом, ведет исправное хозяйство... прежде не раз выбирался обществом в сельские старосты». В преклонном возрасте он оставил должность. Бу-

¹⁴ НА РК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 12/260. Л. 45.

¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 9.

дучи грамотным, завел в доме у себя большую школу для обучения детей в правилах раскола, в ней ежедневно обучалось до 17 мальчиков из разных обозерных деревень. Школа Телегина была настолько известна, что к нему привозили учеников даже из Поморья¹⁶.

Книги, необходимые для школы, псалтырь, часовники и азбуку, он получал из Даниловского селения, но иногда учил по тем, которые привозили ему родители воспитанников. В 1850 г. его обязали подпиской оставить обучение детей, но, несмотря на это, в середине 1850-х гг. Телегин продолжал свои занятия.

Методика обучения заонежскими учителями-старообрядцами была наследована из Данилова¹⁷. Грамоту преподавали по буквослагательному методу. Сначала учили по азбуке произношению букв в алфавитном порядке, затем – складам, после чего читали слова под титлами, а потом приступали к изречениям из Священного Писания и молитвам. Азбуки для обучения брали написанные в Даниловой пустыни с церковнославянским начертанием букв. Когда ученики проходили азбуку, их учили чтению часослова, а затем и псалтири. Чтению гражданской печати «учили после, и то наспех, кое-как». Писать учили после того, как дети усваивали искусство чтения. Никаких правил правописания детям не преподавалось. Письмо усваивалось через копирование с прописей. Прописи доставались из монастыря или писались грамотниками. По воспоминаниям обучавшихся, монастырские прописи нередко иллюстрировались рисунками от руки, изображающими или учителя, обучающего отроков, или отрока, молящегося перед образом о «раскрытии учения», и подобные назидательные сцены.

На первой странице прописей помещались буквы в алфавитном порядке в самых разнообразных начертаниях, в конце строки писалось название букв, их печатное церковнославянское начертание. Вторую строку занимало изречение из Священного Писания. Детей учили писать трудной «полууставной рукописью», позже вошла в употребление гражданская скоропись. Арифметику преподавали только на счетах: письменную нумерацию чисел проходили приблизительно до 1000. Писали сначала на аспидных досках, а потом на бумаге перьями. За обучение в среднем платили по 2 рубля 50 копеек в год с ученика, богатые платили больше. Кроме того, родители учащихся делали учителю разные подарки, главным образом, одаривали продуктами своего хозяйства;

¹⁶ НА РК. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 2.

¹⁷ *Коренной П.* Очерк из истории развития грамотности и школьного обучения детей в Космозерском сельском обществе Петрозаводского уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. № 14. Петрозаводск, 1915. С. 19.

сердобольные матери снабжали учителя маслом, молоком, яйцами, чтобы он «поснисходительнее был к их детям». Ученики, которым не нравилось, или те, которые не могли ничему научиться у одного учителя, могли переходить к другому.

Учителя, наследовавшие Даниловскую методику, по воспоминаниям, были строгие, а порой и безжалостные. Для наказания применялись розга, дерганье за уши, за волосы, битье линейкой, неуспешных учеников запирали в хлев, где «привязывали на соломинку». Нарушивший пути получал наказание¹⁸.

Наиболее известной личностью среди староверов Шунгского прихода в отчетах благочинных назывался явный раскольник, житель д. Фартаковой Иван Ефимов, носящий прозвищу Мехтель, (в 1854 г.) 59 лет. По данным причта, Мехтель считался главным наставником и учителем поморского согласия, имевшим постоянные связи с Даниловским монастырем. Мехтель «как верный и хитрый агент» разезжал по всей Шуньге, Карасозерскому и Мелогубскому приходам Петрозаводского уезда¹⁹.

Предпочитая вести дела с богатыми крестьянами, он исповедовал единоверцев, отпевал умерших, вел беседы, разъясняя основы старой веры, перекрещивал, отправлял в моленных и часовнях службы в праздничные дни, считался местными жителями одним из главных духовных лидеров старообрядческой общины.

Умея обращаться с капиталами, он «держал денежные суммы для вспомоществования соседям», отвозил деньги на поминовение в Данилов и Лексу, беря для себя небольшую комиссию. Все эти занятия давали ему достаточные средства к безбедному существованию, прокормлению большого семейства и содержанию двух наемных работников. Одним из основных свойств характера Ивана Ефимова была скрытность, он никогда не высказывал при духовенстве резких суждений против Церкви и православия и «всегда старался уклониться от расспросов».

В Шунгском приходе при сборе информации о старообрядцах были выявлены моленные в деревнях Батово, Онтово, Кажма, Ошуково, Варнеж Губа, Фартаково и на погосте в Шуньге²⁰. Чаще всего, чтобы избежать посторонних глаз, их устраивали в дальних частях больших крестьянских домов: на сарае в выделенной срубом горнице, так называемой сарайной горнице, светелке на чердаке – «на вышке», либо в чулане с потайным входом. Принадлежали моленные крестьянам состоятельным, занимавшимся торговлей или ремеслами в Петрозаводске или Петербурге.

¹⁸ *Коренной П.* Указ. соч.

¹⁹ НА РК. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 5 об – 6.

²⁰ Там же. Л. 1–5 об.

Убранство домашних молелен, в отличие от скитских, имело очень скромную обстановку: несколько образов (от 4 до 12), скамеечки, складной аналой. Эти домашние малые храмы стали после разорения Выга и массовых гонений местом спасения старообрядческих реликвий и святынь. Например в д. Батово в моленной находились образа и несколько маленьких лампадок, по слухам принесенных из православной часовни, сгоревшей во время пожара со всей утварью.

В таких моленных собирались односельчане – последователи старой веры, на соборные моления к особым праздникам приезжали родные из Данилова и Лексы для свидания с родными, приезжали гости из соседних приходов для проведения религиозных диспутов.

При таких моленных в доме часто проживал начетчик или монастырка, занимавшиеся исправлением треб для местных жителей. В некоторых семьях для домашних молений устраивали «образные горницы», представлявшие собой парадное жилое помещение, в котором на стенах размещалось большое количество икон. Описаны случаи, когда моленную от глаз епархиального начальства скрывали под видом образной горницы, внося туда для вида нехитрую мебель, которую легко можно было при необходимости убрать.

В соседних приходах Повенецкого уезда, помимо помещений в домах, в качестве молелен использовались различные крестьянские постройки: явный раскольник д. Деригузовой Иов Филимонов моленную устроил в избе при мельнице, а крестьянин д. Медвежья Гора Семчезерского прихода Осип Богданов перевез свою старую избу на местное кладбище и обратил ее в моленную, учредив в ней ежегодное празднество в день Св. Александра Свирского. Спасая святыню, бывший большак Даниловского селения Аника Степанов перевез к нему большой, хорошо написанный образ во имя этого угодника. В д. Рахмозеро того же прихода моленная была устроена в отдельно стоящем рубленом сарае в длину и ширину около сажени (около 2 м). Осмотр показал, что в ней находились 12 образов, на жердях висела холстинная занавеска, разделяющая ее пополам, на полке лежали кадильница и несколько восковых свечей. В Юстозерском приходе моленная была устроена в старом амбаре, куда, по словам священника, сносились иконы во время праздников и отправлялись службы в присутствии всего селения. В Гимольском приходе на Сукозере в моленную был обращен дом умершего пустычника Федора Кириллова. Изба была разделена на две половины, в одной была моленная, а в другой – келья для проживания паломников²¹.

²¹ Там же. Л. 11, 30, 31–32, 35, 81.

Во многих удаленных от центра приходах (например, Ребольском), староверы, втайне от священников, продолжали собираться в часовнях, принося свои иконы, лестовки, скамеечки и все необходимое для служения²². «Склонные к расколу» шуньжане совместно с мирскими также нередко проводили праздничные соборные служения в родных деревенских часовнях, несмотря на запреты и увещания местного духовенства.

Особенности отправления похоронного обряда шуньжан-староверов заключались в следующем: для отпевания покойного старались пригласить своих требоисправителей еще до прибытия священника. Отпев покойного надлежащим образом, они, демонстрируя покорность, ожидали, когда священник совершит свой обряд, но в это время никто из пришедших уже не молился. Священник производил отпевание покойных согласно правилам в придеревенских часовнях. Там, где неподалеку от деревни было кладбище, обряд похорон совершался в его присутствии. В местах, где рядом с часовней кладбища не было, как только священник удалялся, староверы «окуривали мертвого ладаном, вынимали положенные им венчик и разрешительную молитву и заменили своим даниловским венчиком. После этого покойного торжественно с пением несли на кладбище». Такая практика, по сообщениям священников, была нередкой как в Шуньге, так и в соседнем Толвуйском приходе²³.

Сводный отчет, аккумулировавший обширные сведения о Шунгском приходе, и доклад о деятельности раскольников Повенецкого уезда лег на стол архиепископа Аркадия в конце 1854 г. Он был составлен секретарем Олонецкой епархии Ржановским на основании статистических отчетов, данных, полученных от местных священников и благочинных за последнее десятилетие²⁴.

Итогом аналитической работы епархиальных чиновников стало заключение, вскрывавшее истинные масштабы распространения раскола в губернии²⁵. Впоследствии оно легло в основу множества разбирательств и административных решений, нанесших окончательный удар по старообрядческой общине Шунгского прихода. Было заявлено, что Шуньга требует особого внимания со стороны правительства, как место, составляющее почти четверть населения Повенецкого уезда. Предлагались жесткие меры по искоренению раскола в приходе:

²² НА РК. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 74.

²³ Там же. Л. 9–9об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 13–15.

1. Обязать священников принимать детей для обучения грамоте, снабдив их необходимыми книгами, а старообрядческих учителей «обязать строжайшими подписками прекратить свои действия под опасением наказания за обучение как за совращение».
2. Запретить беспаспортные отлучки жителям шунгских селений, и в паспортах делать отметки, запрещающие посещение Данилова и Лексы. Приписанным же к монастырям запретить отлучки из мест жительства, в особенности в Шуньгу и соседние Толвую и Кижы.
3. Производить регулярные обыски в домах подозрительных грамотников с целью лишить их старинных книг, за содержание книг, вредных православию, виновных предлагалось отдавать под следствие.
4. Выслать в Данилов и Лексу монастырок-учительниц, издавна перечислившихся в Выгорецкое общежительство.
5. Высылать наиболее видных расколоучителей из Шунгского прихода в православные монастыри.
6. На тех, кто впредь будет замечен в отправлении треб по расколу, представлять духовному начальству для наложения... епитимии.

Подводя итоги исследования, можно заключить, что в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в., в преддверии «кампании по искоренению раскола», старообрядческая община Шунгского прихода продолжала сохранять свой особый способ жизнеустройства, демонстрируя способность к адаптации и устойчивость к внешним угрозам со стороны церковных и светских властей и стремление к сохранению своей самобытности.

Шунгской приход. Часовенные праздники.

НА РК. Ф. 2. Оп. 71. Д. 106/705. Л. 9–9 об

№	Посвящение часовни (по документу)	Место расположения часовни	Когда совершается богослужение	Свечной сбор	1 празднество (посвящение) (по ст. ст.)	2 празднество (посвящение) (по ст. ст.)
1	Вознесения Господня	Близ погоста, в ¼ версты от церкви	Празднества в одной не бывает	–	Вознесение Господне отмечают в четверг, на 40-й день после праздника Пасхи (В 1851 г. – 17 мая.)	
2	Св. апостола Фомы	Д. Нефедовской в 2 верстах от погоста	Малое богослужение в неделю аптти-пасхи	18 коп.	Антипаша или Фомино воскресенье – первое воскресенье после Пасхи	
3	Знамения Пресвятой Богородицы	Д. Тугариновой в 3 верстах от погоста	Празднество малое 27 ноября и 21 мая	36 ¼ коп.	27 ноября Иконы Божией Матери «Знамение»	21 мая Владимирской иконы Божией Матери
4	Св. Великомученицы Екатерины	Д. Хариной в 3 верстах от погоста	Празднество 24 ноября и 15 июля	1 руб. 68 коп.	24 ноября Вмц. Екатерины	15 июля Мч. Кирика и мц. Иудитты
5	Св. Великомученика Георгия	Д. Боровской в 8 вер. от погоста	Празднество 26 ноября и 23 апреля	60 коп.	26 ноября освящение церкви великомученика Георгия в Киве в 1051 г.	23 апреля Вмч. Георгия Победоносца
6	Вознесения Господня	Д. Фоминой Горы в 9 вер. от погоста	Празднество в день Вознесения Господня в 8 ноября	2 руб. 32 коп.	Вознесение Господне отмечают в четверг, на 40-й день после праздника Великой Пасхи (В 1851 г. – 17 мая.)	8 ноября Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных
7	Св. Великомученика Дмитрия	Д. Большой Двор в ½ вер. от погоста	Празднество 26 октября	35 ½ коп.	26 октября Вмч. Димитрия Солунского	

8	Одигитрия Пресвятой Богородица	В д. У Пречистой в 2 вер. от погоста	Празднество на 2 день Св. Пасхи и в Рождество Христово	41 ¼ коп.	2 день Святой Пасхи Празднование в честь Иверской иконы Божией Матери (принадлежит к иконописному типу Одигитрия («Путеводительница»)) совершается во вторник Светлой седмицы	25 декабря Рождество Христово
9	Воздвижение Креста Господня	В кустах у мельницы в 8 верстах от погоста	Празднество на 14 сентября	1 руб. 8 коп.	14 сентября Воздвижение Честного и Живоносного Креста Господня	
10	Св. Василия Великого	В той же деревне	Празднество 1 января	12 ½ коп.	1 января Обрезание Господне и память святителя Василия Великого	
11	Св. Иоанна Богослова	На вершуте близ д. Яншиной в 8 вер. от погоста	Празднество малое 26 сентября и 8 мая	62 коп.	26 сентября Преставление Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова	8 мая День поминовения Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова
12	Св. Мученицы Параскевы	Д. Ляхновщина в 9 вер. от погоста	Празднество очень малое 28 октября	Продажи свеч не было	28 октября Вмц. Параскева, нареченная Пятница	
13	Св. Троицы	Д. Берстяной в 8 вер. от погоста	Празднество бывает в след... субботу седмицы	1 руб. 12 ½ коп.	День Святой Троицы Переходящий праздник, празднование в воскресенье в день Пятидесятницы – 50-й день после Пасхи. Праздник входит в число двенадцатых праздников	
14	Введение Пресвятой Богородицы	В д. Медведской в 8 вер. от погоста	Празднование бывает небольшое 21 ноября	62 коп.	21 ноября Введение во Храм Пресвятой Богородицы	

Окончание прил.

№	Посвящение часовни (по документу)	Место расположения часовни	Когда совершается богослужение	Свечной сбор	1 празднество (посвящение) (по ст. ст.)	2 празднество (посвящение) (по ст. ст.)
15	Св. Николая	При д. Пабержье в 6 вер. от погоста	Празднование бывает небольшое 9 мая и 6 декабря	72 ½ коп.	9 мая Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар	6 декабря Поминование Свт. Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца
16	Св. Великомученицы Варвары в д. Часовенской	В д. Часовенской в 3 вер. от погоста	Празднование бывает очень малое 4 декабря	4 ¼ коп.	4 декабря Вмц. Варвары	
17	Св. Великомученика Георгия	В д. Северных Кветениц в 8 вер. от погоста	Празднование бывает 23 апреля и 26 ноября	82 ½ коп.	23 апреля Вмч. Георгия Победоносца	26 ноября Освящение церкви вмч. Георгия Победоносца в Клеве (1051–1054)
18	Покрова Пресвятой Богородицы	В д. Глушинской в 5 вер. от погоста	Празднование бывает 1 октября	32 ½ коп.	1 октября Покров Пресвятой Богородицы	
19	Св. Архистратига Михаила	При д. Тихоновой в 2 вер. от погоста	Празднование бывает очень малое 8 ноября	17 3/9 коп.	8 ноября Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных	
20	Преображения Господня	В д. Рич-Наволок в 6 вер. от погоста	Празднование бывает 6 августа	1 руб 65 коп.	6 августа Преображение Господне	
21		В погосте называемая «У куста»	Нарочного богослужения не бывает	Продажа свеч не производится		

Д. А. Данилов

(Музей-заповедник «Малые Корелы», Архангельск)

ИНТЕРЬЕР ДОМА СЕВЕРОРУССКИХ КРЕСТЬЯН- СТАРООБРЯДЦЕВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ В МУЗЕЕ «МАЛЫЕ КОРЕЛЫ»

Аннотация: Статья посвящена опыту создания интерьера избы и молельни крестьян-старообрядцев в доме Русиновых в музее-заповеднике «Малые Корелы». Предметный мир экспозиции описывает систему этноконфессиональных символов, которые отражают существовавший у старообрядцев-беспоповцев в конце XIX – начале XX в. комплекс регламентаций и запретов.

Впервые проблема организации интерьера избы крестьянина-старообрядца в Архангельском музее деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» возникла в 1976 г. в связи с перевозкой на территорию Двинского сектора архитектурно-ландшафтной экспозиции дома Русиновых из деревни Кондратовская Верхнетоемского района Архангельской области (рис. 1)¹. Русиновы принадлежали к большой богатой семье, имевшей в своей собственности пароходы на Двине. Согласно сохранившейся легенде, в последнее время в доме жили две бабушки староверки, которые вели скромный, уединенный образ жизни². Это обстоятельство позволило исследователям предположить, что строитель дома был членом одной из ветвей этой семьи и принадлежал к одному из старообрядческих согласий³.

---

¹ Первые описания дома Русиновых были приведены И. В. Маковецким. По ряду древних элементов, в первую очередь наличию очелья, памятник был отнесен к XVIII в.: «Очелье – один из наиболее древних видов оконного наличника. Последние его образцы мы встретили на избах конца XVIII в. в селениях Бор и Кондратьевская Верхнетоемского района Архангельской области» (Цит. по: *Маковецкий И. В.* Архитектура русского жилища. М., 1962. С. 154). В том виде, в котором дом был перевезен в музей, его нужно отнести к концу XIX в.

² *Давыдов А. Н.* Архангельский музей деревянного зодчества. М., 1987. С. 62–63.

³ *Пермиловская А. Б.* Северный дом. Архитектурно-художественный каталог. Петрозаводск, 2000. С. 156.

В пользу принадлежности дома старообрядцам свидетельствуют некоторые особенности декоративного убранства и внутреннего устройства памятника. И без того нарядный, пропорциональный художественный облик дома дополняет очелье (рис. 2) – редкий и наиболее древний элемент оконного украшения. В народной архитектуре этот вид наличника

Рис. 1–2. Дом Русиновых, Двинской сектор музея «Малые Корелы». Фотография 2016 г. Из архива АМДЗ

получил широкое распространение в XVII в. По своим техническим и стилистическим особенностям очелье напоминает элементы киотной и иконостасной барочной резьбы. Такого рода орнаментальную схожесть русский художник и путешественник А. А. Бобринский отмечал еще в начале XX в.⁴ В данном случае проявилась одна из особенностей старообрядческого уклада – сохранение и консервация древних традиций в декоративном убранстве жилища.

Вторым обстоятельством, позволившим приступить к созданию интерьера крестьян-старообрядцев, стало наличие в доме Русиновых молельни – отдельного помещения для уединенной молитвы и общественных богослужений. Молельня представляет собой узкую, небольшую по площади комнату, закрытую на двойные двери. На внутренней двери сохранился замок амбарного типа, закрыть который можно только изнутри. Вход осуществлялся из зимней избы, встроенной в боковой фасад дома и частично выступающей за пределы общего объема. Организация молельной комнаты в отдельном, запирающемся изнутри, помещении объясняется особым отношением старообрядцев к молитве как к тайнодействию⁵.

Первый вариант реконструкции интерьера крестьян-старообрядцев в доме Русиновых был предложен в середине 1980-х гг. сотрудником музея Н. Н. Власихиной – замечательным исследователем и участником многих полевых экспедиций. Первоначально ставилась задача воссоздать интерьер, отражающий не просто культуру старообрядцев Русского Севера, но и религиозно-бытовой уклад приверженцев конкретного старообрядческого согласия, к которому могли принадлежать хозяева дома. Ввиду нехватки экспозиционного материала этот вариант не был реализован.

Вопрос о принадлежности Русиновых к тому или иному согласию, а также о переходе отдельных представителей семьи из согласия в согласие остается открытым, ожидая дальнейших исследований. Впрочем, география распространения старообрядческих толков и согласий позволяет предположить, что Русиновы принадлежали к беспоповскому толку древлеправославия. В верховьях Северной Двины в разное время беспоповцы были представлены четырьмя согласиями – филипповцами, фэдосеевцами, даниловцами и аароновцами⁶. В Сольвыггодском уезде

⁴ См. *Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия. Вып. XI. М., 1910. Табл. 152.

⁵ Символическое значение закрытого от посторонних глаз пространства, предназначенного исключительно для молитвы, указывает на буквальное исполнение слов Евангелия: «И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые лобзят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 5–6).

⁶ *Щипин В. И.* Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М., 2003. С. 8–11.

в начале XX в. 26 приходов было «заражено расколом»⁷. Здесь преобладали даниловцы и аароновцы. В то же время известно, что самым большим и непререкаемым авторитетом как среди беспоповцев, так и среди верующих официальной церкви в Верхнем Подвинье пользовались филипповцы⁸. Центр этого согласия на Двине в XIX в. находился в селе Черевково. В «административном» послушании у черевковских наставников были не только верхнетоемские старообрядцы, но и общины в Афанасьевской, Верхнеуфтюжской, Нижнеуфтюжской, Лябельской волостях Сольвычегодского уезда⁹.

На сегодняшний день в доме Русиновых создан интерьер, в котором отражен обобщенный образ старообрядческой культуры Русского Севера XIX – начала XX в¹⁰. При этом акцент сделан на особенностях религиозно-бытового уклада беспоповцев в сопоставлении с образом жизни православных крестьян¹¹. Данный подход позволяет показать иерархическую организацию старообрядческой общины и связанную с ним систему религиозно-бытовых регламентаций, а также отношение конкретной старообрядческой общины к миру. Например, у старообрядцев Тулгасского прихода Шенкурского уезда каждый толк разделялся на три категории – «чашки»: большую, среднюю, малую. Принадлежащие к первой чашке «назывались прочими святыми, живут в отдельных домиках, не молятся вместе с принадлежащими к остальным двум чашкам и не едят вместе с ними из одной посуды и одним столом»¹². Для разных категорий старообрядцев существовали разные нормы поведения. Чем выше религиозный статус той или иной группы, тем строже соблюдались регламентации, тем больше предписанных традицией запретов. Во внешнем, соприкасающемся с никонианами мире старообрядческой культуры регламентации и нормы ничем не отличаются от общепринятых.

⁷ Цитата по: Чуракова Н. Н. География старообрядческих согласий на Архангельском Севере в XIX – начале XX в. // Материалы международной научно-практической конференции «Народная культура и музеи под открытым небом. Пути сохранения и возрождения традиционной культуры». Архангельск, 2000. С. 80.

⁸ Старообрядцы других согласий, распространенных на Двине, называли филипповцев «крепкая вера», «высока вера». Их отличала строгость в соблюдении устава, аскетизм, они не употребляли чай и кофе, полностью воздерживались от употребления алкоголя и табака, среди филипповцев был широко распространен запрет на употребление мяса. (См.: Шитин В. И. Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М., 2003. С. 11.)

⁹ ГАВО. Ф. 496. ОП 1. Д. 15679. Л. 57.

¹⁰ В разное время над экспозицией работали Н. Н. Власихина, Н. М. Терехин, Н. Н. Чуракова, Е. В. Хатанзейская и автор этой статьи.

¹¹ Архив АМДЗ. № 2752. Ф. 1. Оп. 1. Л. 2. (Терехин Н. М., Чуракова Н. Н. Пояснительная записка к интерьеру избы крестьянина старообрядца.)

¹² Цит. по: Летопись Двиноважья / Авт.-сост. Л. Ю. Озол. Березник; Архангельск, 1999. С. 20.

В экспозиции иерархия старообрядческой общины показана через условное деление жилого пространства на зимнюю избу и молельню (рис. 3, 4), где отражены быт и духовная жизнь стариков – «истовых»¹³, и летнюю избу, в которой по легенде жили молодые «мирские» старообрядцы. При этом красочный интерьер летней избы резко противопоставлен суровому, аскетическому, окрашенному в темные тона интерьеру зимней избы.

Рис 3, 4. Интерьер зимней избы и молельни. Дом Русинова, Двинской сектор музея «Малые Корелы». Фотография 2016 г. Из архива АМДЗ

¹³ «Истовый» – надлежащий; такой, каким следует быть; совершаемый с большим рвением, крайне усердно, по всем правилам (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 222).

Регламентации в сфере материальной культуры лучше всего отражает размещенная в экспозиции домашняя утварь. В интерьере летней избы показаны самовар, кофемолка, банка с чаем, сахарница, посуда мануфактурного производства. Этими предметами домашней утвари в силу пищевых запретов не могли пользоваться «истовые» староверы. В «боковушке» (зимняя изба) размещена преимущественно деревянная и глиняная посуда (кринки, роговики, горшки, ковши), изготовленная кустарным способом. По свидетельству П. С. Ефименко, старообрядцы отдавали предпочтение деревянной и керамической посуде как более архаичной¹⁴. В то же время среди «истовых», да и «мирских», старообрядцев сохранялось отношение к предметам быта, как к тому, что причастно к промыслу Божьему о спасении человека¹⁵. На посуде, деревянных ложках, некоторых орудиях труда часто наносились молитвы или какие-либо другие сакральные изображения. Так, в летней избе, в плетеной корзинке показана деревянная грабилка для сбора ягод, на обратной стороне которой вырезан восьмиконечный крест-часовня. В большей мере это касалось промысловых орудий: священные изображения (крест, монограммы, хризма) наносились на поплыви, ловдусы, приклады охотничьих ружей.

Одежда как важнейшее средство самоидентификации в старообрядческих группах показана в зимней избе и молельне. Отличия в покрое и способах ношения являлись одним из самых устойчивых маркеров принадлежности к религиозной группе¹⁶. Размещенный в экспозиции женский костюм (сарафан, рубашка, пояс, платок) отражает комплекс существовавших у старообрядцев предписаний и запретов, регламентирующих цвет одежды, ее атрибуты и внешний вид верующего. Вся женская одежда, за исключением пестрядинной рубашки, темных тонов (черного, синего либо коричневого) и обязательно домотканая. В этом читается запрет на ношение яркой, цветной одежды: «...Цветные укра-

¹⁴ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ. Кн. 5, вып. 1–2. М., 1877–1878. С. 217.

¹⁵ Молитва на освящение всякой вещи прямо указывает на сотерологическое значение предметов материального мира в жизни человека: «...Сам, Господи, послы Духа Твоего Святого с вышним благословением на вещь сию, яко да вооружена силою небеснаго заступления хотящим ю употребляти, помощна будет к телесному спасению и заступлению...». Молитвы на различные случаи очищения и освящения приведены в Потребнике. Посуда в некоторых случаях освящалась каждением. При этом следовало отомолиться несколько четок. Федосеевцы и филипповцы, прежде чем внести в дом, «отмалливали» купленное брашно на торгу. (См: Кириллов И. А. Правда старой веры. Барнаул, 2008. С. 460–461.)

¹⁶ Чернов А. И. О семиотике запретов // Труды по знаковым системам. Вып. 3. Тарту, 1967. С. 45–59.

шения суть временной прелести брэнной жизни»¹⁷. От фабричных одежд старообрядцы отказывались, строго запрещалось ношение новомодных иноземных одежд: «...заморские сюртуки, модные картузы, на высоких каблуках сапоги, да красно плетенное»¹⁸. Рубашка с высоким воротом и длинными рукавами полностью закрывает руки и шею. Темный платок не подвязан, а сложен под подбородком, концы распушены вниз по плечам и спине¹⁹.

Регламентации в области духовной жизни раскрыты в моленной и частично в устройстве божницы (зимняя изба). Первое и основное назначение моленной – функция домового храма. В самом конце помещения, над окном, устроен небольшой тябловый иконостас, который представляет собой широкую от стены до стены полку с расположенными на ней репликами (копиями) икон «старого письма» из коллекции древнерусской живописи музея. Это канонический триптих: поясное изображение Христа, Богоматерь «Одигитрия», Никола «Оплечный». В репликах читается простота и лаконичность, характерные для «крестьянских писем»²⁰. Цветовая гамма – «тундровый позем», охристый оттенок ликов, сильно вытянутые пропорции фигур указывают на подражание автора мастерам Выга²¹.

В летний экспозиционный период, когда позволяет температурно-влажностный режим, в экспозиции размещаются киотные кресты и иконы выговского литья, а также привозные московские изделия, выполненные в подражательной поморским мастерам технике. Среди них – икона Святого Николая Чудотворца первой половины XIX в., вывезенная в музей в 1975 г. (экспедиция АМДЗ в Верхнетоемский район, Давыдов А. Н.). Московское, как и поморское, литье отличается тонкостью работы, использованием многоцветной эмали, часто позолочением изделия, тщательной

¹⁷ Леонтьева Г. А., Липинская В. А. Моленная одежда русских старообрядцев // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М., 2011. С. 701.

¹⁸ Там же. С. 702.

¹⁹ Наличие платка, закрытые руки и шея обязательны при общественных и домашних молитвах (См.: *Власова В. В., Шаранов В. Э.* Одежда в старообрядческой традиции удорских, печорских и вычегодских коми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/odezhda-v-starobryadcheskoy-traditsii-udorskih-pechorskih-i-vychehodskih-komi>. Дата обращения 6.01.2021)

²⁰ *Взорнов Г. И.* О «северных письмах» // Советское искусствознание-80: Сб. ст. М., 1981. Вып. 1. С. 44–59.

²¹ Характерной чертой «поморской иконы» было преобладание «землистого поэма» в оформлении фона. См: *Лазарев С. Е., Курдюмов О. Г.* Церковный раскол XVII в. в произведениях русской живописи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2015. № 19 (216). Вып. 36. С. 77–83.

опиловкой оборотной стороны²². В отличие от изделий других центров старообрядческого литья, «поморские» кресты и иконы приобретались не на вес, а на счет. Вероятно, это было связано с применением эмали.

Изображения и символы на киотных крестах говорят о принадлежности хозяев дома к беспоповцам. Беспоповские (поморские) кресты отличаются изображением Нерукотворного Спаса («Спаса на убрусе») в верхней части. Изображение Спаса сопровождается надписями: «Образ нерукотворенный» и ниже – «Црь Славы»²³. На киотном кресте, размещенном в красном углу зимней избы, присутствует характерная для «поморского типа» последовательность надписей и изображений: солнце и луна в виде круглых масок рядом со «Спасом на убрусе»²⁴. Над главой распятого Христа, на верхней перекладине Голгофского креста, хризма: «ІС ХС». Под изображением главы Адама – куст, который символизирует собой эдемский сад²⁵.

При молитвах у старообрядцев использовался подручник для земных поклонов. Появление подручника в богослужебных обрядах староверов объясняется тем, что, по их представлениям, прикосновение к земле расценивается как грех. В молельне дома Русиновых роль подручника выполняет небольшой домотканый коврик, выполненный, как и одежда, в темных тонах. О значении молитвы в жизни старообрядцев говорят помещенные в интерьере мужские (молельня) и женские (красный угол в зимней избе) старинные лестовки из фондов музея, датируемые второй половиной XIX в.²⁶

²² Из «Каталога старообрядческой иконной, киотной и книжной торговли М.П. Вострякова». Цит. по статье: *Зотова Е. Я.* Поморская меднолитая пластика: к истории становления и развития в Московском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 391–395.

²³ Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея: [альбом-каталог] / Коллектив авторов. Российский этнографический музей (Санкт-Петербург). СПб., 2007. С. 47.

²⁴ На поповских крестах светил нет, вместо них по обе стороны от рукавов Голгофского креста надпись с титлами (хризма): «ІС ХС».

²⁵ Над главой распятого Христа, на верхней перекладине Голгофского креста, у старообрядцев-поповцев – монограмма из четырех заглавных букв: «ІНЦИ», у беспоповцев – хризма «ІС ХС».

²⁶ Лестовки бывают мужские, женские и детские. Мужские лестовки – холодные спокойные цвета, на лапостках могут быть вышиты инициалы евангелистов, растительные узоры и орнаменты (в старообрядческой традиции) или православный крест (в православной традиции). Православная традиция допускает изображение на лапостках ликов святых. Это объясняется тем, что лапостки символизируют Евангельское учение, а святые – это те, кто своей жизнью воплотил это Евангельское учение. Женские лестовки – яркие, нежные цвета, на лапостках – цветы и узоры (в старообрядческой традиции) либо православный крест или изображения ликов святых (в православной традиции). Детские лестовки, как правило, яркие, их плетут с бочочками меньшего размера.

Один из важнейших религиозных догматов – запрет на использование богослужебных книг «никоновского исправления» – продемонстрирован наглядно. В дальней части молельни у иконостаса размещены муляжи Большого Требника и Евангелия. Благодаря высокому качеству изделий, даже вблизи иконостаса реплику трудно отличить от оригинала. Наблюдения 1970–1980-х гг. открывают широкие возможности для раскрытия в экспозиции темы «Техника письма в среде старообрядцев». По сообщению В. П. Бударagina, на Двине перепиской книг старообрядцы занимались при молитвенном доме²⁷. Согласно данным Северодвинской археографической экспедиции ЛГУ (1978 г.), старообрядцы переписывали книги, как правило, по ночам, в молельнях или в маленькой избе за домом на специальном столе. Писали обычно куриным пером и чернилами²⁸.

Вопреки распространенным представлениям о консервативности старообрядческой культуры, она не была полностью «замкнутой» системой. Можно с уверенностью утверждать, что древнерусские православные традиции, на которые было ориентировано староверие, на практике свободно взаимодействовали с народной бытовой культурой. В интерьере избы (летней и зимней) это взаимодействие всесторонне раскрыто. Крестьянская утварь и орудия труда, размещенные в экспозиции, отражают быт и ремесла всего населения Верхней Двины во второй половине XIX – начале XX в., без специфики конфессиональной принадлежности. Большая часть предметов собрана сотрудниками музея в 1980-е гг. в ходе комплексных экспедиций и командировок в Виноградовский, Верхнетомский и Красноборский районы Архангельской области.

Традиционализм старообрядцев часто способствовал сохранению дохристианских элементов культуры, которые, в свою очередь, причудливо сочетались с православно-христианскими. Это удивительное качество старообрядческой культуры в экспозиции продемонстрировано через предметы народного декоративно-прикладного искусства: расписные пучужские прялки и старообрядческий лубок с изображением мифологических птиц – «Сирина» и «Алконоста», а также общего для языческой и христианской картины мира символа – «древа жизни». Известно, что пучужская роспись, как и весь комплекс северодвинских росписей, развилась из старообрядческой книжной рукописной традиции²⁹. Источником

²⁷ См.: Бударагин В. П. На Северной Двине и в верховьях Пинеги // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI. С. 374; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 542–543.

²⁸ Волкова Т. Ф., Грачева А. М. Рукописные и старопечатные книги Северной Двины. ТОДРЛ. Л., 1981. Т. XXXXVI. С. 396.

²⁹ Арбат Ю. А. Русская народная роспись по дереву. М., 1970. С. 83–86.

рисованного лубка, как и сюжетов на прялках, были Книга Бытия, притчи и назидательные рассказы из разных литературных сборников, духовные стихи и песнопения³⁰. Этот ряд дополняют домотканые полотенца с характерным для Сольвычегодского уезда Вологодской губернии геометрическим орнаментом, восходящим к аграрной магии.

В заключение следует отметить, что экспозиция в доме Русиновых не рассматривается нами как раз и навсегда застывшая форма. Новые исследования по истории памятника и семьи последних владельцев, уточнение религиозно-культурной картины деревни Кондратовская и ее окружи, разумные творческие решения внесут свои коррективы. На сегодняшний день можно выделить несколько возможных направлений модернизации интерьера. Ключевым, на наш взгляд, является постепенный переход от «обобщенного образа» в сторону создания экспозиции, характеризующей религиозно-бытовой уклад представителей конкретного старообрядческого согласия беспоповского толка. Это позволит сделать выводы о религиозно-эстетических предпочтениях хозяев дома, очертить круг наиболее важных для них «богословских» тем, а значит, уточнить состав иконостаса, стилистику и иконографию икон, тематику книжного собрания³¹.

Второе направление непосредственно связано с первым – показать книгописное ремесло писцов-каллиграфов. Для этого необходим экспозиционный материал – целый комплекс инструментов и приспособлений: гусиные, куриные и лебединые перья с разными расцепами, глиняные чернильницы, ложечки со срезанным донышком – «чивьем», скобельник, тиракса и пр. Развитие экспозиции в этом направлении требует не только глубокого изучения рукописной традиции на Двине, но и усилий по комплектованию фондов соответствующими предметами.

Роль начетников, обладавших в общине высоким духовным авторитетом, можно раскрыть через как обилие и тематику книг, так и показ еще одной функции домов с молельнями – школы. Для этого требуются

³⁰ *Иткина Е. И.* Русский рисовальный лубок конца XVIII – начала XIX в: из собрания Государственного исторического музея. М., 1992. С. 7–8.

³¹ Комплексные археографические исследования верхнего и среднего течения Северной Двины были проведены в 1971–1978 гг. в ходе экспедиций ИРЛИ РАН. Во время обследования сел Борок, Нижняя Тойма, Пучуга Древлехранилище Пушкинского Дома пополнилось 78 рукописями XVIII–XX в. Это агнографические тексты (жития святых), творения святых отцов, которые в основном можно отнести к жанру «Поучения», богослужебная литература (Уставы, Псалтирь, сборники келейных молитв). (См.: *Бударагин В. П.* На Северной Двине и в верховьях Пинеги // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI. С. 374; *Демкова Н. С.* Рукописи с Двины и Пинеги // ТОДРЛМ. Л., 1970. Т. XXV. С. 330–332).

оригиналы либо реплики старообрядческих учебников по церковно-славянской грамоте (чтение, письмо), нотные грамоты с крючковым письмом, лубок на религиозно-назидательные темы и пр.

Опыт создания интерьера избы крестьянина-старообрядца и моленной в доме Русиновых в значительной мере стал отправной точкой для работ по музеефикации дома Пухова из деревни Большой Халуй Каргопольского района (Каргопольско-Онежский сектор) – еще одного памятника, связанного с историей старообрядчества на Севере. В 2018 г. в доме Пухова был открыт интерьер светелки³². Кроме того, отдельные элементы старообрядческого религиозно-бытового уклада могут быть показаны в памятниках на территории Мезенского, а в будущем, по мере проведения реставрационных работ, и Пинежского секторов³³.

---

³² По легенде семья Пуховых была старообрядческой, принадлежали они к толку странников-бегунов, но сами из дому не уходили, а были странноприимцами, пристанно-держателями (Научный архив АМДЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2385. Л. 3. (Чуракова Н. Н. Концепция экспозиционного решения помещений дома Пухова в Каргопольско-Онежском секторе. 1997 г.)

³³ Согласно официальной статистике, в середине XIX в. общая численность старообрядцев разных согласий в Пинежском и Мезенском уездах Архангельской губернии составляла свыше 1200 чел. (в 1846 г. – 1247 чел.). Из них абсолютное большинство относилось к не приемлющим священство. На территории двух уездов находились 8 действующих скитов: в Пинежском: Сояльский, Верхнепаленьгский, Чакольский, Ваймужский, Лавельский, Никитинский; Мезенском: Вожгорский и Устьцилемский. (См.: *Витков В. Н.* Скиты в Архангельской области. Архангельск, 2009. С. 2–3. Цифры приведены на основе сводных данных по документам из Государственного архива Архангельской области (Ф. 2. Оп. 1. Т. 3, Д. 2762).

Д. А. Данилов

(Музей-заповедник «Малые Корелы», Архангельск)

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СКИТЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЛЯВЛЕНСКОГО ПРИХОДА АРХАНГЕЛЬСКОГО УЕЗДА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация: Статья посвящена истории распространения старообрядчества среди жителей села Лявля Архангельской губернии в XVIII – начале XX в., взаимоотношению старообрядческих общин с уездной и епархиальной властью. Дается краткое описание хозяйственно-бытового уклада двух крупных окрестных скитов: Сумозерского и Слободского.

Тема старообрядчества на Русском Севере и старообрядческой культуры исследуется в музее «Малые Корелы» с 1960–1970-х гг. Это обусловлено происхождением и историей ряда памятников. На территории Двинского сектора музея находится дом Русиновых конца XIX в., принадлежавший старинному старообрядческому роду. С 1986 г. в зимней и летней избах дома размещена экспозиция «Интерьер дома двинского крестьянина-старообрядца». Одним из самых ранних памятников Каргопольско-Онежского сектора является дом Пухова 1812 г. Последний хозяин – Александр Федорович Пухов – был странноприимцем. В доме была устроена небольшая келья, где жили старики, которые к семейству не относились. Это были старoverы-скрытники, принадлежавшие к распространенному на Каргополье бегунскому согласию¹.

---

¹ В келье висели иконы, медные распятия, складни, церковные книги старого письма, старообрядческие четки – лестовки. Значительная часть крестьян Каргопольского уезда исповедовала старообрядчество и предоставляла приют для странников-бегунов, укрывавшихся от официальной церковной власти (См.: *Пермиловская А. Б.* Изба Пуховых из деревни Большой Холуй Каргопольского района – памятник музея деревянного зодчества // Музей под открытым небом в современных условиях. Архангельск, 1995. С. 70.)

В конце 2019 г. в выставочном зале на территории музея «Малые Корелы» открылась выставка «Искусство благочестия. К 325-летию Выговской старообрядческой пустыни». Значительная часть представленных в экспозиции образцов поморского литья XVIII–XIX вв. происходит из лявленских деревень Ершовка, Бор, Хорьково, Словенское, Погорелка (о. Княжестров).

В число памятников, находящихся под охраной музея, входит древняя Никольская церковь в селе Лявля (рис. 1). Храм был возведен задолго до раскола, в 1581–1584 гг., почитался как прихожанами официальной церкви, так и ревнителями старой веры. Сложившийся в древности тип шатрового храма, рубленного «кругло», восьмериком от основания, был широко распространен на всем Русском Севере вплоть до конца XVIII в. На сегодняшний день осталось только три храма подобного типа².

*Рис. 1. Никольская церковь, село Лявля.
Фотография 2017 г. Из архива АМДЗ*

Письменных свидетельств о старообрядцах в окрестностях Лявли сразу после раскола не обнаружено. О распространении старообрядчества поморского (даниловского), а позднее федосеевского толка свидетельствует подъемный археологический материал. На Княжестрове,

² Дата основания – 7089 (1581) г. – была указана в Памятной книге и приводится в клировых документах Лявленского прихода (РГДА. Ф. 1196. 1520–1890).

в деревнях Хорьково, Бор, Ершовка археологами еще в 1970-е гг. обнаружена масса нательных крестиков и меднолитых икон XVII–XIX вв., внешняя форма и иконографическая программа которых говорит о тесных контактах и связях местного населения со старообрядческими центрами в Поморье и Олонецком крае³. Статистика находок оловянных крестов конца XVIII – начала XX в. на Княжестрове и почти полное их отсутствие в близлежащих деревнях позволяет сделать предположение о существовании в одной из деревень острова небольшого центра крестечного литья. Типологическое разнообразие, а также объем найденного в окрестностях Лявли материала свидетельствуют о широком распространении или, по крайней мере, значительном влиянии старообрядчества среди местного населения едва ли не с самого начала религиозного раскола. Косвенно об этом свидетельствуют поздние письменные источники.

Из «Краткого описания приходов и церквей Архангельской епархии» известно об исходе на озера монахов из Успенского монастыря после разоблачения священника Павла Кочурова⁴. На протяжении XVII–XVIII вв. о ревнителях древнего благочестия нет ни одного сколь-нибудь значительного упоминания. Лишь в конце XVIII в. в приходских отчетах местного священника Николая Попова в епархиальную консисторию встречается упоминание о «скрытых молельнях», хождении на Княжестрове «странных» рукописных книг и «вольных разговорах» местных крестьянок Ульяны Немановой и Капитолины Устиновой, слухах и пересудах прихожан Лявленского прихода⁵. Ни о расправах, ни о самосожжениях священник не сообщает. После известных указов Александра I об «обращении с раскольниками преимущественно увещаниями»⁶ в Лявле объявляется множество старообрядцев.

³ Булкин В. А., Овсянников О. В. Разведочные раскопки // Археологические открытия 1974 г.: сб ст. М., 1975. С. 81–82.

⁴ Священник Павел Кочуров, служивший ранее дяконом в церкви Апостолов Петра и Павла в Нёноксе, был выгнан оттуда за проступки. Тогда он решил обратиться с челобитной к царю Михаилу Федоровичу, в которой просил, чтобы велено ему было служить в церкви Пресвятой Богородицы в Лявле, не упомянув, что здесь находится монастырь. Его ходатайство было утверждено 2 февраля 1641 г. Управлявший тогда монастырем старец Иов с братиею решились искать защиты перед царем, и в своей жалобе они разоблачили Кочурова в обмане. В ответ на ходатайство Михаил Федорович послал грамоту холмогорскому стольнику, в которой предписывалось поручить наблюдение за Лявленским монастырем и его имуществом игумену Сийского монастыря отцу Ионе (Краткое описание приходов и церквей Архангельской епархии. 1864 г. С. 147–148).

⁵ ГААО. Ф. 34. Оп. 5. Т. 3. Д. 1982. (Отчет священника Николая Попова в Архангельскую епархиальную консисторию 1799 г.)

⁶ Церковь и государство (история правовых отношений). Священник Алексей Николин. Издание Сретенского монастыря. 1997. С. 112.

В 1826 г. священник Петр Самсонов составляет список из 67 фамилий (рис. 2), кратко описывая род занятий, возраст и указывая место проживания «раскольников»⁷. В 1847 г. другой священник – Валериан Чернышев – свидетельствует: «К Лявленскому приходу принадлежит

№	Имя	Возраст	Земля	Семья	Место
24	Вдова Анастасия патриарха Константинопольского	67	ст. село	31	6000
25	Дочь ее Анастасия	38	ст. село		60
26	Вдова Анастасия Фроловская	70	ст. село	22	1100
27	Вдова Екатерина жена Лукича	35	ст. село		61
28	Вдова Лукича Екатерины	70	ст. село		62
10	Мужья Родионовы	67	ст. село		63
29	Мужья ее Анастасия	47	ст. село		64
30	Вдова Вдова Обидковская	55	ст. село		
11	Вдова Воронцовы	70	ст. село		
31	Анастасия Ермолова жена Вдова	58	ст. село		65
12	Анастасия Воронцова	58	ст. село	23	1100
32	Мужья ее Архипова	52	ст. село		66
33	Вдова Анна Петровна	58	ст. село	24	1100
34	Мужья ее Анастасия	58	ст. село		67
35	Вдова Анна Николаева	50	ст. село		68
36	Вдова Анна Николаева	83	ст. село		69
13	Василий Вдовы	55	ст. село		70
37	Мужья ее Евдимица	45	ст. село		
14	Мужья ее Анастасия	20	ст. село		
38	Мужья ее Анастасия	29	ст. село		71
39	Мужья ее Анастасия	21	ст. село	25	1300
15	Мужья ее Анастасия	44	ст. село		72
40	Мужья ее Анастасия	17	ст. село		73
41	Мужья ее Анастасия	19	ст. село		74
42	Мужья ее Анастасия	16	ст. село		75
16	Вдова Анастасия	40	ст. село		76
43	Мужья ее Анастасия	38	ст. село		
44	Мужья ее Анастасия	70	ст. село		
Дорожки Вдовы					
45	Петра Николаева жена Анастасия	22	ст. село		77
46	Анастасия Николаева жена Анастасия	46	ст. село		78
17	Мужья ее Анастасия	53	ст. село	26	1100
47	Мужья ее Анастасия	59	ст. село		79
18	Мужья ее Анастасия	51	ст. село		
48	Вдова Анастасия Николаева	62	ст. село		80
49	Мужья ее Анастасия	90	ст. село		81
50	Мужья ее Анастасия	37	ст. село		82
51	Мужья ее Анастасия	30	ст. село		83
52	Мужья ее Анастасия	26	ст. село	27	1100
53	Мужья ее Анастасия	68	ст. село		84
54	Мужья ее Анастасия	61	ст. село		85
55	Мужья ее Анастасия	60	ст. село		86
19	Мужья ее Анастасия	63	ст. село		
56	Мужья ее Анастасия	64	ст. село		87
57	Мужья ее Анастасия	68	ст. село		88
58	Мужья ее Анастасия	41	ст. село		89
20	Мужья ее Анастасия	37	ст. село		
59	Мужья ее Анастасия	35	ст. село		

Рис. 2. Списки лявленских старообрядцев священника Петра Самсонова. Из отчета в епархиальную консисторию, 1826 г. Архив Архангельского епархиального братства

⁷ ГААО. Ф. 35. Оп. 11. Т. 5. Д. 1987. (Отчет священника Петра Самсонова в Архангельскую епархиальную консисторию 1826 г.)

133 обывательских дома, в которых считается из крестьян 347 душ мужского и 481 женского пола, в том числе раскольников федосеевского толка 37 мужчин и 88 женщин». Каждый седьмой в расколе⁸.

К концу XIX в. в окрестностях Лявли насчитывается пять старообрядческих скитов; шестой, Слободской, числился в Кехотской волости, но половину насельников составляли выходцы из Княжестрова. Наиболее известным был Сумозерский скит, основанный в первой трети XVIII в.⁹ На месте скита находят множество остатков керамики, что, вероятно, свидетельствует о существовании на Сумозерье постоянного дома или гостиницы для паломников. Также на месте скита были кузница и небольшой скотный двор. Слободской скит, считавшийся более древним, был вторым по значению. На его территории стояли добротные строения, мельница «на три помола», животноводческая ферма¹⁰.

Все взрослое население скитов было занято на разных работах. Мужчины занимались речными и озерными промыслами, боровой охотой. Изготавливали также разные поделки из дерева: чашки, ложки, ковши и иную мелкую посуду, которую продавали в Архангельске. Скиты не содержали домашний скот. В небольших размерах здесь имелось огородничество. Занимались также сбором и заготовкой ягод и грибов. Келейницы в основном были заняты вязанием поясов, женских и детских лестовок, ковриков-подрушников и прядением тонких ниток. Эти вещи шли главным образом в дар жертвователям скита.

Помимо доходов от промыслов и скотоводства, источниками средств на содержание скита служили пожертвования богатых старообрядцев из Архангельска и уездных городов. На территории Сумозерского и Слободского скитов зафиксированы находки множества серебряных монет XVIII–XIX вв., это говорит о том, что скиты отнюдь не были бедными. Насельники, которые занимались сбором пожертвований среди торговых и купеческих людей, назывались запрощиками. Их посылали в города и крупные села под видом торговых людей. Известное место в поступлении средств на содержание скита составляли также подаяния окрестного населения, сбором которого занимались келейницы.

Скитское имущество, помимо келий, составляли предметы религиозного обихода: старинные книги и иконы. Среди икон было много старых, привезенных из поморских скитов, а также меднолитых икон и ки-

⁸ ГААО. Ф. 24. Оп. 13. Т. 7. Д. 1924. (Отчет священника Валериана Чернышева в Архангельскую епархиальную консисторию 1847 г.)

⁹ Самый ранний монетный материал, обнаруженный на территории скита, относится к 1730-м гг. (См.: Булкин В. А., Овсянников О. В. Разведочные раскопки ... С. 88.)

¹⁰ Булкин В. А., Овсянников О. В. Разведочные раскопки... С. 89.

отных крестов из поморских и московских центров. Во главе скита стоял старший наставник, который руководил всем хозяйством и религиозной жизнью скита. Каждое сельбище, состоящее из нескольких близко расположенных келий, имело своего настоятеля или настоятельницу в иноческом постриге и обычно преклонного возраста.

В каждом сельбище скита для общих молитв имелись домашние молельни, а в Сумозерском сельбище – отдельный большой молитвенный дом. Все молельни украшались старинными иконами и снабжались старопечатными богослужебными книгами. В праздничные дни молельни украшались особенно чтимыми древними «писаными» иконами, которые в обычные дни хранились у настоятеля и на обзор не выставлялись¹¹.

Экономической опорой старообрядческих общин в Лявле и окрестных скитов было местное купечество. Краевед, исследователь истории лявленских приходов Н. В. Суханов отмечал, что большинство лявленцев, занимавшихся торговлей, были «тайными» старообрядцами, жили в деревнях, совершали хождения в скиты¹². Предпринимательская деятельность была для них исполнением христианского долга перед Богом и людьми. Результаты труда только тогда имели освящение, когда были направлены на нужды старообрядческой общины, семьи и укрепление «истинной церкви».

Среди потомственных купцов Лявли в XVIII–XIX вв. большую известность приобрели купцы Карбасниковы. Начало семейному торговому делу положил Фёдор Степанович Карбасников (1723–1798), который переехал в числе других крестьян из островной деревни Лявлестровской «от разорения весенней воды» на высокий правый берег в деревню Ершовку в середине XVIII в. Все Карбасниковы в ревизских сказках (переписи населения в XVII–XVIII вв.) записаны по экономическому ведомству, так как деревня Лявлестровская была вотчиной Николо-Корельского монастыря. В 4-й ревизской сказке 1782 г. Федор Степанович записан как «находящийся в бегах». С разрешения властей он записался в городской посад, построил в городе дом, занимался торговлей мягкой рухлядью, птичьим пухом и другими товарами. Сыновья его жили в Лявле, крестьянствовали, имели крепкие хозяйства.

Дело отца продолжил только младший – Игнатий. Он и жена Марья, как значится в той же 4-й ревизии, «записались в 1780 г. под мещанство и сгинули», то есть выбыли из Лявли. Через три года, получив отцовское наследство, он записался в купцы 3-й гильдии, объявив капи-

¹¹ См.: *Окладников Н. А.* Ануфриев скит [Электронный ресурс] URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/39-1-0-374> (Дата обращения 7.01.2021).

¹² *Суханов Н. В.* На Двину к Пресвятой Богородице. Архангельск, 2010. С. 95–97.

тал в 1100 рублей. К 1807 г. он уже купец 1-й гильдии и его капитал вырос до шестнадцати тысяч. Имел в городе три дома, саженный салотопленный и пекопаренный заводы. С 1820 по 1823 г. Игнатий Федорович избирался городским головой и являлся почетным гражданином Архангельска. Сын Игнатия Федоровича, Василий, похоронил отца на старообрядческом кладбище в Лявле. Для этого старостой деревни Зачапинская была выдана специальная справка¹³.

Официальные источники подчеркивают две причины широкого распространения «раскола» в Архангельской губернии. Губернское гражданское управление считало, что недорабатывают священники. В монастырях и на приходах миссионерская деятельность за редким исключением была развита крайне слабо. В епархиальном управлении звучали оправдания. Духовенство ссылалось на то, что приставы, грубо вмешиваясь в жизнь староверческих скитов, делают из их обитателей мучеников. В качестве аргумента звучала и нехватка средств. Священник Илия Легатов однажды «пожаловался» церковному начальству – написал прошение о денежной помощи, поскольку приход разбросан по деревням от Корел до Боброво: ездить приходится много, а в скиты вообще один не поедешь – и далеко (до Лодьмозера 80 верст) и не безопасно. Денег отцу Илии не прибавили, но миссионерствовать по скитам благословили¹⁴.

В ответ приставы указывали на инструкции, изданные 23 июля 1857 г. министром государственных имуществ. Архангельскому губернатору предписывалось обеспечить «неослабое наблюдение за раскольниками, дабы согласно Высочайшему повелению от 1854 г. в существовавшие в Архангельской губернии скиты вновь никого на жительство принимаемо не было». Кроме того, чтобы пустые кельи, оставленные умершими или выбывшими раскольниками, «были разбираемы до основания и немедленно, так как эти помещения дают возможность новому поселению раскольников»¹⁵. Если приставы приходили с проверкой в скит и кельи были пустыми, их разбирали и сжигали. Духовная консистория возражала: «Разогнали Выговскую пустынь – появился Ямбург, летнезолотицкие скиты. Применили силу в Ануфриево – возникают скиты в лявленских лесах».

Последний раз министерские инструкции 1857 г. были применены по отношению к лявленским старообрядцам за два года до правительственного манифеста 1905 г. «О веротерпимости» и Указа Николая II

¹³ Бутаков С. В. Из крестьян в купечество. Архангельск, 2004. С. 44.

¹⁴ ГААО. Ф. 35. Оп. 18. Т. 9. Д. 1977. (Отчет священника Илии Легатова в Архангельскую епархиальную консисторию 1910 г.)

¹⁵ Церковь и государство... С. 110.

«О веротерпимости». Зимой 1902 г. местный урядник Николай Лобанов собрал мужиков в «поход». Операция готовилась в строгом секрете, даже священник, отец Стефан Баженов, ничего не знал. На нескольких санях два десятка мужиков с топорами, оружие было только у пристава, ранним утром выехали в сторону Сумозера. К скиту подъехали уже к вечеру, подпалили крайнюю (пустую) келью, а ветер сделал все остальное. К утру все кельи, в которых можно было жить зимой, и две церкви сгорели до основания. Погромщики сожгли еще скиты на Кельчмозере и Старокелейном и вернулись домой через неделю¹⁶. Следы пожара хранят на себе представленные на выставке «Искусство благочестия. К 325-летию Выговской старообрядческой пустыни» фрагменты складня и икон (рис. 3).

Рис. 3. Фрагменты меднолитой пластики, найденные на территории Сумозерского скита, из коллекции А. В. Горюнова. Фото 2019 г. Архив АМДЗ

В последней трети XIX – начале XX в. на всем Архангельском Севере отмечается рост влияния новых толков и мелких согласий. Исследователи, вслед за отчетами церковных и гражданских ведомств, связывают это с появлением «учителей». Двумя годами ранее, до составления статистических списков, В. Чернышев сообщает о появлении в Лявле

¹⁶ ГААО. Ф. 35. Оп. 18. Т. 10. Д. 1980. (Отчет священника Ильи Легатова в Архангельскую епархиальную консисторию 1910 г.)

«наставника». В 1840 г. из Ухтострова переехал Козьма Антонов с семьей. На прежнем месте его жизнь стала невыносимой, особенно после того, как он похоронил по старообрядческому чину Екатерину Винокурову, дальнюю родственницу местного священника¹⁷. Однако он был уже в годах.

До начала XX в. часть деревень в окрестностях Лявли в административном отношении относилась к Кехотской волости. По рапорту священника Кехотского прихода Архангельского уезда о. Михаила Щеколдина здесь в 1905–1906 гг. появилось «рационалистическое сектантское направление беспоповщинского толка», так называемые середники. Распространителем нового учения явился некий старец Симеон, крестьянин Нижегородской губернии. По учению «старца», день Воскресения Христова должен приходиться на среду (отсюда название толка), чтобы праздновать его отдельно от «антихристовых слуг». Кроме того, «старец» проповедовал, что «Иисус Христос имеет одно Божеское естество и что Божья Мать родила Бога, а не Богочеловека; что не следует поклоняться иконам, а только почитать деревянный крест, сделанный им самим; что поклоняться кресту, как и иконам, тоже не следует, а лишь только почитать и смотреть на него во время сердечно-духовной молитвы, которую, по примеру древних отцов-исихастов, должно совершать в сидячем положении». Центром новой секты стал скит, основанный на месте древнего старообрядческого скита, на озере Слободском в 25 верстах от села Кехта¹⁸.

В июле 1909 г. в Кехте было отмечено появление еще одной секты. Станный проповедник – высокий человек средних лет, мрачного вида и с пронзительным взглядом. Он объявил, что пришел из Сибири, где получил откровение от Бога. Некоторое время он постился и молился в старом Слободском скиту, строгость его жизни произвела сильное впечатление на окрестное население. Вдобавок он носил вериги и его тело было изрыто глубокими бороздами, оставшимися от цепей и икон. Их он сбросил только, когда отправился на проповедь.

Учение этого человека состояло в следующем: на Ильин день, 20-го июля наступит конец мира, и поэтому, кто желает избавиться от вечного осуждения, должен освободить свою душу от тела до этого страшного дня. Население сначала с насмешкой отнеслось к его проповеди, но этот человек говорил с такой серьезностью, так неутомимо и энергично, являл такой пример святости, что мало-помалу овладел сердцами жите-

¹⁷ ГААО. Ф. 25. Оп. 10. Т. 9. Д. 2004. (Отчет священника Валериана Чернышева в Архангельскую епархиальную консисторию 1847 г.)

¹⁸ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

лей. Большие толпы крестьян шли слушать его. Число уверовавших росло все более и более. Пророк приказал собраться всем на берегу озера около старообрядческой пустыньки в ночь на 20 июля – это был канун «конца мира».

Огромная толпа явилась на берег тихого Слободского озера, и на том месте, где засохшая сосна склонилась над водой свои ветки, пророк произнес свою последнюю проповедь. Он показал древние старообрядческие иконы, молился перед ними, и толпа в трепете смотрела на него. Он просил у них прощения и сам прошал их, прошал своих родителей, весь мир и призывал прощения у Бога. Дальнейшие события описывают массовое самоубийство. Полицейские пытались выявить наиболее активных «зачинщиков», но это оказалось трудным, поскольку единственными виновниками всего происшедшего были те, кто сами лишили себя жизни. Дело рассматривалось специальной комиссией из Архангельска, но раскрыть, кто был этот таинственный проповедник, она не смогла¹⁹.

Общую картину широкого распространения и влияния старообрядческих толков в селе Лявля и его окрестностях дополняет простое сопоставление численности населения с числом «новообрядческих» церквей. В 1905 г. население Лявленской волости, по архивным источникам, составляло 2322 человека, вместе с Княжестровом, входившим тогда в состав Кехотской волости, – 3632 человека²⁰. В Лявле и Княжестрове в начале XX в. было четыре церкви по одной зимней и летней в каждом селе. Часть княжестровских деревень относилась к Лявленскому приходу. В теплое время года служили в летнем храме, с поздней осени до весны – в зимнем. Таким образом, посезонно, не считая часовен, для общих служб было открыто только два храма. Вместить всех верующих они не могли. Ответ на вопрос о том, куда еще «ходили» лявленцы и жители Княжестрова, очевиден. Можно говорить, как о близком к феномену старообрядческой общины – «часовенном православии», скрытом «латентном» старообрядчестве, так и открытой принадлежности к толкам.

---

¹⁹ ГААО. Ф. 4870. П. 1. Д. 30. (Комиссия по делам раскола Архангельской Епархии.) См. также: Старообрядцы в Лявле [Электронный ресурс] <http://arhisповедniki.ru/library/research/2482/> (Дата обращения 7.01.2021).

²⁰ Статистика приводится по изданию: Адрес-календарь Архангельской губернии. 1906 г.

И. А. Мельников
(Новгородский государственный объединенный
музей-заповедник)

ВТОРИЧНАЯ СВЯТЫНЯ И ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО РИСОВАННОГО ЛУБКА «ОПИСАНИЕ НОВГОРОДСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ»¹

Аннотация: В статье анализируется неизвестный памятник старообрядческого искусства – лубок «Описание новгородских чудотворцев». Демонстрируются возможные источники памятника, которые могли послужить его прямым прототипом. Особое внимание уделяется связи лубка с сетью паломнических «святых мест» Новгорода и его окрестностей, а само изображение рассматривается как вторичная святыня, призванная транслировать действительную силу оригинальных святынь.

Святыни и святые места занимают важное место в христианском культе. Их можно рассматривать как орудия производства чудесного и вместилище чудодейственной силы. В практиках присвоения благодати не меньшим функционалом наделяются так называемые вторичные святыни. К ним могут относиться многочисленные списки с чудотворных икон, изображения почитаемых объектов, земля со святого места, штукатурка от врат обители и т. д., которые используются верующими в целях защиты от злых духов, исцеления болезней и в прочих подходящих случаях². Социальная роль святого места также велика –

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта №19-312-60001 Искусство средневекового Новгорода в контексте старообрядческой культуры XVIII–XX вв.: предметы из собрания общин старообрядцев Северо-Запада в коллекции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

² Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 264–265.

оно служит объединению верующих и может являться средством контроля и распространения влияния церковных институтов³.

В дореволюционной России доступ к святым местам контролировался государственной церковью, что не могло устраивать представителей альтернативных христианских направлений, также почитающих церковные реликвии. В настоящей статье речь пойдет об одном из способов преодоления старообрядческим сообществом образовавшегося «дефицита» благодати, которая, с точки зрения верующих, физически содержится в почитаемых объектах. В частности, интересный пример являет старообрядческий рукописный настенный лист «Описание новгородских чудотворцев», хранящийся в Новгородском государственном объединенном заповеднике⁴. Это произведение можно рассматривать, как попытку староверов не только символически осмыслить, но и в прямом смысле транслировать благодать, содержащуюся в паломнической инфраструктуре Новгорода.

Уже в Средневековье возникают предметы, которые мы могли бы назвать вторичными святынями. Они представляли своеобразный мистический слепок почитаемого объекта, который в виде благословения уносился с собой паломниками. Тема вторичных святынь (в Византии их называли «евлогии») соответствовала основной идее иконопочитания о распространении божественной благодати через череду видимых образов и объектов от первоисточника – Бога. В качестве таких сакральных образов Божества могли выступать и останки святых⁵. Священным статусом также наделялось пространство, вмещающее почитаемый объект, которое, в свою очередь, воспроизводилось в той или иной форме вторичных реликвий. К таким святыням, производным от пространства, например, можно отнести каменные иконки Гроба Господня, которые получили хождение среди паломников в XII–XIII вв.⁶ Подобная же связь с изображением просматривается в установлении новгородским архиепископом Евфимием II в середине XV в. празднования владыкам и князьям, погребенным в Софийском соборе. Особенности возникновения празднования отражены в поздней иконографической традиции, в соответствии с которой эти святые изображались рядом⁷.

³ Ead J., Sallnow M. J. Introduction // *Contesting the Sacred. The Anthropology of Pilgrimage*. Eugen, 1991. P. 10.

⁴ НГМ КП 25987/46. ГК 4204849.

⁵ Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 13–16. (536 с.)

⁶ Беляев Л. А. Пространство как реликвия: о назначении и символике каменных иконок Гроба Господня // *Древнерусское искусство*. СПб., 2002. С. 539–553.

⁷ Пивоварова Н. В. Икона «Образ новгородских чудотворцев» из собрания Русского музея: вопросы иконографии // *Новгород и новгородская земля. Искусство и реставрация*. Вып. 4. Великий Новгород, 2011. С. 247, 249.

Таким образом, изначально изображения реликвий входили в спектр вторичных святынь, связанных не только с почитаемым объектом, но и, шире, с практиками паломничества и соответствующей инфраструктурой. Настоящий переворот в паломнических практиках, в том числе и в России, происходит во второй половине XIX в. Прежняя труднодоступность святынь устранялась благодаря сетям железнодорожного транспорта, что привело к распространению массовых путешествий по святым местам и феномену приходских паломничеств⁸. В этот же период очень широко распространяется массовая паломническая продукция: иконки, пузырьки с освященным маслом, четки и прочие атрибуты, претендовавшие на роль вместилища благодати святого места. Большим почитанием пользовались и лубочные изображения святых мест. Считалось, что они обладают равной с оригиналом чудотворной силой. Новгородскому житийному циклу, в частности, приписывалась способность отгонять злых духов⁹.

Государственная церковь, оценив новые инфраструктурные возможности, стремилась использовать силу паломнической сети в целях укрепления своего вероучения и борьбы с «неправославными сектами и деноминациями»¹⁰. Таким образом, появлялась угроза идентичностям тех религиозных сообществ, которые не принадлежали к государственной церкви, но продолжали почитать православные святыни. Именно к таким сообществам относились старообрядцы. Смещение на время с иноверцами и проникновение в старообрядческую среду массовой паломнической продукции неизбежно приводило к размыванию конфессиональных границ. Особенно это касалось регионов, насыщенных узлами паломнической сети, которые создавали предпосылки к наибольшему воздействию духовенства государственной церкви на паству. Не случайно вопрос о том, можно ли поклоняться и «лобызать» мощи и чудотворные иконы в иноверческих храмах, рассматривался на Первом всероссийском соборе старообрядцев-поморцев в начале XX в.¹¹ Эта проблема актуальна для последователей старой веры до сих пор¹².

⁸ *Greene R. H. Bodies in Motion: Stream-Povered Pilgrimages in Late Imperial Russia // Russian History. 39 (2012). P. 247–268.*

⁹ *Воронина Т. А. Русский лубок 20–60-х гг. XIX в.: производство, бытование, тематика // Российский этнограф. № 5. М., 1993. С. 109, 111–113.*

¹⁰ *Greene R. H. Ibid. P. 250, 256.*

¹¹ Деяния Первого Всероссийского собора христиан-поморцев, приемлющих брак, происходившего в царствующем граде Москве в лето от сотворения мира 7417 мая в дни с 1 по 12. М., 1909. С. 39 перв. сч. (470 с. разд. паг.).

¹² Можно ли заходить в храм РПЦ для прикладывания к мощам? [Электронный ресурс. Режим доступа: https://tuvera.ru/vopros/poklonenie_mosham].

Одной из форм преодоления такой ситуации были попытки старообрядцев создать собственные вторичные реликвии, которые не только подтверждали бы преемственность от дореформенного православия, но и транслировали благодать святого места, находящегося в руках у «еретиков». К подобным реликвиям, на мой взгляд, и относится упоминавшийся ранее настенный лист «Описание новгородских чудотворцев» конца XIX в. (рис. 1). Несмотря на то что ему уже была посвящена работа Г. П. Герова, ее автор, к сожалению, не обратил внимания на более чем вероятное старообрядческое происхождение этого листа¹³. Между тем стилистика изображения отсылает нас к образцам рукописных лубков, создававшихся в Выговской пустыни. Он выполнен чернилами и акварелью на листе большого формата, все

Рис. 1. Описание новгородских чудотворцев. Рисованный лубок. Новгородская губерния (?). Вторая половина XIX в. (НГМ КП 25987-46)

¹³ Геров Г. П. Древо новгородской святости // София. 2015. № 1. С. 24–30.

пространство которого занимает дерево с вписанной в него информацией о наиболее почитаемых святых и святынях Новгорода. Сам принцип размещения текстов в картушках, изображенных на ветвях дерева, был очень распространен на Выгу (рис. 2). Киноварное название новгородского листа, размещенное сверху, также имитирует заглавия выговского письма. Наконец, старообрядческое происхождение лубка выдает написание имен в соответствии с дореформенной традицией (Михаил, Со́фия, Сава).

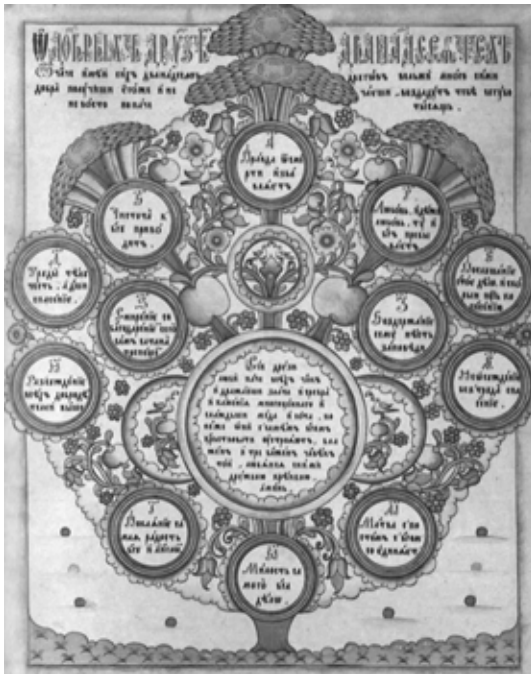

Рис. 2. О добрых друзех дванадесятех. Рисованный лубок.
Выг, конец XVIII – начало XIX в. (ГИМ)

Как название лубка, так и лаконичная подача информации о местночтимых святых отсылают нас к популярной у старообрядцев «Книге глаголемой Описание о Российских святых»¹⁴. Особенное почитание северных

¹⁴ Книга глаголемая Описание о Российских святых / Подг. изд. М. В. Толстого. М., 1887. 289 с.; Романова А. А. Святые Обонежского края в «Книге глаголемой Описание о российских святых...» // Святые и святыни Обонежья. Материалы всероссийской научной конференции «Водлозерские чтения-2013». Петрозаводск, 2013. С. 59–65.

святых, соби́рание информации о них также было своеобразным трендом в беспоповских сообществах «соловецкого корня»¹⁵. Однако непосредственное влияние на составление подобного листа, на мой взгляд, оказали ближайшие аналоги, в тот же период создававшиеся в Новгороде государственной церковью и предназначавшиеся для многочисленных паломников.

Лубочные изображения святынь Новгорода в описываемый период не были редкостью. В собрании Новгородского музея, помимо видов новгородских монастырей, есть гравюра «София Премудрость Божия»¹⁶ XIX в. (рис. 3), литография «Собор всех святых новгородских

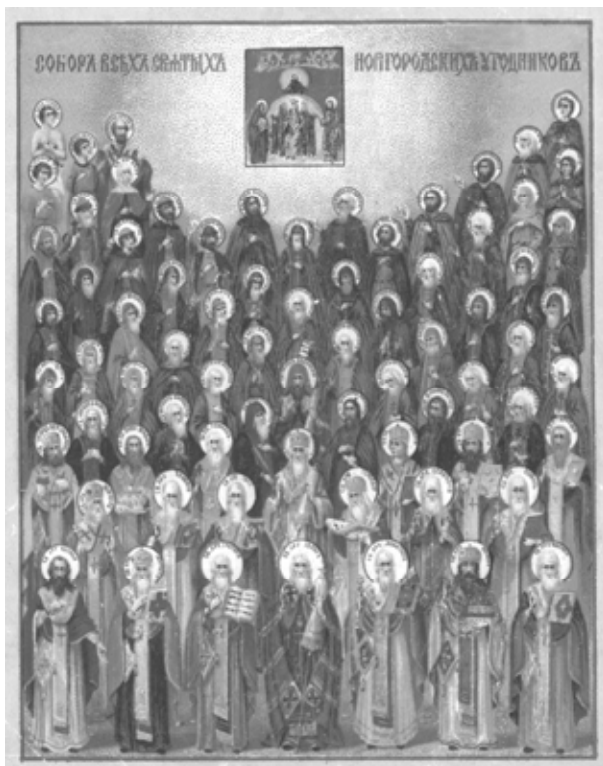

Рис. 3. София Премудрость Божия. Лубок.
XIX в. (НГМ КП 25987-56)

¹⁵ Юхименко Е. М. Агиологические изыскания выговских старообрядцев и образ Всех Святых Российских чудотворцев // Чтения памяти И. П. Болотцевой. Ярославль, 2010. С. 152–167; Романова А. А. Источники русской агиографии: святыцы поморского наставника Ф. П. Бабушкина // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 174–180.

¹⁶ НГМ КП 25987-56.

угодников»¹⁷ начала XX в. (рис. 4). Существовали также лубочные вариации на тему чудотворного изображения Спаса Пантократора в куполе Софийского собора (рис. 5). Наиболее близки к рассматриваемому старообрядческому произведению таблицы-указатели «Краткое сказание о святых угодниках почивающих и о чудотворных иконах, имеющихся в Новгородском Софийском соборе и в других храмах и обителях новгородских» (рис. 6), которые имели хождение во второй половине XIX в. Информирова паломников, они также являлись своеобразной симуляцией святынь и вторичной реликвией, которую поклонники приносили с собой из путешествия.

Рис. 4. Собор всех святых новгородских угодников. Литография. Новгород, начало XX в. (НГМ НВ 19308-17)

¹⁷ НГМ НВ 19308-17.

Рис. 5. Изображение чудотворной фрески Спаса Пантократора в куполе Софийского собора. Лубок. XIX в. (частное собрание)

В собрании Новгородского музея-заповедника есть два листа подобно-го рода: один был выпущен в 1870-х гг. в литографии П. Дамье и А. Жозефи в Санкт-Петербурге (рис. 6), а другой – в 1891 г. в типографии Новгородского губернского правления¹⁸. На них в виде таблицы, которая сопровождается небольшими изображениями, представлены наиболее почитаемые святые Новгорода с разъяснением их местоположения. В этих таблицах упоминаются новгородские владыки Никита, Иоанн, Григорий, Иоаким, Лука, Герман, Аркадий, Мартирий, Антоний, Василий, Симеон, Феоктист, Моисей, Евфимий и Иона, князя Владимир Ярославич, Мстислав Ростиславич, Федор Ярославич и княгиня Анна, преподобные Антоний Римлянин, Варлаам Хутынский, Ксенофонт Робеиский, Михаил Клопский, Савва Вишерский, Ефрем Перекомский и Арсений, а также блаженные Харитина, Гликерия, Федор Блаженный, Никола Кочанов, Иоанн и Яков Менюшские. Кроме того, указывается ряд почитаемых новгородских икон. Информация включает обязательное описание места нахождения реликвий (мощей и икон).

¹⁸ ОПИ НГОМЗ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 141.

Рис. 6. Краткое сказание о святых угодниках почивающих и о чудотворных иконах, имеющихя в Новгородском Софийском соборе и в других храмах и обителях новгородских. Лубок. СПб. Литография П. Дамье и А. Жозефи. 1870-е гг. (НГМ КП 25982-3596)

Вероятнее всего, анонимный автор-старообрядец, составляя свой лубок «Описание новгородских чудотворцев» либо его протограф, ориентировался на эти расхожие печатные таблицы-указатели для паломников, переводя их на изобразительный язык, принятый в старообрядчестве. В виде отдельных медальонов, вписанных в ветви дерева, представлена информация о святых, мощи которых почивают в обителях Новгорода и ближайших окрестностей. Примечательно, что каждая святыня обязательно локализована, причем иногда указывается расстояние в верстах от города до места ее расположения. Композиционно изображение также четко ориентируется на топографический контекст: «верхушку» дерева венчают 7 святых, мощи которых можно было увидеть в Софийском соборе. Большинство угодников, чьи останки хранились в удаленных от Новгорода обителях, сгруппированы в левой части листа, в то время как в правой расположены в основном святые и святыни в пределах Торговой и Софийской сторон, а также ближайших слобод.

Однако далеко не все святые и святыни в печатных таблицах и рукописном лубке совпадают. Так, старообрядческий мастер проигнорировал

8 новгородских владык, чьи имена имеются в печатных листах, зато добавил в свой список святынь мощи Иакова Боровичского, праведную Ульянию и «пять братьев» Сокольников. Также отличается и список новгородских чудотворных образов. В рукописном лубке их значительно меньше, чем в печатной таблице. Сюда вошли считавшиеся чудотворными икона Спаса в Софийском соборе, круглая икона Николы Чудотворца, фреска с изображением Николы на стене башни «крепости», иконы Богоматери Умиление в Троицкой Ямской слободе, Знамение в Знаменском соборе, две тихвинские иконы на Торговой и Софийской сторонах, Симона Богоприимца в Зверином монастыре и Софии в Софийском соборе.

Особо выделена купольная фреска Пантократора – знаменитого Спаса со сжатой десницей. Летописное сказание об этом ныне утраченном изображении, которое можно было увидеть в куполе Софийского собора, создатель лубка выписал отдельно в нижней части композиции. Он сопроводил его двумя оранжевыми кругами, вписав часть текста в один из них, а другой превратив в излюбленный старообрядческой и народной изобразительной традицией солнечный лик. Цитируемое «Сказание о церкви премудрости Божии Софии иже в Великом Нове Граде» также попадало в старообрядческие рукописные сборники. Так, оно было включено в состав сборника, написанного федосеевским иноком Киприаном, подвизавшимся в Новгородском уезде в 1890-х гг.¹⁹

Несмотря на разночтения, очевидна связь старообрядческого лубка с печатными таблицами. Это касается не только схожего принципа подачи информации, но и более чем вероятного функционала изображения – служить своего рода путеводителем в пространстве новгородских святынь и одновременно транслировать благодать в форме вторичной реликвии.

Таким образом, становится очевидной связь этого изображения с паломнической инфраструктурой Новгорода, за которую старообрядцы идейно конкурировали с государственной церковью. Вынужденно смирившись с тем, что святыни находятся в руках оппонентов и используются ими в борьбе с «древним благочестием», старообрядцы пытались создавать свои вторичные реликвии, отсылающие к почитаемым объектам дореформенной Руси. Подобно усиленному почитанию местнотимых святых, такую форму осмысления сакрального пространства можно рассматривать как попытку трансляции благодати «древлего благочестия» в лишенном иерархии сообществе беспоповцев. В этой работе старообрядцы не чуждались и заимствований, хотя и корректировали их в соответствии со сложившейся старообрядческой изобразительной традицией.

¹⁹ НГМ КП 38189. КР-439.

М. Г. Бабалык

(Музей-заповедник «Кижы», Петрозаводск)

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ О БЫТОВЫХ ПРЕДПИСАНИЯХ ИЗ РУКОПИСИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» КП-11538

Аннотация: В статье предлагается источниковедческий анализ рукописного сборника 1860–1880-х гг. (Кижы, КП-11538). Изучение владельческих записей и состава статей в рукописи позволило сделать вывод о ее возникновении в среде старообрядцев-странников. Особое внимание уделяется содержащимся в сборнике тематическим подборкам цитат из разных сочинений на тему бытовых предписаний и запретов, дается исторический и историко-литературный комментарий к ним.

В 2018 г. в фонды музея-заповедника «Кижы» поступила подборка старообрядческих рукописей от братьев Максимовых, уроженцев Лахденпохского района Карелии. Некоторые из этих приобретений были представлены на конференции «Рябининские чтения» в 2019 г.¹ Максим Александрович Максимов – художник-полиграфист, известный коллекционер древностей. Его личное собрание рукописей состоит из сотен ценнейших экземпляров. Весной 2020 г. на выставке «Книжница Русского Севера», посвященной памяти протопопа Аввакума, в фондохранилище музея «Кижы» экспонировались старообрядческие рукописи севернорусского происхождения из коллекции М. А. Максимова². Карелия – край старообрядчества: здесь в Заонежье до XIX в. процветала знаменитая Выголексинская пустынь; на выставке в изобилии были

---

¹ *Бабалык М. Г.* О новых поступлениях рукописей в коллекцию «Письменные источники» музея-заповедника «Кижы» // Рябининские чтения-2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 494–496.

² *Максимов М. А.* Книжница Русского Севера. Из собрания старообрядческих рукописей М. А. Максимова. ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижы“». 18 марта – 28 апреля 2020 г. Каталог выставки. Петрозаводск, 2020.

представлены сочинения выговских авторов, а также иллюминированные рукописи, созданные на Выгу.

Алексей Александрович Максимов живет и работает в Петрозаводске. Он профессиональный художник, график, геральдист, иллюстратор множества изданий, член Творческого союза художников Карелии с 2007 г. Вместе с братом участвует в проектах музея, а также в собирательской работе.

Рукопись КП-11538 поступила в составе подборки 2018 г. от А. А. Максимова. Это старообрядческий сборник 1860–1880-х гг. в картонном переплете размером 35,3 × 22,5 см, исписанный полууставом и гражданской скорописью нескольких почерков. К сожалению, некоторые листы и верхняя часть обложки утрачены. Всего сохранилось 34 листа. К братьям Максимовым эта книга попала в 2017 г. во время распродажи на аукционах коллекции старообрядцев Игоря Григорьевича (1949–2005) и Владимира Григорьевича (1953–2017) Леоненко³.

История бытования рукописи достаточно богатая, и связана она с развитием старообрядческих течений. Об этом можно судить по сохранившимся записям, маргиналиям, пробам пера, рассыпанным по всей книге. Все они оказались достаточно информативными для атрибуции.

Первая тетрадь рукописи переплетена документом 1861 г. (л. 1 и 10). Лист 1, скорее всего, является припереплетным, он склеен из двух листов документа. К сожалению, две трети этого источника утрачены, но по оставшемуся фрагменту удалось восстановить некоторые важные сведения. В тексте речь идет о покупке в 1859 г. земли под Рязанью в каком-то селе у некоего Лазаря Никифорова и, видимо, о каком-то разногласии, связанном с этим приобретением. Письмо адресовано «Генерал Адъютанту [Сигизмунду]⁴ Венедиктовичу Мер[хилевичу]⁵», автором же является благотворитель, московский 2-й гильдии купец, почетный гражданин, прихожанин Рогожского кладбища, «прикащик [Мих]аил Самойлович Бабкин», владелец крупнейшей старообрядческой бумаготкацкой фабрики⁶. Поскольку в письме заметна авторская правка, скорее всего, это был черновик. Письмо, по всей

³ См.: *Гудков А. Г.* Художники параллельного мира, или Рукописные сокровища старообрядческих мастеров // Русская вера. 2015. [Электронный ресурс] URL: https://ruvera.ru/articles/hudojniki_parallelnogo_mira Дата обращения 30.11.2020; *Максимов М. А.* Книжница Русского Севера... С. 113.

⁴ В квадратных скобках даются восстановленные фрагменты утраченного текста.

⁵ *Сигизмунд Венедиктович Мерхелевич* (1800–1872) – потомственный дворянин, генерал-адъютант, генерал от артиллерии, начальник артиллерии Отдельного гвардейского корпуса, член Военного совета. См: *Федорченко В. И.* Свита российских императоров. Красноярск, М., 2005. Кн. 2: М–Я. С. 33; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 2: Л–Я. С. 141.

⁶ *Расков Д. Е.* Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012. С. 31, 67–69.

видимости, является самым ранним текстом в сборнике, поскольку на остальных листах рукописи определяется штемпель Татаровской фабрики Протасьева № 5, из чего следует их возможная датировка с 1865 по 1883 г.⁷

Обращают на себя внимание и записи владельцев. Например, на письме М. С. Бабкина находим следующие тексты: (л. 1) «1869 г. мая 24 числа //⁸ Милой моей супруге // Ирине Арьтемьявне // Заочно ниско вамъ кланяюсь // Родимой моей матушке Ирине Арьтемьявне заочно посылаимъ <по ниским>» (л. 10 об.) «<поклонам> // Ефиму Савельичу и Ивану Савельичу // при семь писме уведомляимъ // васъ, что вамъ денегъ посылаимъ // 10 ру серебра», «Ефимъ Савельевъ Господинъ Равевъ» (л. 1 об.), «Сия книга Евфимия деревни Незденова крестьянина равва Дениса» (л. 11 об.). Каким образом личный документ москвича Михаила Самойловича Бабкина попал к создателям рукописи, сказать сложно.

Деревня Незденова территориально относится к Корчевскому уезду Тверской губернии. В истории старообрядчества она известна тем, что во второй половине XIX в. здесь проповедовалось учение старообрядцев-странников⁹.

Странники (скрытники, бегуны) отделились от старообрядцев-филипповцев в 60-е гг. XVIII в.¹⁰. Они избегали всякого общения с представителями господствующей церкви и власти, не шли на компромиссы с ними. Одним из оплотов странничества на Севере было Каргополье, где это направление стало распространяться с рубежа 1840–1850-х гг. под влиянием проповеди ярославских его представителей¹¹. В странники перешли как поповцы и беспоповцы, так и прихожане официальной церкви.

Страннический книгописный центр в XIX–XX вв. существовал в деревне Залесье недалеко от Каргополя¹². Рукописи странников имеются в составе Каргопольского собрания БАН, в коллекции рукописей Каргопольского музея, в петрозаводских хранилищах, в том числе в музее-заповеднике «Кижы»¹³.

⁷ См.: *Клепиков С. А.* Флигранны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.

⁸ Двойной слеш в цитате используется для обозначения новой строки.

⁹ *Скворцов Д. И.* Очерки тверского раскола и сектантства. М., 1895. IV. С. 43–52.

¹⁰ См.: *Мальцев А. И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.

¹¹ См.: *Островский Д.* Каргопольские «бегуны» (краткий исторический очерк). Петрозаводск, 1900; *Кулишова С. В.* Странники и миссионеры в Каргопольском уезде // *Христианство и Север*. М., 2002. С. 143–154.

¹² *Бубнов Н. Ю.* Последний скит каргопольских скрытников в д. Залесье // *Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук*. 2019. № 1 (9). С. 39–47.

¹³ Каргопольский сборник XIX в. КП-10907.

По содержанию сборник КП-11538 представляет собой своего рода цитатник: здесь выписаны отрывки из самых главных для старообрядцев книг – Евангелия, Апокалипсиса, Кирилловой книги, Кормчей, Судебника, Катехизиса, Псалтыри, Альфы и Омеги и др. Объединяет все выписки эсхатологическая тематика, то есть это традиционный и весьма распространенный в страннической среде тип сборника. По таким цитатникам можно изучать круг чтения авторов-составителей, их мировоззрение, а также усвоение и интерпретацию цитируемых текстов.

Обычно в подобных составных сочинениях после ссылки на книгу-источник указываются и номера листов, откуда выписана та или иная цитата. Автор, вероятно, постоянно обращался к доступной ему библиотеке, ведь по этим ссылкам легко ориентироваться и при необходимости можно быстро найти первоисточник¹⁴. По сути, это прообраз современного научного цитирования.

Одна из записей на л. 1, проба пера, весьма показательна характеризует весь сборник: «Ета книшъка хороша – беречь надо», – отмечает неизвестный читатель рукописи. Оценить вслед за ним содержание всей книги в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому здесь речь пойдет о нескольких выписках-цитатах на л. 12–12 об., посвященных бытовым предписаниям.

Согласно старообрядческим представлениям в последние времена будут происходить изменения на духовном уровне. Люди отпадут от Бога, и даже избранным будет непросто устоять перед мирскими соблазнами. Духовные учителя всячески оберегали паству от пагубного влияния, для подтверждения своих высказываний им нужны были цитаты из авторитетных книг. Образ человека последних времен сильно отличается от благочестивого образа первых христиан. Меняются стиль одежды, прически, люди усваивают модные вредные привычки.

Изменения в облике светского человека начались еще на рубеже XVII–XVIII вв., когда образованная часть населения оказалась во власти западного влияния. Европейская мода противоречила древнерусской традиции, разрушала привычный уклад. Все больше мужчин на западный манер брили бороды, носили костюмы и высокие сапоги, женщины искусно красили лица, делали изысканные прически, одевались в платья с открытым верхом, а то и вовсе в мужскую одежду. В привычку вошло

---

¹⁴ Рукописные книги не имеют устойчивой нумерации страниц. Каждая книга уникальна, поэтому указания листов актуальны лишь для тех читателей, кому доступна библиотека автора. При механическом переписывании такого сборника для чтения его в другой местности указания на листы теряют свою актуальность.

употребление табака, кофе и чая. Это вызывало осуждение в среде приверженцев древлеправославия. Подборки цитат, запрещающих такой стиль жизни, переписывались вплоть до XX в.

В выписках о бытовых предписаниях в рукописи КП-11538 заголовки не выделены цветом, как это сделано, например, в предшествующих текстах на л. 1–11, и анализируемая подборка воспринимается как единое риторическое рассуждение, состоящее из двух частей.

Первый блок предписаний касается внешнего облика христианина. Заголовков «Избрание от божественных писаний, яко не подобает христианом брады брити и власы растити, Василия Великаго и Никона Черной горы слово 2»¹⁵ отсылает читателя к наследию известных богословов. Кроме Василия Великого и Никона Черногорца, в этом коротком тексте упоминаются Иоанн Златоуст и Епифаний Кипрский¹⁶. В данном вступлении тезисно утверждается мысль, что перечисленные святые отцы порицают брадобритие и длинные волосы на голове у мужчин, так как это равносильно «идолослужению демону», «дьявольскому образу» и влечет за собой отлучение от церкви. Далее по правилам риторики автор развернуто аргументирует свою точку зрения и обращается к цитатам из Служебника и «соборного изречения», утверждающим проклятие и анафему брадобрицам и запрет посмертного церковного поминовения.

В некоторых старообрядческих рукописях в этой части выборки цитат о брадобритии упоминается святой мученик Исидор Юрьевский, пострадавший в 1472 г. за проповедь православия среди католиков, обличивший их службы на опресноках, а также бритье лица¹⁷.

Споры о бороде начались еще в дохристианскую эпоху. В первые века христианства разное отношение к бритью наблюдается в греческой и римской церквях. Именно от латинян распространилась практика гладких лиц у мужчин. На Руси брадобритие называлось «латинской ересью». С середины XVII в. противостояние светской моды и традиции усилилось и продолжалось вплоть до XX в. Активными защитниками древнего уклада были старообрядцы¹⁸.

¹⁵ Здесь и далее цитаты приводятся в соответствии со следующими правилами: «яти», «юсы», «омеги», «ижщицы» передаются современными литерами «е», «я», «ю», «о», «и», «н»; «еры» на конце слова удаляются, в середине сохраняются, все сокращения под титлами раскрываются.

¹⁶ Это традиционная подборка цитат. Старообрядческие авторы довольно часто обращались к сочинениям великих богословов, канонистов, проповедников раннего христианства и учителей дораскольного периода.

¹⁷ *Пигин А. В.* Мучение св. Исидора Юрьевского в осмыслении русских старообрядцев // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 65. С. 543–549, 864–866.

¹⁸ *Муравьев А., Урушев Д.* Прение о бороде // Русская вера. 2014. [Электронный ресурс] URL: https://ruvera.ru/articles/muravyov_urushev_prenie_o_borode Дата обращения 30.11.2020.

Заключительным и наиболее сильным аргументом является отсылка к высказыванию Максима Грека. Эта цитата становится иллюстрацией, показывающей, что даже животным дано разумение отличать истину от лжи, понимать честь и бесчестие: «обрезавши браду у козла, он бессловесен сый обаче нестерпев досады, уби себе до смерти, бия о землю главою и ум[р]е. Зрите, братие, како и скот зная свое бесчестие».

Последний абзац в теме о брадобритии играет роль безапелляционного вывода, запрещающего любое общение с отступником от традиции: «Аще умрет брадобрыйца, над таковым ни служити, ни служити соркоуствия чести, свечи и просфиры не приносити, зане с неверными причтется, не исполнил закона и веры христианския».

В анализируемой рукописи на этом пассаже тематический блок о внешнем облике заканчивается, хотя в некоторых старообрядческих сборниках XVIII–XX вв., в том числе созданных беспоповцами поморского, филипповского, страннического и иных согласий, встречаются также сочинения, осуждающие европейское платье, женские парики, украшение лиц и волос. Это, например, такие тексты, как «Книга Летописец <...>. Аще кто в чужезычную одежду облечется»¹⁹; «Кирила Иерусалимскаго, книга Соборник. Иже лице мастью мажушии и белилом красящихся»²⁰; «О обычной и необычной одежде»²¹; «О стриженый власов...» и иные статьи из полемико-догматического сборника²² и многие другие. Часто встречаются компиляции о «ризных украшениях» из мелких выписок с указанием как реальных, так и вымышленных источников.

Второй блок предписаний в кижской рукописи КП-11538 касается употребления продуктов, распространившихся на Руси довольно поздно, а именно табака, чая и кофе. Иногда в этой части упоминается также сахар и картофель²³.

Табак в Россию был завезен в XVI в.²⁴, и вскоре курение стало массовым явлением, с ним начали бороться и безуспешно применять карательные меры, о чем свидетельствуют многочисленные письменные

¹⁹ ИРЛИК, кол. Заволоко, № 23.

²⁰ Там же. Латгальское собр., № 57.

²¹ Там же. Оп. 24, № 154.

²² БАН. Каргопольское собр., № 292.

²³ См.: *Пигин А. В.* Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII–XX вв. // *Живая старина*. 2014. № 4. С. 34–37; *Никифоров А. И.* Русские повести, легенды и поверья о картофеле. Казань, 1922.

²⁴ *Быстров С.* Нравственный недуг нашего времени // О табаке: сб. статей о происхождении табакокурения и его вредном влиянии на человека с моральной, физиологической и экономической сторон / Изд. В. З. Яксанова. Вып. 3. Ч. 1. Саратов, 1913. С. 18.

источники. Например, в рукописях встречаются выписки из Уложения царя Алексея Михайловича о наказании за курение; проклятия курильщикам «Аще кто от православных христиа^н дерзнет пити табакъ...»²⁵; сказание «от святых отцов» о том, что нос не создан для курения²⁶; «Сказание таковым, кто курит табак», созданное на основе «Слова о матерной брани»²⁷ и другие. Кроме отдельных сочинений, сохранились и целые сборники, посвященные табаку, где подобраны статьи разного характера: назидательные, легендарные, исторические, медицинского содержания и прочие²⁸.

В рукописи музея-заповедника «Кижы» все цитаты имеют запретительный характер, причем любой способ употребления табака объявляется вне закона. Нарушителя ждет отлучение от богообщения, о чем говорится в двух выписках:

1) «Книга Федора Балсамона»²⁹, патриарха антиохийского, глава 4, лист 100» «аще кто дерзнет пити от православных христиан табак, той от святых отец да будет проклят и анафема».

2) «Книга Стоглав. Глава 40. Аще который человек не коим ухищрением начнет творити таковое дело бесовское, табак нюхати, в нос или за щеку класти, или курити пивкою»³⁰, таковому человеку не подобает во церковь божию входитьи, ни креста целовати, ни евангелия, а причастия ему отнюд не давати, ни свещи, ни просфiry, ни всякаго приношения в церковь божию отнюд не приимати, и с людьми ему не молитися, ни пити, ни ясти с ним, дондеже престанет от таковыя мерзости».

Следующая выписка отсылает к популярному сочинению легендарного характера Книге Пандок. Сюжет этой книги относится к циклу сочинений о происхождении и распространении табака, возникших предположительно в XVII в.³¹ В его основе лежат представления о произрастании различных растений на могилах умерших людей: полезных и благоухающих – на могилах праведников, вредных и зловонных – на могилах грешников. Табак, соответственно, вырастает из тела грешни-

²⁵ БАН. Основное собрание, 36.16.14; ИРЛИ, коллекция Амосова-Богдановой, № 44 и др.

²⁶ РГБ. Собрание Барсова, № 777.1.

²⁷ ИРЛИ. Белорусское собрание, № 52.

²⁸ Там же. Усть-Цилемское новое собрание, № 366; ЗНБ СГУ, коллекция Шляпкина, № 277;

БАН. Вятское собрание, № 624 (6) и др.

²⁹ *Феодор Вальсамон*, византийский канонист XII в.

³⁰ Вероятно, имеется в виду «пипка», то есть курительная трубка или папироса. См.: *Словарь русских народных говоров* / Ред. П. И. Павленко, В. П. Сороколетов. СПб., 1992. Вып. 27. С. 37.

³¹ *Волкова Т. Ф., Поньрко Н. В.* Повести о табаке // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 44–47.

цы-блудницы³². В кижской рукописи сам сюжет не пересказывается. Автора-составителя интересуют лишь цитаты, пробуждающие страх нарушения запрета. Не только в жизни земной, но и в вечной курильщик будет отвергнут, а тело его похоронят за оградой, если, конечно, он не покается при жизни и не исполнит епитимью: «Книга Пандокт (*sic*). О табаке. Глава 135. И не повеле бо Господь телес их погребати близ церкви, ниже пения, ни службы, ни принося зань творити, яко они Богу врази, а дияволи друзи. И аще кто хоцет еже бы от злых мук избыти и мерскаго былия табачнаго остатится, 7 лет запрещеня, яко блуднику, предлежит. По 7 же летех прияти в церковь не яко врага имеа, но яко брата своего».

Последнее предписание выписано из Судебника, оно касается тех, кто занимается распространением табака. Их ждет суровое наказание по закону, ведь кто как ни торговцы, чья выгода от продажи зелья очевидна, несут ответственность за совращение христиан с пути истинного: «Книга Судебник. Лист 304. И в нем сице пишет: аще кто таково дело творити, табаком торговать или сам забавляется, и он государь Алексий Михайлович таковым казнь чинил, пытал и кнутом бил, на козле водя по торгам, и ноздри парол, и носы резал, а после пытак ссылал в ссылку в дальня города, чтобы на то смотря иным тако не повадно было делати».

Проклятию также предаются те, кто употребляет модные напитки чай и кофе: «Иоанна Зиноря³³ глава 20. Аще кто дерзнет пити кофей, и в том человеке ков и лукавство, и не будет самаго Господа Бога в сердцы его, и да будет предан десятикратному анафеме. Аще кто дерзнет пити чай, той сам отчаеся самаго Господа Бога, и да будет предан трема анафема». По всей видимости, чай и кофе в старообрядческой среде были под запретом, так как произрастают они в нехристианских странах, а широкое распространение получили после реформ патриарха Никона³⁴. Кроме того, оба слова имели ложную этимологию и связывались с созвучными «отчаяние» – смертный грех – и «ков» – коварство, лукавство, оковы.

Старообрядческие рукописи являются ценным источником сведений различного характера. Не всегда удается установить, приверженцам какого течения принадлежал тот или иной сборник. Странническая литература представляет большой интерес для изучения, ведь странники

---

³² Там же.

³³ Имеется в виду Иоанн Зонара, византийский канонист XII в.

³⁴ См.: Пигин А. В. Сочинения о чае и самоваре... С. 34.

переходили из места в место, порой преодолевая большие расстояния. Это обстоятельство затрудняет идентификацию источников, и каждая новая атрибутированная книга, несомненно, раскрывает неизвестную страницу этого феномена. Обильная цитация стала одной из отличительных черт страннической литературы. На примере подборки выписок о бытовых предписаниях можно убедиться, насколько важным для старообрядцев было сохранение чистоты веры, защита ее от западного влияния и новых привычек, распространившихся к XIX в. не только в светском обществе, но и в христианской среде.

М. А. Максимов

(Независимый исследователь, Санкт-Петербург)

КНИЖНИЦА РУССКОГО СЕВЕРА

Аннотация: В статье представлен обзор выставки «Книжница Русского Севера. Из собрания старообрядческих рукописей М. А. Максимова», которая работала в музее-заповеднике «Кижы», в здании фондохранилища в 2020 г.

Для большинства филологов, историков, искусствоведов и всех интересующихся историей и культурой старообрядчества год 400-летия со дня рождения протопопа Аввакума стал знаменательным. Множество приуроченных к этой дате мероприятий позволило приобщиться как научной, так и широкой общественности к культурному и историческому наследию поколений.

Одним из первых в году событий, посвященных памятной дате, стала организованная музеем-заповедником «Кижы» научно-практическая конференция «Старообрядчество на Русском Севере», в рамках которой состоялось открытие выставки «Книжница Русского Севера. Из собрания старообрядческих рукописей М. А. Максимова», проходившей в фондохранилище музея¹.

В основе экспозиции, открывшейся 18 марта 2020 г., лежали предметы XVII–XX вв., происходящие из различных регионов Русского Севера – из Карелии, Каргополья, Архангельской и Вологодской земель. Для демонстрации наиболее важных направлений севернорусской книжности и предметов декоративно-прикладного искусства 97 экспонатов, участвовавших в выставке, были представлены в 8 условных разделах. В данной статье дается краткий обзор этой выставки.

---

¹ *Максимов М. А.* Книжница Русского Севера. Из собрания старообрядческих рукописей М. А. Максимова. ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижы“». 18 марта – 28 апреля 2020 г. Каталог выставки. Петрозаводск, 2020.

Первый историко-тематический раздел – «Начало церковной реформы. Соловецкий монастырь и сочинения пустозерских узников» в контексте событий года, и истории «церковного раскола» в целом, представляет достаточно редкие сочинения начального периода старообрядчества². Сборник XIX в. содержит миниатюру с изображением патриарха Никона и Павла Коломенского, единственного противника «новин» из числа архиереев, участников собора 1654 г. Другие сборники XVIII–XIX вв. представлены сочинениями «Беседа о нечувственных христианах» Спиридона Потемкина, «Прение священнодиякона Феодора с митрополитом Афанасием Иконийским о сложении перст в знаменнии крестном», Пятой соловецкой челобитной и др. Один из старообрядческих сборников 70-х гг. XIX в. включает «Сказку попа Лазаря о духовном деле святейшего патриарха Иоасафа», его же «Роспись вкратце, в чем новые книги со старыми не согласны и не сходятся», Послание диакона Федора «список с епистолии великих отцев и страдальцев за святую соборную и апостольскую церковь», «Список новых страдальцев Пустозерской темницы, Аввакум протопоп Федору диякону» и др. (рис. 1).

Центральное место в экспозиции занимает раздел «Выго-Лексинское общежительство и его книжная традиция». Большое внимание уделено памятникам, созданным непосредственно в поморской обители или продолжающим традицию литературной и оформительской школы Выга.

Рис. 1. Рукописи XVIII–XIX вв. раздела «Выго-Лексинское общежительство и его книжная традиция»

² См.: Пигин А. В., Юхименко Е. М. Старообрядческие севернорусские рукописи в собрании М. А. Максимова // Максимов М. А. Книжница Русского Севера... С. 7–22.

В рукописях имеются списки сочинений выговских киновиархов «Трактат о титле на кресте» Андрея Денисова, глава о епископе Павле Коломенском из «Винограда Российского» Семена Денисова, отдельные послания из переписки Андрея Денисова и Феодосия Васильева, похвальное слово Семена Денисова «на пренесение мощей» Зосимы и Савватия Соловецких (на 8 августа). Экспонируется список «Поморских ответов», выговский синодик в списке начала XIX в. Списки духовных стихов (со знаменной нотацией) в честь выговских настоятелей Андрея Борисова и Кирилла Михайлова. В сборнике слов и повестей начала XIX в. «Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке» в списке выговской редакции этого памятника.

Представленные выговские рукописи позволяют увидеть красоту книжной орнаментики, созданной в рамках единой стилистики поморского художественного стиля. Заставка-рамка, открывающая богослужебный сборник середины XVIII в., близкая к выговскому орнаменту раннего типа, к тому же периоду относится Обиход на крюковых нотах; украшающие его многочисленные заставки-рамки сохраняют сдержанную цветовую гамму, напоминающую о ранних образцах поморской орнаментики монохромного типа. Чуть позже середины XVIII в. был создан сборник житий, который также сохранил особенности раннего декора, более уравновешенного и не столь изобильно-пышного, как в «классических» выговских рукописях конца XVIII – первой трети XIX в. Образцом выговской орнаментики «классического» периода может служить декор Обихода и Октоиха на крюковых нотах начала XIX в., скульптурно вылепленные лекальные мотивы уступают здесь место более плоским растительным, занимают свое привычное место (в заставках, маргинальных украшениях и больших инициалах) птички, ягодки-малины становятся более крупными, хорошо заметными, колористическое решение становится более ярким, с преобладанием золота, красного и зеленого цветов.

В экспозиции представлены примеры и позднего поморского декора, а также иллюминированные рукописи, продолжающие традицию выговской орнаментики, уже после закрытия обители.

Среди рукописей, относящихся к разделу «Карелия, Петрозаводск», следует отметить сборник-конволют середины XVIII – середины XIX в. содержащий духовно-назидательные сочинения, в том числе «Прение живота и смерти». Эта рукопись является знаковой для собрания, поскольку именно она более 20 лет назад положила начало коллекции представленных рукописей (рис. 2).

Рис. 2. Предметы мелкой деревянной пластики Русского Севера, конец XVIII – начало XX в.

Широко показано на выставке Каргополье, одноименный раздел экспозиции включает рукописи последнего представителя московской филипповской общины Михаила Юрьевича Орловского. Из книг московского филипповского братского двора, перевезенных им в Каргополье, в собрании хранится около 20 рукописей, на выставке представлены три из них, а также печать московской филипповской общины.

Большое количество страннических общин (скрытников, бегунов) Русского Севера проживало в Каргополье. Оставив после себя богатую книжную традицию, помимо богослужебных текстов и свойственных для сборников XVII–XIX вв. выписок, страннические рукописи имеют преимущественно эсхатологический либо полемический характер. В состав представленного страннического сборника каргопольского происхождения последней трети XIX в. входит «Изъяснение вин и ересей, находящихся при старообрядцах», в тексте которого осуждаются старообрядцы, «записавшиеся в раскол».

Раздел «Архангельские земли» представлен в экспозиции сборником слов и житий середины XVIII в., происходящим из деревни Тойватово, в составе которого памятник ранней старообрядческой литературы – Послание об антихристе и тайном царстве его. В данный раздел выставки также попали два памятника из села Пучуга Верхнетоемского уезда Архангельской губернии, одного из художественных центров Северной Двины. Это миниатюрные лицевые святцы второй половины XIX в. Из этого же села происходит покров на аналой с вышитым Голгофским крестом, а из деревни Юмиж того же Верхнетоемского уезда – пелена подвесная с изображениями двух голгофских крестов.

Следует отметить, что экспозиция дополнена рядом предметов декоративно-прикладного искусства, происходящих из старообрядческой среды региона, это мелкая деревянная пластика (резные иконы и кресты с изображениями Голгофы), шитье (подвесная пелена, накидка на аналой) и др.

Последний из «географических» разделов выставки «Вологодские земли» представлен рукописями, происходящими из Великого Устюга и Череповца. Ряд представленных памятников имеет непосредственное отношение к региону. Например, сборник апокрифов и повестей конца XVIII в. включает в свой состав Житие Прокопия Устюжского; следует отметить и другой редкий памятник в рукописи, Повесть о Христовом крестнике. Бытовавшие в регионе кодексы также представлены в экспозиции; Житие Александра Свирского, список середины XVIII в. «Страсти Христовы» с комплексом 35 миниатюр, в числе которых весьма редкие, например, состоящая из 12 клейм «Повесть об Иуде Искариотском», и др.

В числе филипповских сочинений можно отметить письма северодвинского старообрядческого наставника, идеолога, историографа и писателя Симеона Гаврилова (И. Г. Квашнина), в собрании их несколько, но памятники эти еще мало изучены, как и само наследие автора. Следует обратить внимание и на уникальный предмет, происходящий из Череповца, это икона «Голгофский крест» XIX в. с чеканной записью, не имеющей на сегодня аналогов, – «Сей крестъ чеканиль последователь отцем соловецким и старопоморским называемаго согласия филиппова».

Характеризуя старообрядческую книжность как исключительное явление русской культуры, завершают экспозицию «Книжница Русского Севера» два тематических раздела. Первый из них – «Продолжение древнерусской традиции» – включает памятники древнерусской книжности, которые в конце XVII–XX в. переписывались уже преимущественно в старообрядческой среде.

В состав экспонирующихся литературных сборников входит целый ряд древнерусских повестей: о бесноватой жене Соломонии, о новгородском посаднике Щиле, о прении живота и смерти и др. Посетители выставки имеют возможность познакомиться и с сочинениями, посвященными святым Русского Севера: списки житий юродивых Христа ради Прокопия и Иоанна Устюжских, преподобных Александра Свирского и Александра Ошевенского, Зосимы и Савватия Соловецких и др.

Свидетельством продолжения старообрядцами древнерусских традиций является и представленная на выставке рукопись на бересте. Сама традиция полууставного письма и использование бересты в качестве

писчего материала была сохранена в Сибирской общине старообрядцев часовенного согласия. В собрании хранятся 15 единиц подобных рукописей XX в. но ввиду сложности их экспонирования представлен лишь один берестяной кодекс. Продолжая тему старообрядческих традиций современности, нельзя не упомянуть о выставленных письмах Агафьи Карповны Лыковой, хранительнице традиционного уклада жизни, и сегодня проживающей в глухой сибирской тайге (рис. 3).

Рис. 3. Рукописи XVII–XIX вв. раздела «Лицевые рукописи»

Особое место в экспозиции традиционно занимают лицевые рукописи, в общей сложности более 450 миниатюр XVII–XX вв. содержат представленные кодексы: сборник конца XVII в. с Повестью о Варлааме и Иоасафе, с 24 миниатюрами и «лубочным» изображением птицы-девы Гамаюн; «Слово Палладия мниха о втором пришествии Христове и о Страшном Суде» первой половины XVIII в. с 25 миниатюрами; Синодик литературный середины XVIII в. с 15 миниатюрами; «Страсти Христовы» начала XIX столетия с 35 миниатюрами; три толковых Апокалипсиса с 72, 38 и 73 миниатюрами соответственно; «Страсти Христовы» с 35 изображениями; лицевой сборник, содержащий 41 миниатюру, в его состав входят Повесть о царице и львице, Слово о явлении ангела Макарию Египетскому, Слово Иоанна Милостивого о Петре Мыгаре и др.; «Мытарства Феодоры» из Жития Василия Нового с 21 миниатюрой; Четвероевангелие второй половины XIX в. а также сборник, содержащий 66 миниатюр.

Старообрядческая рукописная книга поражает своим разнообразием репертуара и оформлением. Русский Север долее всех сохранил наследие древнерусской культуры и искусства, а среда староверов помогла сблечь его, задав новый импульс в развитии литературы, книжности и декоративно-прикладного искусства.

Для меня как для коллекционера выставка в Карелии, знаковым для истории старообрядчества регионе, уроженцем которого я являюсь, имела особое значение. Проведение ее в столь авторитетном месте не могло бы состояться без высокой оценки частного собрания руководством музея-заповедника «Кижы». Хочется поблагодарить всех принявших участие в проведении этой выставки, в особенности О. М. Жаринову, А. В. Диброву, М. Г. Бабалык, Н. Г. Павлову. Особую благодарность хочется выразить Е. М. Юхименко и А. В. Пигину за участие в создании каталога выставки.

Н. С. Федорова

(Выборгский объединенный музей-заповедник)

ПОМОРСКОЕ МЕДНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЛИТЬЕ В СОБРАНИИ ВЫБОРГСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Аннотация: Статья посвящена обзору памятников старообрядческого медного литья из коллекции Выборгского объединенного музея-заповедника, выполненных в Поморском художественном центре.

Собрание медного художественного литья Выборгского объединенного музея-заповедника составляет более 200 единиц хранения и включает несколько типов предметов: кресты нательные, напрестольные и киотные, иконы, складни двух-, трех- и четырехстворчатые. Кроме того, в фонде Изобразительных материалов музея хранятся две иконы с врезными произведениями медного литья, в которых медная пластика и живопись объединены единым композиционным решением. Это иконы «Святой Тимофей, Святой Артемий и Образ Покрова пресвятой Богородицы» (ВЗ КП-11054) и «Избранные святые с Распятием и иконой “Спас Благое молчание”» (ВКМ ОФ КП-1214/20).

Поступление первого предмета из коллекции меднолитой пластика в фонды нашего музея относится к 1967 г. Этим предметом стал четырехстворчатый складень «Дванадцатые праздники и поклонение иконам Богоматери» (ВКМ ОФ КП-460), закупленный за 13 рублей у жительницы Выборга Марии Андреевны Утешевой. Последнее поступление в коллекцию – это два нательных креста (женский ВЗ КП-11049/1 и мужской ВЗ КП-11049/2) из комплекса предметов археологии, обнаруженных летом 2015 г. при раскопках в Выборге, у башни Ратуши – единственной сохранившейся башни городской стены Выборга XV в. Нательные кресты найдены в слое XVIII в. под кирпичным мощением.

К сожалению, история бытования предметов этой коллекции – до момента их поступления в музейное собрание – в большинстве случаев, неизвестна. С уверенностью мы можем говорить только о времени и пути поступления предметов в музей. Лишь на двух произведениях медной пластики содержатся отметки (инициалы), которые могут указывать на авторство или имя владельца. На иконе «Избранные святые» (ВКМ ОФ КП-1213/8) – контррельефные буквы «К. С.» на бортике в нижнем левом углу; на кресте «Распятие Христово» (ВКМ КП-4257/9) также нанесены инициалы, выполненные контррельефными точками: «А. И.».

Основная часть собрания, которое комплектовалось не целенаправленно, сформирована из предметов, переданных музею Выборгской таможней. Одиннадцать предметов было получено в дар. Еще девять произведений меднолитой пластики поступило в собрание музея в результате собирательской работы. В 2017 г., благодаря консультационной помощи Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева¹, удалось систематизировать большую часть коллекции по месту производства и уточнить датировки.

В настоящее время в собрании медной пластики Выборгского объединенного музея-заповедника достаточно хорошо представлены почти все типы медного художественного литья, а также основные художественные центры: Поморье, Урал, Москва, Подмосковье. Кроме того, в коллекции можно выделить отдельный интересный комплекс, в который вошли подлинники с поновлениями краской и лаком, поделки и новodelы.

Главная ценность коллекции меднолитой пластики Выборгского объединенного музея-заповедника – это 14 предметов, изготовленных в Поморском художественном центре. Шесть из них выполнены в Выговском общежитии – духовном центре староверов поморского согласия. В коллекцию поморских предметов входят четыре креста, один двухстворчатый складень, пять трехстворчатых складней, три фрагмента трехстворчатых складней, а также одна икона. Все эти предметы, за исключением двухстворчатого складня, поступили из Выборгской таможни с 1974 по 1989 г. Расскажем об этих предметах подробнее.

Поморский восьмиконечный, прямой, трисоставной крест «Распятие Христово» (ВКМ КП-5214) изготовлен в конце XVIII в., а поновление краской и лаком выполнено в XX в. Его бывшие владельцы, вероятно, декорировали его на свой вкус, посчитав, что слой белой краски, покрытый лаком, украсит его. Крест поступил из Выборгской таможни в 1988 г.

---

¹ Сердечно благодарю к.и.н. заведующую сектором декоративно-прикладного искусства Елену Яковлевну Зотову за оказанную консультационную помощь.

Рис. 1. Крест киотный. «Распятие Христово с предстоящими». Поморье, Выговское общежительство. Вторая половина XVIII в. Медный сплав, эмаль (белая, светло-голубая, темно-голубая, темно-синяя, сине-зеленая), литье. 16,4 × 10,6 × 0,3. ОФ КП-2221/15. М-230

К числу наиболее ценных предметов в коллекции медного литья Выборгского объединенного музея-заповедника относится крест киотный «Распятие Христово с предстоящими» (ВКМ ОФ КП-2221/15) (рис. 1), поступивший в собрание из Выборгской таможни в 1978 г. Датируется он второй половиной XVIII в. Крест изготовлен в Выгорецкой мастерской. В декорировании креста использованы пять колеров стекловидной эмали: белой, светло-голубой, темно-голубой, темно-синей и сине-зеленой. Изображения на кресте выполнены с тщательной проработкой деталей. В верхнем перекрестии – изображение Спаса Нерукотворного и двух плачущих ангелов. В нижней части верхней планки содержится изображение «звезд», а на концах средней горизонтальной планки – солнца, луны и облаков. В центральной части креста – изображение распятого Христа. По сторонам от фигуры Христа – копии и трость. На косой и части вертикальной планках – изображение башен и стен Иерусалима. В нижней части вертикальной планки – изображение Голгофы с черепом Адама в пещере. По

сторонам от распятия, на двух вертикальных планках – «полотенцах» – изображение попарно в рост в позах предстояния св. Марфы и Марии, апостола Иоанна и св. Логина. По периметру креста нанесен орнамент из рельефных квадратиков, ограниченных линиями с косой насечкой. Тыльная сторона гладкая, без орнамента и надписей, с кромкой.

Крест киотный «Распятие Христово с предстоящими» (ВКМ ОФ КП-2411), изготовленный в Поморье в XIX в., поступил из Выборгской таможни в 1979 г. Крест восьмиконечный, с двумя прямоугольными пластинами, примыкающими к средней и нижней перекладинам. В верхнем перекрестии – изображение Спаса Нерукотворного и двух плачущих ангелов. На концах средней планки – изображения солнца и луны – признаков старообрядчества. По сторонам от распятия, на прямоугольных пластинах

попарно в рост, в позах предстояния – изображения Марфы и Марии, Иоанна и Логина. Крест по периметру орнаментирован рельефными квадратами. Тыльная сторона креста гладкая. На этом кресте сильно сглажены рельефные изображения. Видимо, бывшие владельцы с особой тщательностью начищали его до блеска перед каждым праздником.

Еще один поморский киотный крест «Распятие Христово» с предстоящими (ВКМ КП-5091) также изготовлен в Поморье в XIX в. Он поступил из Выборгской таможни в 1986 г. Крест декорирован белой, голубой и светлой сине-зеленой эмалью.

Миниатюрный двухстворчатый складень XIX в. (ВКМ ОФ КП-2232) (рис. 2), с изображениями «Преподобных Антония и Феодосия в молении образу Богоматери Смоленской» и «Святителя Николы Чудотворца», декорированными эмалью темно-синего и голубого цвета. Как отмечает исследователь В. М. Тетерятников, «[И]менно темно-синяя финифть, часто почти черная в сочетании с голубой и есть наиболее распространенная расцветка всех русских меднолитых изделий XVIII–XIX вв»². Обратная сторона левой створки украшена литым изображением Голгофского креста. На обороте правой створки – изображение цветочной розетки, окруженной геометрическим орнаментом. Для мелкой меднолитой пластики «подбор орнаментальных мотивов...

Рис. 2. Складень двухстворчатый. Преподобные Антоний и Феодосий в молении образу Богоматери Одигитрии. Святитель Никола Чудотворец. Поморье. XIX в. Медный сплав, эмаль (темно-синяя, голубая), литье. 3,7 × 2,8 × 0,6; в развернутом виде: 7,2 × 2,8 × 0,3. ОФ КП-2232. М-238

² Тетерятников В. М. Указы о медном и финифтяном мастерстве (История публикации указов) // Русское медное литье. Сборник статей. М., 1993. Вып. 2. С. 152.

был строго ограничен. Основные типы орнаментации – геометрический и растительный (часто в виде стилизованного вьюна)»³. Складень был передан музею в 1978 г. в дар учительницей школы поселка Красносельское Валентиной Михайловной Трофимовой.

Все трехстворчатые складни Поморского художественного центра, представленные в собрании Выборгского объединенного музея-заповедника, выполнены в маленьком, дорожном размере. Уникальными и наиболее ценными в коллекции медного литья являются трехстворчатые складни «Деисус, с избранными святыми» (ВКМ КП-2555/14 (рис. 3) и ВКМ КП-5524 (рис. 4). Эти складни выполнены с огневым золочением. При золочении предмет покрывался специальным составом, состоявшим из золота и ртути, и, когда во время обжига ртуть испарялась, золото «плотным ровным слоем „навечно“ ложилось на поверхность»⁴.

Рис. 3. Складень трехстворчатый. Деисус с избранными святыми. Поморье, Выговское общежительство. Начало XVIII в. Медный сплав, эмаль (темно-синяя, голубая, белая, желтая, зеленая), литье, золочение. 6,3 × 6,1 × 1,3; в развернутом виде: 6,3 × 16,5 × 0,7. ВКМ КП-2555/14. М-258

³ Гнутова С. В. Медная мелкая пластика Древней Руси // Русское медное литье. Сборник статей. М., 1993. Вып. 1. С. 16.

⁴ Зотова Е. Я. Символы и образы. Складни, иконы, кресты конца XVII–XX в. из собрания Ю. А. Голубева. М., 2002. С. 8.

Рис. 4. Складень трехстворчатый. Деисус с избранными святыми.

Поморье, Выговское общежительство. Конец XVIII – начало XIX в.

Медный сплав, эмаль (голубая, синяя, темно-синяя, белая, желтая, зеленая), литье. 6,2 × 6,3 × 1,2; в развернутом виде: 17,2 × 6,3 × 0,4. ВКМ КП-5524. М-974

Складень трехстворчатый «Деисус с избранными святыми» (ВКМ КП-2555/14) наделен характерной особенностью – замочком в виде штырька, который при складывании вставляется в отверстие на правой створке. Он изготовлен в Выговском общежительстве в начале XVIII в. На обороте первой створки изображен восьмиконечный Голгофский крест на фоне стен Иерусалима с яркими блестящими эмальями желтого, белого, голубого, темно-синего и зеленого цвета, с введением контрастных точек. «Известно, что мастера использовали в качестве добавки в эмали – бисер. Знакомство литейщиков с бисером заставляет предположить, что знаменитая расцветка поморских эмалей белыми, желтыми, черными точками делалась укладкой кусочков бисера»⁵. Обрат двух других створок – гладкий. Эти предметы отличают чистота литья, легкость, тонкость, яркие стекловидные эмали. Тыльная сторона складня гладкая, с заметными следами шлифовки в виде вертикальных царапин.

Складень трехстворчатый «Деисус с избранными святыми» (ВКМ КП-5524) датируется концом XVIII – началом XIX в. Он выполнен также в Выговском общежительстве. Лицевая сторона и крышка этого складня декорирована растительными и геометрическими орнаментами с яркими эмальями голубого, синего, темно-синего, белого, желтого и зеленого цвета. Предмет поступил в собрание из Выборгской таможни в 1989 г.

Еще один трехстворчатый складень «Деисус с избранными святыми» (ВКМ КП-3096) также изготовлен в Выговском общежительстве и оформ-

⁵ Тетятников В. М. Указ. соч. С. 152.

лен многоцветными эмалями (голубой, светло-голубой, сине-зеленой, белой и черной) на лицевой стороне и крышке. Поступил из Выборгской таможни в 1981 г.

Четвертый из комплекса Поморского художественного центра складень трехстворчатый конца XVIII – начала XIX в. «Святитель Никола Чудотворец. Богоматерь Всем скорбящим Радость. Мученики Кирик и Улита с избранными святыми» (ОФ КП-1213/4) поступил из Выборгской таможни в 1974 г. На левой створке складня изображен Святитель Николай Чудотворец. В меднолитой пластике Святой Николай был самым почитаемым образом святого, «в создании которого воплотился талант многих русских мастеров-чеканщиков и литейщиков на протяжении ряда столетий»⁶. Изображение святителя представит поясным, в левой руке он держит Евангелие, правая рука – в благословляющем жесте. В средней части – Богоматерь Всем скорбящим Радость. На правой створке трехстворчатого складня ростовые фигуры мучеников Кирика и Улиты, с избранными святыми. Кирик изображен с молитвенно сложенными на груди руками, а Улита – с восьмиконечным крестом. Эти святые считаются покровителями семьи и детей. Значение изображений святых в иконном медном литье отмечено С. В. Гнутовой: «Для медного литья малых форм характерны сокращенные иконографические изводы, поэтому наиболее часто на медных иконках помещаются поясные и ростовые фигуры (как правило, одиночные или парные)»⁷. Складень выполнен с черной и голубой эмалями.

Завершает обзор коллекции медного художественного литья миниатюрная икона «Богоматерь Всем скорбящим Радость» XIX в., с ушком (ВКМ ОФ КП-1213/15) (рис. 5). «Много было меднолитых икон и складней с почитаемыми изображениями Богоматери, но особенно любимы в народе образки и иконы Богоматери Всех скорбящих Радость. Видно, очень часто обращались со своими печальями, а в благодарность натирали до блеска медный образок мелом или кирпичом...»⁸. В центре иконы представлена фигура Богоматери в рост с жезлом в правой руке. По сторонам – фигуры болящих людей. Изображение Пресвятой Богородицы украшено голубой и белой эмалями. Это произведение медной пластики поступило из Выборгской таможни в 1974 г.

⁶ Зотова Е. Я. Указ. соч. С. 16.

⁷ Гнутова С. В. Указ соч. С. 16.

⁸ Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX в. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: Альбом. М., 2000. С. 9.

*Рис. 5. Икона «Богоматерь Всем скорбящим Радость». Поморье. XIX в.
Медный сплав, эмаль (голубая, белая), литье. 5,2 × 5,8 × 0,19;
без ушка: 5,8 × 5,3 × 0,2. ОФ КП-1213/15. М-1169*

В целом Поморский художественный комплекс, несмотря на многочисленность, достаточно хорошо представлен в музейном собрании и содержит, в том числе, уникальные предметы. В заключение следует отметить, что собрание медного художественного литья Выборгского объединенного музея-заповедника, сложившееся за пять десятилетий комплектования, стало одной из жемчужин фондовых коллекций. Некоторые из этих предметов уже экспонировались, но большая часть еще ждет своего часа и заслуживает интереса исследователей и посетителей музея.

В. П. Ершов

(ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск)

О ТРЕХ ОКЛАДАХ БОГОРОДИЧНЫХ ИКОН ИЗ ЛИЧНОГО СОБРАНИЯ АВТОРА

Аннотация: В статье анализируется орнаментика трех окладов богородичных икон предположительно старообрядческого происхождения. Их оформление демонстрирует глубокий символизм. Сами иконы не сохранились.

В коллекции автора хранятся три оклада, ранее относившиеся к иконам, изображающим Богородицу с Младенцем. Сами иконы не сохранились.

Первый оклад относился к **иконе «Купина Неопалимая»** (рис. 1)¹, он предположительно датируется XIX в. Икона подризная. Оклад закрывает все поле иконы, кроме ликов и кистей рук. Икона, видимо, была написана для часовни, домашнего или келейного обихода. Полей как таковых нет. Узкий рубчик оклада по краю выполнен в классическом стиле: полоса крупных пирамидальных элементов, обрамленных с внешней и внутренней сторон мелкой насечкой. Отступая, – выпуклый кант, опущенный мелкими точками. Аналогии: подобное орнаментальное оформление нередко встречается на меднолитых иконках, например, внешние края на образе св. Андрея Стратилата (Выг)², а также на меднолитом кресте «Распятие Христо-во», XVIII в.³, на чеканных наугольниках и среднике (серебро, чеканка) крышки напрестольного Евангелия XVII в.⁴ Это предполагает выговское происхождение нашего оклада. Памятник, безусловно, значительное художественное явление, возможно, выговского мастера.

---

¹ Икона, к которой принадлежал оклад, не сохранилась, откуда происходит оклад неизвестно. Ранее находился в фондах Медвежьегорского музея, откуда оклад был списан в 1976 г. как «не представляющий художественной ценности».

² Образы и символы старой веры: Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея. СПб., 2008. С. 43.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 119.

Рис. 1. Оклад иконы «Купина Неопалимая» (XIX в.?)

Иконография иконы и, соответственно, ее оклада значительно упрощена, тем не менее можно говорить о ее близости к иконографической схеме ряда икон: «Всевидящее Око Божие»⁵. Можно назвать еще один интересный извод «Неопалимой Купины»: это старообрядческая икона середины XIX в. Русского музея «Видение Неопалимой Купины пророку Моисею». Вверху, в центре – изображение Богородицы с Младенцем в несгораемом кусте-купине, а по углам иконы симметрично: «Белокаменный город с золотыми шпильями», «Моисей, пасущий овец при потоке египетском», «Пророк, снимающий обувь», «Моисей, поклоняющийся Богородице»⁶. Одно из клейм иконы XV в. из музея Московского Кремля «Достойно есть» показывает Богородицу в рост на фоне звезды из двух остроугольных ромбов – красного и коричневого, так же, как и на нашем окладе⁷.

⁵ Цодикович В. К Традиции народной культуры и сюжетообразование в русской иконописи, парсуне, пластике 14–20 вв. Ульяновск, 2010. С. 63.

⁶ Образы и символы старой веры... С. 59, кат. 49

⁷ Майоров Н., Скокова Г. Русская иконопись. Сюжеты и шедевры. М., 2007. С. 291.

Упоминания о «Неопалимой Купине» имеются в Исходе, Второзаконии, Евангелии от Марка, Деяниях святых апостолов⁸, неистовый Аввакум знает о «Неопалимой»⁹. Сюжет был популярен в народе и творчестве поэтов и писателей, например, Н. Клюева¹⁰ («Я от избы, резных палатец // Да от рублевской купины...») или: «Вспомнил молот над рощицей ивовой, // Купину с огнепальными ликами»¹¹), Р. Роллана¹², М. А. Волошина¹³ и др.

На окладе Богоматерь с Предвечным Младенцем представлена рельефом в овале на восьмиугольной звезде, составленной из двух остроугольных ромбов с вогнутыми сторонами. Голова Богоматери склонена влево, мафорий проработан мелким пунктиром, воссоздающим ткань; складки прочерчены двумя линиями. Младенец несколько отстранен от матери. Его хитон прочеканен рядами точек, имитирующими фактуру ткани, отличной от Богоматери. Венцы отсутствуют. Их отсутствие изменяет восприятие пространства вокруг фигур – создается ощущение пустоты, недоделанности произведения, что не характерно для этого изысканного мастера.

Верхний ромб оклада обозначен рельефным кантом с «жемчужницами». Вверху прочеканены символы Богоматери – «МР ФУ». Овал выделен также рельефным кантом, с обеих сторон которого декоративная косяя штриховка (изнутри) и мелкие «жемчужинки» снаружи. Над головой Младенца символы «IC XC», прочеканенные мелкими точками.

Углы верхнего ромба обработаны в технике «кошачьи лапки». В верхнем углу символы Богоматери. Сам контур ромба обозначен «жемчужинами». Нижний ромб с длинными углами выделен таким же кантом с более мелкими «жемчужинами». Все пространство его лучей заполнено точечными линиями разной длины, между которыми вибрирующие линии, означающие языки пламени. Символы евангелистов отсутствуют¹⁴. Восемь сегментов между лучами ромбов заполнены

⁸ См.: Исход – 3: 1–5; Второзаконие – 33: 16; Евангелие от Марка – 12: 26; Деяние святых апостолов – 7: 30–33.

⁹ Житие протопопа Аввакума. М., 1991. С. 291.

¹⁰ Маркова Е. И. Купина в творчестве Н. Клюева: образ и понятие // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2008. «Купину с огнепальными ликами» («Песни Вытегорской коммуны») Клюев неоднократно упоминает в своих произведениях.

¹¹ Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 441, 806.

¹² Роллан Р. Жан-Кристоф. М., 1978. Кн. 2. С. 73.

¹³ Волошин М. А. Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции. 1924.

¹⁴ Отдаленным аналогом восьмиконечной звезды «Неопалимой» является орден «Святого Духа» Франции (1578) Генриха III. Между концами Мальтийского креста располагаются геральдические лилии, от центра медальона исходят языки пламени.

крупными рельефными фигурами архангелов, объединенных между собой круговой общей линией, образующей розетку, напоминающую розу. Сегменты обработаны правильными рядами точек, создающих иллюзию материального пространства. Архангелы крылаты, выразительны, динамичны, вполне материальны. Одежды их индивидуальны, фактурно проработаны гравировкой и чеканкой. Без живописного оригинала трудно определить функции и названия каждого. Определенно можно сказать об архангеле в воинских одеждах: он в накидке, высоких сапогах, латах – архангел Рафаил (борец против ересей). На некоторых иконах он держит в правой руке меч. Возможно, верхний, коленапреклоненный архангел с разведенными в сторону руками – архангел Михаил.

Архангелы впечатляют. Они живут самостоятельной жизнью в отрыве от живописной основы иконы. Они живописны сами по себе. Они выделились из плоскости. Их объемы заполнили отведенное для них пространство сегментов. Они в нем живут, движения их уверенные, полны жизни, ритмики. Фигуры крепки, деятельны. Стилистика характеризует руку искусного мастера. Это отнюдь не бесплотные персонажи. Перед нами фронтально развернутая картина, в которой все взаимоотношения персонажей передаются через разнообразие поз, ракурсов, жестов, через «живопись» чеканки. Одежды ангелов не повторяются, они «живописны», условны, хорошо передают все движения архангелов. Удивительна ритмика рук – это какой-то танец по кругу. Здесь все совершенно, закончено. Композиция центрична, круговая, насыщенная, все фигуры как бы вращаются вокруг центра – овала. Впрочем, все иконы христоцентричны. Памятник отличает удивительная четкость форм, красота рельефов, проработанных чеканкой, искусна графика линий и пунктира – все говорит о незаурядном таланте мастера. Техническое исполнение и художественное искусство ставят это произведение в ряд с лучшими образцами бессменного дела на Севере. Вообще оклад производит впечатление живописного произведения.

Ярко проявляется фольклорная культура этого произведения, которая вызывает в памяти аналогии с памятниками декоративно-прикладного искусства Севера. Здесь нет сюжетных сцен, но декоративное начало, самобытность, техническое совершенство – все говорит о том, что мастер был близок к народной культуре, возможно, был выходцем из простонародной среды. Пластика этого оклада говорит о глубоких художественных традициях, живущих в народе, проявление которых мы видим не только в резьбе и росписях, в данном случае и в обработке металла.

В орнаменте оклада надо обратить внимание на цветочную розетку, на которую наложена звезда. Необходимо присмотреться, чтобы ее увидеть. Такую розетку мы часто видим на бытовых предметах (на скобкаре¹⁵, например), прялках, сундуках, солоницах, хлебницах, трепалах. Она соединяет в единое все сегменты оклада с архангелами. Цветочный мотив! Мотив розы. Его значимость не всегда осознается. На многих иконах с этим сюжетом он заменяется простым овалом. Между тем, как мы знаем, символом Богоматери была роза¹⁶. В этом случае наш орнаментальный сюжет обретает особый архетипический смысл. Розетка и роза не просто однокоренные понятия, а мифологически близкие, и эта аналогия поднимает наше произведение на более высокий мифологический уровень: роза – один из древнейших видов орнаментов, знаменующих божественную гармонию мироздания¹⁷. В нашем случае – роза сопряжена с огнем тернового куста, в котором горит и не сгорает Ангел Господень. В христианской (и не только!) традиции символическая емкость розы безгранична, и потому обратим читателя к статье «Роза» В. Н. Топорова в энциклопедии «Мифы народов мира»¹⁸.

Богоматерь с Младенцем в центре оклада (в центре Космоса!), как в центре мироздания были Иерусалим, Вавилон, Рай, гора Фавор, Голгофа, древо жизни и т. д. Центр – где соприкасаются небо и земля, где господствует космическое время, близость между Богом и человеком, иерофания: Бог (Метатрон) является Моисею в огненном терновом кусте близ горы Хорив. И дальше: во время Исхода Яхве идет перед народом в «столбе облачном» или в «столбе огненном», Иаков борется с Богом, Яхве на горе Синай заключает с Моисеем «завет»... Символика центра распространена во всех архаичных культурах. В центре возможен прорыв для общения с небом, с Богом.

Второй **оклад иконы Богоматери** происходит из деревни **Тайгеницы**. Произведение датируется XVIII в. и представляет интерес как памятник провинциального искусства (рис. 2). В то же время ряд его особенностей свидетельствуют о знакомстве автора с художественными традициями Центра: качественная позолота, вся композиционная система орнамента говорят о высоком уровне художника, владеющего всеми способами обработки металла (чеканка, басма, чернь), безупречная орнаментальная композиция, ясность пошаговой ритмичности мотивов. Скрытая динамика рисунка уравнивается плавно очерченными

¹⁵ Круглова О. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1974. Кат. 155.

¹⁶ Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 386.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 386–387.

Рис. 2. Оклад иконы Богоматери из деревни Тайгеницы (XVIII в.)

растительными формами. Здесь все дышит красотой и покоем. Совершенно очевидно, что оклад принадлежит руке зрелого мастера, хорошо знакомого с искусством Москвы, Новгорода. Возможно, памятник был привозным, однако вероятно и другое: памятник создавался здесь, в Выгореции. Деревня Тайгеницы была довольно известным и богатым старообрядческим скитом Выгореции в XVIII в.

Не об этом ли говорят могучие кисти винограда на венце Богоматери? Символика винограда проходит через всю письменную и изобразительную культуру иудаизма и христианства (см.: Пс. 79, 9–16; Иер. 2,21; Иер. 12,10; Ис. 5, 1–7; Лк. 20–9–16). Виноград, виноградарь, виноградная лоза – образы глубокие, сложные. Как указывает «Библейская энциклопедия», «Виноградная лоза прекраснейшее произведение природы считалось у иудеев символом всего, что только было сильно, красиво, полезно... Церковь уподобляется великой виноградной лозе... Сам Бог был виноградарем, Израиль виноградником...»¹⁹.

¹⁹ Библейская энциклопедия. М., 1991. С. 122–123.

В Выгореции виноград не только был символом Церкви Христовой, но и синонимом киновии, ее насельников, ее культуры, учения. «Из того же отеческого винограда израсте отечаского учения плод»... «Виноградом российским»²⁰ назвал Симеон Денисов мучеников за веру. И начинает он свое произведение с того, что «всепредобрый Бог другий рай насади...». Этот Рай и изображает наш оклад!

Орнамент растительный. На ослепительно золотом фоне четко выделяется прочеканенный с чернью орнамент. Поля равновеликие: верхнее и нижнее – шире боковых, но орнамент на них одинаковый, на верхнем и нижнем поле – несколько увеличенный. Слева и справа от головы Богоматери в круглых картушах, выделенных штриховкой по окружности, прочеканены символы Богоматери.

Внешние края оклада окаймляет рельеф крупного витого «шнурка», к которому изнутри примыкает едва заметная строчка – «насечка». Внутренняя граница полей оклада обозначена рельефной «веревочкой-зигзаг». Такая же «веревочка» идет по контуру поясной фигуры Богоматери в сочетании со строчкой-насечкой. Поля оклада, как я писал, украшает растительный орнамент. Такой же, несколько укрупненный, – на всем поле оклада, он создает впечатление сплошного травяного покрова.

В этом кажущемся хаосе изобилия растительных форм можно проследить строгую симметрию: отчетливо выделяется повторяющаяся композиция из шести-восьми лучевых розеток и соединенных с ними тонкими точечными стебельками трилистников, осложненных двумя листочками, исходящими от них. Отчего листики становятся несколько похожими на жуков. Нечто подобное мы видим на расшитой золотыми и серебряными нитями епитрахили XVII в.²¹ Розетки, трилистники, стебельки и листочки прочеканены мелкими точками и обработаны чернью. Все вместе создает эффект графики. Рисунок безукоризненный! «Усы-стебельки», попарно исходящие от цветочных розеток, образуют округлые фигуры (сердечки), попарно соединенные небольшими скрепами прямоугольников. Внутри сердечек – триада трилистников. Соединения «сердечек» возле скреп образуют между собой остrokонечные ромбы с точкой-кружочком или четырех-, шести-, восьми-конечной розеткой.

Есть еще одна форма симметрии: «усы», исходящие вправо и влево от трилистников внутри сопряженных «сердечек», образуют фигурные

²⁰ Денисов Симеон. «Виноград российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие». М., 1906.

²¹ Плешанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство. Л., 1985. № 138, кат. 119.

прямоугольники. Это изящные фигуры с цветочной розеткой в центре, справа и слева от которой – трилистники, а сверху и снизу цветок-розетку прикрывают черные дополнительные лепестки. Все это выполнено тонким чеканом на золотом фоне и создает впечатление богато расшитой ткани. Оклад как будто имитирует ткань парадных одежд, покровцов, «воздухов», плащаниц и т. д. Памятник явно демонстрирует внимание к земной красоте.

И вот что удивительно: обилие растительных форм не создает впечатления перегруженности, наоборот, рождает ощущение радости, волнения, как от цветущего сада, изобилия жизни, солнечного света, настаивает на высокий, можно сказать, на космический лад. Памятник привлекает гармонией чеканных форм, оттененных чернью, с золотистым свечением фона. Изящный рисунок выдает руку большого художника: блестящие вариации одного и того же рисунка орнамента на поле средника или на разновеликих полях оклада.

Интересно с художественной точки зрения и третье произведение – **нимб Богоматери и Младенца** (рис. 3). Снаружи он обрамлен чеканными «капельками-оголовками» антропоморфного характера («шапочка», «лицо»), каждая из которых обработана деликатной штриховкой, усиливающей сходство с человеческой личиной (ангелами?). Ниже идет кант, обрамленный с двух сторон «жемчужницей». Орнамент нимба Богоматери растительный: по заштрихованному фону извиваются мощные стебли с крупными листьями, цветами и виноградными гроздьями.

Рис. 3. Нимб Богоматери и Младенца

На память приходят строки:

– В ореховый сад сошла я, и мой
устремился взгляд
на зелень холмов, на пестрый, волнистый
покров долин.
А вдруг распустились лозы, и нежный
расцвел гранат,
и на серебристых ветках желтеют цветки
маслин?

(Песнь Песней, с. 39.)²²

Кажется, что мастер оклада воссоздает этот первозданный, райский мир, цветущее древо жизни! И Богоматерь здесь – ее подательница, с ней связано плодородие и процветание, гармония и равновесие. Потому такое буйство растительности на окладе. Это своего рода поэтический народный Космос. Здесь все дышит любовью к красоте. Как будто легкий ветер пробегает по этому разнотравью, невидимо колышет верхушки трав, мы чувствуем их благоухание... Как будто солнечный луч заглянул в полумрак часовни, заглянул и остался, зажигая теплом сердце молящегося... Растительный декор оклада удачно подготавливает наше восприятие Богоматери как одухотворенного, женственного начала. Перед нами замечательный пример памятника, объединяющего искусство иконописца и мастера по металлу. Можно смело утверждать, что оклад создавался одновременно с живописным произведением. Остается только сожалеть об утрате его самого.

И еще один момент – чисто субъективный. Розетки цветов и тонкие прочеканенные линии между ними напомнили мне заросли земляники на солнечной поляне с длинными переплетающимися побегами усов. Цветение в полном разгаре... Тройчатые листья на стебельках среди белых цветов.

Не хочу звать читателя в средневековый символизм, когда смысл реальности был знаком иного, более глубокого понимания ее. И все же... Умение увидеть за материальной оболочкой проявление иномирности – это и сейчас важно... На этом стоит понимание искусства. Мерцающий золотисто-желтый свет золота оклада – это свет божественный, а изобилие растительности – напоминание о райской жизни. Земляника цветет и плодоносит одновременно, что сделало ее средневековым символом девственности Марии. Современник известного нам Иеронима Босха (XV в.) немецкий живописец Штефан Лохнер посадил Марию прямо на

²² Песнь Песней Соломона / Пер. И. Евсы. М., 2007. С. 39.

сырую грядку с клубникой! (Картина «Богоматерь на земляничной грядке».) Красные плоды ее, как капли крови Христа, намек на Его страдания. А тройчатые листья земляники соотносятся с идеей Троицы.

В орнаменте есть еще один замечательный символ – ромб, неизменный спутник народных орнаментов. Здесь он сопутствует, как мы показали, соединениям округлых «форм-сердечек» друг с другом. Он центр этой образованной «усами» эллипсовидной фигуры. В центре ромба восьмилучевая розетка. Вокруг него вращаются бутоны-трилистники. Я написал «вращаются», подсознательно чувствуя динамику как бы в звездном небе: видимого движения нет, но оно происходит! Думаю, что недавно ушедший от нас философ и поэт Юрий Линник прав, передавая это ощущение ... «Ромбы и на вышивках, и на пряхках одинаково пребывают в состоянии невесомости – передают ощущение свободного парения светил»²³. Герменевтика нашего орнамента – неисчерпаема! Идеограмма ромба соединяет плодородие Земли с солнечным светом и теплом, счастливой жизнью. Ромбы сопровождают фигуру Богоматери – на полях, на всем поле оклада. Они как будто не заметны, надо очень приглядеться, чтобы увидеть их. Но увидев, понимаешь их расширительный, даже эпический смысл. И в целом, орнамент оклада – это поэтический гимн плодородию, свету, Солнцу. Все в нем исполнено красоты, музыкального ритма, высокого смысла.

Все это было понятно в прошлом простому крестьянину. Как понятны и знакомы ему были знаки солнечных розеток на пряхках, ткацких станах, на вышивках и тканье. Ромб же с точкой символизировал плодородие, почву, беременную будущим урожаем.

---

²³ Линник Ю. Кенозерская прялка в свете учения Карла Юнга о мандале // Кенозерские чтения. Архангельск, 2004. С. 174.

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА КУЗЬМИЧА ЛОГИНОВА

В ноябре 2020 г. ушел из жизни большой друг музея-заповедника «Киж», известный петрозаводский этнограф и знаток традиционной культуры народов Карелии, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, лауреат премии Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы Константин Кузьмич Логинов.

Его внезапный уход стал невосполнимой утратой для всего научного сообщества Карелии и России. Деятельность Константина Кузьмича была важна и значима, список его публикаций насчитывает более 160 работ и несколько авторских и коллективных монографий. Труды К. К. Логинова по этнографии русских Заонежья и Пудожья в буквальном смысле являются настольными книгами для многих сотрудников музея, ведь они востребованы не только научными работниками, но и специалистами, занятыми подготовкой выставок и экскурсий, разработкой образовательных программ и культурно-массовых мероприятий.

К. К. Логинов постоянно сотрудничал с музеем «Киж»: писал отзывы и рецензировал тексты исследователей, читал лекции для экскурсоводов и проводил научные консультации, участвовал в наших конференциях, долгое время был автором и рецензентом «Кижского вестника», неоднократно входил в состав оргкомитета конференции «Рябининские чтения» и редакционной коллегии сборника ее материалов, где многократно публиковал свои статьи.

Помимо исключительной профессиональной компетенции, для К. К. Логинова были свойственны доброжелательность, искренность в отношениях с коллегами, готовность и желание помочь людям, которые к нему обращались. Таким Константин Кузьмич останется в нашей памяти.

**Список статей К. К. Логинова, опубликованных
в изданиях музея-заповедника «Киж»:**

Из исторического прошлого Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 1993. Вып. 2: Заонежье. С. 110–123. (Соавт. В. А. Агапитов.)

О «трудовых праздниках» в Заонежье // Кижский вестник. Петрозаводск, 1994. Вып. 4. С. 48–57.

Феномен детской «порчи» в современной лечебной магии русских южной Карелии // Рябининские чтения-95. Сборник докладов. Петрозаводск, 1997. С. 407–412.

Колдуны Заонежья: истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 176–186.

Чем питались люди в древнем Заонежье // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 105–121.

Специфика молодежных гаданий Заонежья в контексте русского народного календаря // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 195–197.

Русский народный календарь Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 76–104.

Заонежье в истории и культуре Карелии и России // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 55–62.

«Рекрутская» обрядность в Водлозерье // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 75–77.

О крестьянском лодкостроении Водлозерья // Рябининские чтения-2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 80–83.

Еще раз о «каменных культовых комплексах» и «культовых камнях» Обо-нежья // Рябининские чтения-2019. Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 106–109.

И. В. Мельников, М. Г. Бабалых

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН – Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ГААО – Государственный архив Архангельской области
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
ГП – Государственное предприятие
ГПИ – Государственный проектный институт
ГРМ – Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
ГТРК – Государственная телевизионная и радиовещательная компания
ДУЛС – Дистанционно-управляемый лафетный ствол
ЗНБ СГУ – Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич Саратовского государственного университета
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ИОЛЕАиЭ – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
- ИЦ – Инженерный центр
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
КГКМ – Карельский государственный краеведческий музей (Петрозаводск)
КМИИ – Карельский музей изобразительных искусств (Петрозаводск)
ЛИСИ – Ленинградский инженерно-строительный институт
МАРХИ – Московский архитектурный институт
НА ГМИР – Научный архив Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург)
- НАМЗК – Научный архив музея-заповедника «Кижи» (Петрозаводск)
НА РК – Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
НГМ – Новгородский государственный музей
НМС – Научно-методический совет
НТЦ – Научно-технический центр
ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
ОКБ – Объединенное конструкторское бюро
ОПИ НГОМЗ – Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника
- ПКФ – Проектно-консалтинговая фирма
ПО – Производственное объединение
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГБ – Российская государственная библиотека
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
СА – Советская археология

СНК АКССР – Совет Народных Комиссаров Автономной Карельской Социалистической Советской Республики

СНРПМ – Специализированная научно-реставрационная производственная мастерская

СНРУ – Специализированное научно-реставрационное управление

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

ТЭО – Техничко-экономическое обоснование

ТЭП – Тематико-экспозиционный план

ЦГАКР – Центральный государственный архив Республики Карелия (Петрозаводск)

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦКБ – Центральное конструкторское бюро

ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва)

ЦНИИМОД – Центральный научно-исследовательский институт механической обработки древесины (Архангельск)

SMYА – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ НА ОСТРОВЕ КИЖИ

- Н. М. Мельникова, О. Н. Сергеева.** Документы о сохранении и реставрации церкви Преображения Господня Кижского погоста в научном архиве музея-заповедника «Кижки» 3
- Г. И. Фролова.** К вопросу о литургическом характере преобразующего символизма в иконописной программе кижской церкви Преображения Господня 35
- Б. Д. Москвин.** К вопросу о наименовании сюжетов на северной алтарной двери иконостаса кижской Преображенской церкви 60
- В. А. Гуцина.** Икона «Спас Смоленский» («Белый Спас») – местная чудотворная реликвия Кижского погоста 67
- И. Г. Гашков.** О плащанице первой половины XIX в. в церкви Преображения Господня на острове Кижки 75
- А. А. Трофимов, Д. В. Самойленко.** Реставрация живописной части плащаницы из собрания музея-заповедника «Кижки». Проблемы и решения экспонирования церковной живописи 82
- В. С. Букреева, Е. Н. Заварина.** Реставрация тканевых элементов плащаницы первой половины XIX в. из собрания музея-заповедника «Кижки» 88

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ, ЭТНОГРАФИЯ

- Д. Д. Абросимова.** Собиратель фольклора священник Н. Я. Тихомиров: биографический очерк 98
- Л. Б. Афонина.** Из истории семей Ворониных-Воронцовых из деревни Воробьи Кижского прихода Петрозаводского уезда Олонецкой губернии (вторая половина XVIII – первая половина XX в.) 107
- «Заонежье» М. А. Русанова (из фондов Национального архива Республики Карелия) (*публикацию подготовила Н. Н. Власова*) 127
- Воспоминания жителей деревни Ямка (из научного архива музея-заповедника «Кижки») (*публикацию подготовила Л. В. Трифонова*) . . 134
- Т. Ю. Дудинова, И. И. Хуттер.** Колокола Заонежья: по материалам архива финского профессора Ларса Петтерссона 154
- В. А. Борисова.** Рыболовные снасти кижан 166

АРХЕОЛОГИЯ

И. В. Мельников. Орудия охоты и рыболовства в археологическом собрании музея-заповедника «Кижь» 182

А. М. Спиридонов. Шуя (Онего) – Крохинские Пески (Белоозеро): два могильника с трупосожжениями рубежа I–II тыс. н. э. 229

СТАРООБРЯДЧЕСТВО НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

(материалы научно-практической конференции)

А. М. Паиков. Старообрядцы на Олонецких Петровских заводах в первой четверти XVIII в. 241

И. И. Набокова. Уклад жизни старообрядческой общины Шунгского прихода Повенецкого уезда в начале 1850-х гг. 255

Д. А. Данилов. Интерьер дома северорусских крестьян-старообрядцев второй половины XIX – начала XX в. Опыт реконструкции в музее «Малые Корелы» 269

Д. А. Данилов. Старообрядчество и старообрядческие скиты в окрестностях Лявленского прихода Архангельского уезда в XIX – начале XX в. 280

И. А. Мельников. Вторичная святыня и паломническая инфраструктура: о возможных источниках старообрядческого рисованного лубка «Описание новгородских чудотворцев» 290

М. Г. Бабалык. Старообрядческие сочинения о бытовых предписаниях из рукописи музея-заповедника «Кижь» КП-11538 300

М. А. Максимов. Книжница Русского Севера 309

Н. С. Федорова. Поморское медное художественное литье в собрании Выборгского объединенного музея-заповедника 316

В. П. Ершов. О трех окладах богородичных икон из личного собрания автора 324

Памяти Константина Кузьмича Логинова 334

Список сокращений 336

Научное издание

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 19

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижь»*

На обложке – репродукция акварели Ойво Хелениуса
«Церковь в д. Онежаны. 6 апр. 1944 г.»
(из фондов музея-заповедника «Кижь»)

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Н. Н. Сабанцева*
Оформление обложки *С. В. Лобанов*

Подписано в печать 29.06.2021 г. Формат 90×60¹/₁₆.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 18,0. Усл. печ. л. 19,76.
Тираж 300 экз. Заказ № 667.

Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
